

СЕРИЯ

700

Основана в 1993 году

«ФІТА»

Київ 1995

Mika,
Waltari

**Ihmiskunnan
viholliset**

Мика
Валтари

Роман

Тайна
царствия

Ψ

ББК 84.4Фін
В 15

Художественное оформление *В. Сердюкова*

Перевод *А. Гавриленко*

Когда римский патриций Маркус Мецентий Манилий прибывает в Иерусалим, то застаёт огромную толпу у трех крестов, возвышающихся над городом...

В залах Александрийской библиотеки, изучая философию и астрологию, он понял, что в мире людей грядет переворот. Он делает открытие: в Иудее появился на свет Царь Мира...

Мика Валтари — большой мастер исторического романа — построил произведение в виде репортажа о страстях Христовых, увиденных скептическим и одновременно пораженным взглядом образованного римлянина, пустившегося на поиски тайны царствия.

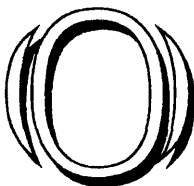
В $\frac{4703010100}{95}$ Без оголош.

ISBN 5-7101-0076-5

© Художне оформлення. В.Сердюков, 1995
© Назва серії. Марка серії. Оформлення
серії. М.М.Вакуленко, О.В.Гашенко, 1993

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

*Марк Мецентий приветствует
тебя, о Туллия!*

Туллия, в предыдущем письме я уже описал тебе свое путешествие вдоль главной реки Египта. После того, как вплоть до наступления осенних бурь я напрасно прождал твоего приезда, я остался на зиму в Александрии. Каким мальчишеством выглядела моя любовь! Ни один из самых богатых купцов, ни один из самых любопытных граждан не приходил столь часто в порт для того, чтобы ожидать прибытия корабля из Остии или Брундизиума. А я до самого конца судоходного сезона проводил там каждый день, и охранники, таможенники и портовые служащие, которых я преследовал своими вопросами, стали шараться от меня, как от чумного.

Должен сказать, что познания мои расширились, и я узнал много интересного о далеких странах; однако когда смотришь на убегающие вдаль волны, глаза сами по себе наполняются горькими слезами, и когда прибыл самый последний корабль, я понял, что ты меня покинула. О Туллия, прошел уже целый год с тех пор, как после нашей встречи ты своими обещаниями и посулами, которым я теперь больше не верю, уговорила меня покинуть Рим. Когда я писал

тебе первое письмо, в котором, прощаясь с тобой навсегда, клялся отправиться в Индию и никогда больше не возвращаться, горечь захлестнула мое сердце. Там, в Индии, доселе неизвестными городами правят греческие цари, потомки сподвижников Александра. И все же сегодня я должен признать, что мои слова в том письме не были верны, и мысль о том, что я тебя никогда больше не увижу, для меня невыносима, о Туллия!

Когда человеку уже за тридцать, он не должен быть рабом собственной любви. Мне по-настоящему удалось обрести покой, и самое большое пламя моей страсти угасло. В Александрии эта страсть толкала меня в дурные компании, которым я отдавался до изнеможения. Я ни о чем не сожалею, поскольку никому не дано исправить то, что он сделал в прошлом. Однако сей образ жизни помог постичь всю глубину моего чувства, поскольку ничто не приносило мне облегчения. Вот почему, любимая, должен тебе напомнить, что когда-то увянет цветок твоей молодости, твою нежную кожу избородят морщины, глаза поблекнут, волосы покроет седина, а из твоего алого рта выпадут зубы. И тогда ты, может быть, пожалеешь о том, что принесла в жертву своим политическим амбициям эту любовь. Ведь я уверен, что ты меня любишь, и до сих пор не могу сомневаться в искренности твоих клятв. Если бы это было не так, в мире все утратило бы для меня смысл. Итак, я могу лишь сказать, что ты любила меня прежде и продолжаешь любить сейчас.

В минуты надежды я размышляю, что значило на самом деле и именно для меня то, что я прислушался к твоим лживым обещаниям, и дабы избежать потери всего своего имущества и даже жизни, покинул Рим. Я никогда бы не уехал, если бы ты не пообещала приехать затем ко мне в Александрию, где мы вместе должны были остаться на зиму. Не одна из высокопоставленных римлянок предпринимала до тебя подобное путешествие в Египет без мужа, и, насколько мне известно, моральные устои Рима от этого не пошатнулись. С открытием судоходного сезона ты могла бы вернуться к себе, но сначала провели бы вместе несколько месяцев, о моя Туллия!

Да только вместо этого мои тело и душа подверглись истощающим страданиям. Поначалу я путешествовал, но вскоре утомился от начертания твоего имени и символа твоей любви на па-

мятников старины и колоннах древних храмов. В отчаянии я дал согласие пройти посвящение в таинства Изиды, но поскольку со времени той незабвенной ночи, когда мы вместе с тобой принесли клятву на верность Дионисию в его храме в Бэ, я постарел и очерствел, то отнюдь не испытал в этот раз прежнего экстаза. Мне никак не удавалось поверить этим жрецам с наголо обритыми головами. После церемониала осталась лишь мысль о том, что я заплатил слишком дорогую цену за малозначащие познания.

Но не подумай, что я находил удовольствие исключительно в дружбе со жрецами Изиды и с женщинами из их храма. Я еще познакомился с актерами и певцами, и даже с атлетами, которые участвуют в боях с быками в цирке. Я был на нескольких представлениях по произведениям старинных греческих авторов, которые можно было бы перевести на латинский язык и показывать в Риме. Однако я не из тех людей, что гонятся за столь лестной славой. Рассказываю тебе обо всем лишь затем, чтобы ты поняла: в Александрии, столице более утонченной, привлекательной и притягивающей, чем сам Рим, дни летят очень быстро.

И все же наилучшее время я провел в Музеоне — библиотеке, прилегающей к порту. Точнее сказать, — это целый ансамбль отдельных библиотек, выстроившихся в настоящий квартал. Старик, с которыми я там познакомился, живут прошлым и жалуются на плачевное состояние библиотечных собраний. Они утверждают, что сему памятнику культуры никогда не вернуть прежней славы из-за Юлия Цезаря, который, находясь в Александрии в осаде, приказал поджечь стоявший в порту египетский флот. Огонь перебросился на расположенные вблизи здания; погибли многие свитки произведений Древнейших.

Тем не менее мне потребовалась не одна неделя, чтобы научиться пользоваться каталогами и находить интересующие меня произведения. По одной только «Иллиаде» существуют десятки тысяч свитков, которые содержат комментарии к ней, не говоря уже о работах, посвященных Платону и Аристотелю и хранящихся в различных зданиях. Помимо этого, здесь можно обнаружить великое множество свитков, не значащихся ни в одном из каталогов, к которым, похоже, не прикасалась рука человека с тех пор, как они вошли в собрание библиотеки.

По понятным для меня политическим мотивам, местная адми-

нистрация вовсе не желала, чтобы я добрался до предсказаний Древнейших, и поэтому не оказывала мне никакой помощи в моих изысканиях. Мне пришлось продвигаться вперед на ощупь, словно слепцу, незаметно задавая им интересующие меня вопросы и входя к ним в доверие при помощи подарков и застолий. Труд библиотекарей оплачивается весьма скромно, и у них не бывает собственного состояния, как это часто случается с наиболее мудрыми из мудрых и почти всегда с теми, кто любит книги больше собственной жизни, храня их как зеницу ока.

Таким образом, мне удалось раздобыть в различных уголках библиотеки как самые известные, так и самые тайные предсказания. Похоже, на протяжении веков пророки всех народов прибегали к одной и той же форме высказывания: их предсказания туманны и неоднозначны, как у самых скверных оракулов. Откровенно говоря, я не один раз откладывал в сторону всю эту словесную дребедень и погружался в чтение приключений или путешествий, описанных каким-нибудь греческим автором, который оказывался неповторимым лжецом. Иногда меня охватывало желание забросить столь противоречивые предсказания и самому написать нечто вроде этих греческих рассказов. Однако, несмотря на свое происхождение, я все еще остаюсь римлянином настолько, чтобы не позволить себе впустую следовать за собственным воображением.

В этой библиотеке можно найти и эротические поэмы, рядом с авторами которых наш бедный Овидий выглядел бы наивным простаком. Одни из них написаны в Греции, другие представляют собой переводы на греческий старинных египетских рукописей. По правде сказать, трудно определить, какие из них лучше. Однако после прочтения подряд нескольких таких трудов начинаешь испытывать лишь отвращение. Со времен Августа свитки этого собрания хранятся в тайных отделах библиотеки, и никому не разрешено их переписывать. Право просматривать эти материалы принадлежит лишь тем, кто занимается научной деятельностью.

Так вот, если вернуться к пророкам, можно сказать, что среди них существуют древние и современные. Первые из пророчеств уже гласили об Александре, не говоря уже об Октавиане Августе, установившем мир во всем мире. Я также понял, что тот, кто желает интерпретировать смысл предсказания, зачастую поддается соблазну передать его согласно критериям своего времени и своей собственной фантазии.

Тем не менее существует одна вещь, в которой я совершенно уверен, и эту уверенность подтверждают как события нашего времени, так и светила: мир движется к новой эре со своими особыми и отличными от предыдущих характеристиками. Утверждение настолько ясно и очевидно, что все астрологи от Александрии до Халдеи от Родоса до Рима единогласно предсказывают этот процесс. Следуя логике, рождение нового всемирного государя должно произойти под знаком Рыб.

Возможно, таким мировым вседержителем был император Август, еще при жизни обожаемый во всех провинциях, словно бог. В Риме я тебе уже рассказывал о том, что мой приемный отец Марк Манилий* в своей книге по астрономии указывал на соединение Сатурна и Юпитера в созвездии Рыб. Из политических соображений он, естественно, был вынужден изъять эту часть из своей книги, однако астрологи прекрасно помнят о соединении этих светил. И если будущий властелин действительно увидел свет в этот день, сегодня ему должно быть тридцать семь лет, и, по-моему, люди должны были бы уже говорить о нем.

Ты, конечно же, удивишься, что в письме я не скрываю того, о чем однажды утром среди роз Бэ поведал тебе под большим секретом — настолько велика была тогда моя уверенность, что никто в мире не сможет меня понять лучше, чем ты, о Туллия! Теперь же я обрел некоторый жизненный опыт, а зрелость позволяет человеку спокойно вслушиваться во все эти предсказания. Однажды в Музеоне один почти что слепой старик сказал мне, что предсказания — это дело молодых; и впрямь, прочтя тысячу книг, человек начинает ощущать горькую правду. А десять тысяч книг готовы навсегда лишить его надежды.

Я так обо всем пишу еще потому, что уверен в том, что в наши дни никто не способен сохранить свою тайну только для себя самого. Самые тайные разговоры подслушиваются и затем передаются другим, и нет такого письма, которое при необходимости нельзя было бы переписать. Мы живем во времена недоверия и подозрительности. И я пришел к выводу, что лучше говорить и писать, не прибегая к иносказаниям.

Благодаря наследству, о котором я тебе говорил, у меня до-

* Марк Манилий — римский поэт, автор «Астрономии» («Астрономики») — поэмы в пяти книгах (прим. автора).

статочно средств, чтобы удовлетворить свои самые изысканные желания, и все же их недостаточно для того, чтобы насытить опасное желание обходиться без них. Мое происхождение не позволяет мне рассчитывать на получение какого-либо общественного поста — который, впрочем, ничуть меня не привлекает,— так что я никогда не испытывал больших амбиций по этому поводу.

Звезды указывают мне путь на Восток. Ты заставила меня покинуть Рим, дабы избавиться от меня, о клятвоотступная возлюбленная Туллия! Мое присутствие, конечно же, стало тебе надоедать. Бравируя, я поклялся отправиться на поиски властелина мира, время прихода на землю которого уже наступило. Я поклялся быть первым, кто окажется рядом с ним, сможет предложить ему свою помощь и будет достойно за это вознагражден, чтобы однажды иметь возможность стать твоим сороковым или пятидесятым по счету супругом.

Можешь нисколько не беспокоиться! Никому в голову не придет преследовать меня за подобные планы. Ни один ветер не донес до человеческого уха хотя бы малейший признак рождения властелина мира. Об этом сразу стало бы известно в Александрии, настоящем центре мира, где собираются все слухи и встречаются все философы. Кстати, прошло уже более тридцати лет с тех пор как самому Тиверию стало известно о соединении Сатурна и Юпитера. И, откровенно говоря, о Туллия, я думаю, что с Востока к нам не придет повелитель мира.

И еще, любовь моя, хорошо понимаю, что изучение всех этих предсказаний было для меня лишь временным облегчением, способом думать о чем-то, что не связано с тобой. Когда я просыпаюсь по утрам, моя первая мысль бывает о тебе, а по вечерам ты последней покидаешь мой возбужденный рассудок. Мои мечты всегда были связаны с тобой, и я проводил ночи напролет в мыслях о тебе. Свиток пергамента никогда не сможет заменить любимую женщину.

Так вот, если говорить о предсказаниях, я принялся за изучение священных текстов иудеев. В Александрии живет один еврейский философ по имени Филон, который несколько аллегорично поясняет эти тексты, как это делают греки и римляне в комментариях трудов Гомера. Филон полагает, что при помощи греческой философии ему удастся сделать более доступным постижение религии своего народа.

Ты хорошо знаешь иудеев и их религию. Даже в Риме им удается жить отдельной от других жизнью и не приносить жертвы тамошним богам; поэтому существуют люди, которые побаиваются их, а немало семей решили сделать седьмой день днем отдыха, как это предписывает иудейский уклад жизни. Однако большинство их презирает, поскольку у иудеев — один-единственный Бог, у которого даже нет образа.

Во всяком случае, в своих священных письменах с древнейших времен они предсказывают приход властелина мира; их святые постоянно упоминают о том, что пророчество гласит, будто властелин станет их Мессией и его царствие положит начало их правлению во всем мире. Такова наглость химерных мировоззрений народа, история которого покрыта страданиями и позором: со времен египетского и вавилонского рабства и до спасения их персами, не говоря уже о многочисленных разрушениях их храма, последнее из которых совершил Помпей, который по неосторожности сжег его. Кроме всего, этот народ отличается от других тем, что имеет один-единственный храм, построенный в самом сердце Иерусалима, и множество разбросанных по всему миру синагог, которые служат всего лишь местом песнопений и пояснений их письмен.

Это предсказание о рождении властелина, благодаря которому сыновья Израиля станут править всем миром, несмотря на то что стараются не разглашать его и довольствуются уединенной от остальных жизнью, служит источником весьма распространенной ненависти по отношению к ним. В то же время они его совсем не скрывают, и образованные люди из их среды, встретив внимание со стороны любого чужестранца, с удовольствием принимают пояснять ему свои священные письмена. По крайней мере, в Александрии это именно так.

Некоторые ученые, как например Филон, метафорически передают толкование о Мессии, но при этом утверждают, что его необходимо изучать буква по букве. Лично я уверен в одном: дабы серьезно воспринимать все эти письмена, толкования которых кажутся мне столь туманными, необходимо исповедовать эту религию с самого раннего детства. Следует признать, что по сравнению с туманными предсказаниями, обнаруженными в библиоте-

ке, пророчество сынов Израиля даже издалека кажется куда более ясным!

Мыслящие люди Александрии лишены всяких предрассудков, и среди них можно найти настоящих философов, не гнушающихся разделить свою трапезу с чужестранцем. Один из них стал моим другом, и вместе мы пробовали неразбавленное вино. Такова вот жизнь в Александрии! Под воздействием вина этот человек излил мне свои мысли о будущем Мессии и о всеобщем господстве своего народа. Желая показать, сколь серьезно это предсказание воспринимается в их среде, он поведал мне, что великий царь Ирод на склоне жизни приказал истребить всех младенцев мужского пола в городе, потому что пришедшие по звезде из Халдеи мудрецы наивно утверждали, будто новый царь увидел свет в Иудее, а старик таким образом решил защитить свой трон! Слушая эти рассказы, приходит мысль об античном царе, который уединился на одном из островов, чтобы дожить там остаток своей жизни.

О Туллия, теперь ты сможешь понять, как воодушевила меня эта история! Зная дату смерти Ирода, мне не составило труда исчислить, что дата избиения младенцев совпала со временем соединения Сатурна и Юпитера. Эта басня еще раз доказывает, насколько сближение этих светил одинаково занимало умы иудейских и восточных мудрецов, а также их собратьев из Родоса и Рима.

— Так ты считаешь, что будущий Мессия был убит еще в колыбели?— спросил я.

Испачканная вином борода моего молодого иудейского сотрапезника затряслась от смеха.

— Кто смог бы убить Мессию?— ответил он вопросом.— Ирод был и не в своем уме. Затем, испугавшись собственных слов, он осмотрелся вокруг и добавил: — Не следует полагать, что Мессия родился именно в это время. *О времени не было объявлено.* Конечно, мы уже кое-что слышали о нем. Кроме того, на протяжении жизни каждого поколения на свет появлялся ложный мессия, внося смятение в жизнь простых обитателей Иерусалима.

Эта мысль все время вертелась у него в голове, и он, еще немного выпив, по-заговорщицки продолжил:

— Во времена Ирода многие семьи бежали из Иерусалима и других городов в Египет. Некоторые из них там и остались, но многие вернулись к родным жилищам как только старый царь умер.

— Ты хочешь сказать, что они могли взять с собой и Мессию, чтобы спасти его от преследования?— спросил я.

— Да будет тебе известно, что я саддукей,— сказал он мне в ответ.

Этим он акцентировал на том, что ведет мирской образ жизни и чрезмерно не привязан к иудейским традициям.

— Вот почему меня одолевают сомнения,— продолжал он.— Я не верю в бессмертие души, в чем убеждены фарисеи. Со смертью человека его тело остается распластным на земле, и для него все заканчивается. Вот о чем сказано в Письменах. И поскольку мы живем лишь один раз, и то в этом низменном мире, наиболее разумно уметь наслаждаться жизнью именно здесь. Наши цари насколько себе в этом не отказывали, чрезмерные поиски все новых удовольствий повергли мудрого Соломона в грусть. В уголке души даже самого ученейшего человека всегда остается частица его детского мировоззрения, и когда он пьет вино, не разбавленное водой, ему кажется, что в нем уже сидит грех,— он никогда не признал бы этого, будь он трезв. Позволь я расскажу историю, которую мне поведали в двенадцать лет, в день моего совершеннолетия. Ты должен знать, что в день отдыха не допускается никакая физическая работа.

Итак, во времена Ирода один определенного возраста ремесленник бежал из Вифлеема в Иудею со своей молодой женой и новорожденным ребенком. Оказавшись в Египте, они устроились в деревне, где жили люди, основным ремеслом которых было бальзамирование. Человек этот зарабатывал на жизнь трудом своих рук, и никто не мог сказать ничего предосудительного по поводу этого семейства. И вот однажды жившие в деревне иудеи увидели, как малыш, которому к тому времени исполнилось три года, в субботу лепил из глины ласточек. Они отправились на поиски матери, сын которой делал то, что было запрещено в день отдыха. Но малыш подул на глиняных птиц, и они улетели, словно были живыми. Вслед за этим семья исчезла из той деревни.

— Не хочешь ли ты сказать,— спросил я, смущаясь и зная, что мой друг лишен предрассудков,— не хочешь ли ты сказать, что я должен поверить в эту сказочку?

Он тряхнул головой, и его большие выпуклые глаза уставились в какую-то точку. Он был гордым, но приветливым человеком, как

это часто бывает среди представителей старых родов людей его расы.

— Нет, я хотел сказать вовсе не это,— ответил он.— Думаю, что такие простые истории, как та, что я тебе рассказал, свидетельствуют лишь об одном: во времена Ирода, люди были гонимы страхом, эта семья в панике бежала и укрылась в Египте, несмотря на свое скромное существование, ее жизнь привлекла внимание остальных, вероятно, своей набожностью, а может, чем-нибудь другим. Возможно, защищая своего ребенка, нарушившего закон сabbата, молодая мать так хорошо цитировала Писание, что сумела закрыть рты его обвинителям; а может, пояснение этой истории было столь сложным, что я его не запомнил. Так или иначе, с помощью наших Писаний можно пояснить все. Когда эта семья исчезла столь же таинственным образом, как и появилась, люди придумали тому объяснение, способное удовлетворить детский ум. Если можно было бы сохранить детский разум и с той же силой верить Писаниям!— заключил он.— Насколько это было бы легче, чем постоянно пребывать в выборе между двумя мирами! Мне никогда не стать греком, но в глубине души я больше не могу себя чувствовать сыном Авраама.

На следующее утро я встал с головной болью и почувствовал себя совершенно разбитым. Подобное состояние в этом городе мне приходилось испытывать не в первый раз. День я провел в термах: вода, массаж, гимнастика и хорошая пища погрузили меня в какой-то далекий мир, словно мир реаний исчез, а мое тело было лишь тенью. Я должен был испытать подобное ощущение в момент рождения. Ведь не случайно же мое второе имя Мецентий! Находясь в подобном состоянии, человек становится более чувствительным к различного рода предзнаменованиям, и не всегда может отличить настоящее от ложного.

Когда я покинул свежую сень входа в термии, меня опалила уличная жара и ослепило стоявшее в зените солнце. Прежнее состояние не покидало меня. Я принял, словно слепец, бесцельно бродить по улицам. И пока я слонялся с отсутствующим видом, опаленный и раздавленный солнцем, один из гидов, принявших меня за иностранца, ухватился за мои одежды и настойчиво, помогая себе жестами, стал предлагать посетить нижние кварталы Канопы, маяк или же храм священного быка Аписа. Этот гид ока-

зался упрямым, и мне никак не удавалось отделаться от него, пока голос какого-то кричащего человека не прервал наши препирательства. Он указал своим грязным пальцем на кричавшего и рассмеялся:

— Взгляни на этого иудея!

На краю овощных рядов базара стоял человек, одетый в звериные шкуры. Его борода и волосы были растрепаны, лицо измощдено голодом, а ноги покрыты трещинами. Он без конца выкрикивал какое-то послание на арамейском языке.

— Может, тебе не понятно, что он говорит?— поинтересовался гид.

Но ты же знаешь, что юные годы я провел в Антиохии, и сам свободно говорю на арамейском. Было даже такое время, когда я серьезно готовился к карьере секретаря или проконсула на Востоке, однако поступив в школу в Родосе, понял, чего я действительно хочу от жизни.

Поэтому слова иудея были мне понятны. Он только что пришел из пустыни и беспрестанно выкрикивал осипшим и одновременно резким голосом:

— Да услышит тот, у кого есть уши! Время царствия приближается. Готовьте путь к нему!

— Он объявляет о приходе иудейского царя,— пояснил гид.— Эти полоумные из пустыни заполнили собой весь город, словно осиный рой, и полиция не успевает высечь их всех, как они того заслуживают. Во всяком случае, то, что им позволили драться между собой,— не такая уж плохая политика. Пока они колотят друг друга дубинами, мы, те кто посещает *гимназиумы*, можем быть спокойны. Трудно представить более несдержанных людей. К счастью, друг друга они ненавидят больше, чем всех остальных, которых они обзывают *язычниками*.

Пока он так говорил, охрипший и усталый голос повторял все те же слова, врезавшиеся в мою память. Они предвещали близкое наступление нового царствия, и в моем состоянии казались мне вестью, касающейся именно меня. Все происходило так, словно те предсказания, которые я изучал всю зиму, внезапно трансформировались в одну фразу: «Царствие близко!»

Гид, вцепившись в мою тунику, не замедлил с объяснениями:

— Наступает иудейский праздник Пасхи. Готовятся к отправ-

лению последние караваны и корабли, которые доставят паломников в Иерусалим. Увидим еще, что там будет в этом году!

— Хотелось бы посмотреть на священный город иудеев,— вывралось у меня.

С этого момента моего гида словно охватила горячка.

— Твое желание оправданно!— воскликнул он.— Храм Ирода — одно из чудес света. Тот, кто в нем не был, может сказать, что ничего не видел во время всех своих путешествий. И тебе нечего опасаться беспорядков! Я всего лишь пошутил! Дороги в Иудее совершенно безопасны, а в самом Иерусалиме, где постоянно находится римский легион, установлена прямо-таки римская дисциплина. Тебе остается пройтись со мной немного шагов, и я уверен, что благодаря моим связям, мне удастся добыть для тебя место на корабле, отплывающем в Яффу или Кесарию. Они, конечно, будут громко кричать, что накануне Пасхи у них нет ни одного свободного места. Но я сумею замолвить за тебя словечко: было бы действительно позором, если бы такой благородный римлянин не смог приобрести билет на корабль.

Он так настойчиво тащил меня за полы моей туники, что почти помимо воли я оказался в конторе одного сирийского судовладельца, в нескольких шагах от овощных рядов. Там нам сказали, что я не единственный чужестранец, желающий присоединиться к паломникам, которые направляются на Пасху в Иерусалим. Помимо иудеев, собравшихся со всего мира, было еще немало путешественников, жаждущих посетить эту страну.

Мой гид принялся торговаться так, как это умеют делать лишь греки и сирийцы. Лишь какое-то время спустя я сообразил, что стал обладателем билета, предоставляющего мне право на спальное место на пассажирском корабле, который готов отплыть к берегам Иудеи. Меня заверили, что это был единственный корабль, отправляющийся из Александрии, и если он делает это с некоторым опозданием, то лишь потому, что он совершенно новый и требует некоторых окончательных работ прежде, чем сможет поднять якорь и отплыть на следующий день поутру в свое первое путешествие. Таким образом я мог быть уверен, что не стоит опасаться ни грязи, ни паразитов, обычно донимавших путешественников, странствующих в этом направлении!

За свои труды гид потребовал пять драхм, которые я почти с

радостью позволил выманить: ему в голову пришла отличная мысль, и он сумел принять соответствующее решение. Он оказался весьма этим доволен и даже попытался получить свои комиссионные с судовладельца. Еще до наступления темноты я побывал у своего банкира, который подписал мне чек на получение денег в Иерусалиме. У меня накопилось достаточно опыта, чтобы не отправляться в путешествие, имея в кармане чрезмерное количество наличности.

Я оплатил счет на постоялом дворе, который все это время заменял мне дом, рассчитался с последними долгами и устроил прощальный вечер с теми редкими друзьями, из-за которых эти долги могли возникнуть. По правде говоря, я не осмелился назвать им цель своего путешествия, опасаясь, что это вызовет насмешки; я всего лишь сообщил им о своем отъезде и заверил, что с наступлением осени вновь окажусь в их обществе.

Этой ночью я долго не мог сомкнуть глаз, впервые осознав, насколько палящая александрийская зима истощила мое тело и душу. Совершенно очевидно, что этот монументальный город представляет собой одно из чудес света. Однако для меня пришло время покинуть его, чтобы окончательно не затеряться в вихре городской жизни, которая жаждет удовольствий и пресыщена греческой философией. Лишенный воли, вроде меня, человек, оставаясь надолго в Александрии, мог позволить вовлечь себя в такой водоворот, что никогда не смог бы из него выбраться.

Таким образом, я решил, что морское путешествие и несколько дней переездов по римским дорогам Иудеи окажут на меня целебное воздействие как в физическом, так и в моральном плане. Однако, как всегда бывает в подобных случаях, утром меня разбудили слишком рано, чтобы я успел к отплытию корабля, и после столь непродолжительного сна мысль о том, чтобы оставить уютную жизнь в цивилизованном городе и отправиться в неизвестную и враждебную Иудею в поисках иллюзий, возникших в самых темных извилинах моего мозга и подсказанных туманными предсказаниями, показалась мне, по крайней мере, безрассудной.

Оказавшись в порту, я понял, насколько меня одурачили. От этого мне ничуть не стало легче, совершенно наоборот. Мне было трудно отыскать свой корабль: поначалу я никак не мог допустить, что отвратительная гнилая посудина, находившаяся перед моими

глазами, может быть тем самым новым кораблем, который готов, по словам сирийца, поднять якорь и отправиться в первое плавание. Верным было лишь то, что она нуждалась в завершении определенных работ: посуда не смогла бы удержаться на плаву, если не заделать все дыры и не проконопатить корпус. Чтобы не было слышно скверного запаха, судовладелец воскурил на палубе плохого качества ладан, и запах этих клубов дыма навел меня на мысль об увеселительных домах в Канопе. Источенные червями борта суденышка покрыли разноцветными пестрыми тканями, а с ближайшего базара принесли охапки увядших цветов, чтобы придать отправлению праздничный вид.

Короче, этот ободранный остров, с большим трудом приведенный в рабочее состояние, чтобы сразу же не отправиться ко дну, напомнил мне старую портовую проститутку, не решающуюся предстать пред людьми при свете дня, не напялив на себя одеяний кричащих цветов, не упрятав за толстым слоем румян морщины на щеках и не облив себя с головы до ног дешевыми духами, разящими на сто миль вокруг. Мне показалось, что прислуга, которая приветствовала меня на борту, бросала на меня хитрые взгляды, начисто лишённые гостеприимства. Встретивший меня человек поклялся, что эта посуда мне понравится, и проводил меня к койке в сопровождении оглушительных криков, плача, шума, драки и громких прощаний.

Что мне оставалось делать, если не рассмеяться, позабыв о гнев? Признаться, я сам был причиной собственной неудачи, а тот, кто содрогается перед каждой опасностью, создает себе несносную жизнь. Не думаю, что человек, кем бы он ни был, в состоянии продлить отпущенные ему богами дни, а учения многих философов, которые я успел постичь, укрепили меня в этом убеждении.

Конечно, в мире существуют еще богатые, преисполненные эгоизма и самомнения люди, которые, не считаясь с римскими законами, от своего имени приносят в жертву трехликой богине молодую рабыню, полагая, что годы жизни, отобранные у несчастной, продлят их собственную жизнь. В любом городе Востока можно найти колдуна или же жреца-отступника, готовых за хорошую плату принести это жертвоприношение и произвести священное заклинание. Однако я считаю, что тот, кто поступает подобным

образом, занимается самообманом и становится жертвой собственного жестокого бреда. Безусловно, способность человеческой природы к ошибкам и к тому, чтобы принимать свои желания или мечты за действительность, не знает границ. Но не думаю, что даже в глубокой старости, если я до такой доживу, смерть сможет внушить мне страх настолько, чтобы я обратился к подобным пред-рассудкам.

Размышляя о смешной ситуации, в которую я попал, я нашел утешение в мысли о том, что корабль не станет далеко удаляться от берега, а я умею хорошо плавать. Ко мне вернулось по-настоящему хорошее настроение, и я более не испытывал ни малейшей злости по поводу надувательства, жертвой которого я оказался. Я принял решение снести все это как можно легче и воспользоваться путешествием для того, чтобы затем поведать о нем в смешной форме, несколько преувеличив страдания и неудобства, с которыми мне пришлось столкнуться.

Якорь был поднят, в полном беспорядке заработали весла, корма посуды отошла от пристани, а капитан вылил за борт содержимое чаши, взывая к богине удачи. Ему следовало бы сделать лучший выбор в этом жертвенном возлиянии вина! Уверен, он хорошо знал, что только Фортуна могла нам помочь добраться до порта назначения. Иудейские паломники, воздев руки к небу, принялись на своем священном языке призывать Бога, дабы он помог им в смертельно опасном путешествии.

На носу корабля девушка, украшенная венком из цветов, принялась играть на лире в сопровождении флейты своего юного спутника, и звук инструментов донес до нашего слуха самую модную в то время в Александрии мелодию. Только тогда иудеи с ужасом заметили, что на борту нашла себе пристанище труппа бродячих артистов, но поднимать шум было уже слишком поздно. И в довершение их несчастий, большинство пассажиров оказались людьми других наций, а значит в их глазах людьми нечистыми. Иудеям пришлось смириться и выносить наше присутствие; они ограничились лишь тем, что без конца мыли свою посуду.

Полное уединение представляет собой редкое в наши дни наслаждение. Вкусить его в полной мере мне всегда мешало присутствие рабов, пристально вглядывающихся в каждое мое движение; я искренне жалею тех, кто в силу своего положения или из-

за любви к удобствам окружен рабами в любой час дня и ночи. Во время путешествия я был лишен этого удовольствия, разделяя общество с совершенно разномастной публикой. Паломникам была выделена отдельная каюта, где было дозволено разводить огонь в ящике с песком. Если бы не эта предусмотрительность, они сочли бы себя настолько загрязненными нашим нечистым присутствием, что, добравшись до берегов Иудеи, вряд ли осмелились продолжить свой путь в священный город! Их законы и требования к самоочищению отличаются небывалой строгостью.

Если бы легкий бриз не подул в кормовой парус, думаю, нам никогда не удалось бы добраться до места назначения — состояние гребцов ничуть не отличалось от состояния самого судна. Это были настоящие отбросы: люди старые, задыхающиеся, хромые... Не все они были рабами; большинство из них — бродяги, которые шляются в каждом порту и от голода готовы наброситься на любую работу, даже если это труд раба. Они прекрасно бы подошли на роль статистов хора в какой-нибудь греческой комедии. Я видел, как стоявший на платформе надсмотрщик, который должен был задавать ритм гребцам, корчился от хохота, наблюдая, как гребцы во сне падали со скамей, а весла беспорядочно ударялись друг о друга. Уверен, что он использовал свой бич для того, чтобы не потерять сноровку, прекрасно понимая, что из этих людей большего выжать невозможно.

Мне нечего рассказать о самом путешествии, разве только могу сообщить, что корабль — далеко не лучшее место, которое могло бы вызвать у меня какое-то набожное чувство или позволить подготовить свой разум ко встрече с городом святых пророков! Нужно было обладать всей силой веры паломников и с таким же почитанием, с каким это делали они, относиться к храму, чтобы молиться каждое утро и каждый вечер, а днем напевать ликующие или грустные псалмы в честь своего Бога. Временами на носу корабля раздавались греческие песни репетировавших артистов, а когда гребцы устраивались на скамьях, слышен был хор хриплых жалобных голосов.

Девушку в венке, которая в день отправления исполняла песню, подыгрывая себе на лире, звали Мирина. У нее была тонкая фигурка, вздернутый носик и холодный пронизывающий взгляд зеленых глаз. Несмотря на юные годы, помимо игры на лире и

умения петь, она исполняла акробатические танцы, и наблюдать, как каждый день она упражняется, чтобы сохранить гибкость тела, было истинным удовольствием, однако погруженные в религиозный экстаз иудеи прикрывали себе лицо, возмущаясь подобным безобразием.

Мирина — это имя амазонки. Она рассказывала мне об этом сама, и нисколько не стесняясь объяснила, что так ее называли из-за тонкой фигуры и полного отсутствия груди. Она уже работала в Иудее и на другом берегу Иордана, а также в нескольких греческих городах Пирейского острова. Она также поведала о том, что Ирод в Иерусалиме построил театр, однако она не питала надежд на то, чтобы выступить там, поскольку в нем почти не давали представлений: люди были настолько бедны, что не могли посещать театр. Что же касается местной аристократии, то она не настолько многочисленна, чтобы заполнить зал. Иудеи же ненавидят театр и все, что связано с греческой цивилизацией, включая акведуки. Поэтому она вместе со своими спутниками собиралась играть в гарнизонном городке, построенном римлянами на другом берегу Иордана. Публика там, конечно, грубовата, однако всегда встречает артистов с большим энтузиазмом. Они собирались также поработать в Тивериаде, выстроенной на берегу озера, и по пути, возможно, испытать удачу в Кесарии, римском городе на иудейском берегу.

В ту ночь, когда происходил этот совершенно дружеский разговор, Мирина молча прильнула ко мне и прошептала на ухо, что была бы весьма счастлива, если бы я мог ей дать несколько серебряных монет: ей и ее друзьям необходимо было купить сценические костюмы и обувь. Если бы не столь насущная необходимость, она никогда не отважилась бы обратиться с подобной просьбой, будучи вполне порядочной девушкой.

Я пошарил в кошельке и нащупал там тяжеловесную монету в десять драхм, которую вложил ей в ладонь. Обрадованная Мирина бросилась мне на шею и принялась обсыпая поцелуями, предлагая сделать с ней все, что мне захочется.

Она была немало удивлена тем, что мне не хотелось ничего: проведенная в Александрии зима внушила мне отвращение к женщинам. Тогда она тихим и невинным голоском поинтересовалась, не желаю ли я разделить ложе с ее братом, совсем еще

безусым мальчиком. Во время учебы в Родосе я знал одного своего платонического поклонника, но никогда бы не смог присоединиться к этому столь дорогому для греков обычаю. После того как я ее заверил, что меня вполне устроили бы обычные дружеские отношения, она сделала вывод, что я дал обет целомудрия, мне пришлось подтвердить ее умозаключения, дабы скорее завершить подобный разговор, и тогда она оставила меня в покое.

Позже, в темноте каюты, чтобы хоть как-то отблагодарить меня, она принялась рассказывать об иудеях, утверждая, что наиболее развитые из них не считают адюльтером связь с чужестранкой, если та не бывает в кругу их женщин, и чтобы доказать это, она сообщила мне несколько забавных историй, в которые мне трудно было поверить, зная психологию эрудированных сынов Израиля, у которых я бывал в Александрии.

Когда вдали, за волнами, отражавшими первые лучи восходящего солнца, показались горы Иудеи, Мирина уже поверяла мне свои девичьи мечты, открывая все, что у нее было на сердце — так ведут себя со старшим другом; она прекрасно понимала эфемерность успеха танцовщицы и лелеяла мечту накопить достаточно денег, чтобы открыть парфюмерную лавку и увеселительный дом в прибрежном городе, известном своей терпимостью нравов. Затем, бросив на меня полный невинности взгляд, она сообщила, что ее планы осуществились бы намного быстрее, если бы ей удалось найти богатого любовника; от самого сердца я пожелал ей в этом удачи.

Случилось ли это благодаря твердому командованию капитана, или счастливому случаю, или же настойчивым молитвам паломников, однако мы наконец-то причалили к Яффе без малейших происшествий, хоть и искушенные насекомыми, умирающие от голода и жажды и покрытые плотным слоем грязи. Произошло это как раз за три дня до начала Пасхи, которая в этом году припадала на субботу, а значит, обладала двойной святостью. Паломники настолько горели желанием продолжить свое путешествие, что в тот же вечер, едва отмывшись и наскоро поев со своими единоверцами, отправились в Иерусалим. Ночь была полна нежной истомы, на небосводе сияли мириады звезд, и было настоящим наслаждением шагать по дороге при лунном свете. В порту стояли многочисленные суда, прибывшие из Италии, Испании и Аф-

рики. Так я понял, какие небывалые доходы судовладельцам всех стран приносила любовь иудеев к своему храму.

Ты хорошо знаешь, что гордыня мне не присуща. Тем не менее утром я отказался продолжить путь с трупной бродячих артистов, хотя они настойчиво приглашали меня, безусловно видя во мне возможного покровителя, поскольку среди них не оказалось ни одного римского гражданина. Однако я решил какое-то время спокойно пожить в Яффе: дописать это письмо, начатое на борту судна, и, чтобы убить оставшееся время, поразмыслить над тем, какой каприз стал причиной предпринятого мной путешествия.

Я обратился на поиски комнаты на постоялом дворе, которые увенчались успехом, и сейчас пишу эти последние строки здесь, перед отдыхом после столь необычного плавания. Я принял ванну, осыпав себя порошком от паразитов, и раздал беднякам одежду, которая была у меня на корабле: мое желание сжечь ее вызвало у них настоящую бурю негодования! Теперь я уже успел завить волосы и пропитать их благовониями, надеть только что купленную одежду — постепенно прихожу в себя. Следуя своей привычке к простоте жизни, я не стал отягощать себя многочисленным багажом: для меня вполне достаточно папируса и материала для письма, а также нескольких захваченных из Александрии сувениров, которые я при необходимости поднесу кому-нибудь в подарок.

На рынке Яффы можно найти все необходимое как для самого богатого, так и для самого бедного путешественника: вам предложат носилки с носильщиками, запряженную быками повозку или же верблюда с погонщиком. Но я уже однажды тебе говорил, что предпочитаю роскошь одиночества. Итак, я собираюсь нанять осла и, погрузив на него свой скудный багаж, флягу с вином и суму с продуктами, отправиться в путь пешком, как это делают настоящие паломники. После стольких дней бездействия в Александрии небольшая физическая нагрузка может оказать на меня только благоприятное воздействие. Помимо прочего, я хорошо знаю, что мне нечего опасаться разбойников, поскольку на всех дорогах, ведущих в Иерусалим, полно людей, и эти дороги хорошо охраняют патрули двенадцатого римского легиона.

Хотелось бы, чтобы ты знала, о моя любимая Туллия, что я говорил тебе о Мирине и об александрийских женщинах вовсе не из желания рассердить тебя или вызвать чувство ревности. Ах, если

бы ты могла хоть немного от этого страдать! Боюсь, однако, что ты лишь испытаешь удовлетворение, столь ловко избавившись от меня! Просто невыносимо ничего не знать о твоих истинных замыслах! Возможно, ты действительно столкнулась с каким-либо препятствием и поэтому не смогла ко мне приехать? Следующей осенью я вернусь в Александрию и буду опять тебя ждать до самого конца судоходного сезона. Там я оставил все свои вещи, даже не взяв с собой ни одной книги. Если ты вдруг не застанешь меня в порту, мой адрес будет значиться в банковской конторе. Однако мое сердце подсказывает мне, что несмотря на печальный опыт прошлой осени, я и этой точно так же с надеждой буду встречать в порту каждый корабль из Италии.

Не знаю, хватит ли у тебя терпения дочитать мое письмо до конца. Я сделал все возможное, чтобы хоть как-то оживить его. На самом же деле, я воспринимаю все намного серьезнее, чем ты это можешь заключить из написанного. Вся моя жизнь прошла в метаниях между Эпикуром и Портальной школой*, между удовольствиями и аскетизмом. Но тебе, как и мне, хорошо известно, что существует разница между удовольствиями и любовью. В удовольствиях можно упражняться, как в атлетике или в плавании. А встретить человека, с которым чувствуешь, что именно ради него ты появился на свет — это необыкновенное и невероятное ощущение. О моя Туллия, я рожден для тебя, и мое глупое сердце бесконечно твердит, что и ты рождена для меня. Только вспомни о наших вечерах среди роз в Бэ...

И все же не воспринимай слишком всерьез то, что я рассказывал тебе о предсказаниях. Для меня неважно, что твои горделивые уста с улыбкой произнесут: «Этот Маркус так и остался неизлечимым мечтателем!», потому что если бы я не был таковым, ты бы меня не любила. А если ты любишь меня до сих пор, то я не могу найти этому иного подтверждения.

Яффа — это старинный сирийский порт. Какое счастье написать тебе, о Туллия! Не забывай меня!

Нет ни одного корабля, который отправлялся бы в Брундизиум до окончания Пасхи. Итак, я отправлю это письмо из Иерусалима.

* Место в Афинах, где Зенон проводил занятия по философии (прим. авт.).

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Марк приветствует Туллию!

Сегодня праздник Пасхи, и я пишу тебе из форта Антонии, находящегося внутри святого города Иерусалима. Со мной случилось нечто, о чем я даже не мог догадываться и чему до сих пор не могу дать определения. О Туллия, я нахожусь в полном смятении и пишу тебе в надежде объяснить самому себе произошедшее.

Я более не испытываю предосудительного отношения к предсказаниям и, быть может, никогда его не испытывал, даже если иногда говорил или писал об этом. Сейчас я полностью уверен, что решение предпринять это путешествие принадлежало отнюдь не мне, и если бы я даже захотел, то все равно ничего бы не смог изменить. До сих пор не могу понять, какие силы руководили мной! Расскажу все по порядку.

Мы остановились на том, что я собирался на базаре в Яффе нанять осла; это я и предпринял, несмотря на обилие других предложений, обещавших мне куда более легкое путешествие. Итак, я без промедления покинул побережье, присоединившись к последним паломникам, которые направлялись в Иерусалим. Мой осел оказался кротким и хорошо выдрессированным

животным: за время всего путешествия не доставил мне никаких хлопот; похоже он столько раз проходил путь от Яффы до Иерусалима и от Иерусалима до Яффы, что прекрасно знал каждый колодец, каждую стоянку, каждую деревню и каждый постоялый двор. Думаю, более подходящего проводника мне было не сыскать, а животное, в свою очередь, похоже, испытывало ко мне наилучшие чувства, поскольку я ни разу не сел на него верхом, даже на крутых спусках, ограничиваясь тем, что шагал рядом с ним.

От Яффы до Иерусалима оставалось всего лишь два перехода, однако предполагалось, что путешествие по гористой местности будет более утомительным, чем по ровной дороге. Но ничего подобного: Иудея — это великолепное по красоте место, полное садов, проходить по таким краям доставляет сущее наслаждение. Миндальные деревья в долинах уже отцвели, однако в ландах на протяжении всего пути вдоль дороги растет множество красивых цветов. Я чувствовал себя отдохнувшим и словно помолодевшим, настолько было приятно шагать, как во времена молодости, когда я увлекался спортивными дисциплинами.

Итак, благодаря своему образованию и чувству осторожности, которое я обрел за время своей беспокойной жизни, я научился не придавать чрезмерного значения внешним формам. Я предпочитаю не выделяться из массы ни одеждой, ни манерой поведения. Я предпочитаю обходиться без прислуги и без глашатаев, которые сообщали бы о моем приближении, и когда по дороге на лошадях проносились важные господа, подгонявшие свои экипажи и рабов, я со своим ослом смиренно останавливался на обочине. Мне больше нравилось наблюдать за исполненными смысла движениями ушей осла, когда он поглядывал в мою сторону, чем разговаривать с важными господами, которые иногда останавливались, чтобы поприветствовать меня и предложить продолжить путь вместе с ними.

На борта своей одежды иудеи нашивают полоски бахромы, и именно так их можно отличить от всех остальных смертных. Однако дорога, превращенная Римом в превосходный военный путь, за свою долгую жизнь повидала столько людей из самых различных стран, что даже отсутствие бахромы на полах моей одежды не привлекло ко мне никакого внимания. Во время переходов нам давали воду, таким образом, я смог напоить осла и омыть руки и

ноги. Всеобщее возбуждение, царившее здесь, достигло такого предела, что прислуге некогда было отличать иудеев от чужестранцев! Повсюду господствовала атмосфера праздника, словно помимо иудеев все остальные тоже отправились в путь, чтобы отпраздновать их освобождение от египетского рабства.

Если бы я поторопился, то мог бы прибыть в Иерусалим уже на вторую ночь после начала путешествия. Но поскольку я был чужестранцем, то спешка паломников была мне ни к чему. Я наслаждался чистым горным воздухом и без усталости восхищался цветущими склонами гор Иудеи. После легкомысленного образа жизни, который я вел в Александрии, мой разум как бы очистился, и я наслаждался каждой секундой; простой хлеб казался мне вкуснее всех египетских лакомств, и чтобы сохранить свежесть ощущений, на протяжении всего пути я не добавил к воде, которая была для меня лучшим нектаром, ни одной капли вина.

Я неспешно шагал вперед. Пастушья свирель, созывающая стада на закате дня, застигла меня достаточно далеко от Иерусалима. Конечно, я мог после непродолжительного отдыха достичь цели своего путешествия при лунном свете, но мне столько раз расхваливали зрелище, которое представляет собой Иерусалим с его возвышающимся на горе храмом, мраморные стены и золотое убранство которого сверкали в лучах дневного света. Все это мог наблюдать путешественник, подходящий к городу с другого конца долины. Я решил вкусить всю прелесть картины, чтобы составить себе полное впечатление о священном городе иудеев.

Поэтому, к великому удивлению своего осла, я свернул с дороги, чтобы обменяться несколькими словами с пастухом, который гнал стадо овец в укрытие горной пещеры. Говорил он на местном наречии, однако все же понял мой арамейский язык и заверил меня, что в этих местах нет волков. У него не было собаки для защиты овец от диких зверей, и он довольствовался тем, что сам спал у входа в пещеру, чтобы туда не проникли шакалы. В его котомке не оказалось ничего, кроме черного ячменного хлеба и большого окатыша козьего сыра, он был весьма доволен, когда я угостил его своим пшеничным хлебом, просвирянком и сушеными фигами, однако, узнав, что я другой веры, отказался от предложенного мною мяса. Тем не менее он вовсе не пытался держаться от меня в стороне.

Мы ели у входа в пещеру, а мой осел бродил в ее окрестностях. Окружавший нас мир поначалу окрасился в темно-фиолетовый цвет горных анемонов, затем наступила ночь, на небе высыпали звезды. Ночь принесла с собой немного прохлады, я чувствовал, как из пещеры долетает теплота овечьих тел. Запах их шерсти усилился, однако это не доставляло неприятного ощущения, а совершенно наоборот — напоминало запах детства и домашнего очага. И тогда мои глаза наполнились слезами, но плакал я не по тебе, о Туллия! Мне казалось, что я плакал от усталости: путь истощил последние силы моего ослабевшего тела; я, несомненно, оплакивал сам себя, свое прошлое, все, что утратил, и все то, что мне еще предстояло пережить. В эту минуту я безо всякого страха испил бы из источника забвения.

Я уснул у входа в пещеру, и небесный свод был мне крышей, как для самого обычного паломника. Я спал таким глубоким сном, что ничто не могло меня разбудить. Когда же открыл глаза, то увидел, как пастух вместе со своим стадом уже поднимался в горы. Не помню, чтобы мне снился какой-то вещий сон, но проснувшись, я ощутил, что воздух, земля и все вокруг стало совершенно иным. Обращенный к Западу откос горы все еще находился в тени, тогда как солнце уже освещало склоны холмов напротив. Ощущение было таким, словно мое тело ныло от множества ударов, и я испытывал такую усталость, что не было никакого желания даже пошевелиться. Осел лениво потряхивал головой. Я не мог понять, что со мной происходит: неужели я был настолько истощен, что два дня перехода и проведенная под открытым небом ночь смогли так меня измотать? Потом я подумал, что, возможно, это связано с переменной погоды, к которой я был чувствителен точно так же, как к вещим снам и предсказаниям.

Я чувствовал себя настолько скверно, что даже не смог поесть, а лишь отпил из фляги пару глотков вина, которое никак на меня не подействовало. У меня появилось опасение, что я мог где-то выпить зараженной воды или подхватить какую-то болезнь.

Вдали, по тропе путники взбирались по склону горы. Чтобы справиться с охватившей меня инертностью, мне потребовалось достаточно много времени. С большим трудом я наконец-то навьючил осла и вернулся на дорогу. Немалые усилия я приложил к тому, чтобы подняться вверх, однако оказавшись на вершине хреб-

та, я понял причину своего состояния. В лицо мне ударил сухой обжигающий ветер. Это был ветер пустыни. Поднявшись, он дует беспрестанно, принося людям болезни и мигрень, он свистит у дверей и проникает во все отверстия и щели в домах, от этого дыхания пустыни наглухо запирают ставни. Женщины начинают испытывать приступы тошноты. В один миг мне опалило горло и лицо. Солнце стояло уже достаточно высоко и напоминало собой раскаленный шар. Наконец-то на другой стороне долины показался окруженный стенами священный город иудеев. Ощущая во рту соленый привкус ветра, я воспаленными глазами уже мог различить башни дворца Ирода, домишки, пристроившиеся у холмов и окружавшие город, театр, цирк, а надо всем этим возвышался со своими рвами, строениями и порталами храм, сверкая золотом и белизной.

Однако слепящие лучи солнца не позволили мне разглядеть храм во всем его величии: белый мрамор отсвечивал точно так же, как и сверкающее золото. Конечно, это было великолепное, небывалое чудо современной архитектуры, которое, впрочем, не вызвало у меня тех же чувств, что у иудеев: я смотрел на него внимательно, но с безразличием, разглядывал его, потому что не мог делать ничего другого после такого длительного путешествия, и я не был уже так молод, как тогда, когда впервые восхищался храмом в Эфесе. И не мог воспринять эту красоту и чистоту, поскольку глаза мне жгла пыль, приносимая соленым ветром.

Осел как-то странно посмотрел на меня; я принялся его подгонять, чтобы он поторопился. Когда же мы достигли вершины горы, он сам остановился в том месте, откуда лучше всего был виден окружавший нас пейзаж, и, безусловно, ждал от меня возгласов восхищения, пения торжественных гимнов и молитв. То, что я оказался рабом собственного тела и не смог по достоинству оценить священное для многих людей зрелище из-за простой физической усталости и неприятного ветра, вызвало у меня горькие упреки по отношению к самому себе.

Вода от злости ушами, осел принялся спускаться вниз по крутой тропинке. Я шагал рядом, держа его за недоуздок. Чем ниже мы спустились, тем тише становился ветер, а в долине его дыхание было едва ощутимо. Наконец к полудню мы достигли римской дороги, где сходятся пути из Яффы и Кесарии, переходя в одну

широкую дорогу, по которой множество людей двигалось по направлению к городу. Я заметил, что у ворот люди собрались в кучки и смотрели в сторону одного из ближайших холмов, но многие все же старались пройти поскорее, прикрывая лицо. Мой осел шагнул в сторону, подняв глаза, я увидел на вершине заросшей боярышником возвышенности три креста с корчившимися от боли телами казненных. На склоне холма, ведущего к воротам, собралось великое множество людей, смотревших на кресты.

Толпа не давала свободно проехать по дороге, так что если бы я даже захотел продолжить свой путь, то не смог бы этого сделать. За свою жизнь мне часто приходилось видеть распятых на крестах злоумышленников и я всегда останавливался, чтобы вид их агонии мог закалить мое сердце и позволил в дальнейшем бесстрастно смотреть на человеческие страдания. В цирке мне приходилось видеть тысячи других, куда более жестоких смертей, но там они, по крайней мере, внушают страх, тогда как распятие на кресте представляет собой позорную и длительную смерть для провинившегося. Не могу не радоваться тому, что принадлежу к числу римских граждан и что даже если я совершу какой-нибудь поступок, из-за которого буду осужден на смерть, то умру быстро, от удара меча.

Если бы мой разум находился в другом состоянии, я бы, бесспорно, отвернулся бы от этого дурного предзнаменования и во что бы то ни стало продолжил свой путь. Однако, по необъяснимой для меня причине, вид трех крестов лишь усугубил мое угнетенное погодой состояние, хотя судьба приговоренных ни в коей мере не имела ко мне никакого отношения. Не знаю почему, но я знал, что так и должно было произойти: взяв осла за недоуздок, я сошел с дороги и, продираясь сквозь толпу, направился к месту казни.

У подножья крестов несколько сирийских солдат, принадлежащих к двенадцатому легиону, лежа на земле, играли в кости и попивали терпкое вино. Казненные не могли быть рабами или обычными преступниками, поскольку помимо солдат здесь находился их центурион.

Поначалу я с безразличием осмотрел распятых: тела их направились от боли. Затем мое внимание привлекла табличка, установленная на среднем кресте, прямо над головой казненного,

надпись на которой была сделана на греческом, латинском и местном языках и гласила: «Иисус из Назарета, царь Иудейский». Первоначально смысл написанного ускользнул от меня, я не знал, что думать. Затем я обратил внимание на терновый венец, одетый на склонившуюся голову умирающего так, как одевается царская корона. Из ран, причиненных его твердыми шипами, сочилась кровь.

Неожиданно табличка и лицо осужденного скрылись от моего взгляда: солнце вдруг зашло и наступила такая непроглядная темнота, что с трудом можно было различить очертания стоявших совсем рядом людей. В наступившем затмении смолкли птицы, притихли люди, слышны были лишь стук костей, которые игроки бросали на щит, да прерывистое дыхание казненных.

В предыдущем письме, Туллия, я писал тебе наполовину всерьез, что собираюсь покинуть Александрию и пуститься на поиски иудейского царя, и вот он — передо мной, распятый на одном из холмов у ворот Иерусалима, и все еще при дыхании. И тогда мне стал понятен смысл прочитанных слов, а при виде тернового венца на его голове не осталось никаких сомнений в том, что я нашел того, кого искал, человека, рождение которого было предсказано соединением Сатурна и Юпитера под знаком Рыб, иудейского царя, который, согласно Писаниям, пришел править миром. Мне нелегко объяснить, почему и как я понял это со всей очевидностью; возможно, ощущение тревоги, которое я испытывал с первых же часов этого дня, подготовило меня к столь необычной встрече.

Наступившая темнота послужила мне облегчением, поскольку скрыла от меня его агонию во всем ее ужасе. Тем не менее я успел заметить, что он был сложен на римский манер, поэтому выглядел куда более жалким, чем двое его товарищей по несчастью — крепких мужчин, судя по внешнему виду, до этого промышлявших с помощью топора и веревки.

Когда небо стемнело, природа и люди какое-то время молчали. Затем стали раздаваться исполненные беспокойства и ужаса крики. Я также успел подметить, что центурион растерянно поглядывал на небо. Мои глаза привыкли к темноте, и я уже мог различать очертания окружавшего нас пейзажа и лица стоявших неподалеку людей. Толпой овладевала паника, и тогда вперед вы-

шли несколько важных особ, судя по их головным уборам, членов синедриона, и несколько сcribe в одежаниях со впечатляющими своей пышностью полами. С явным желанием привести толпу в возбуждение, они принялись выкрикивать оскорбления в адрес распятого, требуя, чтобы он доказал, что действительно является царем и сам сошел с креста, и еще много обидных слов, повторяя, видимо, то, что распятый некогда обещал толпе.

Таким образом они пытались привлечь толпу на свою сторону, и нашлись такие, что стали вслед за ними выкрикивать ругательства в адрес несчастного. Однако немало было и тех, кто хранил упорное молчание, словно решив скрыть свои подлинные чувства. Судя по лицам и одежде, толпа состояла в основном из людей, занимавших скромное положение, здесь было немало крестьян, пришедших в Иерусалим на праздник Пасхи. Мне показалось, что в глубине сердца они испытывают глубокое сострадание к своему распятому царю, хотя и не выказывают его, опасаясь легионеров и собственных правителей. Многие женщины плакали, скрыв лица за тканями.

Услышав крики, осужденный с трудом приподнял не слушающую его голову и выпрямился, опираясь о брус, к которому были пригвождены его ноги. Он был распят с согнутыми в коленях ногами, дабы не смог слишком быстро умереть от удушья. Он с большим усилием глотнул воздух, а по его окровавленному телу пробежали судороги. Затем открыл померкшие глаза и осмотрелся вокруг так, словно что-то искал. Однако ничего не ответил на оскорбления; он использовал остатки сил, чтобы выносить страдания собственного тела.

Двое других сохранили еще достаточно энергии. Тот, что был слева, воспользовался всеобщим возбуждением, чтобы скорчить людям несколько гримас, а затем, повернув голову к тому, которого окрестили царем, присоединился к долетавшим снизу оскорблениям.

— Разве ты не Сын Божий? Спасись же сам и спаси нас вместе с собой!

Однако тот, что был справа, ответил ему, выступив в защиту царя:

— Мы страдаем, справедливо расплачиваясь за свои деяния, а он не сделал ровно ничего плохого!

И смиренным, исполненным грусти голосом он обратился к царю:

— Иисус, вспомни обо мне, когда пребудешь в царствии своем!

И он еще говорил о царствии, находясь в подобном положении и так близко от смерти! Если бы я остался прежним, подобная верность всего лишь искренне рассмешила бы меня; однако теперь у меня не возникло никакого желания смеяться. Их разговор был слишком уж мрачным. Мое удивление возросло, когда царь иудеев, выбиваясь из последних сил, повернул к своему спутнику по несчастью голову и сдавленным голосом попытался его утешить:

— Правду говорю тебе — сегодня ты будешь вместе со мной в раю.

Я не смог уловить смысла этих слов. Мимо меня прошел один из сcribes, он подозрительно всматривавлся в толпу. Я загородил ему путь, желая расспросить о происходящем.

— Что имел в виду ваш царь, говоря о рае? Почему его распяли, если он не сделал ничего плохого?

У доктора права вырвался насмешливый хохот.

— Сразу видно, что ты не из Иерусалима!— ответил он.— Не станешь же ты верить словам разбойника больше, чем старейшинам и римскому правителю, приговорившим его к смерти? Он считал себя царем иудеев и тем самым совершил святотатство! Даже находясь на кресте, он хулит Бога, говоря о рае!

И он плотнее укутался в свои одеяния, чтобы его полы случайно не задели моей одежды. Это движение показалось мне оскорбительным.

— Я еще во всем этом разберусь!— воскликнул я.

Он бросил на меня угрожающий взгляд.

— Не лезь не в свои дела!— предупредил он.— Ты, похоже, не принадлежишь к числу его последователей. Он совратил немало людей, но теперь уже не сможет никого сбить с пути истинного. И не жалеет его: он возбуждал толпы и подстрекал их к волнениям, он еще хуже, чем те двое, рядом с ним.

Мое сострадание к приговоренным переросло в ярость; я оттолкнул сcribe, забыв о своем положении и своем осле, подошел к центуриону, обратившись к нему на латинском языке, чтобы мои слова прозвучали весомее.

— Я — римский гражданин, а этот иудей угрожает мне!

Центурион, бросив на меня беглый взгляд, измученно вздохнул и принялся воинственным шагом расхаживать у края толпы, время от времени отодвигая ее, чтобы расчистить место у подножия крестов. Затем, в доказательство своей образованности, он приветствовал меня на латыни, но сразу же перешел на греческий.

— Спокойствие, брат! Если ты действительно римский гражданин, твоей гордыни не пристало пускаться в ссору с иудеями, особенно перед субботой.

Затем он крикнул, обернувшись к толпе:

— Давайте! Давайте! Расходитесь по домам! На сегодня хватит болтовни и чудес! Возвращайтесь домой есть своего жареного ягненка, и да станет вам какая-то кость поперек горла!

Из этого я понял, что в толпе находились люди, действительно ждавшие чуда, быть может того, чтобы их царь сам спустился с креста? Они молча стояли в стороне от других, побаиваясь своих священников и сcribe. Кое-кто прислушался к словам центуриона и направился к городу, путь к которому немного освободился.

Безо всякого почтения подтолкнув меня локтем, центурион пригласил меня следовать за ним:

— Пойдем, отдохнешь немного в моем обществе! Я здесь на службе, но эта история не имеет к нам никакого отношения. Иудеи всегда убивали своих пророков! И если им захотелось распять своего царя при помощи римлян, то не нам им это запрещать.

Я проследовал за ним и оказался с другой стороны крестов. На земле лежала одежда осужденных, разложенная солдатами по кучкам. Центурион поднял с земли флягу и протянул ее мне. Чтобы ничем его не обидеть, я отпил глоток терпкого вина, которое раздают легионерам. Он тоже выпил и с отрыжкой произнес:

— Выпьем еще, это самое лучшее, что нам осталось! К счастью, мое патрулирование заканчивается с наступлением темноты! Приближается саббат, а иудеи не привыкли оставлять трупы на кресте на ночь. Весь Иерусалим — это кубло шипящих змей,— продолжал он.— Чем больше я узнаю жителей этой страны, тем больше убеждаюсь, что лучшие среди них — это мертвые. Поэтому совсем неплохо, если накануне своего праздника они смо-

гут посмотреть на останки, прибитые гвоздями к доскам. Только вот этот ни в чем не виновен, он — пророк!

Небо по-прежнему оставалось темным. Иногда оно отсвечивало красноватым светом и вновь погружалось во мрак. Удушающий воздух затруднял дыхание.

— Похоже, пустынный ветер поднял песчаную бурю к востоку отсюда,— задрал голову, сказал центурион.— Только мне еще не приходилось видеть такой темной тучи! Был бы я иудеем, решил бы, что солнце скрыло свой лик, а небо оплакивает смерть Сына Божьего, поскольку Иисус называл себя таковым и утверждал, что именно поэтому ему придется вынести столь ужасную смерть.

Обращался он ко мне без чрезмерного уважения и, пользуясь тем, что мы были слегка освещены, внимательно следил за реакцией на моем лице, пытаясь составить обо мне представление. Он хотел было рассмеяться, но смех застыл у него на устах, и он еще раз посмотрел на небо.

— Даже животных сегодня захлестнуло волнение,— продолжил он.— Собак и лисиц охватило безумие, и они бежали высоко в горы, а верблюды целый день топтались у ворот, ни за что не желая входить в них. Для города это плохой день.

— Это плохой день для всего человечества,— добавил я, и сердце мое сжалось от тяжелого предчувствия.

Центурион вздрогнул, взмахнул рукой, словно желая оградить себя от этих слов, и сказал в собственную защиту:

— Это дело только иудеев, оно никак не касается римлян. Прокуратор отказался его судить и хотел было отпустить на свободу, но местные жители в один голос кричали: «Распни его! Распни!». Синедрион пригрозил обратиться к самому императору, обвиняя прокуратора в укрывательстве подстрекателя. Тогда тот омыл себе руки, дабы очиститься от невинной крови, а иудеи поклялись в том, что они сами и весь их род несут ответственность за пролитую кровь пророка.

— Кстати, а кто сейчас здесь римский прокуратор?— поинтересовался я.— Мне следовало бы это знать, однако я — чужестранец в Иудее. Я прибыл сюда из Александрии, где в учениях провёл всю зиму.

— Понтий Пилат,— ответил центурион, бросив на меня неприязненный взгляд.

Похоже, он принял меня за бродячего философа. Его слова, тем не менее, привели меня в удивление.

— Я знаю его!— воскликнул я.— По крайней мере, в Риме я познакомился с его женой. Не Клавдией ли ее зовут? Не принадлежит ли она к роду Прокула?

Однажды я был приглашен в римский дом Прокула и присутствовал при чтении очень длинного и скучного произведения, посвященного деяниям Прокула в Азии во славу Рима. Однако вино и другие прохладительные напитки были отменного качества, а я провел увлекательную беседу с Клавдией Прокулой, несмотря на то что она была значительно старше меня. Она оказалась небывало образованной и наделенной большой чувственностью женщиной; мы не раз обещали друг другу встретиться еще раз, и это не было простой светской любезностью. Но по тем или иным причинам, нам так и не представился случай увидеться еще раз. Смутно, но я припоминаю, что затем она заболела, а позже выехала из Рима. Ты еще так молода, о Туллия, что вряд ли можешь об этом помнить. Перед своим отъездом на Капри она бывала при дворе Тиверия.

Новость о том, что она где-то рядом, оказалась для меня настолько неожиданной, что на какое-то время я позабыл о происходившем вскруг и вернулся к воспоминаниям о своей молодости с ее разочарованиями и утратой первых иллюзий. Центурион принялся давать пояснения, чем и вернул меня к действительности.

— Если ты на самом деле друг прокуратора, гражданин Рима и чужестранец в этом городе, настоятельно тебе советую во время праздников придерживаться общества римлян. Тебе трудно себе представить фанатизм иудеев во время их религиозных празднеств. Прокуратор сам прибыл из Кесарии в Иерусалим, чтобы иметь возможность еще в зародыше задушить возможные беспорядки. Возможно, побывав на казни этого святого человека, население будет соблюдать спокойствие, однако ни в чем нельзя быть уверенным. Во всяком случае, его ученики разбежались и больше не смогут подстрекать народ к смуте — ведь он не смог сойти с креста.

Центурион приблизился к крестам, внимательно осмотрел увенчанного терниями царя и двух других преступников, а затем уверенно произнес:

— Теперь ему уже недолго осталось. Прошлой ночью, схватив и представив его перед синедрионом, иудеи немало над ним поиздевались. Прокуратор, в свою очередь, приказал его высечь римским способом, надеясь таким образом умилостивить плетс или, по крайней мере, приблизить час его смерти. Тебе ведь известно, что хорошая порка перед распятием является делом истинного милосердия. Двум другим вместо этого придется переломать ноги, чтобы они, не имея возможности опереться, повисли на крестах и еще до наступления ночи умерли от удушья.

Вдруг воздух пронзил неслыханный жалобный крик животного. Красноватые отсветы отогнали мрак, и испуганная толпа засуетилась. Мой осел в страхе бежал к городу со всей моей поклажей. Завидев его, путники останавливались; задрал голову высоко кверху, осел еще раз издал такой громкий рев, словно пытался выразить весь охвативший природу ужас. Я бросился вслед за ним.

Он уже не бежал, но все его покрытое потом тело содрогалось от страшных судорог. Я сделал вид, будто собираюсь его погладить, чтобы вернуть ему спокойствие, но кроткое до сих пор животное попыталось меня укусить. Человек, придерживавший его, заметил, что в этот день во всех животных словно вселился демон и что такое случается лишь тогда, когда ветер дует из пустыни.

Из ворот выбежал старший конюший и осмотрел недоуздок и метку на ухе осла.

— Этот осел принадлежит нам,— возбужденно заметил он.— Что ты с ним сделал? Если он заболит, то нам придется его прикончить, тогда ты должен будешь за него уплатить, возместив и ущерб.

На несчастного осла было жалко смотреть: до сих пор мне не приходилось видеть, чтобы животные так дрожали.

— Можно подумать, все в Иерусалиме сошли с ума,— возразил я, начав снимать с него поклажу.— Этому ослу я не причинил никакого вреда. Ему страшно от запаха крови и смерти, потому что вы распяли своего царя.

Однако эта ссора быстро закончилась, а поклажа вывалилась из моих рук, поскольку все вокруг наполнилось каким-то странным звуком, а земля дрогнула под ногами. Однажды мне уже довелось испытать подобное ощущение, и мне, похоже, стала понятна причина солнечного затмения, странного поведения животных и со-

бственного возбужденного состояния. Как мне ни хотелось вытянуться на ложе, накрыться с головой одеялом и все забыть, я подумал, что было бы не лучшим решением найти убежище в одном из городских домов.

— Не будем ссориться, когда земля дрожит от боли,— сказал я конюху, дав ему серебряный динарий.— Позаботься о моих вещах. Я заберу их у ворот.

Он попытался было заставить осла идти вперед, но напрасно тянул он его за недоуздок и награждал сильными пинками — животное отказывалось сдвинуться с места. Тогда конюх стреножил его и, взяв мою поклажу на плечо, вернулся к воротам.

Не знаю, то ли страх перед землетрясением помешал мне войти в ворота, или же какая-то неведомая и неотвратимая сила заставила меня броситься к крестам на горе, хотя зрелище это не представляло собой ничего приятного. От самого сердца я обращался с молитвой ко всем известным и неизвестным мне богам и даже к богам-хранителям моего домашнего очага: «Я изучал пророчества по собственной воле, но ваши предсказания заставили меня покинуть Александрию и привели в это место в этот самый момент. Я отправился на поиски будущего царя, дабы быть рядом с ним и получить заслуженное вознаграждение. Дайте мне достаточно сил, чтобы я смог оказывать ему достойное почтение до самой смерти, даже если я не получу за это никакого вознаграждения». Я медленно взошел на холм и присоединился к толпе. Позади плакали женщины, но я не мог различить их лиц, поскольку все они были скрыты под вуалями. Возле них находился лишь один прекрасный ликом юноша, черты которого исказились от боли и страха, он утешал и защищал их. Я спросил, кто он такой, и слуга скрибы пояснил: женщины следовали за Иисусом из Галилеи, где он ослушался закона и сбил многих с пути истинного.

— Этот юноша — один из его учеников, но преследовать его запрещено, потому что он родственник первосвященника; кроме всего, он лишь молодой глупец!— сказал слуга и, указав с насмешливым видом на одну из женщин, которую поддерживал юноша, добавил: — Думаю, это и есть мать приговоренного!

Мне не хватало мужества приблизиться и переговорить с ними, несмотря на все мое желание услышать что-нибудь о казненном от его собственных учеников. Однако мое сердце охвати-

ла печаль, когда я подумал о том, что мать присутствует при позорной смерти сына. Похоже, даже недруги царя с почтением относились к претерпеваемой боли, и никто не подходил к заплаканным женщинам. Я оставался в толпе, а время медленно шло. Небо вновь покрылось мраком, сухой и обжигающий воздух затруднял дыхание. На глаза и раны распятых насели мухи и слепни, а тела их содрогались в спазмах. Царь Иисус вновь выпрямился на кресте, открыл невидящие глаза и с силой тряхнул головой.

— Боже мой! Боже мой! — громко воскликнул он. — Для чего Ты меня оставил?

Но голос был настолько хриплым, что слова трудно было понять. Присутствовавшие забеспокоились и стали расспрашивать друг друга. Одни считали, что он сказал, будто Бог его оставил, тогда как другие полагали, что он взывал к Илие, который, насколько я смог понять, являясь одним из иудейских пророков, поднялся на небо на огненной колеснице, и это стало причиной того, что наиболее жестокосердные из толпы возобновили оскорбительные возгласы в адрес Иисуса, предлагая ему самому вознестись на небо. Однако любопытные и те, кто надеялись на чудо, шепотом молились о том, чтобы пророк Илия действительно пришел ему на помощь. Немало нашлось и таких, которые в страхе отступили от крестов, готовые в любую минуту прикрыть себе лицо.

Царь еще что-то произнес с высоты креста. Стоявшие к нему поближе передали, что его мучит жажда. Один из толпы, охваченный чувством сострадания, подбежал к подножию креста, смочил губку в терпком вине из солдатской фляги, водрузил ее на шест и поднес к губам страждущего. Ни солдаты, ни центурион не сдвинулись с места, чтобы помешать ему. Не знаю, был ли Иисус еще в состоянии высосать вино из губки — стояла такая тьма, что его лица не было видно. Но, по-видимому, его губы достаточно увлажнились, поскольку, несмотря на страшные муки, его голос окреп и стал более четким, когда он в последний раз выпрямился и возгласил:

— Свершилось!

Это предсмертное восклицание дало повод для множества толкований. Затем в темноте раздался треск костей: его тело обвисло на руках, а голова свесилась на грудь. Этот звук во мраке был ужасен! Тогда я понял, что началась агония, и он больше

никогда не поднимет головы. Пришел конец его страданиям, и это принесло мне чувство облегчения, поскольку как бы ни были велики его прегрешения перед местными законами, он заплатил за них сверх меры.

Почва под моими ногами вздрогнула, и я понял, что его больше нет в живых. Раздался глухой подземный грохот, наводивший ужас больше любой бури. Людские голоса сразу же утихли, с грохотом прокатились камни, и я по примеру остальных бросился наземь. Землетрясение хоть и не было продолжительным, но вселило во всех нас страх.

Наступило полное молчание, вслед за которым послышался топот лошадей, которые сорвались с привязи и удирали, не разбирая дороги. Небо медленно осветилось, темнота отступила, и люди начали подниматься с земли, отряхивая одежду. Кресты по-прежнему стояли на своем месте, но Иисус из Назарета, царь иудейский обвис на руках и больше не дышал. Солдаты, поднявшись с земли, принялись его рассматривать, шепотом обмениваясь полными ужаса восклицаниями.

Думаю, центурион выразил их общее мнение словами:

— Этот человек был настоящим праведником!

И глядя на напуганную толпу, яростно прокричал:

— Этот человек воистину был Сыном Божиим!

Я вспомнил об изученных за зиму предсказаниях, и меня охватило уныние. «Да пребудет мир с тобой, о владыка мира, о царь иудейский!» — прошептал я про себя, — но мы так и не увидели твоего царства!»

Я принял решение узнать все о случившемся, о делах этого человека и о причине, по которой он был осужден и никто тому не воспротивился; быть может, он проводил слишком непродуманную политику или, возможно, ему не удалось найти влиятельного покровителя, на помощь которого он смог бы рассчитывать, что совершенно неудивительно — какой здравомыслящий человек мог бы принять сторону иудеев в надежде завоевать весь мир?

Опять появилось солнце, однако его необычный свет делал лица людей похожими на лица трупов. О Туллия, я вынужден признать одну вещь: я совершенно не в состоянии описать тебе царя иудеев. Я видел его, видел собственными глазами и следовательно, должен был бы суметь описать хотя бы одну незначительную

деталь его лица, несмотря на то, что страдания, которые он испытывал, повергли его в ужасное состояние. Но несмотря на все усилия, ничего не смогу тебе описать, разве что скажу: его лицо было в ссадинах, а из ран от тернового венца сочилась кровь. И все же в нем было нечто божественное, поскольку, прочтя надпись на табличке, я ни на секунду не усомнился в том, что он действительно царь иудеев.

Теперь, когда все уже свершилось, мне хотелось бы написать, что он был исполнен собственного достоинства, однако опасаясь, что эти слова окажутся плодом моего собственного воображения. В мозгу запечатлелось воспоминание о его униженной покорности, словно он уже заранее смирился со своей судьбой. Однако как же царь, зная, что он рожден для того, чтобы править миром, мог примириться со столь позорной смертью? И что он хотел сказать, когда воскликнул: «Свершилось!»? Относилось ли это только к его близкой кончине?

Я не смог рассмотреть его лицо, как это сделал бы внимательный наблюдатель; я был поражен и смущен, какое-то чувство уважения мешало мне всматриваться в него в момент страданий. Помимо этого, если ты помнишь, все происходило в такой темноте, что временами трудно было различить силуэты людей на крестах. А когда снова появилось солнце, я не осмелился рассматривать его неподвижные черты — он внушал мне чувство огромного почтения.

После смерти царя толпа рассосалась, и вокруг крестов образовалось свободное место. Скрибы и первосвященники тоже поспешили покинуть место казни, дабы подготовиться к субботнему празднику, оставив лишь нескольких человек для наблюдения за последующим ходом событий. Один из распятых разбойников жаловался на невыносимые муки. Две разжалобившиеся женщины начали упрашивать центуриона позволить казненным выпить опьяняющего вина. Они воспользовались той же губкой и тем же шестом и дали им напиться.

Судя по положению солнца, наступил уже четвертый час. Центурион спокойно ходил по кругу; основная его задача была уже выполнена, и ему хотелось как можно скорее покончить с другими осужденными. Именно в этот момент из форта Антонии прибыл в сопровождении одного солдата палач со всем необхо-

димым для данного случая инструментом. Он с видом знатока осмотрел Иисуса; увидев, что тот уже мертв, с холодной расчетливостью принялся ломать голени двум другим распятым. Звук ломавшихся костей был ужасен, но еще более жуткими были крики, последовавшие за этим! Однако словно для того, чтобы утешить страждущих, палач объяснил им, что совершает акт милосердия. Сопровождавшего его солдата звали Лонгинус. Заявление палача о смерти Иисуса показалось ему недостаточным, и он копьем пронзил бок казненного, достав до самого сердца. Когда солдат вынул копье, из раны вытекла вода, смешанная с кровью.

Солдаты, обмениваясь шутками и наконец расслабившись после столь неприятной миссии, принялись собирать вещи и одежду казненных. И все же, как только утихли последние стоны распятых, несколько сорвиголов спрятались в толпе и выкрикивали в адрес римлян оскорбления и угрозы. Тогда солдаты без лишней суеты направились к толпе и стали толкать людей щитами. В последовавшей за этим суетою у одного из крикунов оказалась сломана челюсть, что закрыло рот всем остальным, и они, бросившись наутек, уже с безопасного расстояния кричали, что перебьют всех римлян в тот день, когда им дадут оружие. Эти люди были не учениками Иисуса, а, как пояснил мне центурион, сообщниками двух других.

Он решил быть предельно вежливым: подошел ко мне и попросил извинить за возникшие беспорядки, безусловно полагая, что я успел отметить быстроту, с которой он сумел с ними справиться. Прокуратор запретил убивать иудеев, кроме случаев крайней необходимости, а также арестовывать обыкновенных возмутителей спокойствия, поскольку вокруг них всегда вертятся люди, готовые бросить клич к восстанию у ворот форта Антонии. Короче, необходимо было любой ценой избегать столкновений, особенно накануне религиозных праздников. Понтий Пилат решил применить эту новую политику после того, как в начале своего правления испытал другие более жестокие методы, которые не принесли ему ничего, кроме неприятностей и даже осложнений с самим императором.

— Меня зовут Аденабар,— в заключение сказал центурион.— Когда закончим, я с удовольствием проведу тебя до форта и во время сдачи рапорта представлю прокуратору. Тебе лучше не

бродить одному по городу. Эти негодяи видели нас вместе и знают, что ты не принадлежишь к их числу. Хороши же мы будем, если они искалечат или убьют римского гражданина! Придется проводить расследование, наказывать виновных, а в этом проклятом городе они, чтобы укрыться, найдут по крайней мере сто тысяч мест!

Затем он добавил, посмеиваясь:

— Избавимся от ненужных осложнений! Поверь, ты мне симпатичен и я уважаю образованных людей; сам я, хоть и не силен в латинском, умею читать и писать. Надеюсь, нам удастся найти тебе достойное жилье, хотя в крепости весьма тесно!

После этого он рассказал мне, что привыкший к простоте быта прокуратор, приезжая в Иерусалим, сам останавливается в крепости под защитой ее гарнизона; конечно же, он мог бы найти во дворце Ирода куда более роскошное жилье, но гарнизон настолько мал, что однажды уже ожегшись, он не хочет разделять его на две части. Антония же представляет собой неприступную крепость, возвышающуюся над территорией храма, а все беспорядки всегда начинались в его дворе.

Аденабар указал пальцем на крест и рассмеялся.

— Одним из самых забавных эпизодов поведения этого пророка Иисуса было то, что он кнутом разогнал из-под портала храма торговцев голубями и перевернул столы мянел. В тот раз первосвященники не осмелились ему перечить, поскольку за ним следовало множество его приверженцев. Когда он въезжал в Иерусалим верхом на осле, ликующий народ расстилал перед ним свои одежды и размахивал пальмовыми ветвями. Повсюду кричали: «Слава сыну Давида!» Люди не осмеливались иным образом показать, что они действительно считали его своим царем. Во всяком случае, насколько мне известно, он действительно со стороны матери и со стороны отца принадлежал к роду Давида.

Едва заметным кивком головы он указал мне на женщин, оставшихся на склоне холма.

— Там его мать,— прошептал он.

Когда толпа рассеялась, женщины пали наземь, словно подкошенные нечеловеческой болью и обратили свои лица к кресту, не скрывая их больше. Было совсем нетрудно понять, кто из них — его мать. Она была еще относительно молода, а ее лицо показало

лось мне самым красивым из тех, что мне пришлось видеть до этого дня. Даже искаженное болью, оно источало небывалый свет и спокойствие, выражая одновременно какую-то неприступность. Все в ее облике свидетельствовало о царском происхождении, несмотря на то что она была одета, как все крестьянки, а ее лицо было лучшим тому подтверждением.

Мне захотелось утешить женщину, сказав, что ее сын умер и больше не испытывает страданий. Однако в ее лице было столько благородства и столько боли, что я не осмелился подойти к ней. Рядом стояла еще одна женщина, по измученному лицу которой не переставая пробегали судороги, она пристально смотрела на крест, словно до нее еще не дошел смысл происшедшего. Третья из них была постарше. На ее лице было больше ненависти, чем страдания или отчаяния. Остальные женщины стояли поодаль.

Мой взгляд, словно зачарованный, остановился на матери Иисуса, болтовня Аденабара больше меня не интересовала. Очнулся я от волшебных чар лишь тогда, когда центурион, прикоснувшись к моей руке, сказал:

— Дежурство закончилось, и я ни на секунду больше не задержусь на этом зловещем месте. Иудеям остается лишь самим позаботиться о телах, если не хотят, чтобы они оставались на крестах в субботу. Меня это больше не касается.

Тем не менее он оставил нескольких человек для охраны крестов. Думаю, что на самом деле он оставил свой пост с целью проводить палача, который не хотел возвращаться в крепость в сопровождении только двух солдат — друзья и сообщники разбойников на обратном пути могли устроить ему засаду. Однако дорога оказалась пустынной, и у ворот никого не было. Из домов до нас доносился запах жареного мяса, но по правде говоря, мне совершенно не хотелось есть.

— Солнце еще не зашло,— взглянув на небо, сказал Аденабар.— Для иудеев суббота начинается тогда, когда на небе появляются три звезды. В этот вечер они будут есть пасхального ягненка, а одна из их сект съела его еще вчера. В эти дни их храм представлял собой небывалую бойню: за два дня они пролили кровь многих тысяч ягнят, следуя правилам, их священники получают плечо каждого пожертвованного животного, а богу достается жир.

Аденабар сухо приказал конюшему, присматривавшему за моими вещами, взять их себе на спину и следовать за нами в Антонийскую крепость. Тот не посмел воспротивиться, и мы зашагали втроем под стук подкованных сандалий солдат о мостовую. Эти люди имели великолепную тренировку: ни один из них не сбился с дыхания, тогда как я едва не задохнулся, пока дошел до крепости! У входа конюший поставил на землю свою поклажу, тем самым давая понять, что совершенно не собирается заходить в крепость. В отличие от Аденабара, я понял, что настаивать бесполезно и заплатил ему два обола, что вовсе ему не помешало, отойдя от нас на безопасное расстояние, показать кулак и призвать все проклятия на головы римлян. Однако, когда часовой угрожающе поднял копые, он тут же бросился наутек, преследуемый смехом легионеров.

Как только мы оказались по другую сторону ворот, Аденабар изучающим взглядом осмотрел меня с ног до головы, давая таким образом понять, что в таком виде я не гожусь для представления прокуратору, даже если мы об этом и договорились на месте казни. Все здесь, действительно, отдавало ригоризмом и римским порядком, и я ощутил особый запах казармы, в котором улавливались запахи металла, кожи, меди, еще каких-то веществ вперемешку с дымом, что все вместе заставляло каждого входящего сюда немедленно осмотреть свою запыленную обувь и поправить складки на одежде; а посреди двора возвышался легионный алтарь, перед которым я отдал приветствие, хоть и не увидел там портрета императора.

Как сказал мне Аденабар, в крепости было трудно с водой и приходилось ее экономить, но он отвел меня в офицерский зал и приказал рабам принести все необходимое, чтобы я мог помыться и переодеться. Тем временем он должен был отдать рапорт прокуратору и одновременно сообщить о моем прибытии в Антонию.

Я разделся, вымылся, смазал маслом и промыл волосы, переоделся в чистую тунику и приказал очистить от пыли верхнюю одежду. Я решил, что будет уместным надеть на мизинец мой золотой перстень, хотя обычно я никогда не ношу его на людях, чтобы не привлекать к себе внимания. После этого вернулся во двор и застал прокуратора Понтия Пилата: он спускался по лес-

тнице с измученным видом. Какой-то влиятельный иудей смог добиться аудиенции, однако не желал входить в крепость накануне сabbата.

Судя по тому, что прокуратор согласился принять его на закате дня, речь шла, безусловно, о влиятельном и живущем в мире с римлянами лице. Я приблизился к солдатам, стоявшим во дворе и услышал, что эта встреча как-то связана с событиями прошедшего дня. Знатный мужчина пожилого возраста, с чувством собственного достоинства спокойным голосом испросил разрешения снять с креста тело Иисуса из Назарета и похоронить его до наступления сabbата в своем саду неподалеку от места казни.

Понтий Пилат, услышав от своего окружения подтверждение о смерти иудейского царя, ответил:

— Он и так уже доставил мне немало хлопот! Известия о бесконечных беспорядках стали причиной болезни моей жены. Возьми его и похорони, чтобы мне больше не пришлось заниматься этим неприятным делом!

Старик вручил подарок секретарю прокуратора и удалился с таким же достоинством, с каким пришел сюда. Пилат, удивленный, обернулся к своей свите.

— Разве этот Иосиф из Аримафеи не входит в состав синедриона, который приговорил назаретянина к смерти?— спросил он.— Имея таких достойных покровителей, в нужный момент он мог бы прибегнуть к их помощи! А мы не оказались бы впутанными в дело, которое не делает нам никакой чести.

В этот момент Аденабар подал мне знак. Я вышел вперед и учтиво приветствовал прокуратора, напомнив ему свое имя. Он с безразличием ответил на мое приветствие.

— Да! Конечно, я помню, кто ты,— сказал он, чтобы продемонстрировать свою память.— Твой отец был астрологом Манилием и ты принадлежишь к роду знаменитого Мецентия. Как жаль, что ты прибыл в Иерусалим именно сегодня! К счастью, землетрясение не причинило ущерба городу. Так, значит, ты тоже наблюдал смерть этого назаретянина? Однако все это уже не имеет никакого значения! Через год никто обо всем этом не вспомнит.

Он не снизошел до того, чтобы выслушать мой ответ, и продолжал:

— Моя жена будет рада увидеть тебя. Она чувствует себя не

очень хорошо, но уверен, что она с радостью разделит с нами ужин. Я тоже не очень хорошо себя чувствую. Постоянно страдаю от ревматизма, а как ты смог убедиться, мое положение в Иерусалиме обязывает подниматься и спускаться по этой проклятой лестнице.

Тем не менее он передвигался с величайшей ловкостью и безо всякого усилия, ему, похоже, было трудно усидеть на месте. Он был не очень крепкого телосложения и уже начал лысеть, что было заметно, несмотря на то что он зачесывал волосы с затылка на лоб. Взгляд его был холодным и пронизательным. Я знал, что его официальная карьера складывалась далеко не блестяще, и лишь благодаря жене он сумел получить этот пост прокуратора, который зависел от императорского легата великой Сирийской провинции. Однако антипатичным его тоже назвать трудно: он умел улыбаться и подтрунивать над самим собой! Думаю, осознавая возложенную на него ответственность представителя Рима, но все же испытывал немалые трудности в установлении правосудия в чужой беспокойной стране. Вот почему его так беспокоило дело Иисуса.

— Если я поднимусь в свои комнаты, — с горечью вздохнул он, — уверен, что иудеи в скорости заставят меня спуститься обратно из-за какого-то каприза по поводу своего праздника. Из Рима легко приказывать уважать обычаи подвластной страны! А в результате это делает из меня их слугу, а не правителя!

Он принялся вышагивать по двору, жестом пригласив меня следовать за ним.

— Ты уже был в их храме? — спросил он. — Мы как язычники имеем право лишь взойти на паперть: те, кто не прошел обрезания, под страхом смерти не могут входить во внутренний двор. Словно мы живем не в Римской империи! Они даже не позволяют нам выставить там хотя бы один портрет императора! Не подумай, что угроза смерти с их стороны — это всего лишь шутка: известен уже не один случай с печальным исходом. Бывает, что какому-то бесшабашному путешественнику взбредет в голову переодеться в местного жителя, чтобы посмотреть, что находится внутри храма, где, впрочем, не на что смотреть. Если его присутствие обнаруживается, его безжалостно забрасывают камнями. Конечно, они имеют на это право, но смею тебя заверить, что эта смерть

не из приятных. Надеюсь, тебе в голову не придет таким способом проникнуть в храм.

Затем он стал осторожно прощупывать почву, пытаясь разузнать последние новости из Рима, и испытал заметное облегчение, услышав, что зиму я провел в Александрии за изучением философии. Поняв, что я не представляю для него никакой политической опасности, и желая продемонстрировать мне всю свою доброжелательность, он, несмотря на свой ревматизм, пригласил меня во внутренний двор, и мы поднялись на вершину величественной крепостной башни, откуда открывался вид на храм. В лучах заходящего солнца это архитектурное творение было прекрасно с его многочисленными папертиями и порталами. Понтий Пилат пальцем указал на двор для торговцев и чужестранцев, двор для женщин и двор для мужчин и затем на священную часть центрального здания, где находится дарохранильница. Даже сам первосвященник лишь раз в год имеет право входить в эту часть!

Я спросил, верно ли то, что рассказывают об иудеях во всех странах, будто они поклоняются массивной золотой голове дикого осла, находящейся в дарохранильнице. Прокуратор ответил, что этот вымысел лишен всякого основания.

— Внутри совершенно пусто!— заверил он меня.— Там нет ничего. Однажды Помпей зашел туда в сопровождении нескольких офицеров и по другую сторону занавеси ничего не обнаружил. Такова настоящая правда.

За ним опять прислали посыльного, и мы спустились во двор, где его ожидал представитель понтифика в сопровождении двух охранников храма, который плаксивым голосом напомнил: тела казненных должны быть сняты с крестов до наступления ночи. Понтий Пилат ответил, что разрешает забрать тела пригвожденных к крестам. Тогда из чистого формализма они пустились в долгие разглагольствования по поводу того, кому надлежит это сделать: римлянам или иудеям, хотя было совершенно очевидно, что посланец уже готов выполнить эту задачу, поскольку пришел в сопровождении двух стражников. Он собирался отнести тела на городскую свалку, чтобы предать их огню, круглосуточно поддерживаемому для сожжения мусора.

Прокуратор приказал ему не прикасаться к телу Иисуса из Назарета, если он все еще будет на кресте, поскольку он уже выдал

другому человеку разрешение похоронить его. Эта новость сильно не понравилась посланнику первосвященника, однако он не осмелился начать еще один спор, получив лишь общие указания снять с крестов тела до наступления сabbата. Тем не менее он попытался узнать, кто получил право на захоронение Иисуса и о причинах этого решения. Однако прокуратор, которому все это уже порядком надоело, оборвал его:

— Что сказано, то сказано!

И повернулся на каблуках, показывая, что встреча закончилась. Иудею оставалось лишь подчиниться и уйти вместе со стражниками.

— Даже после смерти этот иудейский царь продолжает доставлять тебе хлопоты,— произнес я.

— В подобных делах я обрел достаточный опыт, и не привык ломать себе голову над бесполезными вещами. Однако несправедливый приговор привел меня в смятение куда большее, чем я мог себе представить. Сегодня утром он сам признался, что действительно находится вне мира; с этого момента я понял, что с точки зрения политики он не представляет никакой опасности и отказался осудить его на смерть, но иудеи вынудили меня к этому!

Он с силой ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Из-за беспорядков среди иудеев я стал игрушкой в руках заговорщиков!— в гневе воскликнул он.— Благодаря какому-то предательству они схватили его ночью; с большим трудом удалось собрать необходимое количество членов синедриона, чтобы судить его; при этом они вполне могли бы забросать его камнями за богохульство по отношению к своему Богу! Конечно, у них нет никакого права выносить смертный приговор, однако такое уже случалось, и они всегда оправдывали себя вышедшим из под контроля народным гневом. Только в этот раз они сами труслили перед народным гневом и решили впутать в это дело римлян. Я даже отправил Иисуса местному правителю Галилеи, поскольку он вырос и начал проповедовать в его пределах, но эта хитрая лиса Ирод Антипас лишь посмеялся надо мной и прислал мне его обратно, с тем, чтобы я судил его сам и на мне лежала бы ответственность за любую допущенную ошибку.

— А что он хотел сказать, утверждая, что его царство — за

пределами этого мира?— осмелился я поинтересоваться.— Я не суеверен, однако когда он умер, вздрогнула земля, небо покрылось мраком, чтобы никто не мог наблюдать за его страданиями.

Прокуратор бросил на меня полный злобы взгляд.

— Нет никакой необходимости, чтобы чужестранец, вроде тебя, напоминал мне о том, о чем моя жена не устает говорить с самого утра!— раздраженно произнес он.— Я арестую центуриона Аденабара, если он будет продолжать распространяться о мнимом Сыне Божьем! Суеверность сирийцев становится невыносимой! Вспомни, что ты — римлянин!

В душе я обрадовался, что на вершине башни не успел рассказать о пророчествах, приведших меня в Иерусалим. В то же время гнев Понтия Пилата заставил меня принять окончательное решение — разобраться до конца во всей истории. Римскому прокуратору не свойственно беспокоиться о смертном приговоре через распятие одного подстрекателя из числа иудеев! Этот царь должен был быть необыкновенным человеком.

Понтий Пилат уже поднимался по ступенькам лестницы, ведущей в его комнаты, предварительно пригласив меня на ужин. Я же вернулся в офицерский зал, где после службы вино лилось рекой. Мне пояснили, что вина в Иудее просто великолепны, в чем я окончательно убедился, испив предложенный мне напиток: разбавленное водой, вино имело приятный освежающий вкус и не было чрезмерно сладким.

Я вступил в разговор с присутствовавшими офицерами и узнал, что царь иудеев был приговорен к смерти Понтием Пилатом. Они, конечно, бичевали Иисуса и издевались над ним во дворе, но делали это скорее для того, чтобы немного поразвлечься, затем они собирались его отпустить. Создавалось впечатление всеобщего смятения в их среде: они все как бы искали себе оправдания и старались переложить вину за происшедшее на иудеев. Землетрясение произвело сильное впечатление; находясь под воздействием вина, некоторые из них принялись рассказывать о чудесах, которые молва приписывала этому Иисусу: он исцелил многих больных, умел изгонять демонов, ему даже удалось оживить мертвого человека, несколько дней пролежавшего в гробу неподалеку от Иерусалима.

Последний рассказ можно было воспринять как пример того,

с какой скоростью распространяются слухи о событиях, не вписывающихся в рамки общего представления. Я с трудом сдерживал улыбку, слушая рассказы этих относительно образованных людей, оказавшихся столь падкими на сказки, лишённые всякого здравого смысла. Один из них даже утверждал, будто знает имя воскресшего! С совершенно серьёзным видом они сообщали, что новость об этом воскрешении, сразу же разносящаяся по всему городу, довела до крайней озлобленности первосвященников, решивших после этого убить творца подобных чудес!

Начальник каравана верблюдов, прибывший в город на праздник Пасхи, дабы продемонстрировать нетерпимость сынов Израиля, рассказал о том, что царь Ирод Галилейский несколько лет тому назад приказал убить пророка, который пришел из пустыни и крестил в водах Иордана толпы людей, чтобы открыть им врата в новое царство. Он видел его собственными глазами: тот был одет в верблюжью шкуру и никогда не ел мяса!

Говорили также, что на берегу Мертвого моря, в труднодоступной пустыне, нашла пристанище община, уединившаяся для того, чтобы изучать Святое Писание и ждать прихода нового владыки. Живущие в этой общине пользуются отдельным календарем и соблюдают определенную иерархию.

Наступил вечер, в зале зажгли светильники, а я стал собираться на ужин к прокуратору, что вызвало некоторые насмешки со стороны офицеров; наконец-то они признались, что несмотря на запрет, им удалось провести в крепость пару танцовщиц с сирийскими музыкантами, и я удостоился самых сердечных приглашений присоединиться к ним после трапезы у прокуратора — они искренне считали, что заслужили развлечений после столь необычных трудов, доставшихся им в эту Пасху.

Пол и стены комнат, расположенных в крепостной башне, были покрыты великолепными коврами и вычурными росписями, подушки из дорогих тканей украшали диваны — все это смягчало аскетичную строгость помещений. Блюда подносили на сирийской посуде, а изысканные вина наливали в прекрасные хрустальные кубки. Помимо меня, на трапезу был приглашен еще командир гарнизона — молчаливый, чтобы не сказать онемевший, человек; то, что он был хорошим стратегом, не вызвало у меня никаких сомнений, однако присутствие Клавдии Прокулы и ее ком-

компаньонки начисто лишило его дара речи. За трапезой присутствовали также Аденабар и секретарь прокуратора. Духи женщин соперничали с благовонными эссенциями, горевшими в светильниках.

Я был очень рад встрече с Клавдией Прокулой, хотя, по правде сказать, в другом месте я никогда бы ее не узнал — бледна и измождена до крайности; помимо этого, чтобы скрыть первую седину, она выкрасила волосы в красный цвет. Однако взгляд ее глаз несколько не изменился, и я сразу же признал в нем ту прежнюю чувственность, которая так влекла меня в Риме во времена моих юных лет.

Клавдия протянула свои ухоженные руки, пронизательно посмотрев мне в глаза. Она бросилась в мои объятия и, поцеловав в обе щеки, громко разрыдалась.

— Марк! О Марк!— вырвалось у нее.— Как хорошо, что ты пришел утешить меня в этот ужасный вечер!

Комендант отвел взгляд в сторону, испытывая стыд за нашего радушного хозяина и за меня одновременно.

— Ну же, Клавдия! Постарайся взять себя в руки!— вмешался Понтий Пилат.— Мы все хорошо знаем, как ты страдаешь.

Клавдия убрала руки с моей шеи. Слезы испортили румяна на ее увядших щеках. От ярости она с силой топнула ногой.

— Разве я виновата в том, что эти кошмары лишили меня покоя?— бросила она упрек.— Я предупреждала тебя, чтобы ты не прикасался к этому святому человеку!

Обратив внимание на выражение оскорбленного достоинства, написанное на лице прокуратора, я понял, как дорого стоил ему этот пост, полученный стараниями родственников жены. Любой другой человек на его месте, конечно же, немедленно вывел бы свою супругу в другую комнату и дождался бы, когда она там успокоится, однако Понтий Пилат ограничился тем, что обнял ее за плечи, увещевая не нервничать. Ее спутница, небывалой красоты женщина, поспешно сделала вид, что ничего не произошло.

Прокуратор принял из рук раба глиняный кувшин с вином и сам разлил его по хрустальным кубкам; не знаю, что послужило причиной такого его поведения — эти кубки, похоже, были предметом гордости прокуратора. Первый кубок он передал мне, минув даже коменданта крепости.

Благодаря этому я понял, что он приказал обыскать мои личные вещи. В них лежало одно краткое рекомендательное письмо от весьма влиятельного лица и совет покинуть Рим для моего же блага. Там содержалось упоминание о человеке, имя которого мне не хотелось бы сейчас называть, однако на Востоке оно вызывает величайшее почтение. О Туллия, благодарю тебя еще раз за то, что заставив покинуть Рим, ты снабдила меня подобной защитой.

Пока мы пили вино, Понтий Пилат, попытавшись принять непринужденный вид, игривым тоном сказал, что теперь ему становится понятно, почему иудеи воспрещают своим женщинам разделять трапезу с мужчинами. В ответ Клавдия Прокула, которая уже обрела спокойствие, подозвала меня к себе и, усадив рядом на диван, принялась гладить мои волосы.

— Не смущайся, в этом нет ничего дурного,— сказала она мне.— Я могла бы быть тебе матерью! Бедный мой сирота, так и не узнавший свою мать!

— Возможно, ты могла бы быть мне матерью! — заметил я.— Однако тебе пришлось бы уже в пять лет отроду подарить жизнь новорожденному!

Этот комплимент был достаточно смел, поскольку между нами было, по крайней мере, пятнадцать лет разницы, однако женщины любят слушать подобные речи. Клавдия дернула меня за волосы, обозвала лицемером и посоветовала своей спутнице никогда не верить моим словам, поскольку я был самым искусным обольстителем из всех молодых римлян и в четырнадцать лет уже знал всего Овидия наизусть. К счастью, она ни одним словом не обмолвилась о завещании, сделавшем меня богатым.

Прокуртора подобная фамильярность, похоже, ничуть не тронула... даже наоборот! Мне показалось, будто все, что поддерживало хорошее настроение супруги, было ему по душе! Во всяком случае, он дал мне совет сохранять спокойствие и помнить, что супруга прокуратора неприкосновенна. Затем он поведал, что Клавдия, живя в окружении иудеев, позабыла о фривольных нравах Рима и стала серьезным человеком.

Так, рассеянно болтая, мы сели за трапезу. Мне приходилось бывать на куда более изысканных ужинах и было с чем сравнивать, однако не могу сказать, чтобы за столом чего-то не доставало,

несмотря на привычку хозяина к воздержанности в еде. По крайней мере, все что подавали на стол, было свежо и хорошо приготовлено — а это составляет основу всякого кулинарного искусства. Самое забавное случилось тогда, когда Понтий Пилат удалил из зала рабов, которые принесли к столу новое блюдо в большой глиняной посуде, накрытой крышкой. Прокуратор сам снял с крышки, и наружу вырвался запах зажаренного по-римски мяса, что вызвало крики восторга у Аденабара и коменданта.

— Вот тебе еще одно доказательство того, как мы рабски зависим от сынов Израиля,— с улыбкой сказал хозяин дома.— Сам правитель вынужден разыскивать свинину на другом берегу Иордана и, словно преступник, провозить ее контрабандой в Антонийскую крепость!

Мне рассказали, что к востоку от Тивериадского озера для нужд римских гарнизонов выращиваются свиньи, однако провозить их мясо в Иерусалим строжайше запрещено из опасения навлечь на себя народный гнев. Таможенные посты вынуждены следовать этому правилу, хотя их симпатии целиком на стороне римлян. Поэтому свинина поступает в Антонию с дипломатической почтой и под императорской печатью.

— Это напоминает мне,— сказал горевший желанием вмешаться в разговор Аденабар,— о единственном достойном сожаления поступке иудейского царя, который случился к востоку от Иордана, в Гадаринской окрестности. Этот Иисус не страдал чрезмерной суеверностью и охотно шел на нарушение иудаистских законов, даже в дни саббата. Однако он, должно быть, все же испытывал отвращение к свиньям, присущее людям его расы, поскольку больше года назад, прогуливаясь вместе со своими спутниками в этой местности, он сделал так, чтобы стадо свиней в тысячу голов бросилось с крутого склона прямо в море, где все они утонули; для владельца стада это составило огромные потери, но он никак не мог наказать виновных, которые сели в лодку и переправились в Галилею, по другую сторону границы; судебный иск против них ничего бы ему не дал, поскольку никто из них не обладал достаточным состоянием, живя лишь на одни подношения своих последователей и работая время от времени. Владельцу же стада пришлось смириться со своей судьбой; кроме того, неизвестно, удалось бы ему или нет подыскать свидетелей, поскольку сла-

ва назаретянина уже перешагнула на другую сторону реки, а тво- римые им чудеса безмерно впечатлили народ.

В свой рассказ Аденабар вложил немало чувств и даже слег- ка привстал, чтобы завершить его раскатистым смехом. Лишь тогда он понял, что его история вместо того, чтобы рассмешить, верну- ла всех к мрачной действительности, о которой нам удалось по- забыть, болтая на отвлеченные темы. По правде говоря, не знаю, действительно ли нам это удалось.

Какое-то время центурион пребывал в веселом настроении, но вдруг его смех оборвался.

— Довольно с нас разговоров об этом человеке!— проворчал Понтий Пилат.

По телу его супруги пробежала дрожь.

— Он был святым!— воскликнула она голосом, в котором зву- чали нотки нетерпения.— Он излечивал людей и творил чудеса. Никогда еще в мире ему не было равных. Если бы ты был мужчи- ной и настоящим римлянином, то ни за что не приговорил бы его к смерти, тебе никогда не избежать вины за содеянное, так что напрасно ты умыл себе руки! Ты сам признал, что не нашел в его действиях ничего предосудительного. Так кто же на самом деле правитель Иерусалима? Ты или иудеи?

Прокуратор побледнел от гнева и едва не швырнул на пол кубок с вином, который держал в руке, однако вовремя одумался и понял, что разбивать столь дорогой предмет бесполезно. Не без усилия ему удалось взять себя в руки, и он по очереди осмотрел нас.

— Я верю лишь тому, что вижу собственными глазами,— ска- зал он, стараясь сохранять спокойствие.— А я не заметил никако- го чуда, впрочем, как и Ирод, приказавший ему продемонстриро- вать свою силу. Вся эта история приняла политическую окраску, и мне не оставалось ничего другого, как вынести ему смертный приговор. Если посмотреть на дело с чисто юридической сторо- ны, то я к этому не причастен: я всего лишь позволил иудеям поступать так, как им хочется. Политика есть политика, и решения, которые приходится в ней принимать, диктуются не справедливостью, а сложившимися обстоятельствами. Если речь идет о незначительных делах, принято позволять аборигенам поступать так, как им нравится,— таким образом чувство их национальной

гордости будет удовлетворено. Но когда принимаются серьезные решения, я сохраняю всю власть в собственных руках.

— А подвод питьевой воды в Иерусалим?— подковырнула Клавдия.— Разве это не было твоим грандиозным замыслом? Предметом твоей гордости? Первым памятником твоему правлению? Ты успел даже сделать план акведука и расчеты разности высот.

— Я не могу идти воровать средства на его построение в храме!— вскричал прокуратор.— Если они не желают понять собственную выгоду, это их проблема, а не моя!

— Нет, дорогой мой господин,— с иронией продолжала Клавдия,— на протяжении всех этих лет иудеи заставляли тебя преклоняться перед ними вне зависимости от того, было ли рассматриваемое дело большим или малым! Но в этот раз, в этом единственном случае, у тебя была возможность доказать, что ты — настоящий мужчина и постоять за справедливость. Однако ты не внял моим словам, когда я говорила тебе не посылать на смерть невинного.

Желая спасти положение, Аденабар вмешался, как бы шутя:

— Если проект постройки акведука и сорвался, то это случилось только из-за упрямства иерусалимских женщин! Для них единственная возможность собраться вместе и поболтать — это сходить за водой к источнику, и чем их путь длиннее, тем больше у них возможности посплетничать.

— Иерусалимские женщины не так глупы, как вы себе это воображаете,— живо возразила Клавдия.— Если бы все не происходило так быстро, так неожиданно, так незаконно и вероломно! Если бы его собственный ученик не продал его синедриону, он никогда не был бы приговорен к смерти! Если бы у тебя хватило смелости перенести решение по его делу на время после Пасхи, все было бы по-другому. На его стороне был плебс и те, кто называли себя кроткими и надеялись попасть в его царство. А их больше, чем ты можешь себе представить: ведь приходил же один из членов Высшего Совета с просьбой разрешить похоронить его тело в собственном саду. Мне известно многое такое, о чем ты даже не догадываешься, чего не знают многие из его последователей. Но теперь уже слишком поздно! Ты погубил его!

В знак отчаяния Понтий Пилат воздел обе руки к небу и призвал на помощь римских богов и императорский гений.

— Если бы я отказался его распять, они обратились бы в Рим и обвинили бы меня в недружественной по отношению к императору политике. О Клавдия, я тебе уже запрещал посещать этих экзальтированных женщин! Их одержимость и так способствует нарастанию волнений! А вы, о римляне, я обращаюсь к вам! Как бы вы поступили на моем месте? Разве вы стали бы рисковать собственным положением и возложенной на вас задачей ради одного иудея, который вносит сумятицу в души религиозно настроенных иудеев?

Комендант крепости наконец решился вступить в разговор.

— Иудей — это всего лишь иудей, и ничего больше!— сказал он.— И потом, они все соглядатаи! Кнут, пика и крест — вот единственные политические аргументы, позволяющие держать их в руках!

— Когда он умер, земля вздрогнула,— пробормотал Аденабар,— и я уверен, что он в самом деле Сын Божий. Однако ты не мог поступить иначе, и теперь его больше нет, он никогда не вернется.

— Мне хотелось бы побольше узнать о его царстве,— осмелился вставить я.

Клавдия посмотрела на нас расширившимися глазами.

— А если бы он вернулся?— спросила она.— Что бы вы стали делать?

При этом в ее голосе прозвучало столько уверенности, что у меня по коже пробежали мурашки; мне пришлось сделать над собой усилие, дабы вспомнить, что я собственными глазами видел как Иисус умер на кресте.

Понтий Пилат сочувственно посмотрел на нее и заговорил так, как говорят с душевнобольными:

— Пусть возвращается, дорогая, я ничего не имею против! Мы об этом еще поговорим.

В зал бесшумно вошел слуга и вызвал секретаря прокуратора.

— Через несколько минут у нас будут свежие новости,— облегченно вздохнул Пилат.— Не будем больше говорить об этом неприятном деле!

Трапеза завершилась в атмосфере глухого раздражения. Со стола убрали, и мы вернулись к вину. Чтобы развлечь женщин, я

напевал модные александрийские песни, затем Аденабар удивительно приятным голосом спел легкий куплет, придуманный солдатами двенадцатого легиона. Вскоре вернулся секретарь, и чтобы продемонстрировать нам полное доверие, Понтий Пилат позволил ему доложить при нас о том, что ему удалось узнать. Из этого я сделал вывод: нанятые римлянами шпионы каждую ночь приходили в крепость для доклада.

— Землетрясение вызвало большую панику: в храме занавес разорвался сверху донизу,— начал секретарь.— Человек, предавший назаретянина, вернулся сегодня к священникам и швырнул им в лицо тридцать сребреников, которые те ему заплатили. Первосвященник пребывает в небывалой ярости, потому что два члена синедриона, Иосиф и Никодим, сняли тело Иисуса с креста и захоронили его в могиле, вырытой в скале неподалеку от места казни; а Никодим, кроме савана, достал сто фунтов смеси мира и алоэ, чтобы произвести достойное погребение.

В остальном горожане по обычаю мирно празднуют наступление Пасхи, а ученики Иисуса волшебным образом исчезли. Синедриону удалось внести спокойствие в умы, объявив: «Пусть лучше погибнет один человек, чем весь народ!» Во всяком случае, о назаретянине никто больше не вспоминает. Я бы сказал, что суеверное уважение, которое он внушал людям, было перечеркнуто его позорной смертью безо всяких чудес.

Скриба посмотрел на нас, прокашлялся, попытался изобразить улыбку и, наконец, решил продолжить:

— Существует еще одна вещь, о которой не хотелось бы говорить, однако мне стало об этом известно из двух совершенно различных источников: Иисус якобы угрожал на третий день воскреснуть. Не знаю, откуда исходят подобные слухи, но только первосвященник, которому они тоже хорошо известны, ищет способ предупредить подобное событие.

— А что я говорила?— победоносным голосом воскликнула Клавдия.

— Естественно, это не значит, что он верит в это воскрешение больше остальных,— поспешил добавить скриба.— Однако вполне возможно, что его ученики способны выкрасть тело, чтобы затем мистифицировать простых людей. Вот почему священ-

ники и члены синедриона сходят с ума от ярости — ведь труп не был сожжен на свалке вместе с двумя другими.

— Из-за этого человека мне не дано даже насладиться покоем ночи!— с горечью сказал Пилат.

Эта наивная история привела его в такое беспокойство, что он даже отозвал в сторону меня и Аденабара, чтобы еще раз удостовериться в смерти царя иудеев. Собственными ли глазами мы видели, что он умер и можем ли мы подтвердить, что солдат пронзил его сердце?

— Этот человек умер на кресте,— хором поклялись мы,— и больше никогда не сможет ходить.

Выпитое вино, события, свидетелем которых я стал, и чувства, которые при этом испытывал, не дали мне спокойно спать ночью, и несмотря на крайнюю усталость, мне все время снились кошмары; помимо этого мне мешали песни, которые всю ночь горлачили пьяные офицеры. Кроме этого, на рассвете меня разбудил резкий звук труб из храма, эхо от которых прокатилось по всему городу. Мне сразу же вспомнилось все, что я видел, и все события, участником которых я стал; воспоминания о царе иудеев сразу же привели меня в беспокойство.

Чтобы прояснить собственные мысли и не забыть ничего из того, что случилось у меня на глазах, я сел писать тебе письмо и занимался этим до тех пор, пока Аденабар с опухшими глазами и все еще гудевшей от выпитого головой не пригласил меня спуститься во двор, если я желаю немного поразвлечься. Во дворе уже стояли люди, посланные синедрионом во главе с первосвященником, которые требовали, чтобы их принял прокуратор, несмотря на то что наступивший день был субботой, и к тому же необычной. Понтий Пилат спустился с опозданием, и когда он, наконец, появился, то начал с упреков по поводу того, что они нарушают всеобщий покой.

Посланцы, терзаемые заметным беспокойством, возразили, что они пришли предотвратить возможность последующего обмена, который мог оказаться хуже первого, если бы ученикам назаретянина удалось выкрасть его тело и затем повсюду рассказывать о том, что на третий день он воскрес; вот почему они пришли с настоятельной просьбой выставить у его могилы пост из легио-

неров, не будучи уверенными в собственных стражниках. И еще, в целях большей безопасности они попросили спечатать захоронение печатью правителя, поскольку ни один иудей не осмелился бы ее нарушить. Пилат обозвал их глупыми бабами и принял насмехаться над ними.

— Похоже, после смерти он внушает вам еще больший страх, чем при жизни!

Тогда они пообещали ему назавтра принести множество даров — по субботам каноны их религии строжайше воспрещают что-либо носить. Понтий Пилат в конце концов удовлетворил их просьбу и отправил на пост у захоронения двух солдат в сопровождении легионного скрибы. Последнему была поручена миссия опечатать гробницу, но только не личной печатью прокуратора, а печатью двенадцатого легиона. Он также приказал, чтобы на ночь пост был усилен четырьмя или восемью солдатами на усмотрение офицера, прекрасно понимая, что двое легионеров ночью за пределами крепости не смогут чувствовать себя в безопасности.

Полагая, что прогулка мне полезна, я пошел вместе со скрибой. На месте казни все еще возвышались три креста, испачканные кровью. Их горизонтальные перекладки были убраны в момент снятия тел. Неподалеку от этого места, в красивом саду, в скале была вырублена могила. Вход в нее завален большим камнем, и едва хватало бы сил двух человек, чтобы сдвинуть его с места. Стояла жара, и скриба решил не входить в гробницу, тем более, что стражники заверили его: после Иосифа и Никодима, предавших синедрион и установивших при помощи двух слуг этот камень, к могиле никто не приближался.

Когда скриба ставил печать легиона, мне показалось, что изнутри доносится сильный запах мира, однако это мог быть и запах цветов в саду. Солдаты отпустили несколько грубых шуток по поводу поставленной перед ними задачи, но тем не менее были весьма довольны тем, что после дневного патрулирования ночью их должны были сменить другие.

На обратном пути я решил отклониться от прямого маршрута и направился в сторону храма, поскольку мне сказали, что я не подвергаюсь никакой опасности, если войду только в первый его двор. Пройдя по мосту, ведущему к священной горе, я вместе с

толпой взошел на паперть, предназначенную для язычников. Все утро сюда беспрестанно прибывали горожане, чтобы участвовать в празднествах, однако двор был еще достаточно свободен, чтобы я мог внимательно рассмотреть красивейшие порталы храма. Однако вскоре монотонные песни и псалмопения, запах ладана и мира, а также нетерпимость экзальтированной толпы стали меня удручать; я вспомнил о казненном, который лежал в холодной каменной гробнице, и все мои симпатии перешли на его сторону, к его останкам.

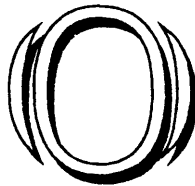
Я вернулся в крепость и до поздней ночи писал это письмо, дабы разогнать свои грустные мысли. Однако я не почувствовал никакого облегчения, поскольку сейчас, о Туллия, составляя это письмо, не ощутил твоей близости.

Во всяком случае, для меня дело о царе иудеев на этом не закончилось; мне хотелось бы побольше узнать о его царствии, и я уже предпринял определенные шаги, чтобы увидиться с учениками и от них самих услышать то, чему он их учил.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

*Марк Мецентий Манилий
приветствует тебя, о Туллия!*

Оуллия, написав наши имена и глядя на собственное, начертанное на папирусе, я испытываю чувство удивления и задаюсь вопросом, сделал ли я это сам, или же за меня это сделал какой-то неизвестный до сих пор человек. Я перестал быть прежним, и в последние дни мне иногда кажется, что я попал под колдовство иудейских чар. Если все действительно происходило так, как я тебе описывал, то я стал свидетелем доселе невиданных событий.

Даже не знаю, смогу ли я когда-либо отправить тебе это письмо, ведь все предыдущие свитки все еще находятся у меня. Возможно, так даже лучше: если бы ты их прочла, то, безусловно, подумала бы, что Марк лишился рассудка. Тем не менее уверен, что я не пустой мечтатель и лишь искал на земле нечто иное, чем настоящая добродетель или чувственные наслаждения. Признаю, что в годы молодости в виду моего происхождения у меня было все чрезмерно, и я никак не мог обрести равновесие между отречением и удовольствиями. Чрезмерным были мои ночи разгула и дни поста, а также физические упражнения во време-

на учебы в родосской школе. И моя любовь к тебе, о Туллия, была также чрезмерной, поскольку еще не испытала чувства насыщенности.

Однако несмотря на это, можешь не сомневаться, что во мне живет светлая сила благоразумия, которая не позволяет мне довести себя до гибели. Если бы не ее неусыпная бдительность и расчетливость, то думаю, я никогда бы не покинул Рим, поскольку мне было бы легче расстаться со своим положением и даже жизнью, чем потерять тебя. Когда я пишу эти строки, мой рассудок находится в состоянии необычайной бодрости, поскольку он беспрестанно ищет грань между тем, что я видел собственными глазами, и тем, что мне лишь приходилось слышать.

Даже если я не стану отсылать тебе это письмо, мне кажется необходимым скрупулезно записать все то, свидетелем чего я стал; я также буду описывать вещи, не имеющие значения, поскольку мне еще трудно определить, что в этой истории имеет значение, а что его начисто лишено. Возможно, мне удалось стать свидетелем прихода нового бога! В глазах тех, кто никогда не переживал ничего подобного, это может показаться полным абсурдом, однако — если предположить, что все это мне не привиделось,— то, что сегодня лишено смысла, завтра может оказаться преисполненным им. Когда я пишу эти слова, то обращаюсь к очевидному, дабы заслужить прощения за свою говорливость. Но если все действительно было так, то мир скоро изменится, он уже изменился, и мы находимся на пороге новой эры.

Сидящий внутри меня страж защищает меня от веры в то, во что мне хотелось бы верить; но разве я сам когда-либо желал того, что уже произошло и что никто и никогда не мог предвидеть? Нет и еще раз нет, я никогда бы не смог себе такого представить! Даже во сне у меня не могло возникнуть подобных мыслей, поскольку мои мечтания никогда не простирались дальше земного бытия. Здесь же речь идет о чем-то отличном от всего этого, смысл чего я еще не могу уяснить. Я без конца себе повторяю, что не должен, ведомый одним лишь тщеславием, видеть в случившемся то, чего в нем нет: кто ты такой, Маркус, чтобы все это случилось именно с тобой? Мне хорошо известно, сколь мало я значу. Тем не менее нельзя отрицать виденное собственными глазами; ограничусь его описанием.

Когда я закончил предыдущее письмо, мои пальцы сводили судороги, поначалу мне было трудно уснуть. Затем я погрузился в глубокий сон. Еще до рассвета меня разбудило новое землетрясение, еще более длительное и ужасное, чем предыдущее. Звук бьющейся посуды и падающих с подставок щитов подняли на ноги всех обитателей крепости. Каменный пол так сильно дрожал под ногами, что я не удержал равновесия и покатился по земле. Во дворе часовые протрубили тревогу. Не могу скрыть своего восхищения дисциплиной в легионе: несмотря на темноту, ни один солдат не выбежал без оружия, хотя первой мыслью каждого, безусловно, было скорее выбежать на открытое пространство и не попасть под обломки крыши, которая в любой момент могла обрушиться.

Снаружи было так темно, что пришлось зажечь факелы. Когда первая паника и смущение были преодолены, все обратили внимание на то, что в стенах образовались многочисленные трещины, но при этом не было ни единой жертвы. Поступили жалобы лишь на несколько вывихов и ушибов, случившихся скорее при беге в темноте, чем от последствий самого землетрясения. Комендант гарнизона отдал приказ патрулям спешно направиться в город, чтобы определить возможный ущерб, а часовым — не терять бдительности, поскольку возникавшие при землетрясениях пожары обычно наносили урон больший, чем сами землетрясения.

Разбуженный шумом прокуратор лишь безучастно стоял, бо-сой и завернутый в свою тогу, на верхних ступеньках лестницы, отдавая приказания. Толчки прекратились, в городе запели петухи, и было решено, что отправлять женщин за пределы крепости нет необходимости. После подобной паники никому не хотелось возвращаться спать. Рассветные лучи осветили небосвод, и когда последние звезды погасли, со стороны храма послышался звук труб, извещавших о продолжении праздника — словно ничего и не произошло.

Солдатам было приказано готовиться к исполнению привычной службы, однако из соображений предосторожности огонь на кухне не зажигали, и они были вынуждены довольствоваться холодным завтраком. Возвращавшиеся один за другим патрули докладывали об охватившей город панике и о том, что многие жители бежали за его пределы, несмотря на то что землетрясе-

ние, помимо нескольких обвалившихся стен, не причинило сколь-нибудь значительного ущерба. Похоже, самые сильные толчки пришились на определенную зону, ограничившись пространством крепости и храма.

Сменились часовые, и первая когорта с небольшим опозданием прошла по улицам города по направлению к цирку. С тех пор, когда там проводились бои гладиаторов и диких зверей, прошло уже много лет, и арена этого великолепного сооружения служила лишь местом для маневров легиона.

Ступая по черепкам битой посуды, я вернулся к себе и некоторое время посвятил своему туалету, за этими приготовлениями меня и застал денщик, посланный за мной прокуратором. Понтий Пилат решил устроиться при входе на вершине лестницы и там принимать посетителей; думаю, он счел бы предпочтительным спуститься во двор, хотя ничто в выражении его лица не указывало на малейшую тень страха перед новым землетрясением.

Рядом с ним находились комендант и легионный скриба, а также Аденабар и еще два легионера, которые, следуя присущей сирийцам привычке, сопровождали свои пояснения и возражения оживленной жестикуляцией, несмотря на видимые усилия, которые они прилагали, дабы выказать должное уважение начальству.

— Сегодня утром из-за землетрясения смена часовых прошла с опозданием,— раздраженным голосом сказал Понтий Пилат.— Эти два глупых сирийца были посланы, чтобы сменить ночную стражу у той проклятой могилы. На ночь там был выставлен пост из шести человек, двое из которых должны были постоянно находиться в дозоре во время сна остальных. И вот они вернулись сообщить о том, что печать легиона нарушена, камень при входе отвален, а ночные часовые исчезли.

Затем, обратившись к легионерам, он спросил:

— Тело по-прежнему находилось в могиле?

— Мы не входили туда,— ответили оба.— У нас не было такого приказа.

— Почему же один из вас не остался присматривать за этим местом, тогда как второй мог поспешить сюда с рапортом? Пока вы находитесь здесь, туда может войти кто угодно!

— Никто из нас не осмелился остаться,— честно признались солдаты.

Начальник гарнизона решил, что наступило время вступить за своих людей, поскольку в итоге он отвечал за всех.

— У них приказ ходить за пределами крепости не менее чем по двое,— коротко заметил он.

На лицах солдат отразился ужас, но они боялись не смерти, а скорее могилы; исчезновение их товарищей внушило им суеверный страх. Прокуратор понял это именно так, и возмутился:

— Не произошло ничего сверхъестественного! Камень у входа, очевидно, откатился при подземных толчках! А эти сирийцы, эти суеверные трусы бросили свой пост и теперь боятся вернуться. Разыскать их немедленно! Они дезертировали и приговорены к смерти!

Затем, обратившись ко мне, он пояснил:

— Задета честь легиона, и я не могу доверять тому, кто может быть заинтересованным лицом в этом деле. Мне не нужны никакие объяснения; я требую беспристрастного свидетеля. Ты, Маркус, взвешенный человек и достаточно хорошо знаешь наши законы. Возьми с собой Аденабара и этих двух человек, можете прихватить с собой когорту, если не хотите, чтобы эти двое храбрецов удрали. Узнай все, что произошло, и доложи мне!

Начальник гарнизона подозревал трубача, что вызвало приступ гнева у прокуратора, ударив кулаком в ладонь, он взревел:

— Да вы с ума сошли! Не нужна вам никакая когорта! Достаточно нескольких надежных людей. Глупо привлекать внимание к делу, которое пятнает нашу честь. Вперед! Поторапливайтесь!

Аденабар сразу же собрал десяток солдат и, построив их, приказал бежать в ногу.

— Стоять!— крикнул прокуратор.— Бег через город привлечет внимание всех любопытных.

Его слова принесли мне большое удовлетворение, поскольку даже без амуниции мне было бы трудно угнаться за бегущими legionерами, несмотря на всю незначительность длины нашего маршрута.

Те, кто сбежал от землетрясения за пределы стен города, теперь возвращались домой. Они были слишком озабочены со-

бственными делами, чтобы обращать на нас внимание, и даже позабыли о своих обычных проклятиях и плевках в сторону солдат.

Гробница скрывалась за деревьями сада. Тем не менее, находясь на достаточном расстоянии, мы увидели, как оттуда вышли два человека. Вероятно, это были ученики назаретянина, поскольку, как мне показалось, в одном я узнал юношу, который утешал на месте казни плачущих женщин. Второй был круглоголовым, тучным и с бородой. Увидев нас, они со всех ног бросились бежать и, несмотря на наши оклики, скрылись за многочисленными буграми и ложбинами.

— Началось!— воскликнул Аденабар, но, не желая распылять наши силы, не отдал приказ их преследовать. Ему было ясно, что беглецы все равно сумели бы скрыться от легионеров в садах, зарослях, за холмами или в пещерах.

Однако нам удалось разглядеть их достаточно для того, чтобы понять, что из гробницы они ничего не вынесли.

Подойдя к зияющему входу, мы заметили, что желоб, на котором крепился камень, сломался и скатился к подножью холма, где разбился о другой такой же. Никаких следов того, что здесь пользовались инструментом! Если бы гробница была открыта снаружи, пришлось бы откатывать камень вдоль желоба. Со сломанной печати легиона свешивался обрывок ленты. Очевидно, камень был сдвинут с места подземными толчками. Из темноты гробницы доносился сильный запах мира и алоэ, смешиваясь с сырым горным воздухом.

— Иди вперед, а я пойду за тобой,— попросил меня Аденабар.

Его лицо стало землистого цвета. Он дрожал всем телом. Легионеры остановились на почтительном расстоянии от входа, прижавшись друг к другу, словно охваченное страхом стадо овец.

Мы вместе вошли в первое помещение склепа, а затем, шагнув под более низкий свод, оказались в самой усыпальнице. Пока глаза привыкали к темноте, нам с трудом удавалось различать белый саван на каменном полу и поначалу показалось, что тело по-прежнему находится здесь. Однако, привыкнув к мраку, мы удостоверились, что тело царя иудеев исчезло, покинув свое погребальное покрывало, окаменевшее от ароматических веществ и еще хранящее его контуры. Часть плащаницы, покрывавшая голову покойного, была отодвинута.

Я, не веря своим глазам, ощупал пустоту между краями плащаницы. Ничего! Саван не был развернут или надорван, тело попросту испарилось.

Даже при надавливании рукой, саван сохранял очертания тела, бесспорно, к нему никто не прикасался, в этом я уверен, ибо сам осмотрел его. Таким образом, исчезновение тела представлялось делом совершенно невероятным, и тем не менее оно исчезло, что трудно было отрицать, ибо мы видели это собственными глазами.

— Видишь ли ты то же, что и я?

У меня перехватило дыхание, и я подтвердил это кивком головы, а центурион продолжил шепотом:

— Я же говорил, что он — Сын Божий!

Затем, обретя спокойствие и перестав дрожать, он провел рукой по лицу.

— Никогда не видел подобного колдовства!— добавил он.— Лучше, чтобы до поступления новых указаний никто больше об этом не знал!

Итак, мы решили воспользоваться тем, что нам не удалось заставить легионеров войти в гробницу: с момента исчезновения своих товарищей, они постоянно испытывали чувство страха.

Ни Аденабар ни я даже не пытались найти объяснения тому, как тело человека могло выбраться из отвердевшей плащаницы, не раскрывая ее; она была буквально склеена миром и алоэ, и если бы кто-то попытался ее развернуть, обязательно остался бы какой-то след. Никакая, даже самая искусная рука, не смогла бы вернуть все складки на место, сохранив при этом очертания тела.

Смирившись с этой мыслью, я почувствовал, что страх покинул мое сердце и ощутил глубокое чувство умиротворения. Однако я никак не мог понять, почему при виде свершившегося чуда наш страх растаял вместо того, чтобы удесятиться! Тем не менее мы покинули гробницу с миром в душе и совершенно спокойно объявили солдатам, что тела там больше нет.

Ни у кого из них не возникло желание лично убедиться в этом. Некоторые из них, вспомнив о чести легиона, стали суетливо указывать нам на зияющие входы других гробниц, высеченных в тех же скалах. В этом месте землетрясение оказалось чрезвычайно сильным, что ничуть меня не удивило. Солдаты предложили достать из более ранней могилы лежавшее там тело и положить его на

место исчезнувшего царя иудеев, однако я запретил им даже думать об этом.

Мы все еще решали, что нам следует предпринять, когда увидели, как из кустов боярышника выбрались два легионера и стали с опаской приближаться к нам. Аденабар признал в них двоих из дезертировавших солдат; в ярости он подскочил к ним и приказал сложить на землю оружие и щиты. Громко крича, они принялись клясться, что выполняли свою задачу и присматривали за гробницей из засады: с их слов можно было понять, что никто не давал им указаний, с какого расстояния вести наблюдение.

— Когда произошло землетрясение, мы вчетвером отдыхали, а двое стояли на посту,— рассказывали часовые.— Камень у входа, сорвавшись с места, покатился в нашу сторону, и лишь по счастливой случайности не раздавил никого из нас! Тогда мы спрятались на некотором расстоянии от гробницы и продолжали наблюдать за ней, опасаясь новых толчков, а четверо других побежали к иудеям, чтобы предупредить их о случившемся, поскольку мы находимся здесь по их воле, а не по приказу легиона.

Чем больше доводов они приводили в свое оправдание, тем более запутанным казался их рассказ.

— Конечно, мы видели, как те двое приходили нас сменить!— продолжали они.— Но нам не хотелось им показываться, потому что мы дожидались возвращения наших товарищей, вместе с которыми были посланы сюда. Если следует что-то объяснить, мы сделаем это все шестером, оговорив, что следует рассказывать, а что — нет.

Мы с Аденабаром продолжали расспрашивать их и узнали, что ранним утром они заметили двух женщин, которые пришли к гробнице с каким-то свертком. Они в нерешительности постояли у входа, а потом одна из них вошла в склеп и очень быстро вернулась. Именно в эту минуту лучи восходящего солнца ослепили часовых, однако они могли поклясться в том, что женщины ничего не выносили из гробницы и ничего туда не вносили: сверток все время оставался у входа, и они прихватили его с собой, убегая прочь от этого места, хотя солдаты их ничем не тревожили.

Незадолго до нашего появления сюда также приходили двое мужчин: молодой и человек в годах, страдающий отдышкой; тот, что помоложе, не решился войти и ограничился тем, что заглянул

внутри, ожидая своего спутника, а затем оба они прошли в гробницу — безусловно, их прислали сюда женщины; однако они оставались в склепе очень непродолжительное время и вышли с пустыми руками. Солдаты клялись, что внимательно присматривали за ними и были готовы их схватить, если бы они вынесли тело.

— Нас поставили здесь для охраны тела, и мы справились с этой задачей с честью и в соответствии с полученным приказом, мы не испугались даже землетрясения, а лишь укрылись на безопасном расстоянии,— вместе заявили они.

Слушая внимательно их рассказ, мне показалось, что они что-то скрывают.

— Однако тело все же исчезло!— в обвинение им выкрикнул я.

Следуя привычкам сирийцев, они подкрепили свои возражения жестами.

— Это не наша вина! Мы ни на минуту не спускали глаз с гробницы!

Понимая, что нам больше от них ничего не добиться, мы прекратили расспросы. Как раз в это время из города в сопровождении трех великих священников, легко распознаваемых по драгоценностям на головных уборах, появились остальные четверо солдат из дезертировавшего патруля. Увидев своих товарищей в нашем окружении, они еще издали принялись кричать:

— Ничего не говорите! Не подвергайте себя и нас опасности! Между нами и священниками все выяснилось! Мы им рассказали нашу историю, и они простили.

Трое прибывших иудеев были, безусловно, членами синедриона, поскольку, приблизившись, они приветствовали нас со всевозможными любезностями.

— Мы немного опоздали, потому что хотели собрать Совет, дабы прежде всего самим решить это дело,— сказали они.— Легионеры охраняли гробницу по просьбе синедриона. Нам бы совсем не хотелось, чтобы они понесли наказание за свой проступок. Да и как они могли предвидеть проделки, на которые способны ученые назаретянина? Мы все обсудили между собой и решили, что эти солдаты должны вернуться в свой легион. Идите и вы с миром — ни нам, ни римлянам здесь больше нечего делать. Посколь-

ку неприятности уже случились, не стоит поднимать вокруг них много шума и кривотолков.

— Нет, это дело находится под юрисдикцией военных законов Рима,— возразил я,— и мы проведем должное расследование: солдаты несли ответственность за тело вашего царя, а оно исчезло.

— Кто ты такой и почему вмешиваешься в наши дела?— спросили священники.— Ты еще молод и даже не носишь бороды, а значит должен с почтением относиться к нашему возрасту и положению. Если необходимо обсудить происшедшее, то мы будем говорить не с тобой, а с самим прокуратором.

После того, что я увидел в гробнице, я испытал чувство ненависти к этим хитрым и подлым старикам, которые участвовали в судилище над своим царем и заставили Понтия Пилата распять его.

— Могила вашего царя пуста,— твердо заявил я.— Поэтому мы постараемся разобраться в этом деле!

— Он не наш царь! Это он сам так гсворил!— злобно выкрикнули они.— А дело яснее ясного: часовые уснули, а ученики назретянина тем временем выкрали его тело. Эти солдаты были готовы во всем сознаться и понести наказание, но мы прощаем их.

Между тем, что они утверждали, и тем, что я видел собственными глазами, существовала такая пропасть, что мне сразу же стало ясно: им удалось вовлечь в свою игру легионеров. Неприжуденным тоном я сказал Аденабару:

— По военным законам Рима часовой, уснувший на своем посту или бросивший его без приказа, должен быть подвергнут казни розгами и обезглавлен.

Оба легионера вздрогнули и обменялись взглядами, но те, что пришли с членами Совета, подмигивая, подталкивая их локтями и гримасничая, попытались дать им понять, что опасаться нечего.

— Они находились на посту не для охраны римских патрициев, а по нашей просьбе,— повторили священники.— Значит, нам и принадлежит право казнить их или миловать.

В этот момент жажда узнать, что же случилось на самом деле, заставила меня допустить ошибку, и желая припугнуть иудеев, я предложил им:

— Войдите в гробницу и посмотрите сами на то, что случилось!

Затем можете допросить солдат, если у вас возникнет на то желание!

Более осмотрительный Аденабар поспешил добавить:

— Думаю, такие набожные люди, как вы, побоятся потревожить покой умершего.

Однако эти слова возымели обратное действие: они решили, что внутри находится нечто достойное внимания, и посоветовавшись на своем священном языке, из которого я не понимал ни слова, они, пригнувшись, один за другим прошли в гробницу так быстро, что мы не успели помешать им. Несмотря на тесноту гробницы, в которой с трудом могли бы уместиться три человека, они оставались там так долго, что я не выдержал и решил заглянуть внутрь: они сидели на корточках и оживленно спорили.

Наконец иудеи вышли с раскрасневшимися лицами и блуждающими взглядами.

— Мы взяли на себя грех и засвидетельствовали, что все произошло именно так, как нам рассказали эти часовые. А теперь нам лучше всем вместе пойти к прокуратору и прояснить это дело, дабы не вызывать кривотолков.

У меня неожиданно возникло одно подозрение, и я бросился в гробницу; когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел, что в поисках тела они разорвали плащаницу.

При мысли о том, что моя глупость позволила уничтожить единственное доказательство того, что иудейский царь покинул свою могилу сверхъестественным образом, меня охватила ужасная ярость. Одновременно я ощутил сонливость, головокружение от усталости и одушающего запаха мира. Меня охватило странное чувство нереальности и непреодолимое ощущение того, что здесь находится сила, во много раз превышающая мои возможности, которая, словно удерживая меня в своих руках, не позволяла убежать и наброситься с обвинениями на иудеев. Затем я взял себя в руки, мной овладело чувство умиротворения; опустив голову, я вышел из гробницы. Священникам я не сказал ни слова и даже не посмотрел в их сторону.

Я коротко объяснил Аденабару все, что произошло, и он, посмотрев на меня нерешительно и с немым вопросом, отделался лишь неопределенным жестом руки, как это делают сирийцы.

Он вновь приказал часовым сложить оружие, но те принялись защищаться с силой обреченных.

— Какой же это приказ? Сдать оружие — значило бы признать, что мы нарушили дисциплину! Во имя бога Тауруса! Мы охраняли иудейскую могилу для самих же иудеев! Никто не запрещал здесь спать, а мы еще и продемонстрировали храбрость, ничуть не боясь темноты! Оставьте нам наше оружие и дайте время членам синедрона объяснить все прокуратору! От нашего и от их имени обещаем, что ты не пожалеешь об этом!

Аденабар краешком глаза взглянул на меня, предлагая тем самым вмешаться, поскольку при таком повороте дел нам ничего не удалось бы предпринять. Однако сам он не сказал ни слова. В полном строю мы вернулись в город. Священники, решив снять наблюдение с гробницы, поскольку тело было украдено, шагали вместе с нами. Шестеро легионеров шли рядом, что-то оживленно обсуждая тихими голосами.

Когда мы вошли во двор крепости, Понтий Пилат по-прежнему восседал на красной подушке своего судейского места, установленного на верхних ступеньках лестницы. Возле него стоял столик; прокуратор был занят тем, что обглаживал крыло поджаренного цыпленка, бросая кости в тарелку и запивая его вином; настроение его заметно улучшилось и было совсем не похоже на то, в котором мы его оставили. Когда мы приблизились, он решил принять нас следующим образом:

— Устраивайтесь здесь, напротив меня! Хочу, чтобы мы раз и навсегда прояснили дело с этой проклятой гробницей! Мой секретарь запишет все, что вы скажете, а вы, легионеры, подойдите поближе! Не бойтесь и объясните мне, как все произошло на самом деле.

Солдаты-сирийцы внимательно посмотрели на прокуратора, затем на старцев, лица которых не выражали ни малейшего беспокойства; наконец они вытолкнули одного из легионеров вперед, чтобы тот говорил от имени всех остальных.

— Во имя гения императора и бога Тауруса, вот вся правда!— начал он.— По твоему разрешению иудеи заплатили нам, чтобы мы охраняли гробницу с телом распятого назаретянина. В эту ночь наш пост насчитывал шесть человек. Удостоверившись, что печать нетронута, мы отпустили дневную стражу и устроились на земле

перед входом в гробницу. Великодушные иудеи доставили нам вина, чтобы мы не страдали от ночного холода. Между собой мы договорились, что пока четверо из нас будут наслаждаться сном, двое остальных должны находиться на посту. Однако уже перед рассветом никому из нас не хотелось спать, мы играли в кости, пели и шутили — нам не хватало лишь присутствия женщин, чтобы провести время самым приятным образом. Но, властелин, тебе самому известно коварство иудейских вин! Оно заставило нас позабыть об очередности смены караула, и мы принялись спорить, чья очередь отдыхать, а кто должен находиться на посту. По правде говоря, мы так напились, что, как мне кажется, все уснули, искренне полагая, что двое из нас в это время стоят на посту.

Он обернулся к своим товарищам, которые с небывалой наглостью принялись поддакивать ему.

— Верно! Он говорит правду!

— Мы проснулись от землетрясения,— продолжал рассказчик.— И в этот момент заметили, что последователи казненного проникли в склеп; они как раз выходили, вынося тело; их пришло много, у всех был угрожающий вид. Когда они увидели, что мы проснулись, то столкнули в нашу сторону закрывающий вход камень; благодаря этому им удалось скрыться.

С наигранным любопытством Пилат спросил:

— Сколько же их было?

— Двенадцать,— не моргнув бровью, ответил солдат,— и они все потрясали оружием и издавали настоящий рев, чтобы нас испугать.

Тогда вмешался один из членов синедриона:

— Думаю, их было не больше одиннадцати — двенадцатого они убили в отместку: сегодня утром пастухи обнаружили тело неподалеку от города; ученика повесили на дереве на его же собственном поясе!

— Они выносили тело в плащанице или же оставили ее внутри?— опять задал вопрос Пилат.

После некоторых колебаний выразитель общей мысли обернулся к своим товарищам и наконец решился дать ответ:

— Кажется, они выносили его завернутым в саван. Из-за землетрясения им пришлось поторапливаться!

В едином возгласе старцы вскочили с мест:

— Нет! Неверно! Они оставили плащаницу внутри, чтобы люди подумали, будто его тело воскресло! Мы сами видели беспорядочно разбросанные куски савана!

— В любом случае,— подумав, продолжил легионер,— в темноте нам было плохо видно, даже если не учитывать того, что мы были оглушены вином и подземными толчками.

— Несмотря на темноту, вам удалось все рассмотреть,— исполненным похвалы голосом заметил Пилат.— Эти прекрасные люди — честь нашего двенадцатого легиона!

В последней его фразе прозвучало столько угрозы, что солдаты склонили головы и начали беспокойно топтаться на месте. Они опять вытолкнули вперед своего предводителя, который, бросив виноватый взгляд на священников, пробормотал:

— Да будет сказанное правдой... да будет...

Однако он не смог продолжить дальше.

— Владыка!— воскликнул тогда я, однако Пилат движением руки приказал мне молчать.

— Я внимательно выслушал рапорт этих достойных нашего доверия солдат,— властным голосом произнес он.— У меня есть основания полагать, что их рассказ соответствует действительности. То, что они поведали, также полностью удовлетворило членов синедриона — они не требуют их наказания. Не вижу причин, по которым мне следовало бы вмешиваться в вопросы дисциплины в самом легионе. Вы все поняли?

— Мы поняли тебя!— поспешно и хором заявили священники.

— Мы поняли тебя!— воскликнули, притопывая солдаты.— Да благословят тебя боги Рима и Сирии!

— В таком случае дело закрыто,— заключил прокуратор.— Но еще не поздно! Если кому-то есть что сказать, пусть говорит сейчас или умолкнет навсегда!

— Дай мне слово!— взмолился я, поскольку это подобие суда казалось мне больше похожим на буффонаду, чем на реальную жизнь.

Разыграв удивление, Понтий Пилат воскликнул:

— А! Ты ведь не был там и не видел того, что произошло!

— Нет!— ответил я.— Я не могу этого утверждать. Ты сам отправил меня туда, чтобы иметь свидетеля происшедшего.

— Но ты же ничего не видел!— прервал меня прокуратор.— Вот

эти солдаты видели все! Придержи свой язык и не говори того, в чем ничего не смыслишь! Когда я тебя посылал, то думал, что часовые сбежали и что задета честь легиона, но теперь они стоят здесь, смиренные, как агнцы, и они во всем сознались.

С этими словами он поднялся с места и насмешливым поклоном приветствовал священников, давая им тем самым понять, что аудиенция окончена, и те поспешили уйти со словами благодарности. Когда они уже вышли за ворота крепости, а солдаты тоже собрались разойтись, прокуратор крикнул:

— Подождите!— Затем, обращаясь к начальнику гарнизона, добавил:— Судя по твоему мрачному виду, я могу заключить, что первосвященник не счел нужным поделиться своими сокровищами, чтобы заслужить твое расположение. Как я уже сказал, дисциплина в легионе меня не касается. Я простил этих людей, однако это не может быть препятствием тому, чтобы ты устроил им понастоящему трудную жизнь и сделал с ними все, что считаешь нужным для поддержания порядка. Я не буду возражать, если ты посадишь их на несколько дней под замок, чтобы они смогли спокойно поразмыслить над тем, что произошло на самом деле.— И шепотом добавил:— Кроме того, ничто не мешает тебе проверить их карманы, чтобы узнать, сколько заплатил синедрион за их показания.

Сухое лицо коменданта расплылось в широкой улыбке. Он коротко отдал приказ, и солдаты были разоружены еще до того, как успели понять, что с ними произошло. Следом за этим их повели в карцер в сопровождении самого коменданта, который вовсе не желал быть одураченным по поводу величины выданной им суммы.

Когда они скрылись из виду, прокуратор с улыбкой сказал:

— Ты ведь тоже сириец, Аденабар, так что сходи и постарайся разузнать, что именно эти негодяи видели на самом деле.

Затем негнушными ногами он стал подниматься по лестнице, любезно пригласив меня пройти в свой кабинет, откуда он отослал всех, кто там был. Он со вздохом сел, потер себе колени и попросил меня присесть.

— Теперь говори!— произнес он.— Вижу, что ты умираешь от нетерпения.

Взяв в руки кошелек и резким движением сорвав с его шнура

печатать, он принялся небрежно пропускать сквозь пальцы золотые монеты с изображением Тиверия.

— Властелин!— сказал я после секундного раздумья.— Не знаю, почему ты так поступил, но думаю, что на это у тебя были свои причины. Я не достаточно сведущ, чтобы критиковать тот способ, каким ты осуществляешь свои официальные обязанности.

Позванивая золотыми монетами, Пилат ответил:

— Действительно, я только что говорил, что у меня есть свои причины, и эти причины — самые сильные в мире, если только этот мир не перевернулся. Тебе самому хорошо известно, что цензоры не перестают проверять прокураторов, и в то же время полученный в провинции пост перестал быть таким прибыльным, как во времена республики. Если иудеи из чистых побуждений заставляют меня принимать кое-какие небольшие подарки, то разве не было бы с моей стороны безумием отказываться от них? Должен же я подумать о старости: у меня самого нет никакого состояния, а Клавдия распоряжается своим с большой осторожностью! Принимая во внимание величину твоего наследства, думаю ты не станешь завидовать полученным мною подаркам.

Во мне не было ни малейшего места для зависти, поскольку мой рассудок был слишком занят увиденным.

— Ты сказал: если мир еще не перевернулся,— воскликнул я,— так вот, он уже стал другим, потому что царь иудеев, претерпевший распятие, воскрес из мертвых! Камень, которым был закрыт вход в склеп, откатился во время землетрясения! Иисус вышел из своей плащаницы, не нарушив ни одной из ее складок, что бы там ни утверждали легионеры и исполненные лукавства священники!

Пилат очень внимательно посмотрел на меня, но ничем не выдал своих мыслей. Я подробно рассказал ему о том, что мы с Аденабаром видели перед гробницей и внутри ее.

— Ни в одном месте отвердевшая плащаница не была нарушена!— настаивал я.— И чтобы никто об этом не узнал, эти старые лгуны разорвали ее на части! Если бы они этого не сделали, ты сам мог бы удостовериться в том, что Иисус выполнил свое обещание, воскреснув на третий день и покинув место своего захоронения! Ты можешь обо всем спросить Аденабара!

Не скрывая иронии, Пилат улыбнулся.

— Неужели ты действительно полагаешь, что я опустился бы до того, чтобы забраться в эту могилу ради удовольствия увидеть колдовство какого-то израильского мага?

В его голосе было столько неподдельного сострадания, что я усомнился в виденном собственными глазами, а на ум пришла целая вереница трюков, которые используют египетские маги для одурачивания простых людей.

Прокуратор положил все деньги в кошелек и, старательно завязав шнур, бросил его на пол. Затем на его лицо вернулось серьезное выражение, и он продолжил:

— Помимо прочего, я прекрасно понимаю, что солдаты солгали и выдумали всю эту историю после того, как были подкуплены священниками. Легионер не может спать, охраняя печать своего собственного легиона, а кроме того, сирийцы столь суеверны и трусливы, что вряд ли решились бы уснуть на этом месте. Конечно же, как ты и предполагал, камень был сдвинут с места землетрясением, а то, что произошло вслед за этим, меня не интересует.

Он неподвижно уставился перед собой, опершись локтями о колени и поддерживая ладонями свой сухощавый подбородок.

— Естественно, этот иудей тоже произвел на меня очень сильное впечатление,— заметил он задумчиво.— Оно оказалось куда более сильным, чем вы с Клавдией могли бы себе представить. Однако не стоит забывать, что в Иудее всегда было немало необычных людей, пророков и мессий. Они будоражили народ и вызывали беспокойство до тех пор, пока их не устранили. Этот же не возмущал спокойствия и был человеком, полным смирения. Должен признать, что мне не легко было смотреть ему прямо в глаза во время допроса, и знай, что он предстал передо мной один, иудеи при этом не присутствовали. Они обвинили его в том, что он объявил себя царем и тем самым противопоставил императору, но мне было ясно, что он представлял свое царство с чисто символической точки зрения и отнюдь не отказывался платить дань Цезарю. Он говорил, что его царство находится за пределами этого мира и что он явился на свет, дабы донести до всех истину. Знаешь ли ты, что его слова тронули даже такого отверженного человека, как я? Конечно, софисты уже давно доказали, что абсолютной истины не существует и что всякая истина относительна! И все же я его

спросил: что такое истина? И он не смог или не захотел мне ответить. В этом человеке я не нашел ничего предосудительного,— продолжал он, погружившись в собственные размышления.— Мне его доставили в довольно таки жалком состоянии, после того как над ним всю ночь издевались иудеи, однако он показался мне самым невинным и самым смиренным человеком в лучшем смысле этого слова из тех, кого мне приходилось когда-либо видеть. Он не проявил ни малейшего страха и даже не захотел защищаться. В нем чувствовалась какая-то необъяснимая сила, и вынужден признать, что несмотря на свое положение, я ощущал свою слабость перед ним, однако это чувство не было тягостным, и даже могу сказать, что поговорив с этим человеком и выслушав его краткие и ясные ответы, я почувствовал себя лучше.

Подняв голову, он улыбнулся мне:

— Говорю все это, чтобы избежать твоего осуждения: у меня не было никаких дурных намерений, однако политические обстоятельства складывались полностью против него! Ничто не могло его спасти, а сам он для этого ничего не предпринял! Наоборот, казалось, что ему наперед известна его судьба, и он смиренно принимал ее!

Лицо прокуратора стало суровым, и он заключил, глядя мне прямо в глаза:

— Он был необыкновенным человеком, если хочешь, даже святым, но не богом! О Марк, он был таким же человеком, таким же существом, как ты или я! Ты сам видел: он умер смертью человека, и не думаю, что какие-то шарлатаны способны тебя убедить, будто труп способен воскреснуть и раствориться в своем саване! В этом мире все объяснимо, и объяснения эти обычно очень просты!

Было совершенно очевидно, что это дело не давало ему покоя, хотя положение правителя обязывало придерживаться только фактов. Я понял, что он не мог поступить иначе, и решил более не настаивать. Позже я пожалел, что в ту минуту, когда он проверял свою совесть, я не добился от него полного рассказа о допросе назаретянина.

Вскоре появился Аденабар, и прокуратор кивком головы приказал ему говорить.

— Что я могу тебе сказать, о повелитель?

— Здесь тебе не трибунал!— процедил Пилат сквозь зубы.— У нас доверительный разговор в четырех стенах, и я не требую от тебя правды, поскольку никому здесь она неизвестна! Расскажи мне лишь о том, что видели эти люди.

— Каждый из них получил по тридцать серебряных монет, чтобы они хорошо заучили то, что следовало говорить,— наконец решился начать центурион.— Находясь на посту, они едва не умирали от страха перед призраками, так что вряд ли на самом деле смогли бы уснуть. Когда началось землетрясение, двое из них по приказу находились на посту, они бросились наземь, а остальные проснулись от ужасного грохота, когда закрывающий вход в гробницу камень отвалился и, подпрыгивая, покотился в их сторону.

Аденабар чуть помолчал и продолжил:

— Я лишь повторяю то, что услышал. Им самим так хотелось все рассказать, что мне даже не пришлось прибегнуть к кнуту, чтобы заполучить их признание. Должен добавить, что они испытали огромное потрясение, когда у них отняли полученные деньги!

Увернувшись от смертоносного падения камня и дрожа от страха, они увидели молнию, за которой не последовало никакого грома; молния, ослепив и оглушив, швырнула их наземь, так они пролежали некоторое время, а когда наконец осмелились приблизиться к захоронению, то не слышали ни голосов, ни звука шагов. Как они утверждают, никто не смог бы войти или вынести что-либо оттуда, оставаясь незамеченным. Посовещавшись, они оставили двоих наблюдать за захоронением, а остальные направились рассказать все священникам: они сами боялись войти в гробницу и проверить, на месте ли тело.

Пилат некоторое время раздумывал над услышанным, и затем его взгляд остановился на мне.

— Скажи мне, какой из этих двух рассказов кажется тебе более правдоподобным, о Марк? Тот, который считают настоящим иудеи, или тот, что ты только что услышал?

— Мне хорошо известна логика софистов и истины, провозглашаемые циниками,— честно признался я.— Я также прошел множество посвящений в различные таинства, но ни одно из них не показалось мне убедительным, несмотря на всю их символичность. Знание философии сделало меня скептиком, и все же я всегда

воспринимал реалии этого мира как рану от кинжала, огнем опаляющую мое сердце. Отныне для меня все стало ясно. Я видел, как он умер, а сегодня утром удостоверился в том, что никакая человеческая сила не смогла бы открыть его гробницу. И так, как ты сам говорил, правда объясняется просто: сегодня утром на этой земле, которая вздрогнув, отверзла могилу, началось его царствие. Это же так просто! Почему я должен верить запутанным рассказам, которые не соответствуют реальным фактам?

— О Марк, да это же просто смешно!— воскликнул прокуратор.— Не забывай, что ты — гражданин Рима! А какой из рассказов выбрал бы ты, Аденабар?

— Владыка, у меня нет собственного мнения на этот счет,— дипломатично ответил центурион.

— Послушай, Марк,— взмолился Пилат,— неужели ты думаешь, что я должен стать всеобщим посмешищем, бросив расположенные в Иудее гарнизоны на поиски человека, воскресшего из мертвых? Разве не так я должен был бы поступить, если бы поверил этим словам? И дать его особые приметы: в левом боку рана до самого сердца, на руках и ногах следы от гвоздей, а кроме того, он утверждает, что является царем иудеев!

Затем еще более убедительным тоном он добавил:

— Давайте облегчим себе задачу выбора верного решения. Я спрашиваю тебя вовсе не о том, какая из рассказанных историй представляется тебе истинной, а о том, какая из них представляется более соответствующей тому миру, в котором мы живем и которому мы будем принадлежать вплоть до конца наших дней. Или, если хочешь по-другому, какой из рассказов кажется более подходящим с политической точки зрения и может удовлетворить как иудеев, так и римлян? А теперь пойми, что какими бы ни были твои заключения, мой долг требует от меня верного политического выбора.

— Теперь я понимаю, почему ты и его расспрашивал об истине!— с горечью заметил я.— Конечно, ты можешь действовать так, как тебе хочется, и я понимаю твое положение. Кроме того, иудеи сами все за тебя решили, представив тебе достоверную историю, подкрепленную подарком, чтобы твое решение стало благоприятным для них. Почему же не согласиться с их версией? Я никоим образом не собираюсь вмешиваться в это дело, чтобы затем ты

смог обвинить меня в интриганстве. Я еще не сошел с ума! Однако, если позволишь, я останусь при своем мнении, которое обещаю не разглашать на всех перекрестках!

— Ладно! Все втроем мы пришли к согласию!— заявил без тени тревоги прокуратор.— Кроме того, лучше всего обо всем забыть, и чем скорее это случится, тем лучше. Ты, Аденабар, и комендант оставите себе треть суммы, выплаченной священниками, и это справедливо; однако вы вернете каждому из солдат по десять монет, чтобы они впредь молчали. Через какое-то время мы переведем их в пограничные гарнизоны, желательно порознь друг от друга. А если они по неосмотрительности начнут распространять глупые слухи, нам придется принять самые суровые меры.

Я понял, что эта скрытая угроза относится и к моей персоне и что для меня было бы предпочтительнее хранить молчание, по крайней мере до тех пор, пока я нахожусь в Иудее. Впрочем, охотно вынужден признать, что во всем цивилизованном мире не нашлось бы ни единого места, где можно было бы рассказать о том, что мне довелось видеть и пережить. Везде меня воспринимали бы как умалишенного или мифомана, желающего привлечь к себе внимание! Кроме того, при наихудшем исходе Пилат мог бы меня обвинить в провокации политических беспорядков и даже добавить к этому вмешательство в иудейские дела во вред интересам Рима. А в наше время многие были приговорены к смерти по куда менее серьезным обвинениям!

Подумав об этом, я вздрогнул, но обрел утешение в мысли, что я ищу истину не для того, чтобы распространять ее среди других, а для себя самого.

— Надеюсь,— униженно произнес я, когда Аденабар оставил нас,— надеюсь, ты не увидишь ничего предосудительного, если я исследую жизнь этого царя иудеев? Я вовсе не имею в виду его воскрешение, о котором буду молчать, но мне хотелось бы побольше узнать о его делах и учении. Возможно, мне удастся извлечь из этого какую-нибудь полезную мысль? Разве ты сам не признал, что он был необыкновенным человеком?

Пилат почесал подбородок и благожелательно взглянул на меня.

— Думаю, что было бы лучше действительно обо всем забыть, и мне совершенно не нравится, что ты собираешься ломать себе

голову над религиозными верованиями иудеев. Ты еще молод, богат, свободен, у тебя есть влиятельные друзья, и жизнь улыбается тебе! Однако каждый выбирает свою судьбу! Не стану ставить препятствий на твоем пути, но при условии, что ты сумеешь удовлетворять свое любопытство, не допуская неосторожных поступков и не привлекая к себе внимания. Конечно, в эти дни в Иерусалиме только и говорят, что об этом человеке, но тебе не хуже меня известно непостоянство человеческой памяти, а его ученики растворятся в этом мире и вернуться к своим домам. Поверь мне, через год или два никто о нем даже не вспомнит.

Я понял, что наш разговор окончен и что нам больше нечего друг другу сказать. Он не пригласил меня на обед, и я пошел в зал для офицеров. Одержимый беспокойными мыслями, я не обращал внимание на то, что они говорили, и был слышком взволнован, чтобы последовать их примеру и после обеда лечь спать. Не имея определенной цели, я вышел из крепости и решил прогуляться по городу. Его улицы были заполнены людьми, которые после праздника возвращались домой. Здесь можно было увидеть гостей, прибывших со всех концов света; я сделал попытку проявить интерес к роскошным товарам, которыми изобиловали лавки местных купцов. Однако такие же вещи мне приходилось видеть и в других больших метрополиях, и теперь они не вызывали у меня никакого интереса. Некоторое время спустя я заметил, что мой взгляд привлекали лишь нищие с искалеченными конечностями, слепыми глазами и гниющими язвами, и это немало меня удивило: во время путешествий встречаешь столько нищих, что обращаешь на них внимание не больше, чем на мух! Они стояли по обеим сторонам улиц, ведущих к храму, и, как мне показалось, у каждого было свое определенное место. Вздымая кверху руки и громко вопя, они отталкивали друг друга.

У меня словно что-то случилось со зрением. Вместо того чтобы разглядывать шикарные прилавки, фарисеев в плащах с огромными фалдами, товары восточных торговцев и красивых женщин с наполненными доверху кувшинами, я направлял свой взор лишь на бедняков, калек и нищих. Однако прогулка по городу вскоре меня утомила, и выйдя к воротам, я опять оказался у места казни. Быстро пройдя мимо, я направился к саду, где была высечена гробница. Меня поразила красота деревьев и цветов, на которые

утром я не обратил никакого внимания. Было время послеобеденного отдыха, однако мне совершенно не хотелось спать. Мои стопы привели меня к склепу, и я опять вошел внутрь; окинув все беглым взглядом, я увидел, что плащаница исчезла, воздух по-прежнему был наполнен запахом ароматизированных веществ.

Выйдя, я ощутил усталость, какую мне еще не доводилось испытывать. Это было легко объяснить; я очень мало спал в последние две ночи, а проведенные здесь дни показались мне самыми длинными в моей жизни. С трудом передвигаясь от усталости, я опустился на траву в тени мирты и, укрывшись плащом, погрузился в глубокий сон.

Когда я открыл глаза, солнце уже клонилось к закату. Был пятый час. Вокруг щебетали птицы, меня окутала прохлада предвечернего времени, воздух которого был пропитан приятным запахом резины. Усталость и отчаяние прошли, и я не испытывал ни малейшего желания мучить себя ненужными мыслями. На столь вдохновенной ноте мир словно помолодел, я ощутил, что дыхание осушительного ветра пустыни смягчилось и воздух заметно посвежел; возможно, этот ветер улегся еще утром, но я не обратил на это внимание.

Головная боль исчезла, а глаза больше не жгла бессонница, я не испытывал ни голода, ни жажды: все мое существо было охвачено прекрасным ощущением того, что я дышу, живу и существую, как любой другой человек.

Именно в эту минуту я заметил садовника. Он приподнимал ветви фруктовых деревьев и ощупывал еще несозревшие плоды. На нем был скромный плащ с небольшими фалдами, какие носили ничем не приметные люди, а голова была защищена от солнца. Опасаясь, что я мог вызвать его недовольство тем, что отдыхал в саду без его разрешения, и принимая во внимание то, что обычаи этой страны были непросты и я их не знал, я сразу же поднялся и, подойдя к нему, вежливо его поприветствовал.

— У тебя превосходный сад, надеюсь, я тебе не помешал тем, что пришел сюда без разрешения,— сказал я ему и почувствовал себя в ту же минуту другом всех людей на свете.

Он обернулся ко мне и улыбнулся с такой открытой сердечностью, с какой еще ни разу не улыбался ни один иудей, повстрече-

чав римлянина с бритым лицом. Его слова удивили меня еще больше.

— В моем саду для тебя всегда есть место,— сказал он ласковым, почти застенчивым голосом.— Я знаю тебя.

Я подумал, что он, возможно, плохо видит, и поэтому обозначился.

— Разве ты не заметил, что я вовсе не иудей?— с удивлением спросил я.— Откуда ты можешь меня знать?

— Я знаю всех своих, и все свои знают меня,— заявил он таинственным голосом, присущим людям его расы.

Затем движением руки он пригласил меня следовать за ним, и предполагая, что он желает мне что-то показать или сделать подарок в знак гостеприимства, я принял его приглашение. Он шел впереди, и я заметил, что при этом он слегка хромал, хотя его возраст был еще далек до преклонного; когда он приподнял одну ветку на изгибе дорожки, в глаза мне бросилась незажившая еще рана на его руке. Я остановился, словно пораженный громом, и мои онемевшие конечности отказывались мне повиноваться, а садовник, бросив на меня полный понимания взгляд, продолжил свой путь, пока не скрылся за одной из скал.

Как только мои ноги вновь стали подчиняться мне, я бросился с криком за ним вдогонку, однако обойдя вокруг скалы, понял, что он исчез. Тропинка извивалась дальше, но на ней не было ни одного человеческого следа, и я не обнаружил ни единого места, где он мог бы спрятаться за столь короткое время.

Мои колени дрожали, и в полном недоумении я присел прямо посреди тропинки. Я написал все так, как это происходило на самом деле, и вынужден самым честным образом признать, что на какую-то секунду увидел в этом садовнике воскресшего царя иудеев — Иисуса.

Рана на его руке была в том самом месте, куда палачи обычно вгоняют гвозди, чтобы кости распятого удержали его тело, когда оно от боли напрягается на кресте. Кроме того, он утверждал, что знает меня, а где еще он мог меня видеть, если не с высоты своего креста?

Однако, когда нервное напряжение схлынуло и земля в моих глазах приняла свой обычный серый цвет, я вновь обрел способность к здравомыслию. Мне любезно улыбнулся какой-то крестья-

янин, и вот я сижу здесь, в пыли, посреди тропинки. Как я мог до этого дойти? Разве иудеи не могут быть такими же гостеприимными, как и все остальные? Кроме того, разве так уж трудно садовнику поранить руку во время работы? Должно быть, я неверно воспринял его жест, и не желая моего преследования, он укрылся в хорошо известном ему одному месте.

А если он на самом деле был иудейским царем, то почему он явился именно мне? Если даже допустить, что на это у него могли быть собственные причины, то почему он тогда не объяснил мне своих намерений и того, что он ждал от меня? Таким образом, это явление было полностью лишено смысла.

Мне также пришло на ум, что все это могло мне попросту присниться, однако, когда я поднялся и отправился обратно, то обнаружил на своем пути мирту, под которой отдыхал. Нет! Значит это мне не приснилось! Я опять прилег на траву. Мой разум и весь образ мыслей, к которому меня приучили еще с детства, восставали против этого безосновательного видения. Конечно же, стоило признать, что мне очень хотелось встретить воскресшего из мертвых, однако я осознавал неосуществимость моего желания и не стал бы себе внушать, что видел Иисуса в обличье садовника.

С этого момента мои мысли как бы направились по двум параллельным руслам, и меня охватило внушавшее ужас ощущение, будто я раздваиваюсь: одна моя часть желает верить виденному, а вторая насмехается над этой доверчивостью. Насмешник во мне говорил, что я уже не так молод и не так крепок, как прежде; беспорядочная жизнь, которую я вел этой зимой в Александрии, проводя целые ночи за вином и в обществе фривольных компаний либо за чтением туманных предсказаний, лишила меня возможности здраво рассуждать. Помимо этого путь, проделанный от Яффы, и случайные впечатления и переживания стали той последней каплей, которая переполняет чашу: мне не следовало больше доверять своим чувствам и еще меньше своим способностям к мышлению.

Понтий Пилат был старше меня, а значит — более уравновешен и полон жизненного опыта, из чего следовало, что если бы во мне теплилась хоть искорка благоразумия, мне следовало бы прислушаться к его совету: отдохнуть и развлечься,

осматривая достопримечательности святого города, чтобы обо всем забыть.

Я подумал о демонах, которые, по народному поверью, вселяются в ослабленных людей и овладевают их телом. А я уснул недалеко от захоронений и тем самым подверг себя этой опасности. Однако мне никак не удалось определить, какое из моих двух «я» было этим демоном: то, что пыталось мне внушить, будто в лице садовника я видел восставшего из мертвых иудейского царя, или то, что над всем насмехалось?

Как только эта мысль пришла мне в голову, сидевший внутри меня насмешник словно сорвался с цепи: «Ты дошел уже до того, что даже веришь в демонов сынов Израиля! Ты же присутствовал в Александрии при экспериментах врачей, разрезавших человеческие тела, и даже видел, как некоторые из них расчленили трупы приговоренных к смерти, чтобы найти внутри душу, и прекрасно знаешь, что им ни разу ничего подобного не удалось. А теперь ты внушил себе, что какой-то человек мог воскреснуть из мертвых, хотя собственными глазами видел его смерть на кресте и присутствовал при том, как легионер проткнул пикой его сердце! Это невозможно, а то, что невозможно, не может быть правдой!»

Однако доверчивая половина возражала: «Марк, если ты все это бросишь и уедешь, до конца дней тебе не будет давать покоя мысль, что ты был свидетелем событий, никогда ранее не происходивших на земле. Не будь таким расчетливым! Разум имеет свои границы и часто ошибается, как это уже не раз доказывали софисты. Ничто не мешает тебе осторожно провести исследование и добраться до корней этой истории. Сначала найди, а потом обдумай. Если подобные вещи никогда не происходили в прошлом, это еще не значит, что они никогда не могут произойти. С определенной позиции эта история куда более реальна и значительна, чем знамения и предзнаменования, которым ты прежде верил. Пусть твои чувства заглушат голос разума: ты не входишь в число семи мудрецов и не должен забывать, что еще никому на свете не удалось добраться до вершины с помощью силы умозаключений: Цезарь не поверил в то, что Марс предрекает ему неудачу, и даже животные, не обладающие способностью рассуждать, намного умнее человека, поскольку птицы умолкают, а лошади закусыва-

ют удила, чувствуя наступление землетрясения, а крысы бегут с корабля, который должен потерпеть крушение».

Мне трудно описать это раздвоение, и кажется, что никому не удалось бы этого сделать, если только он не пережил подобного сам; это ощущение наполняет человека ужасом, и возможно, я лишился бы рассудка, если бы в глубине души не жила сила холодного расчета, которая всегда спасала меня в моменты самого большого смущения. Тем не менее происшедшее навсегда сделало из меня молчаливого человека, и я пришел к выводу, что отныне для меня имеет значение лишь самое важное.

Когда я наконец обрел спокойствие, закат уже погрузил равнины в тень гор. На вершине возвышавшейся над городом горы золотом сверкал храм иудеев. Я направился в город в поисках своего банкира, у которого хотел обменять чек на наличные: если я хотел продолжить свое расследование, мне потребовались бы деньги. Наконец я добрался до нового квартала, расположенного неподалеку от театра и дворца первосвященника, и после того как я объяснил цель своего визита, банкир лично принял меня.

Увидев его, я испытал настоящее удивление, поскольку он ничем не походил на разнообразные типы людей его расы, которых мне прежде доводилось встречать. С самого начала он попросил меня обращаться к нему по его греческому имени Арисфен.

— Мне было известно, что ты должен прийти,— начал он.— Я получил свиток, в котором говорилось, что ты отбыл в путь, и даже уже начал опасаться, как бы ты не попал в руки разбойников. Приехав сюда, чужестранцы всегда первым делом приходят ко мне, во-первых, для того чтобы обменять деньги, и, во-вторых, за советом, как их лучше истратить: несмотря на показную строгость, Иерусалим — одна из самых веселых метрополий во время праздников. Некоторое время спустя эти же клиенты приходят ко мне, чтобы одолжить деньги на обратную дорогу, и честно признаюсь, от этих долгов доход у меня больше, чем от обменных чеков. Говорю тебе обо всем этом, чтобы ты знал: если во время твоего пребывания здесь у тебя возникнут затруднения, не стесняйся обращаться ко мне. Меня больше не удивить ничем из того, на что способны молодые пылкие путешественники. А когда я открываю по утрам вместе со звуком труб дверь, иногда мне приходится заставить под ней клиента, который уснул, положив под голову

камень! Этот клиент проиграл все свое состояние вместе с плащом и обувью!

Он болтал с непринужденностью великосветского человека и, несмотря на значительное положение, казался мне несколько не старше моих лет. Чтобы не очень отличаться от других, он носил небольшую бородку, однако фалды на одежде были настолько крохотными, что их с трудом можно было различить; к тому же его прическа была сделана по-гречески, и он был изысканно надушен. Короче, он казался человеком весьма передовых взглядов.

Я рассказал ему, что остановился в одной из башен Антонийской крепости, сделал это по совету римлян, которые, опасаясь беспорядков во время праздника, не рекомендовали мне оставаться в городе. Услышав это, он в удивлении и негодовании воздел руки к небу.

— Эта неправда оскорбительна для нас!— воскликнул он.— У синедриона достаточно стражи для поддержания порядка, он справляется с возмутителями спокойствия намного лучше римлян! Естественно, жители Иерусалима не испытывают теплых чувств по отношению к сирийским легионерам, однако в этом вина последних! А чужестранец, приносящий городу доход, уважающий наши законы и обычаи, всегда бывает принят наилучшим образом: его балуют, улаживают, гиды оспаривают честь оказать ему услугу, а эрудиты готовы поведать ему истину о нашей вере; в его распоряжении всегда широкий выбор постоянных дворов — от самых скромных до самых роскошных, а для его удовольствия в некоторых домах допускаются всевозможные развлечения, как в Египте, Греции или Вавилоне! Если он жаждет экзотичных наслаждений, он может найти здесь даже индийских танцовщиц! Однако ему, естественно, лучше устроиться в этом недавно построенном квартале, поближе к форуму.

Я рассказал ему о том, как восточный ветер доставил мне немало хлопот, вызвав сильную головную боль, и о своем неприятном пробуждении от звука падающих щитов на рассвете, когда случилось землетрясение.

Он еще сильнее стал убеждать переселиться в город.

— Не стоит обращать внимание на этих два несчастных толчка! Ведь они даже не причинили никакого ущерба! Если бы ты жил здесь, в самом лучшем квартале, ты даже не заметил, что случи-

лось сегодня утром: лично я даже не проснулся! Естественно, в крепости толчки ощущались сильнее.

Я попытался перевести наш разговор на события, связанные с Иисусом из Назарета, хотя прекрасно понимал, что тем самым нарушаю правила вежливости.

— В добавок ко всему вы распяли вашего царя как раз в то время, когда я подъехал к городу,— с наигранной раздраженностью продолжал я,— а такое зрелище не может доставить удовольствие, можешь мне поверить!

По лицу банкира пробежала тень, однако он хлопнул в ладоши и приказал, чтобы нам принесли вина с медом и пирожных.

— Ты странный путешественник, если находишь лишь причины для недовольства в этом городе, единственном священном во всем мире! Однако сделай одолжение: присядь и соблаговоли меня выслушать, потому что я вижу ты не сведущ в том, о чем говоришь. Мы, сыновья Авраама, действительно страстные почитатели Святого Писания и пророчеств, и это нетрудно понять: у нас наилучшая из всех возможных религий и самая невероятная история. Подумай: мы единственная нация, поклоняющаяся лишь одному богу, который не допускает поклонения другим богам, и лишь мы обладаем здесь, в Иерусалиме, единственным храмом, в котором чувствуем нашего бога по законам, которые он сам нам продиктовал устами освободителя нашего народа.

Он улыбнулся мне и предложил вина и пирожное, однако ничего не налил себе, и я заметил, что наши пирожные лежат на различных подносах. Проследив за моим взглядом, он еще раз улыбнулся.

— Не забывай, что я — иудей, и у меня есть свои предрассудки,— произнес он.— Однако я не разделяю с тобой кубок и не ем с одного подноса лишь из-за присутствия в доме слуг. Не думай, что это проявление высокомерия. Я — образованный человек, и мне тысячу раз приходится нарушать предписания наших законов, соблюдая их лишь для видимости. Среди нас живут фарисеи, которые отравляют жизнь себе и другим, требуя фанатичного послушания законам. В этом и состоит наше противоречие: во всех городах мира один и тот же закон объединяет всех сынов Израиля и не позволяет им смешиваться с другими. Если бы дело обстояло иначе, то после того как они вынесли иго рабства еги-

петского и вавилонского, они давно растворились бы среди других народов. Ну а я, будучи цивилизованным человеком и чувствуя себя греком в душе, не могу допустить, чтобы закон мешал развитию. В то же время, поверь мне, если бы потребовалось, я позволил бы растерзать себя на части ради нашего бога и нашего храма! История со всей очевидностью показала, что мы — богоизбранный народ. Поняв это, трудно себе представить, что вопросы употребления пищи и напитков, необходимость мыть руки и посуду могут каким-то образом воздействовать на величие нашего бога, однако следует признать, что такие сложные обычаи и традиции, как обрезание, субботнее очищение и все остальное, что нелегко объяснить профану, служат объединению нашей нации в этой маленькой стране на перекрестке между Востоком и Западом, позволяя ей не смешиваться с остальными и быть готовой к тысячелетнему царствованию, которое наступит с приходом Мессии.

Он бросил на меня беглый взгляд и поспешил добавить:

— Так говорили пророки, однако ты не должен воспринимать эти слова буквально и думать, что мы вынашиваем мысль о покорении мира с помощью Мессии. Лишь простонародье, плебс, как говорите вы, римляне, верит в эти сказки. По своему темпераменту мы склонны к экзальтации, что постоянно вызывает появление среди нас различных мессий, испытывающих судьбу. Любой чудотворец способен привлечь на свою сторону несчастных людей: для этого ему достаточно обладать уверенностью в своих силах! Однако можешь отбросить все сомнения: мы сумеем распознать настоящего Мессию, если он когда-нибудь явится! В этом деле у нас есть большой опыт: наш царь Макковой распял три тысячи фанатиков! Я никак не могу тебя понять: ты испытываешь сострадание к человеку, выдававшего себя за Мессию!

Пока он говорил, я продолжал лакомиться пирожными и вином, которое под конец ударило мне в голову.

— Сколько слов сказано и с каким выражением ради дела, которое, по твоим же словам, ничего не стоит!— сказал я с улыбкой.

— Поверь мне, мессиям отведено лишь определенное время,— продолжал он.— Вечен лишь наш бог, и храм еще веками будет собирать всех иудеев. У нас есть все причины возблагодарить

римлян за то, что благодаря нашей религии мы занимаем отдельное место среди всех прочих народов и за то, что они позволили нам самоуправление. Императоры Август и Тиверий проявили великодушие, прислушавшись к нашим советам, и мы признательны им за то, что наше положение обрело устойчивость. По правде говоря, с тех пор как Рим взял на себя обязанности по управлению цивилизованным миром, наша ситуация несравненно улучшилась: если бы нам пришлось содержать постоянную армию, что необходимо для каждой свободной страны, то она могла бы истощить все наши запасы непрерывными войнами с завистливыми соседями. При существующем порядке у нас есть солидный гарант неприкосновенности каждого большого поселения, будь то даже в таких далеких провинциях, как Галлия, Британия или берега Скифии; подобное покровительство способствует процветанию нашей репутации хороших коммерсантов, о которой известно даже варварам. Лично я, развлечения ради, посещаю часть свободного времени поставке орехов в Рим. Единственной черной тенью представляется то, что никому из нас не удастся стать судовладельцем: не знаю почему, но только морские волны не привлекают к себе людей моей нации и не внушают им доверия! Все верующие, у которых есть такая возможность, прибывают в Иерусалим для приношения жертвы в храме; поступающие без конца жертвоприношения и дары образуют несметные богатства. Теперь тебе должно быть понятно, что мы не можем допустить, дабы народ увлекся мечтаниями о каком-то там царстве!

Было ясно: этому приверженцу синедриона очень хотелось заставить меня разделить его убеждения.

— Однако, несмотря ни на что, мы постоянно живем на краю гибели!— сказал он, наклонившись ко мне.— Достаточно, чтобы какой-то алчный прокуратор провозгласил для себя девиз «Разделяй и властвуй!» и стал поддерживать тех, кто домогается власти, как тут же по всей стране вспыхнули бы бунты и восстания, позволившие ему завладеть частью или даже всеми сокровищами храма. Хотя, даже если не иметь в виду наших интересов, для Рима намного выгоднее поддерживать существующий порядок дел и оказывать помощь синедриону, который не вмешивается в политику. Дабы ты лучше понял, что это такое, скажу, что наш синедрион чем-то похож на римский сенат. В него входят первосвящен-

ники, наиболее эрудированные скрибы и группа влиятельных жителей, именуемых старцами; последние — не обязательно люди пожилого возраста, они полноправно участвуют в делах Совета благодаря состоянию или влиятельности своего рода. Простонародье же не имеет никаких политических образований, а значит не может вмешиваться в дела правления. Вот почему мы должны в самом зародыше пресекать попытки усилить влияние народа или восстановить монархию, даже если они кажутся не опасными, прикрываются нашей верой или любовью к ближнему.

Мое неприязненное молчание заставляло банкира быть более словоохотливым и искать в свою пользу новые доводы так, как ищут оправдания.

— Как римлянин ты признаешь лишь простые образы, и не можешь себе представить, какое огромное влияние оказывает истинная религия. Она представляет собой нашу силу и в то же время является источником наибольшей опасности, поскольку возмутители спокойствия постоянно прибегают к нашим Писаниям, дабы оправдать свои действия. Конечно, ты мог бы возразить, что этот Иисус из Назарета, которого распяли накануне Пасхи, был праведником, небывалым исцелителем, великим пророком и не представлял собой никакой опасности! Не стану тебе возражать! Однако именно безобидный и честный человек, который собственной личностью и обещаниями лучшего будущего привлекает на свою сторону людей, представляет собой наибольшую опасность! Не имея политического образования и полагая, что действует во всеобщих интересах, он становится превосходным орудием в руках тех, кто рвется к власти! А им наплевать на то, что они могут уничтожить сложившуюся общественную систему и погубить нацию, передав ее в руки римлян! Единственная их забота — удовлетворить собственные амбиции и пусть даже на короткое время захватить власть! Поверь мне, каждый человек, выдающий себя за мессию, — политический преступник, и какими искренними не были бы его речи, он заслуживает смерти!

И словно опасаясь, что его слова выглядели не очень убедительно, он поспешил добавить:

— В любом случае, он виновен в богохульстве, что по нашему закону считается преступлением. Признаю, для таких людей, как мы, закон — не самое главное, однако, честно говоря, если бы этот

Иисус хотя бы еще один раз вошел в храм, мы стали бы свидетелями больших беспорядков, зачинщики которых, используя его как щит, извлекли бы выгоду из ситуации и попытались бы захватить власть, а тогда пролилось бы немало крови! Пришлось бы вмешаться римлянам, и кто может предвидеть, что бы из этого вышло? Ликвидация нашей политической автономии! Пусть лучше умрет один человек, чем погибнет вся нация!

— Я уже однажды слышал эти слова,— заметил я.

— Тогда забудь их!— был его ответ.— Нам нечего радоваться его смерти. Наоборот! Я сам испытываю грусть, думая о нем, потому что не считаю его плохим человеком. Жаль, что он не остался в родных краях! Там, в Галилее, с ним ничего дурного не случилось бы, потому что его защищали даже сборщики налогов, и поговаривали, что даже сам комендант гарнизона в Калернауэме был в числе его друзей.

Я понял, что совершенно бесполезно говорить о воскресении назаретянина; подобные речи лишь уронили бы меня в глазах моего собеседника, который счел бы меня человеком, неспособным к здравому рассуждению.

— Ты убедил меня,— сказал я после непродолжительного молчания,— и теперь я вижу, что по политическим соображениям его смерть была необходимой. Однако у меня есть привычка во время путешествий собирать информацию о всевозможных достопримечательностях: это позволяет мне затем развлечь своими рассказами друзей и даже иногда узнать что-то новое. Кроме того, меня весьма интересует вопрос чудодейственных исцелений. Както в молодости, в Антиохии, мне пришлось видеть сирийского мага, довольно искусного в этом деле. В Египте также существуют места паломничества, где творят подобные чудеса. Мне очень хотелось бы познакомиться с одним из исцеленных этим человеком, чтобы понять его методику.

И я воскликнул, словно мне в голову пришла неожиданная мысль:

— Лучше всего было бы познакомиться с одним из его учеников! У меня появилась бы информация из первых рук о том, что они о нем думают и каковы были его намерения.

— Они где-то прячутся или вернулись искать убежища в Галилею,— ответил мне Арисфен, и мне показалось, что в его голосе

проскользнули нотки раздражения.— Насколько я знаю, у него было двенадцать самых близких учеников, и один из них выдал синедриону место их ночного прибежища. Все они — кроме некоего Иоанна, выходца из хорошей семьи, получившего образование и даже изучавшего греческий,— люди, не занимающие достойного положения в обществе: рыбаки с Тивериадского озера или что-то вроде того. Похоже, к ним присоединился один сборщик налогов, но они не представляют собой ничего интересного, от них ты немного сможешь узнать. И все же...

Он на секунду умолк, посмотрел на меня и добавил:

— Хотя я не могу тебя понять, ведь ты мог бы прекрасно провести время в Иерусалиме, однако если ты испытываешь некоторое любопытство, у нас есть один член синедриона, Никодим, который мог бы быть тебе полезен. Этот человек — набожный эрудит, посвятивший всю свою жизнь изучению Писания. За ним не замечено ничего дурного, хоть он и защищал на совете Иисуса. Я думаю, он слишком наивен, чтобы занимать столь важный пост! Кроме того, он не присутствовал на ночном заседании синедриона, потому что ему, конечно же, не хватило бы смелости приговорить назаретянина к смерти.

— Я слышал о нем,— сказал я.— Не тот ли это человек, который снял царя с креста и похоронил его? Говорят, чтобы окропить саван, он использовал более ста фунтов ароматизирующих веществ!

Слово «царь» привело Арифсена в заметное раздражение, однако он не стал меня поправлять.

— Да ты и в самом деле все знаешь!— шуточно заметил он.— Его поступок, как и то, что сделал Иосиф из Аримафеи, конечно же, был знаком протеста, однако мы закрыли на это глаза! Иосиф — всего лишь один из Старцев, тогда как Никодим — израильский раввин и должен был бы вести себя более осмотрительно и не допускать необдуманных поступков, даже если они продиктованы добрыми намерениями! Хотя, возможно, таким образом они хотели объединить вокруг себя существующую внутри синедриона оппозицию и тем самым ограничить власть первосвященника.

Эта мысль ему неожиданно понравилась, и он воскликнул:

— О! А я вовсе не был бы противником подобной политики!

Наглость Каиафы достигла такой степени, что наносит вред нашей торговле. Право продавать предназначенных в жертву животных и обменивать деньги на территории храма он предоставил только своим родственникам. Ты не поверишь, но во дворе храма у меня нет ни одного обменного стола! Как знать, может этот простодушный Никодим проводит верную политику? То, что двор храма превращается в базар, неправильно и незаконно, однако конкуренция не повредила бы на рынке обмена денег. От этого выиграли бы и паломники, которым не пришлось бы так много терять от курса, установленного Каиафой.

Его дела меня не интересовали, и я прервал его:

— Мне хотелось бы встретиться с Никодимом, однако боюсь, что перед римлянином его дверь окажется закрытой.

— Да нет же, дорогой друг, то, что вы римлянин будет для него наилучшей рекомендацией!— возразил Арифен.— Наши эрудиты почитают за честь, если римские граждане обращаются к ним за разъяснениями относительно нашей религии. Тебе достаточно представиться человеком, страстно желающим побольше узнать о Боге. Подобное стремление откроет тебе здесь все двери, не налагая никаких обязанностей. Однако если хочешь, я с удовольствием отрекомендую тебя ему.

Итак, мы договорились, что он отошлет раввину записку, в которой сообщит о моем желании, а на следующий день с наступлением темноты я зайду к нему.

Я взял немного денег, а остальные оставил в банке. Арифен предложил мне услуги самого опытного гида, который мог бы открыть мне все потайные двери к предлагаемым в Иерусалиме удовольствиям, однако я ответил, что дал обет воздержания после истощающей зимы, прожитой в Александрии. Он поверил сказанному и выразил восхищение моей силой воли, сожалея, однако, что из-за этого я теряю немало приятных минут.

Мы расстались как добрые друзья, и он проводил меня до порога, предложив в сопровождающие слугу, который громкими возгласами освобождал бы мне путь, от чего я также отказался, не желая привлекать к себе внимания. Наконец в последний раз он заверил меня в своей преданности. Он действительно оказался самым любезным из всех иудеев, с которыми мне приходилось встречаться, однако почему-то у меня не возникло к нему симпа-

тии: его объяснения, лишённые предрассудков, пробудили во мне расчетливость мысли и недоверие.

Вернувшись в Антонийскую крепость, я узнал, что Клавдия Прокула неоднократно посылала за мной, и поспешил подняться на башню в занимаемые ею комнаты. Она как раз отдыхала: но быстро набросив на себя легкую шелковую одежду и шаль на плечи, вышла со своей подругой мне навстречу. Ее глаза оживленно горели, а морщины на щеках разгладились.

— Марк! О Марк!— воскликнула она, взяв меня за обе руки.— Царь иудеев воскрес!

— Разве прокуратор тебе не рассказывал, что ученики Иисуса этой ночью похитили его тело?— спросил я.— Об этом со слов шести легионеров был составлен официальный протокол.

Клавдия раздраженно притопнула ногой:

— Неужели ты вообразил себе, что Понтий Пилат мог бы признать то, что не нужно ни его кошельку, ни его спокойствию? А у меня в Иерусалиме есть друзья: разве ты еще не знаешь, что женщина, которую он избавил от семи демонов и которая постоянно следовала за ним, сегодня на рассвете побывала в его гробнице? Гробница оказалась пустой, однако около нее находился ангел в сверкающих, как солнце, одеяниях и с пламенным лицом.

— Если это так, то можно не сомневаться, что этой женщиной вновь овладели демоны,— сухо ответил я.

Поняв, в каком состоянии находится мой рассудок, я отчаялся: неужели он так помутился, а я уподобляюсь больной женщине?

— О Марк, и ты тоже!— расплакавшись, с упреком воскликнула Клавдия.— А я думала, что ты на его стороне! Мне даже говорили, что ты сам ходил туда смотреть и обнаружил пустую гробницу. Неужели ты больше веришь Понтию Пилату и каким-то солдатам, чем собственным глазам?

Слезы делали лицо Клавдии каким-то светлым; меня охватила волна нежности и захотелось ее утешить. Однако я понимал, насколько опасно было рассказывать обо всем увиденном рассерженной супруге прокуратора. С другой стороны, иерусалимские женщины, которые мечтали о воскрешении и рассказывали о видениях ангелов, по моему мнению, действовали на руку синедри-

ону, представляя версию о воскрешении совершенно неправдоподобной.

— О Клавдия, не горюй!— принялся я ее утешать.— Ты же хорошо знаешь, что я серьезно изучал труды циников и мне действительно трудно поверить в сверхъестественное. С другой стороны, я ничего категорически не отрицаю. Скажи мне, кто эта свидетельница, о которой ты говоришь, как ее имя?

— Ее зовут Марией,— ответила Клавдия, желая, чтобы мне передалось ее восхищенное настроение.— Здесь это очень распространенное имя, однако эта Мария родом из Магдалы, что на берегу Тивериадского озера. Она богата и владеет голубятнями, которые пользуются превосходной репутацией. Каждый год она поставляет для храма тысячи жертвенных голубей без единого пятнышка. Она обрела дурную репутацию после того, как демоны вселились в ее душу; раввин из Назарета исцелил ее, она стала другим человеком и следовала за ним по всей стране. Я познакомилась с ней в одной благопристойной семье, и то, что она сказала о своем Учителе, глубоко меня тронуло.

— Чтобы поверить ей, мне следовало бы услышать все это из ее собственных уст,— сказал я.— А что, если это просто экзальтированная женщина, желающая во что бы то ни стало привлечь к себе внимание?! Как ты думаешь, Клавдия, смог бы я ее увидеть?

— Разве грезить грешно?— воскликнула она.— Мои собственные грезы преследовали меня с такой силой, что я даже предупредила мужа: не смей приговаривать к смерти праведного человека. Среди ночи появился посланец и сообщил мне, что он схвачен; меня настойчиво просили употребить все мое влияние на Понтия Пилата, чтобы он не отправил его на смерть, однако в этом тайном послании не было никакой необходимости — мои грезы были куда сильнее! Даже сейчас я по-прежнему убеждена в том, что мой супруг совершил самый необдуманный в своей жизни шаг, отправив его на крест.

— Ты думаешь, я смогу встретиться с этой Марией?— настаивал я.

— Ни один мужчина не должен заговаривать с иудейкой, особенно если он чужестранец,— заметила Клавдия.— К тому же я не знаю, где ее искать. Признаю, что она легко впадает в экстаз, а ты со своим циничным складом ума можешь составить о ней лож-

ное представление, однако мне самой это ничуть не мешает верить ее рассказу!

Воодушевление Клавдии начало спадать.

— А если я ее случайно встречу, позволишь ли ты мне сослаться на наши дружеские отношения и попросить ее рассказать мне по секрету о том, чему она была свидетелем?

Она проворчала в ответ, что мужчине труднее обрести доверие женщины, чем другой женщине, и что мужчины вообще никогда не способны понять женщин! С трудом она дала согласие на то, чтобы я сослался на ее имя, если вдруг мне посчастливится встретить ее подругу.

— Но если из-за тебя с ней случится хоть малейшая неприятность, ты будешь нести ответ передо мной!— угрожающим тоном завершила она.

На этом наш разговор был окончен. Не оставалось никаких сомнений в том, что супруге прокуратора хотелось, чтобы я разделил ее восторг по поводу воскрешения царя иудеев! Так или иначе, но мне приходилось в это верить самому, поскольку я обследовал плащаницу в опустевшей гробнице. Свое предназначение я теперь вижу в том, чтобы всеми силами попытаться пролить свет на случившееся.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Марк — Туллию!

Нродолжаю свое повествование в хронологическом порядке.

Антонийская крепость — это чисто оборонительное сооружение, и места в ней очень мало. У меня не было никакого желания задерживаться здесь надолго, поскольку я чувствовал себя объектом постоянного наблюдения. Да и сам прокуратор готовился покинуть ее и вернуться в свою официальную резиденцию в Кесарии. Я подарил ему приносящего счастье египетского скарабея, а его жене — александрийское зеркало; они заставили меня дать обещание навесить их в Кесарии во время моего обратного путешествия — Понтию Пилату не хотелось, чтобы я покинул Иудею до того, как он сумеет расспросить меня обо всем, что мне удалось узнать, а Клавдия потребовала с меня клятву рассказать ей все о воскресшем.

Я также преподнес значительную сумму денег коменданту крепости; мне хотелось сохранить с ним хорошие отношения, а в случае необходимости — найти прибежище в крепости, хотя я чувствовал, что в городе мне не грозит опасность при условии, что я буду соблюдать

обычаи страны, в которой нахожусь, и не стану никого шокировать своими привычками.

Центурион Аденабар стал мне настоящим другом. Благодаря ему я устроился не на постоялом дворе, а неподалеку от дворца Асмонидов, в доме его знакомого сирийского купца. Мне давно известны сирийцы: они любят вкусно поесть, чистоплотны и честны до тех пор, пока речь не заходит об обмене денег.

Купец вместе со своей семьей жил на первом этаже, и каждое утро выставлял перед входом в дом столик с галантерейными товарами. У меня была возможность прямо по лестнице подниматься на террасу, где я жил, принимать посетителей так, чтобы никто этого не знал, о чем не преминули упомянуть Аденабар вместе с его другом. Жена и дочери галантерейщика приносили мне еду прямо в комнату, в их обязанности входило наполнять водой глиняный кувшин, свисающий с потолка; сыновья галантерейщика делали для меня покупки, носили вино и все то, в чем я нуждался.

Эта семья, едва сводившая концы с концами, казалось, была рада найти постояльца после отъезда всех чужеземцев, прибывших на праздник.

Устроившись в своем новом жилище, я дождался часа, когда придет ночь и на небе вспыхнут звезды, чтобы незаметно выскользнуть по наружной лестнице. Гончарная мастерская Никодима была так известна, что мне не составило труда ее найти. Дверь была оставлена приоткрытой, а во дворе меня ждал слуга.

— Тот ли ты человек, которого ожидает мой хозяин?— предупредительно осведомился он.

Вслед за ним я поднялся по лестнице на террасу. Звездное небо Иудеи было таким ясным, что не понадобилось освещать мне путь. Наверху на подушках восседал почтенного возраста человек, любезно приветствовавший меня.

— Ты ли тот человек, что ищет Бога и о котором мне сообщил банкир Арифен?

Предложив мне присесть рядом с ним, он монотонным голосом заговорил о Боге Израиля. Начал он с рассказа о том, как было создано небо и земля, затем поведал, что Бог взял горстку пыли и сотворил из нее человека по своему подобию.

— Израильский раввин, мне все это известно из ваших священных книг,— в нетерпении прервал я его.— Я пришел к тебе, чтобы

ты рассказам об иудейском царе, Иисусе из Назарета. И тебе это хорошо известно, поскольку ты принимаешь меня ночью и на террасе.

— Его кровь пала на меня и на мой народ,— сказал он дрожащим голосом.— Из-за него моя душа исполнена боли и ужаса. Приход его был Божьим промыслом, поскольку никому не дано совершить ничего подобного.

— Он был чем-то большим, нежели просто раввин, и я, хоть и чужестранец, весь содрогаюсь при мысли о нем,— заметил я.— Ты, конечно же, знаешь, что он воскрес, несмотря на то что сам обернул его тело в саван и затворил в гробнице накануне сabbата.

Никодим устремил свой взгляд к свету звезд.

— Даже не знаю, во что мне верить!— жалобно протянул он.

Тогда, указав ему на небосвод, я спросил:

— Был ли это Мессия, о приходе которого возвещали пророки?

— Не знаю,— ответил он,— ничего не могу понять, я недостойн быть израильским раввином. Как утверждали члены синедрина, пророк не должен был явиться из Галилеи, однако мать Иисуса, с которой я недавно познакомился, говорит, что он родился в иудейском Вифлееме во времена Ирода Великого. А в Письменах сказано, что Спаситель должен прийти из Вифлеема. Свершилось все, что предсказывали пророки, даже то, что на кресте ему не переломят кости!

Он стал напевать мне пророческие псалмы, а затем перевел их смысл. Я прислушивался к его беспрестанно повторяющемуся пению, а затем нетерпеливо произнес:

— Мне безразлично, исполнились или нет предсказания ваших пророков! Для меня важнее всего знать правду о его воскресении, потому что если он действительно вернулся к живым, то любой государь по сравнению с ним — ничто, а мир еще никогда не видел равного ему человека. Я вовсе не стараюсь заманить тебя в какую-то ловушку — уже никто не сможет сделать ему ничего плохого. Отвечай же! Мое сердце готово вырваться из груди, настолько я желаю узнать правду!

— Мне говорили об этом, но я не знаю, чему верить!— признался старик полным сомнения голосом.— Прошлой ночью, опасаясь преследований, его ученики собрались в одном уединенном мес-

те. Большинству из них не давал покоя страх. И тогда Иисус из Назарета явился им и показал раны на руках, на ногах и в боку. Он еще дунул на них и исчез из комнаты так же, как и появился. Вот что мне рассказали, но должен признаться, что мне трудно в это поверить!

В темноте мое тело охватила дрожь.

— Расскажи мне о его царстве, что он о нем говорил?— взмолился я.

— Когда он в первый раз приехал в Иерусалим на праздник Пасхи и очистил храм, я тайно виделся с ним. С тех пор я не могу забыть то, что он мне сказал, хотя не понял этого ни тогда, ни теперь. Он заявил, что никому не дано попасть в его царство, если он не родится заново.

В этот момент в моей памяти всплыли теории орфейцев и пифагорейцев, а также некоторых других философов, утверждавших, что человек рождается много раз, иногда даже в виде животного или растения: все зависит от его поступков в последней жизни. Я почувствовал разочарование, поскольку в том, что мне рассказал старик, не было ничего нового. Однако Никодим продолжал, и в голосе его не чувствовалось фальши:

— Тогда я его спросил: как человек может родиться еще один раз? Или он возвращается в лоно матери, чтобы увидеть свет вторично? И Иисус дал мне ключ к разгадке, пояснив, что никто не сможет войти в мое царство, если не будет рожден от воды и духа. Его слова о воде мне полностью понятны, поскольку немало людей уходят в пустыню и там, живя в небольшой общине и молясь, ожидают своего часа, чтобы пройти крещение в водах одного из озер. Иоанн тоже пришел из пустыни и крестил людей в воде до тех пор, пока его не казнил Ирод Антипас.

Я прервал его:

— Те, кто проходит посвящение в тайны Изиды, во время церемонии должны входить в глубокие и темные воды, однако посвящаемых при этом поддерживают крепкие руки, чтобы они не утонули. Это — всего лишь символическая церемония и ничего более!

— Да, конечно, в погружении в воду нет ничего нового. Однако я спросил его, что значит возродиться духом, и вот слово в слово ответ Иисуса: «То, что родилось от тела, есть тело, то, что рожде-

но от духа, есть дух. Ветер дует повсюду. Тебе слышен его голос, но ты не знаешь, откуда он пришел и куда следует. Так происходит и с тем, кто рожден духом».

Никодим достаточно долго хранил молчание, пока я размышлял над этими словами. Небо Иудеи было покрыто звездами, а до нас долетал сильный запах сырой глины и тепло от печи для обжига. То, что я только что услышал, странным образом затронуло меня до самой глубины души, хотя я прекрасно знал, что это выходит за рамки моего понимания!

— Это все, что тебе известно о его царстве?— наконец поинтересовался я.

Никодим на минуту задумался.

— От его учеников мне известно, что, до того как начать свои проповеди, он уединился в пустыне,— продолжил он.— Там он провел в посте и бдении сорок дней и подвергся видениям и явлениям, которые используют силы земли, для того чтобы ввести в искушение постящегося. Однажды дьявол вознес его на самую высокую гору, откуда были видны земные царства во всем их великолепии, и пообещал ему обладание всем этим, если он падет к его ногам и станет поклоняться ему, отказавшись от того, ради чего он сюда пришел. Однако Иисус устоял перед этим искушением, и тогда приблизились ангелы и стали служить ему. Затем он вернулся в мир людей: читал проповеди, совершал чудеса и, наконец, набрал себе учеников. Вот все, что мне известно о его царстве; он не принадлежит к миру людей, и поэтому было преступлением приговорить его к смерти.

Упоминание об ангелах и видениях несколько смутило меня, ведь после продолжительного голодания и бдения любой человек, хоть немного способный к чувственному восприятию, может иметь различные видения, которые, впрочем, исчезают сразу же после того, как он начинает принимать пищу, питье и возвращается к нормальной жизни.

— А в чем заключается его царство?— неожиданно спросил я Никодима.

Воздав руки к небу, он в отчаянии воскликнул:

— Откуда это знать мне, человеку, слышавшему лишь шепот ветра? Увидев его, я уверовал в его царствие на земле. Он сказал, что Бог послал его на землю вовсе не для того, чтобы

вершить суд над миром, а для того, чтобы мир был спасен через него. Однако этого не случилось! Его распяли на кресте, и он умер постыдной смертью. А без него нет царствия.

Несмотря на то что сердце нашептывало мне совершенно иные слова, разум заставил меня произнести ироничным тоном:

— Немного же ты слышал, израильский раввин! Лишь шепот ветра. И при этом даже не веришь до конца в то, что он воскрес.

— Нет, никакой я не израильский раввин!— униженно пробормотал он.— Я — самый ничтожный из сынов Израиля, а моя душа исполнена боли. Но кое-что я могу тебе дать. После того как сеятель бросил в почву зерно, он больше не заботится о нем: зерно прорастает, а ветер и дожди помогают выбиться из земли нежному побегу, который продолжает тянуться вверх даже тогда, когда сеятель отдыхает, ожидая периода жатвы. То же случится со мной и с тобой, если ты этого действительно желаешь. Возможно, в меня было посеяно такое зерно, и оно начинает давать свои всходы. Возможно, такое же зерно находится и в тебе, в назначенный час оно начнет давать свои плоды. Мне остается лишь ждать, признав, что понял я очень немного и что вера моя хрупка.

— Но я не собираюсь ждать,— лихорадочно возразил я.— Разве тебе не ясно, что полученное сегодня впечатление еще не стерлось из нашей памяти, а каждый прошедший день уносит его частицу? Помоги мне встретиться с учениками Иисуса! Думаю, им он поведал тайну своего царствия. Душа моя горит, и я готов поверить во все, лишь бы мне доказали истинность произошедшего!

Старик глубоко вздохнул:

— Страх, смущение и разочарование переполняют души одиннадцати его учеников. Это простые люди; они молоды и лишены жизненного опыта. Когда он был еще жив, то обсуждая между собой его учение, они распределяли посты в будущем царстве, не переставая «пророчествовать» на этот счет и не обращая никакого внимания на то, что говорил их Учитель; до самой последней минуты они надеялись на земное царствование! Так было и в последнюю ночь перед тем, как его схватили. Тогда он разделил с ними пасхального ягненка по обычаю тех, кто дожидается этого праздника в пустыне, и принес клятву, что не станет пить от плодов виноградника до тех пор, пока они вновь не встретятся вместе в его царстве. Думаю, именно поэтому он отказался от опьяняюще-

го вина, которое перед распятием предложили ему иерусалимские женщины. Однако это обещание вселило в наиболее наивных из его товарищей уверенность в том, что он призовет на помощь целый легион ангелов, которые станут сражаться за него, и заложит царство, в котором каждый из них будет править одним из израильских племен. Теперь ты понимаешь, что они все еще не постигли его учение. Эти бедные необразованные люди не знают, как применить его, несмотря на то что находились рядом с Учителем и были свидетелями всех его деяний. Они опасаются за собственную жизнь и не показываются на людях. Если ты повстречаешься с ними, тебя удивят их рассказы и ты смутишься еще больше, чем они сами.

Мне никак не удавалось этого понять.

— Почему он выбрал своими единственными спутниками и учениками простолюдинов?— раздраженно спросил я.— Если он мог совершать такие чудеса, о которых мне приходилось слышать, то почему же не пригласил более образованных людей?

— Сейчас ты затронул самый большой для меня вопрос,— признался Никодим.— Он не призывал к себе ни мудрецов, ни эрудитов, а лишь бедняков, униженных и угнетенных. Мне сказали, что однажды, обращаясь к толпе, он заявил, что нищие духом — блаженны, поскольку именно им принадлежит его царство. А перед мудрыми и богатыми он воздвигал дополнительные препятствия. Я мог бы стать одним из его сподвижников, но для этого мне требовалось покинуть семью, продать имущество, а деньги раздать нищим! Он выдвигал такие жесткие условия, что никто из нас не смог пойти за ним. И все же у него было несколько богатых и влиятельных друзей, тайно помогавших ему, а также немало знакомых, о которых не знали даже самые близкие ему люди, если он не считал нужным сам известить их об этом.

— Я хотел бы познакомиться с одним из них,— не унимался я.

Однако раввин столь же настойчиво воспротивился моему желанию.

— Я полностью уверен в том, что ты не лазутчик, подосланный римлянами, но пойми, они пребывают в страхе и не смогут доверять тебе. С другой стороны, ты и сам не поверишь им, когда увидишь столь униженное их состояние. Если бы они тебе рассказали, что увидели в наглухо закрытой комнате воскресшего Сына

Божьего, ты подумал бы, что в приступе отчаяния они выдумали эту сказку, чтобы спасти собственное лицо!

Он с горечью усмехнулся и добавил:

— Они сами не верили женщинам, которые, побывав у гробницы, рассказывали, что та пуста. Один из них, который совершенно случайно не был в их прибежище в последний вечер, не верит рассказу своих сотоварищей. Как же сможешь поверить им ты?

Я использовал все свое красноречие, чтобы заполучить адрес этого прибежища учеников Иисуса или хотя бы совет, как вступить с ними в контакт. Но совершенно очевидно, он не доверял мне и ответил категоричным отказом, после чего я почувствовал, что он раскаивается в том, что принял меня.

— Посоветуй хотя бы, как мне быть!— упрасивал я.— Нельзя же безвольно ждать чего-то, что должно произойти!

— Сеятель бросил свое зерно,— тихо ответил он.— Если оно досталось тебе, самое разумное — смиренно ждать. Однако ты можешь отправиться в Галилею, откуда он пришел, разыскать там кротких сердцем и расспросить их о том, чему он учил в своих проповедях. Ты еще можешь поговорить с больными, которых он исцелил и убедиться, что один лишь Божий Сын способен на подобные чудеса.

Такое предложение мне ничуть не улыбалось.

— Но как мне отыскать кротких сердцем? Галилея далеко, а я — чужестранец!— воскликнул я.

После некоторого колебания он наконец решил поведать мне заветные слова.

— Все время путешествия спрашивай дорогу, и если кто-то, кивнув, скажет: «На свете много путей, и все ведут в никуда», ты должен ответить: «Существует лишь один путь. Укажи мне его, поскольку моя душа полна кротости и смирения». Так они признают в тебе своего и начнут доверять. В любом случае ты ничем не сможешь им навредить, даже если донесешь на них, потому что они подчиняются законам, платят налоги и никого не трогают.

— Благодарю тебя за совет, которым я обязательно воспользуюсь,— ответил я.— А в Иерусалиме он не сотворил чуда?

— Здесь ты можешь встретить одну женщину с дурной репутацией, которую он освободил от вселившихся в нее демонов,— ответил он, теперь уже заметно тяготясь моим присутствием.—

Приблизительно в двух часах пути отсюда есть деревня Вифания, в ней живут две сестры и брат, которые принимали у себя Иисуса. Одной из них он позволил, сидя в ногах, слушать его речи, несмотря на то что она — женщина. Он также воскресил их брата, до того четыре дня пролежавшего в гробнице, тело которого, как утверждают, уже начало источать запах. Повстречайся с этим человеком. Его зовут Лазарь. Таким образом, у тебя будет достаточно доказательств, чтобы удостовериться в сотворенных им чудесах. Они примут тебя, если ты придешь от моего имени.

— Действительно ли этот человек был мертвым?— с недоверием переспросил я.

— Конечно!— воскликнул Никодим.— Я не хуже тебя знаю, что есть случаи, когда люди лишь внешне кажутся мертвыми. Мне известны случаи, когда человек под плач толпы и траурные звуки флейты открывал глаза и вставал. Немало рассказывают о том, что многие из погребенных, пытаясь сдвинуть с места погребальный камень, и не имея сил этого сделать, срывали себе ногти и кричали до потери сознания. Наш закон обязывает хоронить покойника в день его смерти. Поэтому подобное вполне возможно. Однако у меня достаточно опыта, чтобы самому во всем разобраться.

Между нами установилась тишина.

— К чему приведет тебя сомнение?— прервал он молчание.— Я могу прочесть твои мысли: это были его друзья, и им не составило особого труда обмануть тех, кто в него не верил,— достаточно было лишь поместить Лазаря в бессознательном состоянии в гробницу и дожидаться прихода Иисуса. Только что они от этого выиграли бы? Тебе лучше встретиться с самим Лазарем и его сестрами. Тогда ты сможешь убедиться, говорят они правду или же всех обманывают.

Безусловно, Никодим был прав. И поскольку мне нечего было от него больше ожидать, я вместе с выражениями благодарности предложил ему вознаграждение за полученные сведения, от чего он категорически отказался.

— Я не беглый цирковой артист, который зарабатывает на жизнь тем, что обучает детей читать, как это бывает в Риме,— с презрением ответил он.— Израильские раввины не торгуют своими знаниями, и тот, кто желает стать им, должен научиться зарабатывать на хлеб своими руками. Мой отец был горшечником,

и я — горшечник. Однако, если хочешь, можешь раздать свои деньги бедным. Возможно, таким образом ты заслужишь благословения.

Он проводил меня по лестнице вниз и пригласил в дом, чтобы при свете лампы я смог убедиться в его значительном благосостоянии, несмотря на профессию горшечника. Здесь всего было вдоволь, и наполненный предметами роскоши дом был домом богатого человека.

Одет он был в плащ из наилучшего сукна, однако при свете лампы мне больше всего хотелось рассмотреть его лицо.

У него был усталый взгляд от долгого чтения Писания, но, несмотря на седую бороду, в чертах его лица улавливалось что-то детское. Даже если он хорошо знал свое дело, его руки уже давно не прикасались к глине.

Со своей стороны, он тоже внимательно меня разглядывал, чтобы хорошо запомнить.

— В твоём лице нет ничего злобного,— заметил он.— Взгляд выражает беспокойство, но это не взгляд скептика или же бесчестного человека. Тебе все же следовало бы отрастить бороду, чтобы все поверили, что ты — богобоязненный человек.

Я и сам уже пришел к подобному решению и перестал бриться, но за два дня мой подбородок лишь успел покрыться черной щетиной. Хозяин дома проводил меня до самого порога и сам закрыл за мной дверь.

Пока мои глаза не привыкли к темноте, я, спотыкаясь, продвигался по старинной мостовой. В этот поздний час лишь главные улицы города оставались освещенными. Однако, направляясь к Никодиму, я хорошо запомнил путь и не беспокоился о том, что у меня могут возникнуть какие-нибудь сложности, дабы найти свое новое жилище, хотя оно находилось довольно далеко от нижнего города. До стены, отделяющей верхний город от пригородов, я добрался, не встретив ни одной живой души, не считая двух местных стражников. Вдруг из-под свода ворот до меня донесся несмелый женский голос:

— Мир тебе, чужестранец!

От этого неожиданного приветствия я вздрогнул, однако вежливо ответил:

— Мир и тебе, женщина!

Она бросилась передо мной на колени и униженно произнесла:

— Я твоя рабыня, прикажи — и я сделаю все, что захочешь.

Я понял, какой презренной профессией она занималась, и оттолкнул ее.

— Иди своей дорогой, мне от тебя ничего не нужно!

Однако она настойчиво уцепилась за полу моего плаща.

— Я бедна, у меня нет комнаты, куда я могла бы тебя пригласить, однако в стене есть углубление, где нас никто не сможет увидеть.

Она была полностью закутана в одежды, а лицо, по обычаю иудейских женщин, было прикрыто да так плотно, что мне никак не удавалось заглянуть ей в глаза и определить возраст. Однако бедность ее тронула меня, заставив вспомнить о совете Никодима. И я вложил в ее ладони все серебряные монеты, которые предназначались старому раввину. Мне пришлось долго и настойчиво объяснять, что взамен мне от нее ничего не нужно. Когда она наконец все поняла, то была готова броситься к моим ногам и целовать их.

— Мне еще никто не давал денег, ничего не требуя взамен. Да благословит тебя Бог Израиля, хоть я не имею права никого благословлять от его имени и даже деньги мои не могут быть приняты в храме. Назови мне хотя бы свое имя, чтобы я могла помолиться за тебя.

Называть свое имя женщине, занимающейся подобным ремеслом, мне казалось совершенно неподходящим, однако мне не хотелось ее обидеть.

— По принятому у римлян обычаю, меня называют Марк. Я не из Иерусалима.

— Мария к твоим услугам,— ответила она.— Но Марий здесь больше, чем косточек в плоде граната, меня зовут Марией из Беерота, деревни множества колодцев, и говорю я это тебе для того, чтобы такой щедрый человек, как ты, смог меня отличить от других Марий, которых ты еще немало встретишь на своем пути.

— Вовсе я не щедрый,— возразил я, чтобы отделаться от нее,— Я просто рассчитался с одним долгом, и тебе не стоит меня благодарить. Ступай себе с миром, как и я, и забудь обо мне, как я забуду о тебе.

Женщина сделала попытку в темноте рассмотреть мое лицо.

— Не отвергай молитву несчастной! — взмолилась она. — Возможно, мне удастся тебе помочь в самый неожиданный момент.

— Ты ничего не должна, и я от тебя ничего не требую, — повторил я. — Мне всего лишь надо найти путь, но не думаю, чтобы ты смогла мне в этом помочь.

— Ты ищешь путь, чужестранец? — поспешила переспросить она. — На свете много путей, и все ведут в никуда. Ты обязательно заблудишься, если будешь сам себе проводником.

Ее ответ не мог быть случайным. Однако я испытал разочарование, видя, что кротких сердцем представляют презренные существа, живущие отдельной от других жизнью. И все же я вспомнил историю о крысе, которая перегрызла веревки и освободила попавшего в плен льва.

— Мне сказали, что существует лишь один путь, — был мой ответ. — Я хотел бы обрести кротость души и смирение, но не знаю, с чего начать.

Тогда женщина протянула руку и провела ладонью по моему лицу, отметив начинающую отрастать бороду. Несмотря на страстное желание обрести смирение, это прикосновение показалось мне отвратительным, и как только я отпрянул назад, она сразу же одернула руку.

— В лекаре нуждаются больные, а не здоровые, — грустно сказала она. — Ты не сжалился надо мной, а лишь хотел избавиться от долга, который угнетает тебя. Ты не настолько болен, чтобы действительно желать отправиться в путь. Однако я была послана, чтобы испытать тебя. Если ты пошел бы за мной к стене, то отправился бы домой таким же грустным, как я сейчас. Если ты действительно жаждешь найти путь, Марк, я готова дать тебе надежду.

— Верь мне я никому не желаю зла, — заверил я. — Однако мне хотелось бы узнать правду о вещах, о которых тебе вряд ли известно.

— Не пренебрегай тем, что известно женщине, — ответила она. — То, что знает женщина, в царстве может быть важнее всех рассуждений мужчины, хотя я самая презренная из всех женщин Израиля. Мое познание говорит, что мы живем в дни, когда сестра может встретить сестру, не отвергая ее, а брат может встре-

тить брата, не убивая его. Вот почему у меня на душе светлее, чем раньше, хоть я и потерянная женщина.

В ее голосе звучало столько радостной надежды, что мне пришлось поверить в то, что ей что-то известно.

— Сегодня вечером я был у израильского раввина, — сообщил я. — Однако его вера не прочна, а его слова не согрели мою душу. Можешь ли ты преподать мне лучший урок, чем он, Мария из Беерота?

Говоря это, я подумал, что эта Мария, возможно, не такая плохая женщина, как кажется. Чтобы добраться до своего нового жилища, я обязательно должен был пройти через эти ворота, и возможно, ее действительно послали, чтобы так или иначе испытать меня.

— Что за надежду ты можешь мне дать? — спросил я.

— Знаешь ли ты ворота у Источника?

— Нет, но мне не составит никакого труда их найти, если возникнет такая необходимость.

— От этих ворот начинается дорога в долину Кедрона и на Иерихон. Возможно, это именно тот путь, который ты ищешь. Если же нет, дожись, когда у тебя отрастет борода, а затем приди к воротам у Источника и осмотришься вокруг. Может быть, ты увидишь мужчину, несущего кувшин. Следуй за ним. Если ты к нему обратишься, возможно, он захочет тебе ответить. Но если нет, то и я тебе не смогу помочь.

— Ходить за водой — это не мужская работа, — возразил я. — В Иерусалиме, как и во всем мире, воду носят женщины.

— Именно поэтому ты сможешь его узнать, — ответила Мария из Беерота. — Но если он не заговорит с тобой, не отчаивайся. Приди в другой день и попытай счастья еще раз. Это все, чем я могу тебе помочь.

— Если ты дала мне дельный совет, я буду перед тобой в долгу, Мария.

— Указывая путь другому, я оплачиваю собственный долг, — живо произнесла она. — Но если твой долг довлеет над тобой, раздай свои деньги беднякам и позабудь обо мне. Не стоит приходить сюда и искать меня у стены — я больше не вернусь к этому месту.

Мы расстались, а мне так и не удалось рассмотреть ее лицо,

чтобы узнать ее при свете дня. У меня все же осталось ощущение, что я всегда смогу отличить от других ее полный радости голос, если мне представится случай еще раз услышать его.

Я добрал домой и поднялся наверх по наружной лестнице. Вспоминая обо всех событиях прошедшего дня, я не смог сдерживать раздражения по отношению к здешним людям, которые испытывали немалое пристрастие к тайнам. Никодим, несомненно, знал больше, чем сказал; помимо этого я чувствовал, что за мной следили, чего-то ожидая от меня.

Ученикам воскресшего царя и иудейским подругам Клавдии Прокулы, похоже, казалось, что я знаю то, что не известно им самим, но они не решались открыто заговорить со мной об этом. Конечно, нельзя обижаться на них за подобное недоверие к чужим: прошло очень мало времени с тех пор, как их раввин был осужден, проклят и распят на кресте.

А садовник, которого я видел у могилы, не перестает беречь мою душу. Он сказал, что знает меня и что я тоже должен его знать. И все же я не вернусь в его сад: совершенно уверен, что там я его больше никогда не встречу!

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Марк — Тулли!

Расскажу тебе о своем путешествии в Вифанию и о том, что там произошло.

У меня начала отрастать борода. Я носил скромную туннику и невзрачный плащ и был похож больше на разбойника с большой дороги, чем на цивилизованного римлянина. Сириец приготовил мне в путь хлеба, сушеной рыбы и терпкого вина, и я направился через город к воротам у Источника. Пройдя мимо пруда, я спустился в долину Кедрона и пошел по тропе, извивающейся по берегам мелкого ручья. За холмом, по левую сторону от меня потянулись городские укрепления, а по правую — многочисленные захоронения. Вдоль дороги стояли старые оливковые деревья, вызывавшие мое восхищение своими причудливыми формами. Я обогнул один из садов, разбитых прямо на склоне холма.

Воздух был свеж и чист, в небе — ни единого облака. На пути мне встречались груженные зерном и углем ослы, которых вели крестьяне с тяжелыми корзинами на плечах. Я шел бодрым шагом, ощущая в себе прилив энергии. Радость физической нагрузки помогла мне избавиться от черных мыслей, и я испытывал

счастье, предвкушая блистательные перспективы, даже если никто еще об этом не подозревал. Возможно, я так же приблизился к разгадке тайны, как и все, кто был ее свидетелем, несмотря на мое чужестранное происхождение. В таком случае ни земля, ни небо не смогут оставаться для нас прежними, и все будет намного светлее, чем раньше.

Вифания была видна издалека. Сквозь частокол деревьев виднелись сгрудившиеся дома деревни, побеленные известью по случаю Пасхи. Подойдя к деревне, я повстречал человека, сидевшего в тени фигового дерева. Накрывшись земляного цвета плащом, он был настолько неподвижен, что это заставило меня остановиться и обратить на него внимание.

— Да пребудет мир с тобой!— сказал я.— Это деревня Вифания?

Человек повернул ко мне голову. Его лицо было высохшим, как у мумии, а взгляд был остекленевшим, и я сначала решил, что имею дело со слепым. Волосы на его непокрытой голове были совершенно седыми, хотя его пожелтевшее лицо отнюдь не указывало на преклонный возраст.

— Мир и тебе!— ответил он.— Ты заблудился, чужестранец?

— На свете много путей, и на них нетрудно заблудиться,— с надеждой в сердце ответил я.— Возможно, ты сумеешь указать мне истинный путь?

— Тебя направил сюда Никодим?— не очень вежливым тоном осведомился он.— Если это так, то меня зовут Лазарь. Чего ты хочешь?

Он говорил так, словно делал это из последних сил. Я перешел на другую сторону тропинки и сел на землю неподалеку от него. Что за наслаждение вкусить хоть немного отдыха в тени фигового дерева! Я сделал над собой усилие, чтобы не смотреть Лазарю прямо в лицо; иудеи в разговоре с чужестранцами привыкли опускать глаза. У них не принято открыто смотреть друг другу в лицо.

Мое молчание, вероятно, показалось ему удивительным, и он нарушил его первым.

— Тебе, должно быть, известно, что первосвященники решили убить и меня. Однако, как можешь убедиться, я не собираюсь прятаться и продолжаю жить в своей деревне и в своем доме.

Пусть приходят и убивают это тело, если смогут! Я их не боюсь! И тебя тоже! Никому не дано меня убить, потому что я никогда не умру!

Эти ужасные слова и его остекленевший взгляд наполнили меня ужасом, мне показалось, что я ощутил исходившее от него леденящее дуновение.

— Неужели ты лишился рассудка?— воскликнул я.— Как человек может утверждать, что никогда не умрет?

— Кажется, я перестал быть человеком,— ответил Лазарь.— Конечно, у меня еще есть это тело. Я ем, пью и разговариваю. Однако в этом мире для меня не существует ничего реального. Я ничего не потеряю, даже если лишусь этого тела.

В нем было что-то такое странное, что я поверил этим словам.

— Мне рассказывали, будто тот, кто был распят как царь иудеев, пробудил тебя от смерти. Это правда?— поинтересовался я.

— Что за вопрос?— ироничным тоном заметил он.— Разве я не сижу рядом с тобой? Я умер смертью человека, был завернут в саван и четыре дня провел в гробнице, пока он не пришел и не приказал отвалить камень при входе. «Лазарь, выходи!»— позвал он. Для него это было не самым трудным делом!

Однако, казалось, рассказанное не радовало его. Я по-прежнему молчал, и он продолжил:

— Все случилось по вине моих сестер, я никогда не смогу им этого простить. Они отправили за ним посланцев и заставили его вернуться. Если бы я не умер от этой болезни, ему не пришлось бы возвращаться в Иудею и он не попал бы в руки своих врагов. Он сам оплакал меня, перед тем как вызвал из могилы.

— Ничего не могу понять,— недоумевал я.— Чем ты недоволен и в чем обвиняешь сестер, если благодаря им он пробудил тебя от смерти и теперь ты можешь наслаждаться радостью жизни?

— Не знаю, как может однажды вкусивший смерть человек наслаждаться радостью жизни! Ах, он не должен был меня оплакивать! Это, несомненно, был Сын Бога! В своей вере я не придерживаюсь тех же взглядов, что сестры, однако знаю, что он должен прийти к людям. Но я никак не могу понять, почему он так сильно любил меня!

Мы замолчали и сидели, неподвижно глядя перед собой. Его

холодность и нескрываемое раздражение казались мне такими странными, что я не знал, о чем еще можно его спросить.

— Но теперь ты веришь, что он был Мессией?— осторожно осведомился я.

— Он был больше чем Мессия!— уверенно произнес он.— Тебе, конечно, рассказывали о том, что на третий день он воскрес.

— Я действительно слышал об этом! И пришел к тебе, чтобы услышать еще что-то!

— Тогда слушай: каким бы мудрым ты не представлял себе человека, Иисус все равно превзошел бы его. Какая сила смогла бы его удержать в могиле? Чтобы удостовериться в этом, мне не было необходимости, как моим сестрам, самому идти туда. И все же, чужестранец, я не желаю увидеть его еще раз в этой жизни. Я смогу быть с ним, лишь когда окажусь в его царстве.

— А какое оно, его царство?— с жадностью спросил я.

Лазарь уставился на меня своими остекленевшими глазами.

— Почему же ты сразу не хочешь узнать, что собой представляет царство смерти? Можешь мне поверить: смерть находится везде — здесь и повсюду.

Он немного помолчал и, склонив голову, продолжил:

— Не подумай, что я какой-то шарлатан! Возможно, ты не понимаешь того, что я говорю, но разве мне самому это понятно?— И добавил: — Не отчаивайся, видя мою грусть. Смею тебя заверить: ты на верном пути. Если и дальше пойдешь по нему, то никогда не заблудишься.

Он поднялся и отряхнул свой плащ.

— Ты хочешь повидаться с моими сестрами?— спросил он, догадываясь о моих намерениях.— Я провожу тебя к ним, однако позволь мне сразу же уйти. Я не испытываю удовольствия от общения с людьми.

Я подумал, что на нормальных людей он должен производить впечатление человека, принадлежащего скорее к миру мертвых, чем живых. Я также обратил внимание на то, что он передвигался с трудом, словно конечности не полностью ему подчинялись. Любому постороннему, не знающему его историю, он, несомненно, показался бы странным.

Лазарь повел меня в обход тропы, ведущей в деревню, и

обогнув холм, мы приблизились к высеченной в камнях могиле, откуда его вызвал назаретянин.

Дом, в котором Лазарь жил с сестрами, принадлежал богатому помещику. Пока мы шли, он показал мне двух ослов, которые паслись на лугу, виноградник, сад и даже домашних птиц, гребущихся в земле неподалеку от дома. Можно было подумать, что он хочет убедить меня, что я имею дело далеко не с нищими. Эта мирная картина была настолько осязаема и привлекательна, что с трудом верилось, будто идущий рядом человек воскрес из мертвых.

Однако теперь я понимал всю второстепенность истории о его воскресении; главным для меня было узнать, действительно ли Иисус из Назарета был Сыном Божиим и действительно ли он воскрес; и если да, то не могло быть сомнений в воскресении Лазаря. Вдруг я проследил за ходом своих мыслей и испытал небывалое удивление: неужели я — тот самый Марк, который некогда учился в Родосе, целыми ночами бродил по улицам Рима, обладал определенной репутацией, безумно любил чужую жену среди роз в Бэ, в Александрии после изучения пророчеств до самого утра предавался разгулу?

Неужели в меня вселился демон или я стал просто жертвой какой-то иудейской магии и теперь брожу здесь, по иудейской деревне, в покрытом пылью и пропитанном потом плаще, среди кудахтанья кур, в поисках свидетелей воскресения и других чудес, в поисках созданного человеком Бога, умершего и затем воскресшего, для того чтобы изменить этот мир? Конечно, если все обстоит именно так, мир не сможет оставаться прежним. Вслед за Лазарем я вошел в большую, погруженную в полумрак комнату, внизу были видны глиняные кувшины, мешки и кормушка для животных, а жилой этаж оказался довольно скудно обставленным. Лазарь позвал сестер, а меня провел к колодцу перед домом и предложил присесть. По крестьянскому обычаю женщины вышли с закрытыми лицами и опущенными глазами.

— Вот мои сестры — Марфа и Мария. Можешь их обо всем расспросить,— сказал Лазарь и сразу же ушел прочь.

— Я попросил бы вас,— после приветствия сказала я,— рассказать мне о навещавшем вас раввине, который, насколько я слышал, воскресил вашего брата.

Женщины смутились и обменялись беглыми взглядами. Наконец старшая из них, Марфа, решилась заговорить.

— Он был Сыном Бога,— сказала она.— Если хочешь, можешь позвать сюда других наших односельчан: все они были при том, как он приказал отвалить надгробный камень и крикнул нашему брату, чтобы тот вышел из могилы. И Лазарь появился — он был полностью завернут в саван, даже лицо его было покрыто плащаницей, от страха никто не мог сдвинуться с места. Но это был именно наш брат! Мы сняли с него саван и убедились, что он жив. Чуть позже он ел с нами в присутствии людей, которые с сомнением и беспокойством смотрели на него.

— В деревне есть еще один слепой, которому он вернул зрение,— добавила Мария.— Хочешь с ним встретиться?

— Мне действительно говорили, что он излечивал больных и возвращал парализованным способность двигаться,— ответил я.— Но их слишком много, и я не смогу поговорить со всеми. Расскажите лучше о его царстве? Что он говорил о нем?

— Он наперед знал, что умрет и как это случится, хоть мы этого и не понимали,— сказала Мария.— Воскресив моего брата, он удалился в пустыню, вернулся же к нам за шесть дней до Пасхи. Пока он ел, я в знак любви омыла ему ноги ароматным маслом и вытерла их своими волосами. И тогда он сказал, что это омовение — приготовление к его погребению. Но мы с сестрой не могли понять, почему все должно произойти именно так и почему он должен умереть столь ужасной смертью.

— Да и как нам, простым женщинам, было его понять?— вмешалась Марфа.— Говорят, что все произошло так, как было предсказано в пророчествах. Однако что толку в том, что они свершились. Возможно, это было необходимо для того, чтобы убедить мудрецов. Ведь только мужчины способны рассуждать, а мы, женщины, не получили подобного дара.

— А что он сам говорил о своем царстве?— настаивал я.

Марфа посмотрела на сестру:

— Мария, ты слушала его и можешь рассказать. Я могу объяснить, как делать хлеб, жарить мясо, собирать виноград и выдавливать из него вино, или же могу дать совет, как лучше всего обращаться с фиговыми деревьями, однако не знаю всего осталь-

ного. Меня совершенно не нужно убеждать в том, что он был более чем обычный человек.

Хорошо поразмыслив, Мария наконец решила начать:

— Ни один человек на земле никогда не говорил так, как он. Он излагал, как имеющий власть. Заявлял, что пришел для того, чтобы быть светом мира и чтобы никто из тех, кто верит в него, не оставался в темноте.

— А что такое свет и тьма?— с нетерпением переспросил я.

— Конечно, как тебе это понять, если ты не слушал его проповедей?— тряхнув головой, ответила Мария.— Он говорил: «Тот, кто видит меня, видит пославшего меня. Я — путь, истина и жизнь».

Мне показалось, что я наконец начал понимать.

— Значит, ища путь, я ищу его?

Мария подтвердила эти слова кивком головы. Не испытывая больше никаких опасений, она опустилась на колени у моих ног и обратила ко мне свое лицо. Затем, словно для того, чтобы я смог лучше понять, спросила:

— Что для тебя было бы труднее? Сказать человеку, что его грехи прощены или же вызвать моего брата Лазаря из гроба через четыре дня после смерти?

Я долго раздумывал, прежде чем дать ответ.

— И то и другое мне кажется одинаково трудным и неподходящим для человека с рациональным складом ума,— произнес я.— Как человек может отпустить грехи другому человеку? Кроме того, что такое грех? Если хорошо подумать, то все существующие философии учат человека жить в согласии со своим рассудком, не причинять умышленного зла себе подобным и, с другой стороны, спокойно готовиться к смерти. Однако человек не способен избежать скверных поступков. Ему лишь позволено, поразмыслив над ними, принять решение в будущем быть более осмотрительным. И никто не может ему в этом помочь. Каждый из нас сам отвечает за свои дела.

Говоря так, я почувствовал, насколько может быть жалкой философия, если она не способна избавить меня от страха и тревог, как не могут этого сделать тайные церемонии орфического или египетского культов. Иногда без всяких объяснимых причин я начинаю ощущать тревогу, становлюсь словно больным, и тогда ни жизнь, ни вино, ни физические удовольствия не приносят мне

радости и не могут вывести из такого состояния. Именно эта тревога заставила меня изучать пророчества, именно она заставила меня покинуть Александрию и бродить дорогами Иудеи.

— Если ты не знаешь, что такое грех, то не найдешь нужный путь и дальше будешь жить во мраке,— сказала Марфа.— Все люди грешны, даже фарисеи.

— Терпеть их не могу!— со злостью в голосе прервала ее Мария.— Они похожи на гробницы: обеляют себя снаружи, а внутри — вонь! Ты, чужестранец, не в счет, если даже не знаешь, что такое грех.

— У вас, иудеев, есть свой закон,— сказал я в свою защиту.— С самого детства вас обучают его заповедям, чтобы вы знали, законно ли то, что вы делаете, или нет.

— Он пришел не для суда над людьми!— воскликнула Мария так, словно обращалась к слабоумному.— Наоборот, проповедую, что нет безгрешных, он пришел нас освободить от жестокости законов. Человек, сказавший своему брату грубое слово, должен быть осужден. Он же сказал тому, кто имел прегрешений больше остальных: «Твои грехи прощены». Понимаешь? Никому на свете не дано говорить этих слов, а он сказал. Разве это не доказательство того, что он — более чем человек?

Я горел желанием все это понять, но тщетно.

— Я видел его страдания и смерть на кресте,— возразил я.— Он умер как обыкновенный человек. Из тела сочилась кровь, а когда легионер пронзил его сердце, из раны вытекла кровь, смешанная с водой. Он не сошел с креста, и ни один ангел не появился, чтобы покарать палачей.

Мария прикрыла лицо руками и расплакалась. Марфа с осуждением взглянула в мою сторону. Рассказывать им о страданиях их раввина было действительно жестоко с моей стороны, однако я раз и навсегда желал все прояснить.

— Он стал человеком, чтобы появиться на свет, и жил среди нас как человек,— сказала Мария.— Но его деяния нельзя назвать делами простого смертного: тем, кто верил в него, он отпустил все грехи и воскрес, чтобы нам не пришлось жить в скорби. Впрочем, все это пока остается тайной, и мы не сможем тебе этого объяснить.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в то, что он одновременно был

Богом и человеком?— спросил я.— Но это невозможно! Я мог бы допустить существование вездесущего Бога и то, что в каждом из нас имеется его частица, но Бог остается Богом, а человек — человеком!

— Ты напрасно стараешься сбить меня с толку,— сказала Мария.— Я знаю то, что знаю, и чувствую то, что чувствую. У тебя тоже есть предчувствие, даже если не понимаешь этого. Да и как бы ты мог в это поверить, если даже мы не можем во всем разобраться? Достаточно того, что мы верим, иначе нам было бы трудно жить.

— Вы верите, потому что любите его!— с горечью возразил я.— Но мне трудно полюбить его по одним рассказам.

— Ты — человек доброй воли,— сказала Мария.— Если бы это не было так, я не стала бы ни слушать тебя, ни отвечать на твои вопросы. К этому я могу лишь добавить: он продиктовал нам закон, гласящий: «Возлюби Бога всем сердцем своим и ближнего своего, как себя самого». Любя его, мы любим Бога, который послал его.

Мысль о том, что к Богу можно испытывать любовь, показалась мне весьма странной. По отношению к Богу я мог бы допустить чувство боязни, ужаса или даже почитания, но любовь!.. Что же касается закона любви к ближнему, как к себе самому, он мне показался начисто лишенным смысла, поскольку среди людей существуют не только хорошие, но и плохие.

— А кого мне следует считать своим ближним?— спросил я, пытаясь придать своим словам оттенок иронии.

— Он говорил, что все люди — наши ближние, даже самаритяне, которых дети Израиля считают безбожниками. Солнце дарит свои лучи одинаково и добрыми и злыми. Не стоит отвечать злом на зло, и если кто-то ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую.

В знак протеста я воздел обе руки и воскликнул:

— Довольно! Еще никогда мне не приходилось слышать столь небывалого учения! По-моему, никто не сможет ему следовать. Но должен признать, что ты, красавица, объяснила мне все намного лучше, чем раввин Никодим.

Мария опустила глаза, а ее руки повисли вдоль тела.

— Даже на кресте, взывая к своему отцу, он просил его про-

стить тех, кто мучил его,— тихо сказала она.— Так говорят присутствовавшие при этом.

Спустя какое-то время она попросила:

— И не называй меня красавицей: это приносит мне одну лишь печаль.

— Ты сказал правду, моя сестра действительно красавица!— вмешалась Марфа.— У нее уйма женихов! Однако со времени смерти родителей нашим единственным защитником оставался брат; можешь себе представить, как бы нам жилось без него и насколько важно было для нас его воскресение? Поначалу мы очень боялись, потому что фарисеи угрожали прийти из города и забросать Лазаря камнями. Теперь я не думаю, что они станут это делать — ведь им удалось погубить самого Иисуса! Напрасны все мои старания: я не перестану впадать в уныние! Иисус запрещал мне это! Нужно позабыть о горе, которое мы пережили, когда он вопреки нашей воле отправился в Иерусалим, сказав, что там его ожидает смерть!

Я не очень прислушивался к ее болтовне. Абсурдное учение, поведенное Марией, поражало меня своей невероятностью; я был сыт по горло такой духовной пищей, и мне следовало бы, выразив хулу, навсегда оставить столь бездумный путь! Перспектива видеть в первом же дураке или разбойнике своего ближнего превзошла все мои ожидания! А как позволить кому-то оскорблять себя, даже не пошевелив пальцем?

— Не будем паниковать!— добавила Мария.— И ты, о чужестранец, забудь о своем беспокойстве! Лучше просто дождаться того, что еще должно случиться. Он сам говорил, что каждый волос у нас на голове сосчитан и что с дерева не упадет ни один воробей без ведома его отца. К чему беспокоиться, если это так?

Я не остался глухим к этим ее словам: точно так же, как прежде, когда я видел различные предзнаменования и не мог им поверить вопреки собственному желанию, так и теперь что-то мне подсказывало, что необходимо, не раздумывая, смириться и дождаться истины. Если я соглашусь, чтобы меня и дальше вели по этому пути, все постепенно прояснится.

Я поднялся и произнес:

— Не хочу вас больше обременять своим присутствием! Спа-

сибо вам обеим за то, что так любезно выслушали меня и ответили на вопросы. Да пребудет с вами мир!

Марфа вскочила и, всплеснув руками, воскликнула:

— Нет! Ты должен остаться! Ты не можешь уйти, страдая от жажды и голода!

Несмотря на мои возражения, она вернулась в дом и принялась готовить мне что-то поесть. Сидя на каменной скамье, я погружился в собственные размышления, а Мария разместилась у моих ног. Никто из нас не произнес ни единого слова. Тем не менее наше молчание не было молчанием людей, которым нечего друг другу сказать. Совершенно наоборот! Мария сказала мне все, что я пожелал от нее услышать. Кое-что из сказанного я успел воспринять, иное лишилось бы своей таинственности позже, но продолжая говорить, она больше не смогла бы мне помочь. Она просто сидела здесь, рядом со мной, и от нее исходила какая-то энергия, так что в ее присутствии я чувствовал себя хорошо. Марфа принесла пропитанные маслом лепешки, мелко нарезанные овощи с яйцом, соленое баранье мясо и густое вино. Разложив все это подле меня на скамье, она слила воду мне на руки и благословила трапезу. Однако ни она, ни сестра не прикоснулись к еде, не пришел и Лазарь, чтобы разделить со мной трапезу. Так, несмотря на всю их приветливость, я ощутил, что мной управляют.

Дорога до Вифании не была долгой и я мог утолить голод в деревне, но все же при виде вкуснейших блюд аппетит разыгрался, и я с удовольствием поел, а Марфа стояла около меня, упрямивая попробовать каждое блюдо. Вероятно, они будут вынуждены выбросить все, к чему прикоснулась рука чужестранца, и чтобы не оказаться невежливым, я продолжал трапезу даже после того, как насытился. Под конец я выпил воды, которую Марфа смешала с вином, и ощутил приятную тяжесть.

Был уже девятый час.

— Даже не думай возвращаться в город!— заботливо сказала Марфа.— Наступил самый жаркий час дня! Изволь остаться и немного отдохнуть под нашей крышей.

Я испытывал небывалую усталость и не смог бы сказать, была ли она физическая или духовная. Я сделал усилие, чтобы подняться, но, с одной стороны, все члены моего тела оказались словно сонными, а с другой,— приветливость этих женщин была мне столь

приятна, что ни за что на свете я не тронулся бы сейчас в путь. Если бы у меня действительно возникло желание, я, конечно же, мог попрощаться и покинуть их дом, но при одной только мысли об уходе меня охватила такая слабость, что я ощутил боль в каждом суставе. В голове на минуту промелькнуло подозрение, что Марфа, подсыпала мне в вино снотворное. Однако зачем? Кроме того, разве я не почувствовал бы горького привкуса?

— До Иерусалима не очень далеко, но если позволите, я с удовольствием приму приглашение отдохнуть,— сказал я.— В этом доме мне в самом деле очень нравится.

Обе они как-то загадочно улыбнулись, словно лучше меня знали, что у них я чувствую себя превосходно. Исходящая от них мудрость заставила меня на несколько секунд вообразить, что передо мной вовсе не люди, а какие-то странные существа, которые обладают чем-то большим, чем человек. Однако это не внушало мне никаких опасений, и я почувствовал себя ребенком, вернувшимся домой, после того как он потерялся.

Они вдвоем проводили меня во внутренний двор с тенистой беседкой из виноградных лоз. В состоянии полусна, воспринимая реальность лишь наполовину, я успел заметить, что их дом был намного больше, чем показался мне вначале. Он состоял по меньшей мере из четырех зданий, построенных в разное время вокруг двора. Марфа и Мария поднялись за мной по лестнице, ведущей в самое новое строение, и открыли дверь, за которой была маленькая комнатка для гостей, выходящая на террасу. Почти все пространство занимало низкое ложе, стоявшее на ковре. Свежий воздух был наполнен запахом корицы.

— Приляг и отдохни,— хором сказали сестры.— На этом же месте не один раз спал тот, о ком мы говорили. У него была привычка после полуденного сна в одиночестве молиться в горах. Он приходил и уходил из нашего дома, когда считал нужным. Можешь поступать, как он.

Здесь же стоял наполненный водой таз, а рядом было разложено чистое белье. Несмотря на мои возражения, Марфа присела на корточки, сняла с меня обувь и омыла запыленные ступни моих ног, а затем вытерла их бельем.

— Зачем ты это делаешь?— спросил я.— Ведь ты не прислуга! Она взглянула на меня с той же загадочной улыбкой.

— Возможно, однажды ты так поступишь с кем-то другим, не будучи его слугой,— ответила она.— Вот ты здесь, передо мной, израненный, грустный и полный печали, несмотря на то что внешне ты пынешь здоровьем, а твоя голова полна различных познаний.

Ее слова угодили прямо в цель. Мои познания действительно похожи на вонзенный в открытое сердце нож, все заданные вопросы сгорают в пламени реалий, словно ночные бабочки, и мне трудно поверить в то, что я не могу себе представить.

Сестры бесшумно закрыли за собой дверь, и я сразу же погрузился в глубокий сон. Отдых на этом пахнущем корицей ложе, в этой маленькой уютной комнатке был для меня большим облегчением.

Я проснулся от ощущения, что в комнате я не один, что кто-то дожидается моего пробуждения. Ощущение было таким сильным, что для этого мне даже не пришлось открывать глаза. Я пытался уловить дыхание или какое-то движение присутствовавшего здесь человека. Но когда я решился открыть глаза, комната оказалась пустой и никого, кроме меня, в ней не было. Я испытал неописуемое разочарование. Неожиданно стены и потолок словно пришли в движение и вскоре вовсе растворились. Я закрыл глаза и опять ощутил чье-то близкое присутствие. Тогда я вспомнил, что однажды уже испытал нечто подобное, войдя в гробницу.

Я вновь уснул, но проснувшись на этот раз, ощутил тяжесть собственного тела, которое распространяло запах пота, и отметил прочность окружавших меня глиняных стен. Это пробуждение стало таким тягостным, что я не сразу решился оглядеться вокруг.

Когда же я наконец открыл глаза и, покинув ласковую безмятежность сна, вернулся к реальности, то сразу заметил, что на сей раз в комнате действительно был кто-то еще. Присев на ковер, незнакомая женщина ожидала моего пробуждения.

Лицо покрыто вуалью, а одета она была в такие просторные одежды, что поначалу я даже не понял, что передо мной человеческое существо.

Пытаясь подняться, чтобы присесть на краю ложа, я почувствовал, что конечности мои словно налиты свинцом, будто на них повисла вся земная тяжесть.

Заметив, что я пошевелился, женщина встала и открыла лицо.

Оно было бледным и немолодым. Видно, что ее потрепала жизнь, уничтожив былую красоту. Однако в ней было нечто странное и излучающее свет.

Когда она поняла, что я окончательно проснулся, то слегка пошевелила рукой под плащом, как бы подавая знак: не обращай на меня никакого внимания, и слегка хриплым голосом принялась напевать на священном языке иудеев. Это были псалмы, которые она пела достаточно долго, а затем перевела их на греческий язык.

— Всякая плоть сравнима с травой, а ее красота — с полевым цветком,— начала она.— Трава высохнет, а цветок увянет, когда Господь дунет на них. Трава высохнет, цветок увянет, а Господь останется на веки вечные. Наш Бог полон тайн.

Она неподвижно смотрела на меня, и лишь искорка сверкала в глубине ее темных глаз; кивком головы я дал понять, что слушаю ее, хотя пока что мне не удалось понять смысл ее слов.

— Господь сказал так: «Тебе, слуге моему, слишком мало восстановить былую славу рода Иакова. Сделаю тебя светом для неверующих, дабы ты всему миру мог поведать о спасении».

Несколько раз она запнулась, словно не могла точно припомнить текст. Затем опять продолжила по-гречески:

— Так сказал о нем пророк Исайя, и смиренные сердцем помнят это: «Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от него лицо свое; он был презираем, и мы ни во что его не ставили. Но он взял на себя наши немощи и понес наши болезни, изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши, наказание за наше умиротворение было на нем, и ранами его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, и совратились каждый на свою дорогу. И Яхве возложил на него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст своих».

Она тряхнула головой, и по ее щекам пробежали слезы; надломленным голосом она продолжала:

— Он сам предался смерти, и ему назначили гроб со злодеями, но он принял на себя все грехи наши и пострадал за грешников.

Мне показалось, что однажды в Александрии я уже читал подобный текст под руководством своего эрудированного друга, но тогда эти слова не нашли во мне никакого отклика. Заплакан-

ная женщина распласталась на полу, прикрыв свое лицо черной вуалью, чтобы я не видел ее боли.

— Я понял то, что ты хотела сказать! — неожиданно воскликнул я. — Все свершилось так, как гласили ваши пророки. Однако что это значит?

Она мотнула головой, и из-под черной вуали донесся ее голос.

— Мы сами не знаем и не можем понять, — сказала она. — Однако больше не существует множества путей, и у каждого не может быть своего — остался лишь один путь.

Она открыла лицо, и я смог разглядеть его черты.

— О, женщина, как твоя жизнь? Мне кажется, я тебя знаю, — промолвил я наконец.

Утерев слезы, она полностью отбросила вуаль.

— Я тоже знаю тебя, — произнесла она, пытаясь улыбнуться, — поэтому я и пришла сюда. Когда он умирал на кресте, ты ударил скрибу и отогнал тех, кто насмеялся над ним.

— Нет, нет! — из скромности возразил я. — Ты ошибаешься, я никого не бил! Правда я хотел осведомиться о происходившем у одного из скриб, но он оскорбил меня, тогда я обратился к центуриону. Он и прогнал тех, кто над ним издевался.

Однако женщина отрицательно покачала головой.

— Я собственными глазами видела, как ты в приливе злости ударил богохульника, хотя, будучи чужестранцем, мог ни во что не вмешиваться, — заявила она.

Я решил, что будет лучше прервать этот спор. Во всяком случае, перед смертью царя все происходило в такой темноте, что женщина легко могла ошибиться.

— Кажется, я видел тебя рядом с матерью казненного, — уточнил я.

— Да, ты прав, — ответила она. — Тебе обо мне уже рассказывали: я — Мария из Магдалы, я повсюду следовала за ним с тех пор, как он изгнал из меня демонов; он позволял мне делать это, несмотря на многочисленные упреки.

И дав волю до этого сдерживаемым чувствам, она протянула в мою сторону руку.

— Говори! — взмолилась она. — Я слышала, что по приказу прокуратора ты побывал в гробнице и оказался первым римлянином,

убедившимся в том, что он воскрес. Расскажи мне о том, что ты увидел. Мне никто не хочет верить, потому что я женщина.

Я постарался взвешивать каждое слово, потому что мне не хотелось ни солгать ей, ни ввести ее в заблуждение.

— Надгробный камень был сдвинут землетрясением, и стражники разбежались. Я вместе с центурионом вошел в гробницу, мы увидели, что к плащанице никто не прикасался и только часть, покрывавшая голову, была отодвинута. Но тела мы не обнаружили. Увидев это, я поверил в его воскресение. Чуть позже пришли священники и в бешенстве изорвали плащаницу. И все же я продолжаю верить в то, что он воскрес, только не могу сказать, как это произошло, поскольку до сих пор не видел ничего подобного.

Она слушала, затаив дыхание. Я продолжил рассказ, стараясь быть как можно более точным.

— Естественно, мне известно, что как прежде, так и сейчас существуют тайные церемонии, в ходе которых бога погребают, а затем символично воскрешают. Но, по правде говоря, это всего лишь религиозные мистификации. А что увидела ты, побывав в гробнице до нас? Ты обратила внимание на состояние плащаницы?

Мария из Магдалы опустила голову.

— Когда я пришла туда, было еще совсем темно,— ответила она.— Камня на месте не оказалось, и я поняла, что тела там больше нет, однако у меня не хватило смелости войти; кроме того, было так темно, что я ничего не смогла бы увидеть. Тогда я побежала к прибежищу, где скрывались его самые близкие ученики, со мной пошли Симон Петр — большой и крепкий человек, и Иоанн — юноша, которому Иисус доверил заботу о своей матери. Они быстро добежали до гробницы, вошли в нее и убедились, что она пуста; затем, спасаясь от гнева священников, они бросились наутек. Я же расплакалась у входа, а затем заглянула в гробницу. Там было светло, как середь бела дня! Внутри я увидела ангела в сияющих одеждах и с пламенным лицом. Испугавшись, я отступила назад и услышала голос. Я обернулась и увидела перед собой Иисуса, которого поначалу не признала.

Ее рассказ полностью противоречил сказанному стражникам. Она подняла на меня обеспокоенный взгляд и, видя мое сомнение, добавила:

— В том, что я его сразу не узнала, нет ничего удивительного! Как я могла представить себе подобное? Ученики тоже не узнали его, когда на Тивериадском озере увидели, как он идет по воде рядом с их лодкой. Решив, что этот незнакомец похитил тело, я обратилась к нему с упреками и мольбами вернуть его. Тогда он окликнул меня по имени, и я поняла, что это он. Иисус попросил меня кое-что передать на словах ученикам, это вызвало у меня такой прилив восторга, что я не чувствовала под собой ног, когда бежала к ним. Однако никто из них не поверил мне.

Я и сам не верил, подумал, что эта женщина легко впадает в экстаз, поэтому и перепутала порядок, в котором разворачивались события.

— Ты обратила внимание на плащаницу?— настаивал я.

Она удивленно взглянула на меня.

— Да разве я могла бы?— сказала она, покачав головой.— Великолепие ангела было так ослепительно, что лишило меня зрения и заставило отпрянуть. Я была в ужасе! Однако если его ученики мне не верят, то женщины полностью доверяют. Ученики все еще боятся за свою жизнь, и от этого страха у них помутилось сознание.

За разговором она оживилась, как это бывает со всеми женщинами, привыкшими подкреплять свой рассказ пояснениями.

— Возможно, ты прав, и камень был сдвинут землетрясением, хотя существуют люди, утверждавшие, что это сделал ангел. Говорят также, что от подземных толчков разрушилась лестница, ведущая к дарохранильнице в храме. Но люди, которые шли с ним из Эммауса, тоже его не признали! А ведь им он слово за словом объяснил смысл священных книг и почему все должно произойти именно так. Когда они пришли в деревню, уже спустились сумерки, они пригласили его присоединиться к ним. Тогда Иисус взял хлеб, разломил его и дал каждому — лишь тогда они его признали, но он уже исчез.

— Ты думаешь, что он по-прежнему находится здесь, ходит, где ему хочется, и разговаривает, с кем ему нравится?— спросил я хриплым от волнения голосом.— И среди этих людей есть те, которые знали его прежде, и те, которые никогда не были с ним знакомы?

— Ты сам это признал!— ответила Мария и в твердой уверен-

ности добавила:— Я верю в это и жду! Возможно, наша вера недостаточно крепка, а наш разум заостенел; он же дает нам надежду на то, что мы поймем смысл случившегося.

— Он действительно шел по воде?— переспросил я, пытаюсь подчеркнуть всю абсурдность подобной картины.

Мария из Магдалы посмотрела на меня, ее взгляд был полон доверия.

— Он сотворил столько чудес, что даже камни могли в него уверовать! А мы тем временем не знаем, что о нем думать! Написано ведь: «Его слуга глух, а его посланец слеп», и возможно, мы сами следуем этой заповеди, не отдавая себе в том отчета.

— А почему ты доверяешь такому чужестранцу, как я? Ведь ты — образованная женщина, знаешь греческий язык и цитируешь наизусть пророков на священном языке иудеев; мне также рассказывали, что ты богата. Поведай мне о себе, дабы я смог все это понять!

— Я привыкла разговаривать с незнакомыми чужестранцами, — с некоторым оттенком гордости ответила она.— У меня бывали греки, сирийцы, римляне и даже придворные князя Ирода! Помимо этого, насколько я знаю Иисуса и верю в него, его послание было обращено не только к Израилю, свет его должен пролиться на весь мир, как это сказано в священных книгах. Когда в меня вселились демоны, я пережила такое, что этим простолюдинам не понять. Представь себе: колдун может тело одержимого поместить в таз с водой, а затем заставить его испытывать страшные муки, прокалывая иглой воду в другом сосуде. Иисус не воспользовался моим несчастьем, подобно многим; увидев, что я страстно желаю освободиться из-под воздействия колдовства, он дал мне свободу. И если мое лицо бледно, словно скала, с которой дожди смыли всю плодородную землю, то это из-за прежней жизни. Спрашивай меня лучше не о прошлом, а о настоящем.

— Как ты хочешь,— сказал я.— Но ты все еще не ответила на мой вопрос: почему ты мне так доверяешь?

Ее лицо вновь осветилось, и она ответила:

— Потому что у креста ты защитил его от издевок! Потому что ты с уважением отнесся к его страданиям, не зная о нем ничего, кроме того, что было написано на табличке, прикрепленной над его головой. Ты защитил его, тогда как ближние бежали, гонимые

страхом. Рядом оказались только женщины и Иоанн, которому нечего было опасаться, поскольку его род состоит в дружбе с первосвященником. Разбойники и те подали голос за их казненных сотоварищей, тогда как в его защиту никто не выступил!

Неожиданно я понял, что обида, затаенная этой женщиной на учеников Иисуса, переросла в симпатию по отношению ко мне.

— Если я верно понял, — осторожно начал я после раздумья, — у тебя накопился большой жизненный опыт, и ты полагаешь, что смогла понять своего Учителя лучше, чем его ученики; те же, в свою очередь, не доверяют тебе, потому что ты легко владаешь в экстаз; они не поверили твоему видению, и ты пожелала, чтобы я вмешался и дал свидетельство в твою пользу.

— Разве ты еще не понял? — прервала меня Мария. — Иисус позволял приблизиться к нему женщинам! Он прекрасно обошелся с Марией, сестрой Лазаря, и был любезен с его сестрой Марфой. Когда он ужинал у фарисея Симона, то позволил одной грешнице пасть перед ним на колени и допустил, чтобы она омыла ступни его ног своими слезами и вытерла их своими волосами; это стоило ему репутации среди фарисеев, с тех пор всячески поносивших его. Но это еще не все! Разве он не заговорил с самаритянкой у колодца? Разве он не вырвал из рук скриб женщину, которую те уличили в неверности мужу, поймали на месте преступления и готовились забросать камнями, как того требует закон? Поверь мне, о чужестранец, он понимал женщин лучше, чем кто-либо до сих пор. Вот почему я считаю, что и мы, женщины, поняли его лучше, чем его трусливые ученики.

Ее голос осекся, ей не хватило воздуха.

— Было время, когда они тоже считали себя великими и снисходили до исцеления больных. Однако когда пришла пора предпринять последнее вхождение в Иерусалим вместе с ним, они начали прибегать к различным уверткам; некоторые из них даже подумывали оставить его, хотя незадолго до этого спорили, кто и какое место должен занять в его царстве. С толпой Иисус говорил притчами, однако своим ближним давал подробнейшие разъяснения, но они все равно его не понимали! Лишь наиболее умный из всего этого стада, Фома, осмелился заявить: «Пойдем и умрем вместе с ним!» Только не подумай, что кто-то из них погиб, вооружившись для его защиты: они купили два меча, несмотря на

суровое наказание, ожидающее каждого, кто покупает в городе оружие. Да разве они защищали его? Вот в чем вопрос!

Говоря это, она задыхалась от гнева, однако понемногу ей удалось успокоиться.

— Да, я знаю, он говорил: «Каждый, кто возьмет в руки меч, от меча и погибнет». Однако по пути в Иерусалим он промолвил: «Пусть каждый, у кого есть плащ, сейчас же продаст его и купит меч». Я ничего не могу понять! Может, он хотел испытать их веру или придать им уверенность в себе? Ничего не могу об этом сказать. Когда слуга первосвященника Малх в темноте приблизился к Иисусу, чтобы схватить его, Симон Петр ударом меча отсек ему ухо; однако Иисус приставил ухо так, что теперь виден лишь небольшой шрам в месте, где прошло лезвие меча. Об этом рассказывали родители Малха, хотя их сыну было запрещено проронить об этом хоть слово.

— Не сердись, если я даю волю своему гневу, и позволь мне высказать все, что накопилось у меня на душе из-за этих трусов!— добавила она.— В последний вечер Иисус, зная свою дальнейшую судьбу, молился в одиночестве; рассказывают, что во время его ужасной кончины, у него появился кровавый пот. Он попросил их только остаться с ним на время молитвенного бдения и больше ни о чем. Так вот, знаешь как они поступили? Они не придумали ничего лучшего, как глубоко уснуть в саду. Я в самом деле их не понимаю и не могу найти для них прощения! И они еще обещали поджечь храм! Им даже не хватило мужества убить предателя, он повесился сам! Это сверх моего понимания, и я не вижу, что он в них нашел и почему призвал к себе именно их.

В Марии из Магдалы было столько женственности, что мне захотелось ей улыбнуться и погладить по щеке, дабы помочь ей смыть слезами свой безнадежный гнев. Однако мне не хватило духа ни улыбнуться, ни прикоснуться к ней. Я нашел в себе силы лишь сказать как можно острее:

— Если это действительно так, и в своей скорби они не знают, что о нем думать, хотя из его же уст слышали о собственном предназначении, то как же я, чужестранец, смогу разобраться в этом? И все же я уверен, что никто из них не погибнет, по крайней мере до тех пор, пока они не научатся разбираться в том, что усвоили. Даже самый образованный человек не смог бы сразу

осмыслить эти необыкновенные события. С другой стороны, поскольку они до сих пор не избавились от предрассудков всех сынов Израиля, лучше не говорить им о том, что я могу засвидетельствовать. По отношению ко мне они могут испытывать лишь неприязнь, потому что я — римлянин, они, насколько я понял, недоброжелательно относятся и к тебе из-за связей с чужестранцами.

Она гордо вскинула голову, но я остановил ее движением руки.

— Поскольку я римлянин, то понимаю тебя, Мария, намного лучше, чем ваши мужчины,— поспешил пояснить я.— В Риме женщины пользуются полной свободой и считаются равными мужчинам: они грамотны, присутствуют на публичных чтениях, ходят слушать музыку и сами выбирают себе мужей и любовников. Я считаю их даже более находчивыми, чем мужчины, поскольку они хитрее, и можно привести тысячи примеров, насколько они более безжалостны, потому что их мысли никак не совпадают с нашими логическими доводами. Давай же останемся друзьями! Прими, Мария из Магдалы, дружбу Марка Манилия из Рима. Я уважаю в тебе женщину и еще преклоняюсь перед тобой, потому что он позволил тебе следовать за ним. Я убежден в его воскресении, поскольку сам проверил это. И я не сомневаюсь, что ты чувствуешь это сильнее его учеников именно потому, что ты — женщина.

Как можно осторожнее я добавил:

— И все же мне хотелось бы встретиться если не со всеми, то хотя бы с одним из них, чтобы составить представление о том, к числу каких людей они принадлежат.

— Я с ними в нормальных отношениях,— с трудом призналась она после минутного колебания.— Кто стал бы заботиться об этих людях и позаботился бы о том, чтобы они ни в чем не нуждались, особенно сейчас, когда они скрываются? Эти люди — простые рыбаки! Они не в состоянии одолеть беспокойство и страх, поэтому постоянно ссорятся, и мне приходится успокаивать и примирять их. Тебе, вероятно, это кажется странным после того, что я только что рассказала. В них есть также немало хорошего. Больше всего они хотят вернуться в Галилею, но в настоящее время это невозможно. Их галилейский акцент может легко их выдать при выходе из города или в дороге; кроме того, их облик весьма отличителен: прожив с Иисусом, они перестали быть похожими на

обычных рыбаков. Возможно, тебе это трудно представить, но я думаю, ты сможешь в этом убедиться, если встретишься с ними.

Неожиданно она встала на защиту своих друзей.

— У него были свои причины, чтобы призвать именно их, несмотря на их скромное положение, — заявила она. — Единственный, кто получил хоть какое-нибудь образование, — это бывший откупщик Матфей. Я не представляю, как сcribes и философы смогли бы слушать его учение. Однажды он сказал, что лишь униженные и дети смогут постигнуть определенные истины, а вовсе не мудрецы.

Это заставило меня задуматься. Возможно, Мария была права: если речь шла о совершенно новом и лишенном смысла учении, разум, вместивший в себя предыдущие мысли и мудрость, не смог бы его принять, не оспаривая. Разве я сам беспрерывно не наталкивался на предыдущий опыт и на то, чему меня учили прежде?

— Он это имел в виду, когда говорил Никодиму, что человек должен родиться заново? — спросил я потухшим голосом, словно разговаривал с самим собой.

— Никодим входит в число смиренных сердцем, — заметила Мария из Магдалы. — Он набожный и благочестивый человек, наизусть знает Святое Писание. Однако как только он сталкивается с новой мыслью, то сразу же начинает сравнивать ее с тем, что уже написано. Он навсегда останется маленьким ребенком, слишком плотно укутанным в пеленки, и ему никогда не удастся родиться заново.

Мысль об укутанном в пеленки ребенке заставила Марию улыбнуться. Ее окаменевшее лицо озарилось, и увидев искры радости в ее глазах, я подумал, что в свое время эта женщина должна была обладать ослепительной красотой, мне и сейчас она казалась весьма привлекательной.

— Ты напрасно носишь одежду цвета чернослива, — произвольно вырвалось у меня. — Твои цвета — зеленый и золотистый, твой цветок — фиалка с венцом из благовонной смолы, Мария из Магдалы. В таких вещах я никогда не ошибаюсь.

Она слегка вздрогнула.

— Не считаешь ли ты себя астрологом? — насмешливо спросила она. — Даже если я оденусь в зеленое и золотистое, боги

земли никогда не будут иметь надо мной силы. Достаточно произнести имя Иисуса Христа, Сына Божьего, и зло отступит.

Теперь я понял, что она действительно страдала от вселившихся в нее демонов, и пожалел о своих неосторожных словах: ее улыбка потухла, а лицо стало, как будто высеченным из холодного мрамора. В ее глазах горело беспокойство, однако мне предстояло задать ей еще несколько вопросов.

— О Мария, ты уверена в том, что не сопоставляешь случившиеся события с тем, что было прежде, чтобы постичь их смысл?

Она заломила руки и принялась раскачиваться, словно старалась утихомирить какую-то внутреннюю боль. Затем, сделав над собой видимое усилие, чтобы посмотреть мне прямо в глаза, начала говорить, делая паузу после каждого слова:

— Я уверена без тени сомнения в том, что он был и остается светом, истинным и абсолютным светом. Он был Человеком. Он — Бог!

Затем, ощутив какую-то нерешительность, она, скорее для себя, добавила:

— Нет, он не был ни колдуном, ни дьяволом, хоть и ходил по воде. Если бы он был даже самым всемогущим магом, я не последовала бы за ним, ведь в жизни я повидала их достаточно! И он совсем не приказывал мне идти за ним, а лишь позволил сделать это, и ты должен согласиться, что это разные вещи.

Мне было стыдно за свои сомнения, однако я желал обрести уверенность. Почувствовав, что причинил ей боль, я попытался принести самые искренние извинения:

— Отведи меня к его ученикам, чтобы они утвердили меня в моей вере, Мария из Магдалы,— унижено попросил я.

— Ты еще не готов,— ответила она.— И они тоже. Нам всем придется подождать. Жди терпеливо, как и мы.

Однако настойчивость и откровенность моего желания не оставила ее безразличной, и она добавила:

— Не думаю, чтобы ты был римским согладатаем: мой опыт и знание людей подсказывают, что твое сердце не ведает предательства. Но если бы ты оказался таковым, тебя ожидало бы что-то страшное. Конечно, не с нашей стороны, но по его воле, а он сам выбрал себе учеников и, как тебе известно, хотел бы их сохранить. Знаешь ли ты ворота у Источника?

— Чтобы добраться сюда, я прошел через них,— с улыбкой ответил я.

— Значит, тебе уже говорили о мужчине с кувшином воды! Однажды, когда ты обрешь смирение и твоя душа станет кроткой, возможно, он появится у этих ворот. Только прошу тебя — не торопись! Всему свой час. Если моя вера не была бы тверда, моя жизнь стала бы невозможной.

Я спросил ее, не хотела бы она вместе со мной вернуться в Иерусалим, но она предпочла остаться в комнате, где так часто отдыхал назаретянин.

— Можешь идти, когда захочешь,— сказала она.— И если внизу никого не окажется, тебе нет необходимости ждать, чтобы выразить свою благодарность. Достаточно, что мы, женщины, знаем о ней. Можешь вернуться в этот дом, когда захочешь, но мне кажется, ты сам не знаешь своих желаний. И все же думаю, что они приведут тебя к единственному пути. Да пребудет с тобой мир!

— И с тобой тоже,— ответил я, и что-то непонятное заставило меня добавить:— Мир тебе, женщина, которая больше, чем возлюбленная, больше, чем жена, и больше, чем сестра, потому что он позволил тебе следовать за ним!

Эти слова нашли отзыв в ее душе, и, сидя на ковре, она протянула руку и прикоснулась к моей ноге, когда я нагнулся за сандалией.

От моей тревоги не осталось и следа, когда я спустился по лестнице во двор, где находилась тенистая беседка из виноградной лозы. Там я никого не встретил, а в доме стояла тишина. Итак, я ушел, не попрощавшись, и дойдя до каменной скамьи, был немало удивлен тем, что солнце показывало уже одиннадцатый час по римскому времени. Тени от гор удлиннились и вскоре должны были достичь фермы.

Я был воодушевлен и настолько погрузился в свои мысли, что по пути не обращал внимание на окружавший меня пейзаж. Я миновал древние оливковые деревья с узловатыми стволами, высаженные на холме, которого еще касались лучи солнца, тогда как тропинка уже была в тени. Сад остался позади; воздух наполнился ароматом целебных трав.

Из раздумий меня вывел какое-то монотонное постукивание: прижавшийся к краю тропинки слепой беспрестанно колотил пал-

кой по камням, чтобы привлечь внимание прохожих. Вместо глаз на его лице зияли глубокие пустые глазницы, одет он был в заскорузлые от грязи лохмотья. Услышав, что я замедлил шаг, он принялся взывать о помощи крикливым голосом, который присущ профессиональным нищим:

— Пожалейте несчастного слепого! Сжальтесь надо мной!

Мне вспомнилось, что жена сирийца дала мне в дорогу продукты, к которым я так и не прикоснулся. Я вложил свою котомку в истощенную руку калеки.

— Мир тебе!— скороговоркой произнес я.— Бери и ешь. Можешь оставить себе все — мне оно не понадобится.

Отвратительная вонь ударила мне в нос, когда я склонился к нему. Поэтому я пожелал спешно удалиться, но слепой, даже не поблагодарив, протянул руку и хотел схватиться за полу моего плаща.

— Уже поздно,— озабоченно сказал он,— скоро стемнеет, а никто не пришел забрать меня с этой тропинки, куда меня отвели на день. Сжался надо мной, милосердный прохожий, отведи меня в город! Там я смогу найти дорогу, но за его стенами я боюсь заблудиться, споткнуться о камень и слететь в яму.

При одной мысли о прикосновении к этому мерзкому существу, которое нельзя было назвать человеком, меня охватил приступ тошноты. Я резко отпрянул назад, чтобы до меня не смогла дотянуться его рука, продолжавшая шарить в пустоте, и ускорив шаг, пошел дальше, стараясь не слышать раздававшиеся позади вопли нищего, который опять принялся стучать палкой о камень, словно пытаясь выместить на нем бессильную злость.

В глубине души я порицал его неблагодарность, поскольку я отдал ему прекрасные продукты и вдобавок котомку, которая тоже чего-то стоила.

Отойдя еще на десяток шагов, я словно бы наткнулся на стену, остановился и оглянулся назад. Услышав это, слепой закричал с удвоенной силой.

— Сжался над бедным слепым, ты же зрячий!— всхлипывал он.— Отведи меня в город и получишь за это Господне благословение. Мне холодно по вечерам, и собаки прибегают облизывать мои раны.

Кто из нас был большим слепцом: он или я? Конечно, то, что

я отдал ему продукты, еще не свидетельствовало об истинном милосердии, потому что я больше в них не нуждался. А вот если бы я заставил себя приблизиться и прикоснуться к нему, а затем отвел бы его в Иерусалим, это можно было бы считать похвальным поступком. Однако при одной лишь мысли об этом меня вновь охватил приступ тошноты.

— На свете множество путей,— невольно вырвалось у меня.— На них легко сбиться с дороги, и как знать, не ошибусь ли я и не столкну ли тебя в пропасть, чтобы избавиться от тебя?

Нищий вздрогнул и застыл, а палка вывалилась у него из рук.

— Мир тебе, мир тебе!— воскликнул он в страхе.— Я тебе доверяю! Что еще может поделаться слепой, который не в состоянии сам найти свой путь?!

Эти слова задели меня за живое. Я сам был слепцом и жаждал найти себе поводыря, не имея возможности самостоятельно отыскать нужный мне путь. Мне вспомнилось странное ощущение чьего-то присутствия во время сна, исчезнувшее после того, как я открыл глаза. Я решительно вернулся, приподнял калеку за иссохшие руки, помог ему подняться. Он протянул мне палку и попросил вести его, держа ее свободный конец, дабы не испачкаться о его грязь. Однако я сразу отверг предложение вести его, как ведут за узду животное. Мы пошли по направлению к городу, я держал его под руку. Он ощупывал перед собой дорогу палкой: тропинки долины Кедрона далеки от того, чтобы быть такими ровными, как римские дороги.

Мы продвигались медленно — нищий настолько ослаб, что спотыкался каждую секунду. Его рука была не толще моего запястья, словно ее обглодали звери.

— Зачем ты забираешься так далеко от города, если сам не можешь вернуться?— с раздражением спросил я.

— Ах, незнакомец!— жалобно протянул он.— Я слишком слаб, чтобы защитить себя, сидя у ворот. Прежде, когда у меня еще были силы, я занимался своим ремеслом прямо напротив храма!

Похоже, он весьма гордился этими воспоминаниями и даже повторил, что он просил милостыню перед храмом, словно это была большая честь.

— Я прекрасно умел защищаться своей палкой, хотя ничего не вижу!— самодовольно заметил он.— Но когда состарился, все

чаще стал возвращаться домой избитым и в конце концов меня изгнали даже от ворот. Вот почему мне остается лишь каждый день упрашивать какого-то богобоязненного прохожего, чтобы он отвел меня на одну из дорог. В священном городе слишком много нищих, которые сильнее меня!

Исхудавшими пальцами он ощупал край моего плаща.

— Какая прекрасная ткань, незнакомец!— заметил он.— И как хорошо от тебя пахнет! Должно быть, ты богат, и я не пойму, как это ты прогуливаешься сам в столь позднее время за пределами города? Почему никто криками не предупреждает о твоём приближении?

Я не обязан был ему отвечать, но все же сказал:

— Я должен один найти свой путь!

Сам того не ожидая, я вдруг спросил:

— Слепец, ты слышал что-нибудь об иудейском царе, этом Иисусе из Назарета, которого распяли? Что ты о нем думаешь?

Этот вопрос вызвал у него такую злость, что он весь задрожал.

— Я достаточно слышал об этом человеке!— прохрипел он, потрясая в воздухе палкой.— Хорошо, что его распяли!

Услышав такое, я немало удивился:

— Однако мне рассказывали, что он был набожным и добрым человеком, исцелял больных, и его всегда окружали бедняки и страждущие, которым он дарил мир.

— Ах вот как, мир?— насмешливо перекинул меня слепой.— Он хотел все разрушить и уничтожить! Даже храм! Он нарушал наш мир и был исполненным злобы человеком! Сейчас я тебе объясню: возле Безатского водоема на своем убогом ложе нищенствовал один паралитик, которого все хорошо знали; время от времени он позволял столкнуть себя в воду, чтобы пробудить жалость прохожих. Между прочим, в этих водах уже давно никто не исцелялся, хотя иногда там еще бьют горячие ключи. Однако это место находится близ Послушнических ворот, а просить милостыню в тени порталов всегда приятнее. Для этого человека все складывалось прекрасно до тех пор, пока Иисус, проходя мимо, не спросил его: «Ты хочешь исцелиться?» Паралитик, желая уйти от ответа, сказал, что когда начинает бить горячий ключ, всегда находят-

ся люди, проворнее его, которые спускаются в воду первыми. Тогда назаретянин приказал ему подняться, взять свое ложе и идти!

— И он исцелился?— недоверчиво спросил я.

— Еще как исцелился!— воскликнул слепой.— Взяв ложе под руку, он пошел! Сила этого галилеяца была ужасной! А паралитик тем самым лишился превосходного ремесла, кормившего его на протяжении тридцати восьми лет! Теперь, находясь в преклонном возрасте, он вынужден зарабатывать на хлеб насущный трудом своих рук.

Пока он рассказывал, я видел, как его наполняла горечь, он добавил:

— Кроме того, это исцеление произошло в субботу. Несчастного сразу же задержали за ношение своего ложа и отвели к священникам. Но это еще не все! Спустя какое-то время Иисус встретил его в храме и предупредил, дабы он больше не грешил, иначе с ним произойдет нечто худшее! Чтобы защитить себя, нищий пошел и донес на него, подтвердив, что был им исцелен и что он приказал ему взять свое ложе и нести его в день сabbата! Но... что могли священники сделать с Иисусом? Окруженный толпой своих приверженцев, он кощунственно заявил, что имеет право нарушать правило святого дня и работать в этот день, как это делал его отец! Представляешь себе? Он считал себя равным Богу! Конечно же после этого его пришлось распять!

Я продолжал хранить молчание, и нищий, полагая, что его доводы не показались мне убедительными, попытался привести новые.

— Что стало бы со всеми, если бы он разрушил храм?— продолжал он.— Где нищие просили бы милостыню, если бы не стало богатых грешников, желающих денежным подаянием заслужить прощение своих грехов?

Ударив палкой о бугристую дорогу, он с хитростью, исполненной удовольствия, заключил:

— В то утро меня тоже попросили кричать: «Распни его! Распни!» Римлянин долго колебался, не решаясь отправить его на смерть; он не понимает ничего в наших законах, и кроме того, радуется, когда возводят хулу на божий храм. Но мы добываем свой хлеб, прося милостыню, поэтому зависим от храма и городского правления. Они нас всех быстро собрали и поставили недалеко

от ворот, чтобы мы кричали вместе с другими. Можешь мне поверить: я тоже кричал и требовал помилования Вараввы, который по сравнению с этим Иисусом был безгрешен, хотя и убил римлянина.

— Не могу тебя понять!— ужаснулся я.— Насколько нужно быть злым, чтобы гордиться подобным поступком? Ведь он, возможно, исцелил бы и тебя, если бы ты в него уверовал?

Он обратил ко мне зияющие дыры своих орбит, в оскале показались гнилые остатки его зубов.

— Не хочешь ли ты сказать, что считаешь себя значительной персоной или что-то понимаешь в этом мире?— злобно промычал он.— Теперь я не сомневаюсь, что ты — скверное, нечистое существо! Лучше бы ты вел меня за палку! Тогда мне не пришлось бы к тебе прикасаться. По одному моему слову Бог Израиля одним дыханием мог бы обратить тебя в пепел! Пусть тебя заживо сожрут черви, если ты один из приспешников этого Иисуса!

Он весь кипел злобой, и меня окутала вонь, которую источал его рот. Он крепко уцепился за полу моего плаща, чтобы я неожиданно не высвободился.

— Какой же ты простак!— ехидно произнес он, поднеся пальцы к своим пустым орбитам.— С тех пор как мне выкололи глаза, сам Бог не смог бы заставить появиться на этом месте новые. Кроме того, мне совершенно не хочется опять стать зрячим! Что хорошего может увидеть в этом мире такой человек, как я?

Я мог бы избавиться от него ударом кулака, но не решался поднять руку.

— Успокойся, безгрешный человек, мы уже подходим к воротам города,— сказал я.— Там я тебя оставлю, чтобы не осквернять твоей чистоты!

— Ах, если я был посильнее!— вздохнул он, повернув ко мне свое ужасное лицо.— Сейчас я тебе кое-что покажу, незнакомец!

Неожиданно резким движением он схватил меня сзади за горло, уперся острым коленом в бок, а его свободная рука принялась нащупывать мой кошелек. По правде говоря, будь он чуточку сильнее, ему действительно удалось бы застать меня врасплох, даже не позволив позвать на помощь. Однако принимая во внимание его состояние, мне не составило труда высвободиться из

его отвратительных пальцев, сжимавших мое горло, и целым и невредимым уйти от этого воровского приема.

— Вот тебе мой совет, незнакомец!— отдышавшись, прохрипел он.— Не забудь его! Никогда необдуманно не прислушивайся к мольбам неизвестных и не будь поводырем нищих на глухих тропинках. Будь я покрепче, я сначала бы тебя уложил, а потом свистнул бы спрятавшимся сообщникам. Вместе мы отобрали бы у тебя деньги, и если я не был бы добрым, то выдавил бы пальцами тебе глаза, чтобы ты никогда не смог меня признать и свидетельствовать против! А если бы ты вдруг оказался римлянином, я убил бы тебя с превеликим удовольствием!

— Спасибо за предупреждение!— насмешливо отозвался я.— Но... откуда тебе знать, что я не римлянин?

— Римлянин никогда бы не свернул с пути и не стал бы моим поводырем! Ты не имеешь представления, насколько зол этот мир! Проходя, римлянин дал бы мне пинка или стегнул бы кнутом по лицу. От этих людей не приходится ждать никакой пощады! Единственное, что их интересует,— это строительство дорог и акведуков, а еще — подчинение законам.

Мы находились уже перед водонапорными башнями у ворот.

— Ты сам говорил с паралитиком?— поинтересовался я.— Он действительно так зол на Иисуса за свое исцеление?

— Я сам не разговаривал с ним и лишь пересказываю то, о чем говорят,— признался он.— Однако почему он исцелил лишь одного человека, а для остальных — вечный мрак? Согласись: мы имеем все причины проклинать этого человека.

— А разве ты не знаешь, что царь Иисус воскрес на третий день после своей смерти?

Вопрос вызвал у калеки приступ ничем не сдерживаемого дикого смеха.

— Бабские рассказы!— захлебываясь от хохота, выдавил он из себя.— Неужели ты, взрослый человек, можешь в такое поверить?

Помимо издевки в его смехе слышались всхлипывания.

— Всем известно, что ученики выкрали его тело из могилы, чтобы до последнего дурачить людей,— без тени сомнения продолжал он.— Я признаю существование Бога, но здесь, на земле, нет другой власти, помимо власти денег и силы.

В ярости он колотил палкой по обочине и, нащупав камень, схватил его.

— Видишь этот камень?— спросил он, ткнув мне его под нос.— Думаешь, он сможет превратиться в хлеб? Мы живем в мире ненависти, боли, страданий и измен, полном скупости и мести, и его уже не изменить. Наступит день, когда римская империя обязательно рухнет, но в этом не будет никакой заслуги Иисуса!

Я ощутил странный прилив ярости, и мое существо охватило всепроникающий холод.

— Иисус из Назарета, если ты был и остаешься более чем иудейским царем, если ты пребываешь в своем царстве, а твое царство все еще на земле, преврати этот камень в хлеб, и я уверую в тебя!— прошептал я.

Услышав мою молитву, слепой, взяв палку подмышку, принялся вертеть в руках подобранный камень. Вдруг поверхность его начала прогибаться под пальцами. Не веря происходящему, он сдул с него пыль и поднес к ноздрям, чтобы понюхать. В полном замешательстве он оторвал от него кусок, сунул его в рот, пережевал и наконец проглотил.

— Это не камень, а головка сыра,— сказал он, словно упрекая меня в моей глупости.

Я тоже выхватил кусок и попробовал: действительно, это был сыр, видимо оброненный каким-то крестьянином и покрывшийся пылью так, что его невозможно было отличить от камней.

— Неужели ты маг?— продолжая жевать, спросил калека.— Ты действительно превратил камень в сыр именем назаретянина?

— Хлеб или сыр — все равно это еда!— воскликнул я.— Если мне удалось его именем превратить камень в сыр, значит ты должен поверить в его воскресение!

При этих словах мною овладело сомнение: а что, если это действительно странное совпадение, в жизни бывает и не такое!

Со своей стороны, слепец продемонстрировал небывалую практичность. Быстро сунув в подаренную мной суму сыр, словно опасаясь, что я его отберу, он принялся лихорадочно ощупывать с помощью своей палки тропинку; затем, присев на колени, он руками ощупал остальные камни, которые, однако, никак не походили на сыр, тогда он оставил свое напрасное занятие.

Выходя из долины Кедрона, мы прошли по тропинке, вьющей-

ся вдоль городских стен, и оказались в густой тени города, а позади нас все еще светило солнце, окрашивая в пурпурный цвет горные вершины.

Я огляделся вокруг, опасаясь появления призраков.

— Иисус Христос, Сын Божий, прости мое неверие! — вслух произнес я.

Меня озарил ослепительный луч света. Весь материальный мир тотчас же утратил всякую реальность, а я отчетливо ощутил собственную душу, которая вознеслась над огромной стеной, представшей перед моими глазами со всеми ее сложенными вместе камнями, как это случилось со мной в доме Лазаря. Однако слепой, не испытывающий таких ощущений, обеспокоенным голосом попросил:

— Не взывай к этому человеку, если он действительно продолжает жить! Его кровь пала и на меня!

Свет исчез так же незаметно, как и появился. Слепленный, я повел рукой, как бы желая удержать непревзойденное ощущение мира, которое уже исчезало. И теперь тени от стен давили на меня, ноги словно вросли в землю, тело будто налилось свинцом. Направив взор к самой высокой вершине, возвышавшейся над долиной и еще купавшейся в лучах солнца, я подумал, что, должно быть, оттуда какая-то гладкая поверхность направила на меня луч солнца, как это бывает, когда он, отразившись в зеркале, освещает темное место.

Даже несмотря на найденное объяснение случившемуся, во мне крепла вера в существование Иисуса и в близость его царства. Эта вера, поднимавшаяся из глубины души, была сильнее разума. Признаюсь, мне хотелось в это верить. Я думал: «К чему напрасно торопиться? К чему жаждать заполучить непременно все и сразу?»

— Поторопись! — сказал я, взяв нищего под руку и ускорив шаг. — Мы почти уже у ворот!

— Куда ты меня ведешь по этому откосу? — запричитал нищий, пытаясь высвободиться. — Может, ты хочешь столкнуть меня в пропасть за то, что я кричал, чтобы его распяли? Хочешь отомстить мне, да?

— О нем я знаю мало, но я уверен, что он воскрес из мертвых не для мести.

Мы приблизились к воротам. Часовые, хорошо знавшие место спутника, выкрикнули в его адрес несколько оскорбительных слов вместо приветствия, расспрашивая о заработанных за день барышах. Мне даже показалось, что если бы не мое спасительное присутствие, то его обыскали бы и забрали добычу. Меня они ни о чем не спрашивали: качество ткани моего плаща без нашитых фалд и выбритое лицо говорили сами за себя.

Услышав знакомые голоса часовых и с помощью палки удостоверившись в том, что мы добрались до цели, нищий успокоился; резким движением он отпрянул в сторону и бросился со всех ног наутек: теперь он был на знакомой территории! По периметру небольшой площади, расположенной у ворот, сидели нищие и монотонными голосами выпрашивали милостыню. Городская жизнь уже затихала, и до меня долетали запахи свежее испеченного хлеба и поджариваемого на масле чеснока.

Калека, потрясая палкой, взывал к своим сотоварищам:

— Сыновья Авраама! Меня привел сюда человек, который идет вслед за мной, в него вселился демон! В моих руках он превратил камень в головку сыра, при этом воззвав к распятому Иисусу. Возьмите камни и забросайте его! Он — один из учеников проклятого Иисуса и принесет нам несчастье!

Став на четвереньки, он нащупал кучу навоза и пригоршню его швырнул на звук моих шагов и сделал это очень метко.

Собратья сразу же бросились его утихомиривать и умолять меня о прощении.

— Неужели вместе с глазами ты лишился и рассудка?— кричали они.— Это же чужестранец, да еще богатый! Как он мог стать учеником назаретянина? Он вовсе не из Галилеи, это сразу видно!

Затем, стараясь превзойти друг друга в жалобных воплях, они принялись демонстрировать мне искалеченные части тела, раны и нагноения. Я раздал им пригоршню монет и, сняв испачканный плащ, набросил его на плечи слепца.

— Держи!— сказал я ему, раскатило хохоча.— Вот тот плащ, ткань которого тебе так понравилась. Ты теперь сможешь укрыться от холода, если однажды не найдешь никого, кто бы тебя приревел в город, и заночуешь прямо у дороги.

— Разве вы не видите, что он одержим дьяволом?!— взвизг-

нул нищий, угрожая своим сотоварищам высоко поднятым кулаком.— Если бы я ударил его по одной щеке, он подставил бы мне другую! Он ненормальный!

При этих словах мой смех усилился. Таким образом, учение Иисуса из Назарета выглядело не столь неприменимым, как мне это казалось вначале! Мое удовольствие удесятирилось, когда я ответил ему добром на зло. Если бы я его ударил или передал в руки властей, его зло было бы побеждено моим злом.

Нищие поддержали мой смех.

— Да нет, он ничем не одержим!— принялись они объяснять слепому.— Он просто пьян, разве ты не слышишь? Только пьяный способен отдать тебе собственный плащ и быть твоим поводырем! Неужели ты думаешь, что если бы он был трезвым, то стал бы так смеяться в ответ на оскорбления?

Кое в чем они были правы: мной овладело непонятное чувство, похожее на опьянение, оно заставляло меня громко хохотать и настолько затуманивало мой разум, что я, оставаясь в одной лишь тунике, не испытывал никакого стыда от взглядов, которые бросали на меня прохожие горожане.

Конечно, многое из случившегося могло быть заранее подготовлено, только не случай с сыром, закатившимся среди камней, на который с такой точностью наткнулась палка нищего.

Жена сирийского купца, увидев как я шагаю с обнаженными ногами, лишь всплеснула руками, тогда как ее супруг вздрогнул, вообразив, что я попал в руки шайки воров. Но когда я, продолжая смеяться, поднялся в свою комнату, взял деньги и попросил его купить мне новый плащ, он решил, что я, находясь под воздействием крепких напитков, проиграл свою одежду.

Он не замедлил вернуться с новой покупкой и вручил мне плащ из прекрасной шерсти с нашитыми небольшими фалдами. Ощупав и потеряв ткань на моих глазах, чтобы доказать ее превосходное качество, он сумел убедить меня, что плащ сделан из тонкой шерсти, производимой в Иудее, заверив также, что неплохо поторговался, и цена оказалась вполне приемлемой.

— Это еврейская одежда,— добавил он,— а за иностранной я должен был бы сходить к форуму, где она обошлась бы мне втрое дороже. Ты можешь отпороть фалды, если хочешь. Со своей стороны, я испытываю страх и уважение к Богу Израиля, и мне иног-

да случается относить свой обол во внешний двор храма, для того чтобы мои дела шли хорошо.

С хитринкой в глазах он внимательно посмотрел на меня и вернул мне сдачу, скрупулезно пересчитав каждую монету. Я предложил ему вознаграждение за труды, но он жестом руки отверг его.

— Не стоит, за эту покупку лавочник уже заплатил мне комиссионные. Сегодня ты слишком щедр, и тебе не следовало бы никуда больше выходить. Лучше ляг и спокойно отдохни! Но сначала ты должен поесть великолепный суп, который приготовила моя жена: она кладет в него столько лука и пряностей, что завтра ты встанешь с ясной головой!

Увидев, что я не собираюсь спускаться вниз, он озабоченно тряхнул головой и произнес:

— Ладно, ладно! Я заботился о твоем же благе, но если хочешь, я пошлю сына купить тебе меру легкого вина; только прошу тебя: больше не пей и не ходи по лестнице туда и обратно всю ночь — ты или свернешь себе шею, или закончишь в плохой компании.

Когда в свою защиту я попытался возразить, что не пьян, сириец в знак бессилия воздел руки вверх.

— У тебя такое красное лицо и так блестят глаза, что тебя надолго не хватит!— воскликнул он.— Я пошлю за одной девушкой, которая посещает чужестранцев, но только она придет с наступлением полной темноты, чтобы не навредить своей репутации, так что наберись терпения! Она сможет утихомирить тебя в постели, а ты спокойно выпьешь свое вино. Конечно, она не умеет ни петь, ни играть ни на одном из инструментов, но ее здоровье и привлекательность не требуют дополнительных вокализмов!

Он был настолько уверен в том, что ему известно, в чем именно я нуждаюсь, что мне стоило немалых трудов отклонить это предложение. Чтобы доставить ему радость, я все же лег в постель, и он сам поднялся наверх, чтобы укрыть меня новым плащом. Его дочь немного погодя принесла мне тарелку горячего, густо приправленного специями супа, и пока я ел, не отходила от меня, прикрывая рот ладонью, чтобы скрыть смехок. Еда была такой острой, что у меня во рту разгорелся огонь! В то же время ее тепло еще больше усиливало мою эйфорию, и я начал испытывать приятное головокружение.

Наполнив кувшин водой, девочка вышла: как только за ней закрылась дверь, я осторожно встал и неслышными шагами вышел на террасу. Завернувшись в плащ, я слушал, как постепенно умолкают звуки города, и вдыхал ночную прохладу. Временами мое разгоряченное лицо обдувал легкий, нежный ветерок, а мое счастье было так велико, что мне казалось, будто меня ласкает чья-то нежная рука. Хотя ощущение времени и веса постоянно присутствовало и притягивало меня к земле, однако впервые в жизни я почувствовал внутри себя силу, придававшую уверенность в том, что жизнь состоит не только из праха и иллюзий, и эта уверенность погружала меня в бесконечное молчание.

— Воскресший Сын Божий!— молился я во тьме ночи.— Сотри из моей памяти все ненужные знания! Прими меня в своем царстве и будь моим поводырем на единственно возможном пути! Возможно, я тобой околдован, болен, лишился из-за тебя рассудка. Но я думаю, что ты — это нечто большее, чем то, что было в этом мире до тебя.

Когда зазвучали трубы храма, я проснулся, совершенно продрогший от холода и с отяжелевшей головой, и вышел на террасу. На востоке уже осветились вершины гор, но город еще спал, укутавшись в синеватую дымку, а на небе, словно лампа в облаках, светила утренняя звезда. Ко мне вернулось ощущение мира. Дрожа от холода, я поплотнее укутался в плащ, на цыпочках вернулся в комнату и лег в постель. Напрасно я старался пробудить в себе чувство стыда за ночные мысли! Мне казалось, что моя душа находится в каком-то несущем мир свете, а ощущение опьянения напрочь исчезло!

Поэтому я решил отпустить бороду и не выходить из комнаты до тех пор, пока не запишу на папирусе все, что произошло в этот день. Когда я окончу свои записи, пытаясь быть как можно более объективным, я хочу вернуться к воротам у Источника. Теперь я уверен, что случившееся и то, что должно еще случиться, имеет какую-то цель. Какими бы абсурдными ни казались мои записи, они не внушают мне никакого стыда, и я не откажусь ни от единого слова в этом письме.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

*Привет тебе от Марка,
о Туллия!*

Привет тебе, о мое далекое прошлое, и вам, жгучие римские ночи, привет!

О Туллия, наша разлука длится едва ли год, но этот год оказался намного длиннее всех предыдущих. Каждый прошедший день для меня словно год, я отдалился от тебя и стал другим, совершенно другим Марком, которого ты теперь не сможешь понять. Когда я думаю о тебе, мне представляется ирония на твоём лице, выраженная в складках губ, в ответ не мои усилия объяснить, что со мной произошло.

Твоя жизнь состоит из незначительных событий, которые прежде и для меня имели определенное значение: тебе следует знать все о человеке, обращающемся к тебе с приветствием; когда ты отправляешься на вечеринку, то с величайшим тщанием выбираешь украшения, которые будут у всех на виду, не только из желания нравиться своим друзьям, но еще из стремления вызвать зависть у завистников и ярость у недругов; ты окутываешь тончайшим шелком свой стройный стан и наблюдаешь за отражением своего силуэта в отполированном мраморе стен; и бывает, что безжалостно ко-

лешь булавкой рабыню, которая не так завила тебе волосы; наконец с томной улыбкой на губах ты поднимаешь свою чашу с вином, делая вид, будто внимательно прислушиваешься к тому, что тебе рассказывает какой-нибудь философ или историк, или же горячо защищаешь последнюю модную песенку, небрежно покачивая сандалией, держащейся на одном только пальце ноги, дабы тот, кто возлежит рядом с тобой, кем бы он ни был, сумел заметить белизну твоей маленькой ножки. Несмотря на свое хрупкое сложение, ты крепка и вынослива и в своей погоне за удовольствиями можешь провести не одну ночь без сна в промозглом от холода Риме. В сопровождении чужестранцев ты с непринужденным видом поедаеть птичьи язычки, ракушки или другие дары моря так, словно это представляет для тебя тягостную необходимость. Однако позже, когда к полуночи, изнеможенная, ты вырываешься из объятий одного из любовников, то с удовольствием подкрепляешься кусочком мяса с кровью, дабы продолжить любовные игры.

Таково мое представление о тебе, о Туллия, однако я больше не вижу твоего живого образа: он скорее стал похож на отражение в зеркале или же в отшлифованном камне цвета ночи, и твоя тень больше не преследует меня, как это было в Александрии, когда я безнадежно пытался тебя забыть. В настоящее время мой рассудок занят совершенно другим, хотя я для этого ничего не предпринимал. Если мы увидимся, о Туллия, ты не сможешь меня узнать, и, возможно, я тоже тебя не узнаю.

Вот почему я думаю, что пишу скорее для самого себя, чем для тебя. Я пишу, чтобы понять самое себя и разобраться в том, что со мной произошло. Мой учитель в Родосе советовал: записывать все, что видели глаза и слышали уши. Эти записи перестали быть для меня простым времяпрепровождением или же спасением от приступов тоски, и когда я пишу эти строки, ты уже не рядом со мной; с каждым днем ты все больше отдаляешься, и это не доставляет мне огорчения, более того, не знаю, теряю ли я при этом что-то, о Туллия?

Для меня также неважно, прочтешь ли ты когда-нибудь эти строки. И все же я адресую тебе свое приветствие, не переставая быть уверенным в твоей искренней дружбе, несмотря на твою погоню за удовольствиями и страстью. Ты лучше меня знаешь устройство этого мира, и именно благодаря твоим организатор-

ским способностям мне удалось заполучить это завещание, которое сделало из меня богатого человека и позволяет жить так, как мне захочется, не обращая внимания на досужие разговоры. Ты умна, жестока и одержима жаждой власти, которая за этот год, безусловно, еще больше усилилась. Кроме того, я уверен, что если бы высказал все тебе в лицо, то это тебя несколько бы не смутило, совершенно наоборот! Ты восприняла бы изложенное как изысканнейший комплимент, из тех, которые тебе когда-либо приходилось слышать! Никто лучше тебя самой не знает власти твоего взгляда, твоих губ, твоей шеи и твоего тела. Но я перестал быть рабом всего этого и теперь привязан к вещам, которые покажутся тебе совершенно непривычными.

С плохо выбритым лицом, в простой обуви и в иудейском плаще я хожу каждый день к воротам у Источника. Я перестал заботиться о своих руках и ногтях и думаю, что даже с помощью пемзы мне не удалось бы вывести следы чернил с моей правой руки. Привыкший к горячей воде римских термий, я теперь моюсь в холодной — причиной тому стали взгляды их посетителей из гимназиума, что расположен около дворца Ирода. Я даже перестал удалять волосы с тела и теперь покрыт шерстью, словно варвар. Тем не менее я всем доволен, ничто не причиняет мне неудобств, поскольку жажду поскорее приспособиться к новому образу жизни, дабы снискать большее доверие, даже если позже мне придется вернуться к образу жизни, к которому я привык с детства.

Не знаю, нравится ли мне этот город и этот народ. Много раз на день приходится видеть их храм: на солнце он отсвечивает белизной мрамора и позолотой, на закате, словно зловещее предзнаменование, окрашивается в пурпурно-кровавый цвет, на заре — в синеватый цвет наших мечтаний, а днем окутывается дымом из жертвенного алтаря во славу своего бога. Однако он по-прежнему остается чуждым мне. Я не ощущаю, как иудеи, священного трепета при виде его, поскольку в моих глазах он не является олицетворением святости. Когда я был молод, куда более святыми и величественными казались мне храмы Артемиды в Эфезе... или в Антиохии... или в Родосе... или же храм в Афинах, уже не говоря о римском форуме.

Определенно мне не нравится этот город, жители которого кричали, что согласны, дабы на них пала его кровь. Когда иеруса-

лимские женщины видели, как исхлестанный Иисус бредет к месту своей казни, они плакали. Тогда он говорил им, плакать следует над своими собственными детьми. При виде стены храма я непрестанно думаю о мрачных предсказаниях: во время первого землетрясения в ней образовалась трещина сверху донизу, во время второго — обвалилась лестница, ведущая к дарохранительнице. Разве этих предзнаменований недостаточно?

Одолеваемый такими мыслями, с наступлением темноты я направился к воротам у Источника. Торговые улицы были еще полны народом, который толпился у лавок, откуда долетала речь на всевозможных языках; позванивали колокольчики на верблюдах, а к небу поднимался ослиный рев. Должен признать, что священный град иудеев действительно представляет собой большую метрополию, но она оставила меня безразличным.

Когда на город опускаются вечерние сумерки и его жизнь затухает, чужестранец начинает испытывать в нем ностальгию. Теплящийся призрак надежды тревожит меня понапрасну, и грусть одиночества начинает терзать мою душу, несмотря на то что в тысячу раз лучше ни от кого не зависеть! А на исходе дня в чужом городе нет горше подарка, чем одиночество!

И все же в этот день моя душа была наполнена радостью ожидания; я действительно уверен, что живу во времена великих перемен и нестабильности: он воскрес из мертвых, и его царство находится среди нас; немногие об этом знают и верят в это и даже у этих людей в глубине души тлеет искра сомнения, поскольку подобного никогда раньше не бывало. Это сомнение гнездится и во мне, однако я верю, верю и страстно желаю, чтобы произошло нечто, что может пролить свет на все остальное.

У ворот оставались лишь двое или трое нищих, но слепого не было видно. Множество женщин, держа кувшины с водой на голове, проходили мимо, оживленно беседуя. Мое присутствие было им настолько безразлично, что они даже не стали прикрывать нижнюю часть лица.

Вскоре небо стало темно-синим, тени удлиннились; на небосклоне уже сияли три звезды, когда и часовые у ворот наконец зажгли факел из желтой смолы. Они установили его на подставке у прохода. Несмотря на постигшую меня неудачу, я решил возвращаться, не дожидаясь сигнала отбоя; но все же домой я не торо-

пился: какая для меня была разница — находиться здесь или в любом другом месте?

Неожиданно из ворот вынырнул человек. На плече он нес кувшин, который поддерживал рукой. Продвигался человек очень осторожно, чтобы не споткнуться в темноте. Я дождался, пока он исчез в улочке, ведущей к верхнему городу, и последовал за ним по подъему: вскоре начали попадаться невысокие ступени. Я слышал его шаги, его тяжелое дыхание — наверное, кувшин был довольно увесистым — и шел следом:

Так, друг за другом, мы двигались весьма долго. Наконец достигли самой верхней части города; путь сюда показался мне слишком долгим, и я понял, что мой проводник выбрал не самую короткую дорогу. Добравшись до безлюдного места, он опустил кувшин на землю и, придерживая его рукой, прислонил к стене. Он стоял, словно окаменевший. Я подошел и, не проронив ни слова, остановился рядом. Мы так и стояли до тех пор, пока он не отдышался. Обернувшись ко мне, он после приветствия спросил:

— Значит, ты осмелился?

— Мир тебе!— ответил я.— На свете много путей, и на них легко заблудиться.

— Существуют лишь два пути,— ответил он тоном, не допускающим возражений.— Один из них ведет к жизни, второй — к смерти.

— Для меня существует лишь один из них,— твердо сказал я.— Однако одному мне его не найти, я надеюсь и хочу верить, что мне его укажут.

Не проронив больше ни слова, он поднял кувшин на плечо и зашагал дальше. Я хотел пойти рядом, но он воспротивился этому. Немного погодя я предложил ему:

— Здесь крутая лестница, может, тебе нужна моя помощь? Я боюсь, что ты опять начнешь задыхаться.

— Я тяжело дышу вовсе не из-за кувшина! Мне страшно! По моему, все это может плохо закончиться!

Тем не менее он согласился передать свою ношу, которая в моих руках почти ничего не весила, и пошел вперед, предупреждая меня о выбоинах и горбах на дороге. Улочка была до крайности загажена, воняло ослиной мочой, и мои сандалии сразу же покрылись нечистотами.

Пройдя сквозь старые ворота в стене, которая отделяла верхний город от нижнего, мы остановились перед большим, с виду богатым домом. При свете звезд я успел заметить лишь его очертания; мой проводник постучал в дверь, и служанка ее сразу же открыла. Она не сказала мне ни единого слова приветствия, однако кувшин поспешила забрать; к моему спутнику она обращалась с таким почтением, что я сразу понял: он в этом доме отнюдь не слуга, как я решил поначалу.

Меня провели во внутренний двор, засаженный деревьями, где ожидал мальчик лет пятнадцати.

— Мир тебе!— застенчиво произнес он.— Мои родители и дяди ушли в свои комнаты, так что я сам провожу тебя наверх. Не желаешь ли помыть руки?

Не дожидаясь ответа, служанка из принесенного кувшина обильно полила водой мне на руки, словно желая доказать, что в этом доме достаточно воды. Мальчик протянул мне полотенце.

— Меня зовут Марк,— сказал он.

И пока я вытирал руки, он принялся быстро говорить, при этом в его голосе слышались едва сдерживаемые нотки гордости.

— Я был с Учителем в тот вечер, когда они его схватили. Вскочив с постели, я в одной лишь тунике побежал в Гефсиманский сад предупредить его об опасности,— мне было известно, что Учитель там,— они схватили меня; я отчаянно сопротивлялся, и моя одежда превратилась в лохмотья, мне пришлось бежать совершенно нагим вместе со всеми.

— Не говори чепухи!— приказал ему мой сопровождающий.

Тем не менее сам он, заглотив в себе все недавние опасения, принялся горячо рассказывать.

— Меня зовут Нафанаил,— сообщил он, после того как мы опять очутились на опустевшем дворе.— К чему скрывать от тебя имя? Лично я видел его на пути в Эммаус в день, когда он вышел из могилы.

— Да, но поначалу ты его даже не признал!— заметил Марк.

Нафанаил приложил ладонь к затылку мальчика, и это движение, похоже, возымело успокаивающее действие; он взял меня за руку, и это было прикосновение легкой и нежной руки, которая не знала до сих пор тяжелого труда. Он провел меня по лестнице на террасу, ведущую в верхнюю комнату. Это была большая, скудно

освещенная лишь одной лампой комната, углы которой оставались в темноте.

Войдя в нее, я заметил двух ожидавших меня людей: они стояли и молча держались за руки. В одном из них я признал Иоанна, который был с женщинами на Голгофе. Даже при свете столь слабого источника я не переставал восхищаться такими чистыми чертами его лица! Второй, с большим лбом, покрытым морщинами, недоверчиво всматривался в мое лицо.

— Мир вам!— сказал я, входя.

Однако никто из них не ответил. Наконец Иоанн не выдержал и бросил взгляд на своего старшего товарища, словно прося что-то сказать в ответ, но тот лишь продолжал недоверчиво рассматривать меня с ног до головы.

Наступило тягостное молчание.

— Он пошел за мной,— словно оправдываясь решил сказать Нафанаил.

— Я ищу единственный путь,— быстро произнес я, опасаясь, что эти люди просто прогонят меня безо всяких объяснений.

Посреди комнаты, вокруг большого стола стояли скамьи, из чего я понял, что это трапезная.

Закончив свой дотошный осмотр, недоверчивый человек сделал движение рукой.

— Выйдите, Нафанаил и Марк!— приказал он.— Подождите во дворе и присмотрите за тем, чтобы все было в порядке.

После их ухода он закрыл дверь на огромный ключ.

— Мир тебе, чужестранец!— наконец произнес он.— Чего ты хочешь от нас? Как бы путь, который ты ищешь, не оказался для тебя слишком коротким.

Однако здесь вмешался Иоанн:

— О Фома! Несчастный Фома, который во всем и во всех сомневается!

Затем, обернувшись ко мне, он добавил:

— Ищущий да обрящет, а тому, кто стучит, открываются двери. Нам говорили, что ты исповедуешь смирение и кротость души. Ты долго стучался, и вот мы открыли тебе дверь.

Предложив мне сесть, он устроился напротив, дружелюбно глядя на меня ясными, как источник, глазами мечтателя. После минутного колебания Фома тоже сел рядом с ним.

— Я один из Двенадцати, о которых тебе рассказывали, один из тех, кого он сам выбрал и назначил своими посланниками и кто шел за ним. А это — самый младший из нас, Иоанн, за которым я должен присматривать, потому что ему не хватает осторожности. Однако не обвиняй нас в ее излишестве!— добавил он.— Тебе ведь известно, что члены правительства хотят и нас предать суду; они распространили слухи, будто мы хотим поднять восстание, что сигналом к его началу послужит поджог храма; они также рассказывают, что мы убили того, кто предал нашего Учителя. Не стану скрывать: мы долго спорили по поводу тебя, и я высказывался против больше всех остальных, не считая Петра, который даже не хочет о тебе слышать, потому что ты — чужестранец. Однако на твоей стороне была Мария из Магдалы.

— Я знаю тебя,— произнес Иоанн,— я видел тебя у креста и могу засвидетельствовать, что ты не поддерживал тех, кто насмеялся над ним.

— Мне тоже о тебе рассказывали,— ответил я.

Трудно было оторвать взгляд от его лица, самого красивого, которое мне когда-либо доводилось видеть. У него было такое выражение, словно его никогда не касалась тень дурной мысли, на нем играла и читалась жажда перемен. От него исходило достигавшее меня ощущение мира.

— Так что же ты от нас хочешь?— переспросил Фома.

Его недружелюбие заставило меня быть осмотрительным, поскольку мне показалось, что больше всего он желает оградить от посторонних тайну, известную всем ученикам.

— Я лишь прошу указать мне путь,— тихо произнес я.

Фома бросил на Иоанна косой взгляд:

— Прежде чем его схватили, он говорил, что у его отца не одно местопребывание, что он все подготовит для нас, Двенадцати, однако Иуда предал его. И тогда он сказал: «Вы знаете путь, по которому вам идти».

Фома прижал ладонь к покрытому морщинами лбу, и в его глазах появилось беспокойство.

— Тогда я ему ответил, что поскольку мы не знаем, куда он идет, мы не можем знать этого пути! А теперь ты, чужестранец, спрашиваешь меня о том, чего я сам не знаю!

— Фома! О Фома!— прервал его Иоанн.— Он сам дал тебе

ответ, говоря что он — это путь, истина и жизнь. Как же ты можешь говорить, что не знаешь этого пути?

Не выдержав, Фома неожиданно вскочил и ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— А что все это значит?— воскликнул он.— Объясни мне, я не могу понять!

Видимо Иоанну очень хотелось это сделать, но в моем присутствии он сдержался. Прежде чем вступить в разговор, мне понадобилось какое-то время для размышлений.

— На третий день он восстал из своей могилы.

— Да,— подтвердил Иоанн.— Мария из Магдалы сказала нам, что надгробный камень отвален; тогда мы с Петром побежали в это удостоверение и нашли могилу пустой.

— Ну да, ну да!— с иронией произнес Фома.— Марии виделись ангелы и какой-то призрачный садовник!

— Садовник?!— вздрогнув, воскликнул я, и что-то задрожало у меня внутри.

— Бабские рассказы!— продолжал Фома, не обращая внимания на мои слова.— Нафанаил и тот, второй, тоже видели его на дороге в Эммаус и даже его не признали!

— В то же день он явился к нам на закате, когда мы собрались здесь, умирая от страха и наглухо заперев все двери,— рассказывал Иоанн.— Он был с нами, разговаривал и обещал то, о чем я боюсь повторять себе самому, а не только незнакомому человеку. Но при этом он был жив! Затем он исчез точно так же, как и появился, а в нас с тех пор вселилась вера.

— Вот именно!— насмешливо воскликнул Фома.— Они все так же глупы, как Нафанаил и тот, второй, не говоря уже о Марии! Я не был при этом и не верю в эти видения. И не поверю в это до тех пор, пока не увижу на его руках следы от гвоздей и не смогу своими пальцами ощупать его раны. Нет! Не поверю! Пусть я тотчас же умру, но это мое последнее слово!

Иоанну было так тяжело слышать эти исполненные скепсиса слова, что он отвернулся. Но при этом ничего не сказал. Мне показалось, что сомнения Фомы успели поколебать веру тех, кто был свидетелем столь необычного явления.

Меня охватила какая-то странная радость, позволившая неожиданно твердо заявить:

— Для меня нет необходимости быть очевидцем всего, чтобы уверовать! Я и без этого готов согласиться с тем, что он воскрес из мертвых и все еще находится на земле. Я жду, сам не зная чего. За эти дни произошло немало событий, и произойдет еще много такого, что прежде казалось невозможным.

— Ты даже не принадлежишь к сынам Израиля,— с презрением заметил Фома.— Однако ты пришел к своему плащу фалды новообращенного. По правде говоря, я никогда бы не понял, зачем ты так настойчиво шпионишь за нами, если бы не догадывался о твоих намерениях; только не думай, что я не знаю о том, что ты был гостем прокуратора в Антонийской крепости, так вот: тебе хочется, чтобы мы угодили в твою ловушку и заговорили — тогда нас смогут распять или забросать камнями у стены!

Сжимая свои узловатые пальцы, он продолжал, обеспокоенно поглядывая по сторонам:

— Ты когда-нибудь видел как забрасывают камнями человека? Я — да! И не хотел бы испытать подобное на собственной шкуре, особенно теперь, когда он мертв, будь он в своей могиле или где-нибудь в другом месте!

— Зачем же ты тогда остаешься в Иерусалиме?— спросил я таким же резким тоном.— Если все обстоит так, как ты говоришь, убирайся отсюда! Возвращайся к себе, принимайся за прежнюю работу и перестань ворчать! Чего же ты ждешь?

Он потупил взор, как это делает человек, издавна привыкший гнуть хребет при звуке властного голоса.

— Я не могу уйти отсюда один!— выкрикнул он в свою защиту, теребя полу плаща.— Если хочешь знать — мы понапрасну теряем время: ожидаем здесь чего-то, ссоримся, не можем ни на что решиться и прийти к согласию. В тысячу раз безопаснее было бы укрываться в пустыне, а затем разойтись по домам.

Иоанн посмотрел на него своим светлым, как родниковая вода, взглядом:

— С тех пор как ты стал избранным, у тебя больше нет дома! Ты сам забросил свое прежнее дело: вспомни, что он сказал: «Тот, кто взялся за плуг и оглядывается назад, недостоин царствия». О Фома, мы не сможем никогда вернуться к своей прежней жизни!

— А какое оно, его царство?— с нетерпением спросил я.

Однако Фома презрительно тряхнул головой и сказал:

— Могу лишь с уверенностью сказать, что он оказался совсем не таким, каким мы его себе представляли!

Не скрывая своего бессильного раздражения, он опять ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Разве я тоже не собирался продать свой плащ и купить меч?— воскликнул он.— И разве я не жаждал умереть вместе с ним и ради него? Да сжалится над нами Бог! Будучи человеческим сыном, он обладал силой и возможностью творить на этой земле все, что ему захочется, а потом вздумал принести себя в жертву, словно беззащитный ягненок, покинув нас на произвол судьбы. Теперь мы не знаем, во что нам верить и куда идти. Когда человека забрасывают камнями, у него изо рта течет кровь, а из носа — кровавые сопли; он орет, плачет, он не в силах сдерживать экскременты, которые извергаются из него, до тех пор пока он не перестанет дышать. К чему дожидаться подобного, если его больше нет среди нас?

Иоанн осторожно потрогал его за плечо.

— В час истинны мы все оказались слишком слабы, — твердым голосом произнес он, — но не забывай, что он обещал нам хранителя.

Фома грубо его оттолкнул, словно тот выдал какую-то тайну, и затараторил скороговоркой, чтобы сменить тему:

— Как же ты болтлив, Иоанн! Сразу видно, что тебе не ведома жестокость жизни! Ты был любимчиком своего отца и вместе с братом привык приказывать взрослым мужчинам; я же последовал за Иисусом, когда он обратился ко мне от имени всех тех, кто живет согбенным под непосильным грузом, и я не могу понять, какую радость может им доставить эта бессмысленная смерть. Я лишь вижу, что она сделала из него и из нас посмешище в глазах синедриона и римлян.

Мне врезались в память слова Иоанна о хранителе.

— Ты что-то говорил о вашем защитнике?— спросил я, обернувшись к нему.

Иоанн бесхитростно взглянул на меня.

— Я ничего из этого не понял и не знаю, что это могло бы значить, но я верю его слову. Как ты и сам предполагаешь, что-то должно произойти, поэтому мы пока остаемся в Иерусалиме.

Оба ученика Иисуса обменялись долгим взглядом, их лица

были настолько различны, насколько могут отличаться лица двух людей. Но все же в них было что-то общее, их объединяла какая-то схожесть, несмотря на обидные слова Фомы; и пока они так молчали, я почувствовал, что исключен из их круга. До меня лишь теперь дошел смысл слов Марии из Магдалы об этих избранниках. Мне показалось, что я смогу узнать их лица среди тысячи других, настолько они отличались от всех остальных, и теперь я был уверен, что смогу найти других его учеников, которые опасались встречи со мной.

Установилось молчание: я понял, что несмотря на доброе отношение ко мне со стороны Иоанна, я оставался для них чужаком, и меня охватило отчаяние.

— Я не собираюсь причинять вам никакого зла,— сказал я.— Я не иудей, не проходил обрезания и не собираюсь стать новообращенным. Но мне рассказывали, что он не отрекался от самаритян, презираемых сыновьями Израиля, он исцелил даже слугу одного галилейского центуриона, потому что римлянин уверовал в него. Я тоже верю в его силу и власть и убежден, что он по-прежнему жив и еще к нам вернется. Если это случится, умоляю вас не бросать меня во мраке. Клянусь, я не причиню ему зла! Кроме того, как может человек навредить тому, кто воскрес из мертвых, восстал из гроба и проходит через закрытые двери? Вам я тоже не доставлю неприятностей, наоборот — помогу, чем смогу. Я живу в доме галантерейщика Карантеса, возле дворца Асмонидов; я богат и передам вам все свое состояние, если это необходимо.

— Докажи!— сказал Фома, протянув большую мозолистую руку.

— Такая помощь нам совершенно не нужна, по крайней мере сейчас,— остановил его Иоанн.— Мои родственники богаты, и у Матфея найдутся кое-какие деньги; кроме того, в дороге нам помогали богатые покровители Иисуса, иначе мы не смогли бы следовать за ним. По правде говоря, мы не нуждаемся ни в хлебе, ни в одежде, а лишь в том, что он один способен нам дать. Если он опять вернется, я вспомню о тебе, но мы не можем доверить чужому человеку тайны, которые он передал нам.

Фома оборвал его на полуслове:

— Мне кажется, мы напрасно послушали Марию! Любопытство этого чужестранца не стоит того!

Затем, обращаясь ко мне, он пригрозил:

— Знай же, что когда мы были с ним, мы обладали силой исцелять больных и изгонять демонов; даже теперь, когда мы утратили часть этой силы, тебе следовало бы быть с нами поосторожнее! Знаешь ли ты, что лишь тот, которого мы выбирали, мог приближаться к нему? И если один из Двенадцати оказался предателем, то как же доверять чужому человеку?

— Я не боюсь, — ответил я. — Еще никогда он не использовал силу для того, чтобы обрушиться на своих врагов, так как же он применит ее против человека, который ищет путь к нему?!

— Ты думалась, что все знаешь? — съехидничал Фома. — А тебе не рассказывали, как он в ярости проклял фиговое дерево, на котором, несмотря на обильную листву, не было ни единого спелого плода, и оно сразу же усохло на наших глазах? И не забудь: тогда время спелых фиг еще не наступило!

Иоанн добавил:

— Это, конечно же, одна из его притч, смысл которой мы не поняли.

— Притчами он говорил с толпой, а нам все объяснял! — прервал его Фома. — Каким чудом нам удалось бы понять его сейчас, если мы не поняли тогда? Вперед! Лучше без промедления уехать отсюда!

Его угрозы и нежелание иметь со мной дело возымели обратное действие и придали мне смелости.

— Да будет так! Сожалею, что помешал вам! Я выехал из Александрии в поисках повелителя мира, о приходе на землю которого гласили пророки не только Израиля, но и многих других стран; соединение звезд, сообщающее о его рождении, наблюдали и в Риме, и в Халдее и в Греции! Я нашел этого повелителя мира в лице Иисуса из Назарета, которого распяли как иудейского царя, и я присутствовал при его тяжелой кончине; его царство, конечно же, отличается от того, что я себе представлял и, по всей видимости, от ваших собственных представлений, однако мне кажется, что у вас нет никакого права запретить мне продолжать его поиски, а воскресение Иисуса доказывает существование этого царства.

Таковы были мои слова. Меня охватило чувство отчаяния, и горькие слезы разочарования обожгли глаза; отвернувшись, что-

бы скрыть свое лицо, я словно сквозь дымку видел большую комнату, углы которой были погружены в полумрак. На какой-то миг я ощутил, что должно произойти что-то необычное, как в доме Лазаря, только теперь это был не сон, а совершенная явь. Меня охватило непреодолимое желание призвать на помощь Иисуса, во весь голос произнеся его имя, как тогда, когда камень в руках нищего превратился в сыр; однако я не посмел сделать это в присутствии двух человек, которые, несмотря на неуверенность и колебания, могли знать о нем больше меня, которым их Учитель, конечно же, поведал свою тайну, прежде чем отправиться навстречу смерти — она по одной лишь ему известной причине должна была завершить его земной путь и смысл ее его ученики еще не поняли.

Итак, я не решился произнести его имени и униженно промолвил:

— Да пребудет с вами мир!

Обернувшись, я собрался выходить.

Фома прошел вперед, чтобы отворить дверь, провернул большой деревянный ключ и дернул за ручку. Дверь не открывалась. Он еще раз потянул ее, еще раз провернул ключ, но безуспешно.

— Дверь набухла и не открывается,— сказал он.

— Не дергай так сильно, а то сломаешь замок,— предупредил Иоанн, придя на помощь, но и его усилия оказались безуспешными.

Оторопев от удивления, они оба негодуяще посмотрели на меня, словно в том, что дверь не открывалась, была моя вина. Я, в свою очередь, решил попытать счастья, и несмотря на то что мне никогда раньше не приходилось пользоваться деревянными ключами и замками, ключ легко повернулся, и дверь поддалась без малейших усилий. В лицо мне ударил прохладный вечерний воздух; я увидел устланный звездами небосвод, от которого оторвалась и упала одна звезда, словно о чем-то предупреждая.

Происшествие с дверью и случай со звездой я воспринял как знак того, что Иисус не отстранял меня от своего царства. Однако его ученики не усмотрели в этом никакого предзнаменования: Фома лишь несколько раз провернул ключ в замке, ворча себе в бороду, что такой бедный человек, как он, не привык иметь дело

с ключами и всякими замками, поскольку у него никогда не было ничего такого, что запиралось бы.

Они остались наверху, а я спустился по лестнице. Внизу меня ждал юный Марк.

— Сумеешь ли ты сам отыскать свой дом, чужестранец?— вежливо осведомился он.— Наступила уже вторая стража.

— Не беспокойся!— ответил я.— Напрасно Нафанаил, дрожа от страха, вел меня окружным путем, какими-то закоулками, чтобы я никогда не смог отыскать этот дом; думаю, я легко доберусь до нижней части города, а оттуда без труда найду дорогу домой. Как только я окажусь за стеной, я спущусь вниз по тропе, ориентируясь по звездам.

— Отец и дядя попросили меня быть за хозяина этого дома и принять тебя,— поспешно произнес он.— Я ничего не смог тебе предложить, потому что посланцы Господа не пожелали разделить трапезу с римлянином. Прошу тебя, позволь мне в знак гостеприимства проводить тебя домой.

— Ты еще очень молод, а молодежь нуждается в хорошем сне,— сказала я, улыбаясь.— Ты и так слишком долго меня прождал.

— В такую ночь трудно сомкнуть глаза!— заверил меня Марк.— Подожди секунду, я только схожу за плащом

Полусонная служанка что-то проворчала у ворот, но мальчишка, смеясь, слегка хлопнул ее по щеке и выскользнул наружу. Я заметил, что в руках у него была трость со свинцовым набалдашником, что мне весьма не понравилось, хотя, по правде говоря, этот юнец не внушал мне никаких опасений. Он весьма уверенно провел меня прямо к нижнему городу, ни разу не свернув с прямого пути, чтобы я не смог опять отыскать этот дом: честно говоря, я думал, что он собирался поступить именно так, вызвавшись меня проводить. Там, где было темно, он брал меня под руку, чтобы я не споткнулся и не упал. Похоже, он горел желанием поболтать со мной, однако я шел, опустив голову и не разжимая губ, и он не решился начать разговор. В то же время во мне еще тлела искра надежды, и я решил заговорить первым.

— Так значит ты знал Иисуса из Назарета?

Марк сжал мои пальцы в своей руке.

— Да,— ответил он.— Я помогал готовить пищу и прислуживал за столом, когда он со своими учениками ел пасхального яг-

ненка. Это было в последний вечер. Но я видел его и до этого: он приезжал в Иерусалим верхом на осленке. Я тоже его приветствовал как Сына Давида.

С большой гордостью он добавил:

— Мой отец привязал осленка в условленном месте, чтобы ученики смогли его затем найти. В тот день люди бросали ему под ноги свои плащи и кричали: «Хозаннах!», размахивая пальмовыми ветвями. Благодаря моему отцу и тете он жил в большой комнате, не платя ни гроша.

— А кто твой отец?— поинтересовался я.— Чем он занимается и почему так относится к Иисусу, не смотря на местные власти?

Юноша нахмурился и прошептал:

— Лучше не упоминать его имени в связи с этими обстоятельствами. Однако он принадлежит к числу людей, душа которых исполнена смирения, несмотря на свое богатство. Вполне возможно, что его упростили укрыть у себя Иисуса, но тот не пожелал подвергать опасности отца и его дом и перебрался в Гефсиман. Но предателю Иуде было известно местонахождение нашего дома; они пришли сначала сюда: взломали дверь, принесли горящие факелы и громко бряцали оружием. Я вскочил с постели и побежал предупредить его об опасности.

Далее он пояснил:

— Отец может легко оправдаться перед синедрионом, потому что он часто сдает верхнюю комнату под банкеты и свадьбы; но в этом нет необходимости: у него есть друзья среди членов Совета. Возможно, им хорошо известно, что по ночам галилеяцы выходят из своего укрытия и собираются в доме моего отца, но им не хочется беспокоить остальное население, начав его преследовать. На их совести и так висит тяжелое преступление: они погубили Сына Божьего!

— А был ли он действительно таковым?— спросил я в надежде узнать что-нибудь еще.

— Он был самым настоящим Сыном Бога!— уверенно ответил он.— Никому на свете, если он не послан Богом, не дано делать то, что делал Иисус! Кроме того, он воскрес и продолжает жить, несмотря на собственную смерть! Мой дядя Нафанаил даже разделил с ним трапезу: а разве мертвые и бестелесные духи могут есть? Теперь ты видишь, что он действительно жив!

Эта юношеская безграничная вера вызвала у меня восхищение, однако разум заставил меня сказать с легкой иронией:

— Должно быть, ум не слишком тебя отягощает, о человек, верящий во все с такой легкостью!

— Я умею читать и писать по-гречески и немного на латинском!— возразил он.— Мой отец ведет дела на Кипре и даже в Риме! Я не такой невежда, как ты себе вообразил, и кроме того, не забывай, что он возложил свою руку мне на голову, когда был у нас. Конечно, тебе трудно в это поверить, потому что, как мне говорили, ты видел только его смерть. Однако я знал его во времена его веселия!

Мы дошли до стены, разделяющей город на две части, и я остановился у ворот, где когда-то встретил Марию из Беерота.

— Теперь я уже не заблужусь,— сказал я.

Тем не менее я продолжал стоять, и Марк, похоже, тоже не собирался уходить. С неба упала еще одна звезда.

— В такие ночи, как эта, даже звезды на небосводе беспокожны,— заметил я.— Что-то должно случиться. Возможно, именно теперь наступят дни его славы, но какими они будут, мы пока себе не представляем.

А Марк все еще не прощался и не уходил. Стоя в неуверенности, он как-то застенчиво теребил полу своего плаща и ковырял тростью в земле.

— Меня удивляет, что Нафанаил не сразу признал Сына Божьего,— сказал я,— и Марию из Магдалы ему пришлось окликнуть по имени, чтобы она его узнала.

— Они ведь не ожидали его увидеть!— вступился за них Марк.— Даже при жизни его внешний вид менялся в зависимости от состояния души. Это трудно объяснить: он как бы обладал внешностью всех на свете людей, и те, кто верил в него, видели в нем человека, которого они некогда любили. У него был такой пронизывающий взгляд, что было трудно смотреть ему в глаза. Я много раз видел, как взрослые люди опускали голову, взглянув ему в лицо.

— Возможно, ты прав,— ответил я.— Не зная о нем ничего, я видел его лишь на кресте, однако не смог поднять на него глаза и теперь не сумею его описать. К тому же при этом было очень темно. Я думал, что не смотрю на него, соперечивая его страда-

ниям. Однако теперь это меня совсем не удивляет, поскольку он был Сыном Божиим. Даже солдаты это признали, когда после его смерти начала дрожать земля. И все же,— продолжал я, давая выход своей горечи,— по какому бы признаку он не отбирал себе спутников, они все люди необразованные! Считаю, что они не имеют никакого права запрещать другим искать путь к Учителю. В этом нет ни добра, ни справедливости! Думаю, ты прав, и они нагоняют на себя лишний страх, стараясь скрыть тайну: уверен, никто их не побеспокоил бы, если бы они вышли из своего укрытия!

— Думаю, ты ошибаешься,— поразмыслив, сказал Марк.— Возможно, они действительно получили недостаточное образование, но могли спокойно смотреть ему в лицо. А Иоанн, которого он любил больше всех, бесстрастно смотрел ему в глаза. Не осуждай их, чужестранец!

В его голосе все же послышалась насмешка, когда он добавил:

— Следует признать, что их трудно понять, и мне кажется, они уже начали надоедать отцу своими ссорами и необузданным нравом, особенно самый старший из них — Петр: он всегда хочет всеми командовать и не перестает ссориться с женщинами, которые, между тем, заботятся о их пище и убежище; несмотря на то что он большой и сильный,— это настоящий ребенок! Во всяком случае, жители Галилеи отличаются от иерусалимцев: они не разбираются в тонкостях Писания так, как израильские раввины, а кроме того, были и остаются крестьянами, которые воспринимают мир лишь в конкретных образах.

На какую-то минуту между нами установилось молчание.

— Следует признать, что они грубо обращаются с чужестранцами, и при жизни Иисуса не допускали к нему всех желающих. Кстати, не ты один искал с ним встречи, но другому человеку они отказали из-за того, что не считают его настоящим сыном Израиля.

— А кто этот человек?— поинтересовался я.

— Иисус был настолько истощен, что потерял сознание, когда нес свой крест. Чтобы нести крест дальше, римляне остановили прохожего, полагая, что их выбор пал на бедняка; на самом же деле он был владельцем многих земель и пользовался большим

уважением в синагоге вольноотпущенных; после этого случая он хотел подать на римлян жалобу, но передумал: сам он родом из Кириanei, никогда не вмешивался в политику и ничего не знал о происходившем, а когда узнал и понял, для кого предназначался крест, который он нес, решил узнать об Иисусе побольше от его учеников. Однако в то время они дрожали от страха, Петр не доверял ему, с тех пор он больше не появлялся. Возможно, тебе стоит встретиться и поговорить с ним. Было бы странным, если бы Иисус не сказал ему ни единого слова, пока они шли рядом.

— Где его можно найти?— торопливо спросил я.

— Его зовут Симон Киринейский, и тебе обязательно расскажут о нем в синагоге вольноотпущенных.

— А что это за синагога?

— Ее построили вольноотпущенные из Рима, когда они, сколотив там состояние, вернулись сюда; в эту синагогу ходят также те, кто прибыл к нам из Александрии и Кириanei. В них осталось так мало иудейского, что они с трудом понимают язык отцов, и священные книги читают там на греческом. Это богатая синагога, в которой установился дух терпимости, и те, кто посещает ее, освобождены от тяжелого бремени соблюдения всех законов. Думаю, там тебя хорошо примут, если в субботу ты пойдешь послушать Писание на греческом.

— О Марк, благодарю тебя!— воскликнул я, обрадовавшись совету.— Его ученики отвергли меня, и мне приходится искать путь самому. Возможно, этот Симон занят тем же. Вдвоем нам легче будет добиться своего. Да пребудет с тобой мир!

— Мир и тебе, о друг прокуратора!— ответил юноша.— Если тебя станут обо всем расспрашивать, ты сможешь с полной уверенностью подтвердить, что мы не готовим никакого заговора!

— Я сам себе единственный друг, и у меня нет никакого другого,— ответил я, задетый за живое тем, что юноша подозревал, будто я собираюсь обо всем донести римским властям. И добавил:— Если меня все же спросят, я смогу доказать, что двое учеников, которых я видел, не представляют собой никакой опасности и совершенно не собираются нарушать общественный порядок. Все же я не думаю, чтобы кто-то стал меня о чем-то расспрашивать: у Понтия Пилата есть только одно желание — как можно скорее забыть об этом деле!

— Мир тебе!— еще раз повторил Марк, и на этом мы расстались.

Ночь закончилась без приключений.

Я обратился с расспросами к сирийцу Карантесу; и мне не понадобилось направляться в синагогу вольноотпущенных, чтобы отыскать Симона Киринейского.

— Не трать на это время и силы,— сразу же сказал мне Карантес.— Подожди немного, и я расскажу тебе все об этом человеке.

С этими словами он исчез, доверив присмотр за товарами своему сыну. Сидя на пороге, я едва успел сделать несколько глотков, как он уже вернулся.

— Этот Симон поначалу сколотил себе состояние в Киринее, а потом в Иерусалиме, где поселился несколько лет тому назад; он купил множество земель, виноградников и оливковых плантаций; кроме того, он ведет дела в различных городах Иудеи. В жизни он следует обычаям эллинов, и даже поговаривают, что он ходит в театр и в термии *гимназиума*, несмотря на то что носит бороду; его не считают ортодоксальным иудеем, и ходят слухи, что он даже не прошел обрезание, однако он слишком богат, чтобы кто-то отважился это проверить! Во всяком случае, он уважает законы и соблюдает саббат. Рассказывают, что римляне заставили его нести крест, на котором несколько дней тому назад был распят один возмутитель спокойствия, и этот позор настолько задел его честь, что с тех пор он не выходит из дома и не хочет ни с кем разговаривать.

Затем он самым детальным образом объяснил мне, где находится дом Симона Киринейского.

— Однако, что тебе нужно от этого человека,— спросил он с хитринкой в глазах.— Не собираешься ли ты вложить часть денег в покупку земли или заняться ростовщичеством? Если твои намерения именно таковы, я знаю многих людей, намного более подходящих для подобных дел, чем этот Симон из Кириinei, обращаться к которому я тебе не советовал бы. Знаешь что о нем говорят? Он сам собирает сухой хворост и приносит его домой под плащом, кроме того, ничего не ест, кроме хлеба и овощей!

Подобные противоречивые сведения лишь усилили мое желание познакомиться с этим человеком. Однако сириец уже начал

надоедать мне своими расспросами, хотя я не имел никаких оснований сомневаться в его добрых намерениях.

— Я хочу его повидать именно потому, что мне надо расспросить его о том случае с Иисусом из Назарета, которому он помог нести крест,— пришлось признаться мне.

Карантес ухватился за мой плащ.

— Не говори об этих вещах вслух!— ужаснулся он.

— Ты хорошо ко мне относился, и мне нечего от тебя скрывать. У меня есть причины полагать, что распятый царь иудеев был совершенно необычным человеком, которого мир не знал до сих пор, и что он был Сыном Бога. Я совершенно уверен в том, что он на третий день воскрес и продолжает жить, несмотря на свою смерть и погребение. Вот почему я хочу узнать о нем как можно больше, в частности то, что мне может рассказать о нем этот Симон Кирийский.

Лицо Карантеса выражало отчаяние.

— О несчастный!— воскликнул он, едва не плача.— Какую немилость я навлек на свой дом и торговлю, согласившись поселить тебя в комнате для гостей! Если бы ты не был другом центуриона Аденабара, я собрал бы твои вещи и немедленно вышвырнул вон! Такие речи произносят только шепотом и в четырех стенах, а не на улице у ворот, где нас видит и слышит каждый! Кроме того, не стоит верить рассказам больных и бабским сплетням. Я, конечно же, знаю то, о чем ты говоришь; слухи расползаются быстро, поверь мне! Однако тебе не следует вмешиваться в эту историю, если не хочешь, чтобы иудеи забросали тебя камнями! Разве тебе не хватает спокойной жизни в моем доме с мягким ложем и вкусной пищей, которую тебе готовит моя жена? Ты мог бы проиграть последнюю тунуку или совершить грех, распространенный в Вавилоне или в Греции,— даже тогда я понял и простил бы тебя, потому что ты еще молод. Но не суйся в дела иудейских колдунов или в то, что касается их Бога! Этот путь приведет тебя к гибели и навлечет несчастье на наши головы; ты сойдешь с ума, как это случилось с большинством тех, кто изучал магию и попытался вникнуть в их религию.

Его искренность и неподдельная забота обо мне так трогательны, что, несмотря на то что он был сирийцем, я решил открыть ему душу.

— Я вовсе не собираюсь вмешиваться в политические дела этой страны! Но хочу лишь обрести свой собственный путь. Я еще не очень стар, но уже многое повидал на свете, и философия не принесла мне удовлетворения, а удовольствия не дали покоя. По примеру многих богатых людей я от скуки прошел посвящение во всевозможные таинства, которые доставили мне не больше удовольствия, чем то, которое можно испытать на сцене театра, когда участвуешь в представлении. Временами меня охватывает такое отчаяние, что на глаза наворачиваются слезы. Вот почему, несмотря на окружающий меня мрак, я ищу путь, указанный Иисусом из Назарета.

— Марк, о друг мой, Марк!— глубоко вздохнув, произнес Карантес.— Позволь мне называть тебя своим другом, потому что ты, будучи гражданином цивилизованного Рима, не стал обращаться с презрением ко мне и к моей семье; я видел на твоих устах добрую улыбку, когда ты разговаривал с моей супругой или с сыном, и ты всегда говорил со мной как с равным. Каждый в жизни испытывает подобное отчаяние и неуверенность в своем будущем, что не перестает удивлять, потому что Рим принес всеобщее спокойствие, и никому не стоит бояться ничего, кроме сборщиков податей и превратностей политики. Если бы ты был женат и на твоём попечении находились бы жена и дети, в голове у тебя были бы совершенно другие мысли!

В сильном волнении он размахивал руками, подыскивая слова, чтобы точнее изъяснить свою мысль.

— Здесь мы находимся в городе иудейского божества,— продолжал объяснять он.— Я испытываю к нему глубокое уважение, и как я уже говорил, приношу ему свои дары, но при этом мне не приходит в голову задумываться о его таинствах! Что я от этого наживу, кроме сильной головной боли? Чужестранцам, живущим в стенах этого города, запрещено иметь даже самого малого идола, и даже сами римляне не могут поклоняться своему императору. Иногда случается, что стражники проверяют дома простых людей, разбивают различные изображения и безжалостно взыскивают штрафы. Поверь мне: живущему здесь чужестранцу не остается ничего другого, как смиренно просить заступничества у Бога Израиля, как говорят, ужасного и злобного. Так что не суйся в его дела, о Марк, так будет лучше для тебя.

Он продолжал:

— Думаю, ты еще не понял, что для сынов Израиля религия — это политика, а политика — это религия; все, что бы они не делали, связано с их верованиями, а их Бог следит за ними еще с колыбели, чтобы они и там вели себя так, как предписывает закон. Из этого следует, что лучше не раскрывать рта, и держаться от всего этого подальше.

— Я гражданин Рима, и никто не посмеет причинить мне вред,— был мой ответ.— Я не нахожусь под юрисдикцией иудеев, и если я буду обвинен в каком-то нарушении, касающемся их религии, даже сам прокуратор ничего не сможет для меня сделать, они вышлют меня в Рим, где один лишь император может быть моим судьей.

— А ведь ходят слухи, что он больше не живет в Риме и переехал на один отдаленный остров,— наивно возразил Карантес.— Разве не другой человек, жестокий и алчный, расположение которого можно приобрести лишь обильным дароприношением, сидит на его троне?

Наступила моя очередь схватить сирийца за руки и заткнуть ему рот рукой, с ужасом озираясь по сторонам, чтобы удостовериться в том, что нас никто не слышал.

— Если бы ты сказал такое в Риме,— прошипел я ему на ухо,— тебе отрубили бы голову! И никогда не произноси имени этого человека вслух: у него есть глаза и уши даже на самом краю земли.

Карантес совершенно спокойно отвел мою руку.

— Вот и результат!— сказал он.— В Риме существует то, о чем не принято говорить среди римлян, а в Иерусалиме — то, о чем не говорят среди иудеев: здесь имя того, которого распяли, столь же опасно, как и имя того, второго, в Риме.

Он на минуту замолчал и осмотрелся вокруг; я по-прежнему сидел у порога, и он, присев на корточки рядом со мной, стал мне шептать на ухо:

— Слухи — это всего лишь слухи. Однако в нашей среде пришельцев, не занимающих высокого положения, стало известно, какую немилость отвел от нас синедрион: ведь накануне Пасхи все мы, сами не ведая того, жили на горячем вулкане! Народ уже признал в этом человеке Сына Давида и своего царя,

и говорят, одно общество, находящееся в пустыне, оказало ему свою тайную поддержку, не считая тех, кто называет себя смиренными духом! Утверждают, что поджег храма во время праздника должен был стать сигналом к восстанию. Он хотел свергнуть синедрион, чтобы править вместе с народом. Можешь себе представить, какой это был бы прекрасный предлог для вмешательства римлян! Прокуратор привел в готовность все гарнизоны, а сам остановился не как обычно, во дворце Ирода, а в Антонийской крепости. И все же после смерти своего предводителя бунтовщики исчезли!

— Не могу тебе верить!— возразил я.— Его царство не относится к земным делам, что видно из того, что мне удалось узнать.

— Слухи — это всего лишь слухи!— примирительно сказал Карантес.— Но и они должны иметь под собой почву, для того чтобы существовать! Дыма без огня не бывает!

— Уверен, что синедрион вместе со своими священниками и сcribes сам распространяет эти слухи, дабы найти оправдание коварного убийства, в котором они все повинны,— с уверенностью ответил я.— Иисус совершенно не был таким, каким они хотят его представить: он говорил, что следует подставить вторую щеку ударившему, запрещал отвечать злом на зло, и я полагаю, что это единственный способ избавиться от вековой жажды мести.

— Значит все случилось по его вине!— возразил Карантес.— Человек, живущий на земле и желающий распространять и исповедовать свое учение, должен подчиняться царящим на земле законам. Возможно, он был просто игрушкой в руках тех, кто хотел достичь совершенно иной, чем он себе представлял, цели, что вполне допустимо, поскольку о нем самом я слышал лишь добрые речи. Однако Совет вынужден вести разумную политику, сопоставляя факты: не рекомендуется исцелять больных или воскрешать мертвых, для того чтобы народ взбунтовался, и тем более не пристало объявлять себя Сыном Бога! Насколько мне известно, у их Бога нет никакого Сына, и он не может его иметь: в этом состоит его основное отличие от остальных Богов! Подобные заявления обязательно ведут к политическим беспорядкам, а во время бунта власть захватывают не те, кто отличается разумом, а самые фанатичные. Можешь быть уверен, что моя лавка оказалась бы объята огнем, а моя дочь окровавленной лежала бы в каком-то

ручье еще до того, как я успел бы объявить себя приверженцем нового царя.

Какое-то время я раздумывал над его словами и над тем, что мне удалось узнать и чему я сам был свидетелем.

— Мне кажется, что исповедуемые им перемены должны происходить внутри человека, а не во внешних проявлениях,— вслух размышлял я.— Его учение именно этим отличается от других, и я думаю над тем, каким образом оно может воплотиться в жизнь.

— О! Сразу же видно, что ты не обременен семьей!— воскликнул сириец, воздев руки кверху, чтобы продемонстрировать свою отрешенность от дальнейшего спора.— Можешь делать все, что тебе захочется, однако не жалуйся потом, что тебя не предупредили о возможных последствиях.

Итак, я отправился к Симону Кирийскому.

От остальных усадеб его подворье отличала лишь одна деталь: среди бела дня ворота, выходящие в узкую улочку, были заперты. Мне пришлось достаточно долго стучать, пока не соизволила подойти служанка. Увидев меня в узкую щелочку калитки, она наскоро прикрыла лицо.

После приветствия я попросил провести меня к хозяину.

— Хозяин болен,— ответила она.— Он заперся в темной комнате и никого не хочет видеть.

Я назвал ей свое имя и имя своего банкира Арифена.

— Твой хозяин обязательно согласится меня принять, потому что я пришел по делу, которое его более всего беспокоит.

Служанка ввела меня во двор и побежала предупредить о моем визите хозяина. За обрушившимся фасадом здания я заметил недавно построенный в греческом стиле дом. Над его входом вместо потолка зияла дыра, а под ней находился резервуар для сбора дождевой воды. Пол покрывала мозаика, воссоздающая цветы и рыб, несмотря на местные законы, запрещающие любые изображения. Вдоль всего вестибюля были выставлены бронзовые предметы и греческие вазы, как это принято в доме цивилизованного человека.

Мне пришлось немного подождать, пока не появился раб, по видимому грек, одетый в плащ с элегантными сборками; в руках он держал свиток папируса. У него были седые волосы и покрас-

невшие глаза человека, привыкшего к чтению при скудном освещении.

Приветствовав меня, он предложил присесть и подождать.

— Что ты сейчас читаешь?— спросил я.

Он быстро спрятал свиток за спиной.

— Это труд одного иудейского пророка. Я воспитатель Александра и Руфия, сыновей хозяина. Сам он — человек простой и ничего не смыслит в поэзии.

— Позволь мне угадать название этой книги,— улыбнулся я.— Однажды я читал ее в Александрии, а недавно мне цитировали отрывок из нее. Это случайно не книга пророка Исаяи?

Раб озадаченно посмотрел на зажатый в его руке свиток.

— Не прорицатель ли ты или маг, если тебе известно название книги, которую я читал хозяину?

— Ни то, ни другое, но благодаря моему приемному отцу Манилию я немного разбираюсь в астрономии. Слышал ли ты что-нибудь о его книге под названием «Астрономика»?

— Нет,— ответил раб,— но мне хорошо известно, что римляне все переняли у греков; они переводят произведения на латинский язык и затем присваивают авторство.

В вопросе национального достоинства этот окованный раб был действительно силен!

— А что ты думаешь об иудейском пророке?

— Я — грек, и иудейские таинства навевают на меня скуку, потому что в них речь идет о невидимой силе. Для меня это лишь слова, на которых моя мысль не задерживается и продолжает дальше свой путь. Уже однажды было доказано, что черепаха может быть быстрее зайца: я раб с самого рождения, и войдя в роль черепахи, не стараюсь, по примеру иудеев, превзойти Гомера или Эзопа.

В этот момент в комнату вошел Симон Киринейский, я внимательно к нему присмотрелся: одетый наскоро плащ был в дырах и имел неопределенно-темный цвет, однако его борода была хорошо ухожена; средних лет, большой и крепко сложенный человек, лицо потемнело от солнца, а его большие узловатые руки выдавали в нем человека, привыкшего работать в поле.

Присев на стул с пурпурной подушкой, как это подобает хозяину дома, он нетерпеливым жестом приказал рабу удалиться.

— Что тебя привело сюда, римлянин?— без приветствия начал он.— Что тебе нужно от меня?

Прежде чем заговорить, я осмотрелся вокруг и убедился, что нас никто не слышит.

— Мне рассказывали, что ты тяжело переносишь воспоминание о своей встрече с Иисусом из Назарета,— открыто без обиняков сказал я.— Мне также стало известно, что ты искал встречи с его учениками, но они не пожелали тебя принять. Прошлым вечером, во время первой стражи, я виделся с двумя из них, но они отказали мне в помощи. Я тоже нахожусь в поисках пути, и если можешь, помоги мне!

Как-то странно склонив голову, Симон наблюдал за мной из-под лохматых бровей.

— Лично я ничего не ищу!— ответил он.— Кто мог сказать тебе такую чушь? Свой путь я нашел уже давно и доволен им!

Я внимательно посмотрел на него и неожиданно понял, что странная манера склонять голову и опасливый, недоверчивый взгляд выдавали в нем бывшего раба; я попытался разглядеть его лодыжку: нет ли на ней следов от кандалов, но Симон, заметив направление моего взгляда, быстро спрятал ноги под мраморный стул.

— Ты наблюдателен!— с иронией заметил он и ударил в металлический гонг небольшим молоточком.— Я действительно бывший раб, и табличка со свидетельством вольноотпущенного была мне выдана десять лет назад. В Киринее я разбогател на торговле зерном, а затем перебрался в Иерусалим, где жил еще отец моего прадеда. У меня два сына, и мне не хотелось бы, чтобы они терпели насмешки из-за моего происхождения. Однако я действительно родился рабом, так же как мой отец и мой дед, и похоже, рабство навсегда оставляет свой след, даже если здесь никто не обращает на это внимание. Как ты можешь убедиться, я живу как цивилизованный человек: у меня есть свое место в синагоге и в театре, я плачу воспитателю сыновей и надеюсь получить для них право национальности.

Вошел слуга с серебряным подносом и из изысканно украшенного графина налил мне в чашу темного вина. На подносе лежали медовые пряники и черный ржаной хлеб. Симон Киринейский взял глиняный кубок, наполнил его водой, отрезал кусок хлеба и, сдвув

с него пыль, принялся жевать, запивая водой. Меня это ничуть не удивило.

— Знаешь, мне уже надоели все эти сладости! Дай мне попробовать твоего хлеба,— сказал я ему.— Твое вино, конечно, чудесно, но позволь мне довольствоваться водой, которая, как мне кажется, принесена из живительного источника.

— Да, из одного дальнего источника,— объяснил он.— Еще ребенком, когда я работал под африканским солнцем на полях, я мечтал об этом, так же как о куске ржаного хлеба с отрубями, о горошке и ячмене. Позже, когда я разбогател, какое-то время я пил вино, но вскоре заметил, что оно не имеет для меня никакого вкуса; мне также подавали плавающие в меде пирожные, жаренных газелей с острыми соусами, но я понял, что с большим удовольствием ем хлеб со свежими овощами, которые, кстати, прибавляют мне здоровья. Моя жизнь полна неожиданных поворотов, и я повидал в ней больше, чем ты, римлянин, можешь себе представить.

Тон его рассказа вовсе не свидетельствовал о преисполнявшей его горечи, скорее он просто констатировал факты.

— Мне потребовалось немало времени, чтобы по-настоящему осознать, что я отпущен на волю и могу делать все, что захочу. До сих пор я сплю на твердом ложе для рабов, потому что от мягких кроватей у меня болит спина. Мне хорошо известно, что надо мной посмеиваются, когда после осмотра полей или оплаты поденщиков я собираю на своих землях хворост и с охাপками его на спине возвращаюсь домой; не хочу говорить ничего плохого о том, как другие распоряжаются деньгами, но расточительство не приносит мне никакого удовлетворения. Когда я был совсем маленьким, меня стегали до крови за то, что я собирал сухой коровий навоз и чертополох, чтобы моя мать могла разжечь огонь под глиняным котлом. Так вот, теперь, когда я собираю настоящий хворост на собственных землях и приношу его в собственный дом, это доставляет мне настоящую радость.

Он добавил:

— Я, быть может, строгий хозяин, потому что не терплю лениности тех, кто работает на меня, но я никогда не запрещал сборщику оливок спуститься с дерева и сотворить молитву в девять часов. Кроме того, больше всего я сам люблю копаться в земле и, закатав рукава, сам беру месить тесто.

Слова лились потоком, словно он хотел избежать вопроса, ради которого я к нему пришел.

— Таков избранный мной путь. Я долго размышлял о свободе человека и пришел к следующему выводу: необходимо дать другим жить так, как они хотят, не навязывая им собственной свободы или собственных удовольствий. Возможно, вернувшись в Иерусалим, я поступил опрометчиво, однако отец и мать внушили мне, что здесь находится земля обетованная. Они сами учили меня всему, что знали о Боге Израиля, потому что у рабов не было ни синагоги, ни учителей; как и мой отец, я не прошел обрезания и знаю очень мало о союзе Бога с народом Авраама. Но мне известно все о торговле зерном, и я бы еще больше разбогател, если бы перебрался в Рим. Однако зерно, которым за бесценнок питается этот город, обогрено кровью, и рубцы от кнута на моей собственной спине тому свидетельство. Кроме всего прочего, человек с тоской думает о Боге, о молитвах своих отцов, и его всегда тянет в место, откуда произошел его род. Я никогда бы не смог стать римлянином и не представляю себе, что постоянное накопление богатства может иметь конец. Моих средств достаточно для меня и моих сыновей, и я поместил их так, чтобы обезопасить от возможных осложнений. Теперь у меня только одно желание: жить праведной, богобоязненной жизнью, следовать законам, не причиняя вреда другим, радоваться тому, что мне нравится. Вот тот простой путь, который я избрал.

— Он достоин всяческого уважения,— ответил я.— В тебе я не вижу заносчивости или наглости римских нуворишей, готовых отдать целое состояние за то, чтобы побывать на приеме у одного из сенаторов или чтобы публично обратиться к одному из патрициев, за что их так презирают. Таким образом, я тебя понимаю и, не упустив из виду то, что ты обустроил свое прекрасное жилье в греческом стиле и угощаешь меня из золотой чаши, могу сделать вывод, что ты не являешься рабом собственного богатства.

— По крайней мере, я стараюсь,— обреченно вздохнул Симон Киринейский.— Я хочу быть свободен в той мере, в какой человек может быть свободен вообще. Если случится так, что я все это утрачу,— увы, никто не застрахован от несчастья!— я потеряю многое, ибо я умею довольствоваться малым, а изобилие не дает мне настоящего счастья.

— Почему же встреча с назаретянином так тебя поразила, что ты скрываешься в темной, наглухо запертой комнате и никого не хочешь видеть?— поинтересовался я.

Глубоко вздохнув и не глядя в мою сторону, он провел рукой по лбу.

— Что тебе известно о казненном?— наконец спросил он.

— Я прибыл из Александрии, для того чтобы побывать в священном городе иудеев во время праздника Пасхи, и остановился, чтобы понаблюдать за казнью. Неожиданно стало темно, я видел его муки и смерть, видел его могилу пустой на третий день после его смерти, и мне сказали, что он воскрес. С тех пор я не могу чувствовать себя свободным от него. Насколько я знаю, определенную часть пути ты нес его крест, и не думаю, что ты можешь чувствовать себя свободным от него. Что же произошло? Может, он сказал тебе что-нибудь особенное?

— Нет!— сказал он с чувством беспокойства, крепко сжав руки.— Нет, он мне ничего не сказал, а всего лишь посмотрел на меня, и это беспокоит меня больше всего. Я ничего о нем не знал, политика не заботит меня, и я соблюдаю закон, согласно требованиям своей синагоги. Двое других были разбойниками — об этом свидетельствовали их лица. Возвращаясь с поля, я остановился перед этой процессией, и тут Иисус упал, потеряв сознание под весом своей ноши; он не мог подняться, вокруг собралась такая толпа, что пробраться сквозь нее было невозможно; какая-то сердобольная женщина склонилась над ним и отерла краем своего плаща пот и кровь с его лица, но он по-прежнему не мог подняться, несмотря на пинки римлян; тогда их центурион осмотрелся вокруг и по обычаю людей своей страны приказал нести крест мне. Может, это случилось, потому что моя душа осталась душой раба? Я не посмел ослушаться и взвалил крест на спину. Иисус посмотрел на меня, а затем на дрожащих ногах поднялся с земли. Не сказав ни единого слова, я, идя вслед за ним, донес крест до холма. Если бы я пожаловался, что со мной обращались недостойно, уверен, что центурион понес бы наказание, но я вовсе не ищу бесполезных ссор с римлянами. Я видел, как назаретянина разложили на земле, один человек уперся коленями в его руки, а палач загнал ему первые гвозди в запястья, и тогда он посмотрел на меня во второй раз. Обернувшись, я бросился изо

всех сил бежать прочь, а когда оказался дома, заперся у себя в комнате на замок.

Прикрыв лицо ладонями, он продолжал, качая головой:

— Тебе этого, конечно же, не понять! Я повидал подобные казни! Иногда даже сами рабы насмеялись над своими распятыми собратьями, которые в припадке гнева могли убить надсмотрщика или поджечь поле пшеницы. Было такое время, когда пытки оставляли меня равнодушным, и я не думал, что когда-нибудь еще меня сможет тронуть человеческая боль. Но его взгляд! С этой самой минуты я постоянно чувствую головокружение, и меня охватила боязнь утратить почву под ногами. Как это тебе объяснить, если я сам не могу в этом разобраться?— с нотками отчаяния в голосе продолжал он.— В моих глазах все утратило смысл, кроме этого взгляда, исходящего с лица, опухшего от ударов и увенчанного колючками! Я укрылся в темноте дома и, накрывшись плащом с головой, не решился даже высунуть нос наружу, когда вздрогнула земля и вокруг меня заходили стены. На следующий день, нарушив закон, запрещающий передвигаться во время субботы, я пустился на поиски его учеников, дабы успокоить свою совесть, но они даже не вняли моим словам. Затем до меня дошли слухи, что они напоили римских солдат, которые стояли на страже у его могилы, и выкрали тело, чтобы дурачить простых людей, однако что-то во мне восстает против этого восприятия событий: человек с таким взглядом, как у него, мог действительно воскреснуть из мертвых! Что ты можешь сказать мне о нем? Каковы были его намерения?

— Насколько мне известно,— осторожно начал я,— он принес на землю свое царство и после воскресения находится среди нас. Я же ищу путь, ведущий к его царству, и пришел сюда в надежде, что он сказал тебе нечто такое, что поможет мне его найти.

— Если бы он мне сказал! Видимо, он не считал достойным его слов человека, против воли взвалившего на себя его крест! С тех пор как он взглянул на меня, даже вода из источника кажется мне болотной, и хлеб встает у меня поперек горла. Мои собственные дети стали мне чужими, и сердце больше не испытывает радости, когда я их вижу; естественно, я старался дать им образование, которое отличалось бы от моего, поэтому и раньше между нами не ощущалось особой близости, однако прежде я испытывал ра-

дось при одном лишь виде их элегантности и учености, и мне нравилось, как они обсуждают со своим воспитателем то, о чем я не имею понятия, что, впрочем, меня ничуть не смущает, поскольку моих собственных знаний мне вполне хватает для успешного ведения дела! Однако мой опыт ничем не может мне помочь в данном случае! В жизни у меня больше нет радости, и иногда мне хочется вернуться в свою хижину раба, раскалить металл и одеть себе на ноги кандалы.

— Известно ли тебе, что смиренные душой ожидают его пришествия?

— А почему мне читают вслух книгу пророка Исайи?— с горечью спросил Симон.— За последние дни спрос на этот свиток возрос настолько, что я был вынужден уплатить за него, написанный погречески, в пять раз дороже его цены, и все же он не принес мне облегчения. Что же касается смиренных душой, то они имеют свои знаки отличия и пользуются словами, которые служат им паролем, однако они меня не интересуют, поскольку я, новообращенный, не собираюсь вмешиваться в политику.

— Не думаю, чтобы они преследовали какие-нибудь политические цели,— возразил я.— По крайней мере, сейчас. Они верят в то, что Бог превратился в земного человека, жил среди них, страдал и воскрес для того, чтобы свершились слова Писания и чтобы для них открылось его царство. Но еще никому не удалось разобраться в смысле случившегося.

Симон пожал плечами и переместил центр тяжести своего массивного тела так, словно пытался сбросить с себя тяжелый груз.

— Значит, эти плечи перенесли крест живого Бога!— вымолвил он, похолодевшим от ужаса голосом.— Не стану с тобой спорить и возражать: сердце подсказывает мне, что ты говоришь правду. И он дважды посмотрел на меня! Конечно, мне приходилось слышать о новом проповеднике, учение которого вызвало беспорядки, но я не усмотрел никакой связи между ним и человеком, который шел, спотыкаясь, с терновым венцом на голове на казнь через распятие. До тех пор пока на холме мне не прочли табличку над его головой,— сам я совершенно не умею читать!— я не понимал, что это был тот самый Иисус, о котором я столько слышал и верил в эти рассказы лишь наполовину; жизнь превратила меня в скептика, и чудеса, которые он творил, не впечатляли

меня. Однако мне поведали историю начальника сборщиков налогов и даже назвали его имя — Закхей. Он взобрался на смоковницу, чтобы взглянуть на нового раввина, а тот приказал ему слезть на землю и после этого посетил его дом! Как только новый Учитель ушел, Закхей раздал половину своего имущества беднякам и вернул вчетверо больше тем, кого обманул, пользуясь своими полномочиями. Таким образом, махинации были раскрыты, его потащили на суд, но затем, признав слабоумным, отпустили, лишь изгнав его с занимаемой должности. Не трудно поверить в то, что человек, обладающий определенной силой, может исцелить паралитика, но заставить человека поделиться своим имуществом с обездоленными кажется мне необычайным чудом! Честно говоря, мне очень хотелось бы повидать этого мытаря, чтобы услышать от него самого, что такое мог сказать Иисус, когда был у него, и понять причину подобной перемены. Я имею дело с римлянами и стал прагматиком, несмотря на греческую философию.

— Ты говоришь о золоте,— поспешно заметил я.— Давай сейчас же отправимся в Иерихон, чтобы повидать этого Закхея. Возможно, Иисус научил его чему-нибудь такому, по сравнению с чем материальные богатства теряют всякое значение. Подобная тайна достойна того, чтобы отправиться на ее поиски. Разве ты сам не говорил, что один его взгляд лишил многое своего прежнего значения в твоих глазах?

— Как бы быстро мы ни шли, Иерихон находится в одном дне пути, а сегодня — канун сabbата,— возразил Симон.— Кроме того, мне совершенно не хочется выезжать из Иерусалима в эти дни: если то, что он воскрес, верно, то здесь мы находимся ближе всего к царству, о котсром ты говоришь с таким подъемом. По крайней мере, именно это подсказывает мне мой скудный рассудок.

Поскольку ученики Иисуса сами не решались покинуть Иерусалим в ожидании чего-то, что должно было произойти, мне пришлось признать, что он был прав.

— Мы сейчас в равном положении, потому что по воле случая оказались свидетелями того, что случилось. Только случай ли это? Я так больше не думаю, потому что именно нам обоим приходится искать новый путь с определенной целью. И каким бы он ни был, мы оба оказались задеты за живое и не сможем обрести покой, пока для себя не прольем свет на эту историю.

— У меня уже был готовый путь,— простонал Симон Киринейский.— Но теперь я не чувствую себя свободным и бьюсь, словно рыба, угодившая в сеть. Я никогда не стремился к вечной жизни, которую фарисеи пытаются заполучить, строго следуя малейшей букве закона, и я повидал столько смертей рабов, что в вопросе о вечной жизни скорее присоединился бы к саддукеям, которые не питают подобных иллюзий. В своей синагоге мы не обсуждаем этой темы, поскольку наши проповедники склонились на сторону александрийских эрудитов. То, что я видел собственными глазами, заставляет меня немного верить в магию, будь она белой или черной. Раздавая милостыню и следуя закону в разумных пределах, я нахожу умиротворение для своей души, прекрасно зная этот безжалостный и исполненный ненужной жестокости мир. Однако я сомневаюсь, что можно обрести вечную жизнь, совершая добрые поступки: двуличный человек не сможет обмануть Бога, даже если будет звонить в колокольчик, когда подает милостыню. Короче говоря, я не верю ни в какую жизнь после смерти: ни в жизнь теней, о которой говорят греки и римляне, ни в перевоплощение после смерти в петуха, в чем меня пытались убедить в Киринее, в той самой Киринее, где на поимку беглых рабов выпускают голодных собак, привыкших питаться только мясом закованных в цепи людей!

Он погрузился в собственные воспоминания.

— На большие африканские плантации приезжали люди из самого Рима, чтобы изучить организацию работы, подсчитать, во что обходится дешевая сила рабов, и даже прикинуть, как сделать так, чтобы наиболее крепкие женщины рожали детей от самых сильных мужчин. Но к чему ворошить прошлое, если теперешняя свобода не приносит мне больше радости!

Крепкое вино, которое он предложил, ударило мне в голову так, что я не сумел этого почувствовать.

— Хотя ты и новообращенный, я не чувствую к тебе никакой неприязни, Симон Киринейский! — лицемерно сказал я. — Конечно, будучи гражданином Рима, я имею право носить на мизинце золотое кольцо, однако в Родосе меня учили, что не стоит задаваться привилегиями, данными от рождения, и что намного лучше выглядеть в глазах других достойным человеком благодаря собственным качествам. До сих пор я больше раздумывал, а не

действовал; я всегда считал, что содержание рабов ставит их хозяина в трудное положение и что богатый человек никогда не может быть спокоен, пока вокруг него вертится прислуга — можно сказать, что человек, привыкший к подобным удобствам, становится рабом своих рабов. Однако теперь я многое понял и вижу, что раб — это почти такой же человек, как и я, несмотря на то что на лбу у него есть знак и его можно наказывать, если у него окажется несносный характер. Симон, отныне ты стал моим ближним, и мне хотелось бы тебя полюбить, как себя самого, о чем также говорил тот, кто был распят. Конечно, я получил более глубокое образование, однако мои знания не приносят мне пользы, словно я родился на свет во второй раз и должен учиться всему с самого начала. Вот почему мне хотелось бы стать тебе настоящим другом, несмотря на значительную разницу в нашем общественном положении.

Мои слова уязвили самолюбие Симона, которое очень болезненное у всех новообращенных. Он с силой ударил по подлокотнику своего стула кулаком, и я оказался обрызганным с ног до головы водой из глиняной чаши, которую он держал в руках.

— Иди к черту, римлянин! — рявкнул он. — Как по мне, можешь выбросить свое кольцо в отхожее место, и плевать я хотел на всю твою философию! Философия — это пустое занятие для бездельников, с ее помощью еще никому не удавалось вырастить ни единого колоска! И даже все твое неподдельное любопытство — ничто иное, как погоня бездельника за новизной, дабы затем блистать своими рассказами в кругу изысканного общества! Ты просто обманщик! Со своим плохо выбритым лицом и нашитыми на плащ фалдами ты похож на комедианта, которому во что бы то ни стало необходимо получить новую роль, потому что он провалил все предыдущие.

Чуть раньше, всего лишь несколько дней тому назад, я швырнул бы ему чашу в лицо, обозвал бы его жалким вольноотпущенником и в гневе хлопнул бы за собой дверь. Однако его резкие слова отрезвили меня. Я принялся раздумывать над тем, справедливо ли его суждение обо мне. Настоящая жажда познания всего этого толкнула меня на новый путь. По мере того как я продвигался по нему, я понимал, что вышеназванные качества были мне присущи, что идя по этому пути, я понемногу становлюсь другим.

— Прости мне мое высокомерие, поскольку мы оба действительно равны!— попросил я.

И это был я, гражданин Рима, опустившийся до того, чтобы просить прощения у неграмотного вольноотпущенного раба!

— Рассказывают, что даже сам назаретянин в последний вечер преклонил колени перед своими учениками и омыл им ноги, дабы обучить их смирению,— добавил я.— А мои чувства таковы, что я сам охотно стану перед тобой на колени и омою ступни твоих ног, если ты этого пожелаешь, о Симон Киринейский!

— Для этого мне никто не требуется!— буркнул он, но тут же добавил примирительным тоном:— Не сердись! Это вопрос жизни и смерти, с тех пор как он взглянул на меня!

Рукой он прикоснулся к моим лбу, плечу и груди в знак дружбы, и это прикосновение не внушило мне отвращения.

— Возможно, твой сегодняшний приход имеет определенную цель?— вслух подумал он.— Греческий воспитатель моих детей так зевал во время чтения Писания, что я ничего не понял; я уже было собирался отправиться на поиски более сведущего в этих вопросах сcribes, но вполне возможно, что тот принялся бы сначала истолковывать все буквально, затем — в символических образах и наконец принялся бы сравнивать эту книгу с другими, в конечном счете я ничего бы не понял! После того как он на меня так посмотрел, я знаю, что его учение относится не к письменной доктрине, а к самой жизни!

Затем, поглядев налево и направо, он спросил:

— Что со мной происходит? Я вдруг почувствовал себя легким, а мое удрученное состояние исчезло.

Неожиданно в комнате все осветилось. Именно в этот момент в зале появился человек высокого роста, закутанный в плащ, и не обращая на нас никакого внимания, направился в сторону жилых комнат.

— Это ты, Элиазар?— бросил Симон ему вслед.— Что-то случилось в поле?

Затем, поднявшись, он обратился ко мне:

— Это Элиазар, мой помощник, и он меня разыскивает; возможно, пахарь сломал себе руку или один из ослов упал в колодец. В таких случаях требуется моя помощь.

И он исчез вслед за незнакомцем. Оставшись один, я принялся

вспоминать: где я уже видел этого человека? Его лицо показалось мне очень знакомым! Мне почудилось, что он похож на моего дорогого учителя из Родоса, и это заставило меня улыбнуться: мне привиделось, что у него на голове были небольшие зализыны, и даже несмотря на то что он был одет по-другому, все равно сошел бы за моего учителя, однако мой учитель уже давно мертв, и при воспоминании о самом внимательном его ученике, постоянно жаждущем новых познаний, каким был я, меня охватила волна ностальгии по прошлому.

Через какое-то время Симон вернулся.

— Не могу понять, куда он пошел,— раздраженно сказал он.— Наверное, вышел во двор, потому что его нет в комнатах.

Он ударил молоточком в гонг, и как только появился прислужник, приказал:

— Приведи сюда Элиазара! Он только что был здесь, но из-за темноты не заметил меня.

— Я его сегодня еще не видел, хозяин,— ответил тот смущенно и вышел проверить, действительно ли прибыл приказчик. Чуть погодя он вернулся и сообщил:— Ты ошибся: Элиазара здесь нет, а ворота заперты.

Симон Киринейский пожелал убедиться в этом сам, и мне было слышно, как он громко спорил с привратницей, а затем ходил по дому, на ходу пиная вещи, попадавшие ему на глаза. Вернувшись, он сказал:

— Действительно, никого нет. Привратница поклялась, что никому после тебя не открывала ворота, и никто здесь не видел Элиазара.

— А мне показалось, что я видел своего учителя из Родоса,— продолжал я пребывать в своих мечтаниях.— К счастью, на мозаичном полу еще сохранились следы этого человека, иначе мы могли бы подумать, что нам обоим это привиделось.

— Похоже, Элиазар поранил себе ступни ног: у него идет кровь,— заметил Симон.

Он с удивлением провел пальцем по следу, и палец обагрился кровью. Я опустился на колени и принялся рассматривать отпечатки босых ног на полу; мое тело охватила дрожь, и подняв глаза на Симона, я пролепетал:

— Теперь я понимаю, почему его ученики не сразу его признавали.

Однако Симон ничего не понял и сердито проворчал:

— Мой дом остался совсем без присмотра: кто угодно может в него заходить даже тогда, когда ворота заперты.

— А ты действительно его не узнал?— спросил я.

— Это был мой приказчик Элиазар!— упрямо твердил он.

— Нет!— воскликнул я.— Нет, эти следы священные, и твой дом получил благословение! Воскресший Сын Божий собственной персоной побывал здесь и позволил нам его лицезреть, потому что мы усердно ищем путь к нему.

Загорелое лицо Симона посерело.

— Это был Элиазар, я видел его собственными глазами и узнал его,— с яростью упорствовал он.— Ты не имеешь права так пугать меня.

— Можешь думать все, что тебе захочется,— ответил я.— В нем было что-то близко знакомое для нас обоих, и мы оба обратили на это внимание. Но как мы смогли бы сразу же догадаться, что это был он? Мария из Магдалы тоже не признала его до тех пор, пока он не окликнул ее по имени.

— Что ты хочешь мне внушить? Однажды я видел, как один маг вызывал духов, но это были всего лишь образы, копошащиеся в облаках дыма. И никакой дух не может оставить следы своих ног на полу!

— Разве ты еще не понял, что он не просто дух? Он воскрес из мертвых и находится среди нас, идет, куда захочет, даже сквозь запертые двери.

Однако рабский рассудок Симона не подчинялся этим рассуждениям.

— Я еще могу верить в его воскресение,— пробормотал он.— Но почему он явился именно нам? Это не укладывается у меня в голове. Мы не были его учениками и даже не знали его при жизни; ты — необрезанный римлянин, а я — бывший раб. Почему же царь должен был предстать именно пред нашими глазами?

— Его царство было совсем близко еще до его появления,— сказал я.— Разве ты не заметил, как осветилась комната за несколько секунд до того, как мы его увидели? Представ перед нами,

он, конечно же, хотел дать понять, что мы тоже можем искать путь к нему.

— Если это был он, я оставлю сыновьям все свое состояние, чтобы повсюду следовать за ним,— поклялся Симон.— Но уверен, это был не он, а Элиазар.

И он принялся жаловаться на свою судьбу.

— Почему это должно было случиться именно со мной?— сжав кулаки, тяжело вздохнул он.— Почему в его сети не попался более молодой человек? Несчастье всегда приходит самым неожиданным путем. Зачем я оказался прямо у него на пути? Какое несчастье! И оно свалилось именно на меня, ведь я мечтал прожить остаток лет, радуясь тому, чем обладаю.

Прислушиваясь к его словам, я сделал вывод, что Симон, сам того не желая, уверовал во все случившееся.

— Поверь мне, брат мой Симон,— сказал я, чтобы приободрить его.— В его власти дать тебе то, что несомненно более ценно по сравнению со всем, чем ты обладал до сих пор! Однако не иди за ним, оставь этот путь, поскольку мне кажется, что он не требовал следовать за ним, если человек в глубине души к этому не подготовлен.

— Вот и ты теперь стоишь на страже этого пути и воздвигаешь для меня препятствия, так же как и его ученики, которые даже не захотели со мной разговаривать. Если он действительно явился нам, во что я, естественно, не верю, я не хуже тебя смогу отыскать этот путь.

Неожиданно громкий стук в ворота заставил нас вздрогнуть. Мы услышали, как скрипнул засов, открылась дверь, затем раздался крик привратницы, отстранив которую, перед нами появился небольшого роста человек.

— Где же он?— всхлипывал он, выкручивая себе руки.— Куда вы его спрятали? Когда я увидел, что он вошел в этот дом, я привязал своего осла к кольцу у входа и принялся терпеливо ждать. Однако он не выходил отсюда. Я желаю его видеть!

— О ком ты говоришь, незнакомец?— спросил его Симон.— Здесь никого нет, кроме моего гостя, с которым я уже давно беседую.

Смешной карлик сделал шаг по направлению ко мне, поднял

свою большую голову и долго смотрел на меня взглядом ничего не видящего человека.

— Это совсем не тот, кого я ищу!— наконец произнес он.— Этот слишком хорошо одет для сына Израиля, и если я не ошибаюсь, его плащ соткан из милетской шерсти!

— Кого же ты ищешь?— переспросил его Симон.— Разве так входят в дом?

— Какая тебе разница, кого я ищу?— ответил тот с таинственным видом.— Могу сказать тебе лишь то, что он прошел рядом со мной, а я его поначалу не признал, пока он не удалился, затем я позвал его, но он не остановился; напрасно я погнался своего осла — он добрался до города прежде меня и вошел в этот дом.

В этот момент в ворота опять постучали, и перед нами предстал крестьянин с открытым, загорелым на солнце лицом.

— Наконец ты пришел, Элиазар,— с облегчением вздохнул Симон.— Почему ты не остановился, когда я тебя звал? Куда ты пропал?

— Меня здесь не было!— удивленно возразил Элиазар.— Прошло уже немало дней с тех пор, как ты не бывал в своих владениях. А земля привыкла дрожать от радости под ногами хозяина, и я не знаю, что мне делать дальше, если ты не дашь мне указаний. Надеюсь, ты не болен?

Я взглянул на его ноги: они были босыми и, как мне показалось, в крови.

— Ты где-то поранился?— спросил я.

— Нет!— смущенно ответил Элиазар.— Это следы краски, которой мы метим жертвенных ягнят, а я не успел вымыть ноги, ибо торопился сюда, чтобы получить от своего хозяина указания, которые он должен прокричать мне в самое ухо, так принято в Киринее,— без этого крика я не могу спокойно работать.

Маленький человечек, по-прежнему пребывая в возбужденном состоянии, по очереди взглянул на каждого из нас.

— Вы что, решили посмеяться надо мной,— завопил он, давая волю своим чувствам.— Я вас четко спросил: где вы его спрятали? А вы говорите о каких-то полях и жертвоприношениях.

— Не прыгай перед нами, как петух!— урезонил его я.— Меня зовут Марк, я — гражданин Рима, это — Симон, хозяин этого

дома, а это — его приказчик Элиазар. А ты кто такой, если врываешься в чужой дом, словно полоумный?

— Я прибыл из Иерихона,— гордо сказал он,— и я бывший начальник сборщиков налогов Закхей, так что не смей смеяться над моим малым ростом, потому что у меня в городе я пользуюсь уважением, по крайней мере со стороны римлян.

Мое удивление было так велико, что я всплеснул руками.

— Мы говорили о тебе всего несколько минут назад, Закхей!— воскликнул Симон.— Какое счастье, что ты оказался здесь, у меня! Иначе мы отправились бы искать тебя в Иерихон, несмотря на то что наступает сabbат!

Закхей недоверчиво смотрел на нас.

— Он говорит правду,— поспешил я подтвердить слова Симона.— Так значит ты — то самый человек, который по приказу Иисуса из Назарета отдал половину своего состояния беднякам и вернул в четыре раза больше того, что успел добыть с помощью махинаций?

— Я раздал нечестно заработанное не по приказу, а добровольно. Но что может знать об Иисусе такой римлянин, как ты?

Элиазару было явно не по себе, и он пальцами ноги ковырялся в земле.

— О хозяин, я вижу, что все в порядке, и что ты чувствуешь себя хорошо, но мне не хотелось бы слушать бунтарские речи,— наконец произнес он.

— Не бойся, сейчас мы все выясним,— вмешался я.— Почему ты, бедный человек, так опасаясь имени назаретянина?

Продолжая топтаться на месте, Элиазар понурил голову.

— Его слова были сладки для нас, а оковы — приятны!— промолвил он.— Всем пришедшим к нему он пообещал мир... Но тех, кто обещал крестьянам и пастухам улучшить их жизнь, обязательно тащили в суд: так был распят и Иисус, и я больше ничего не хочу от нем слышать!

— Нет!— воодушевленно воскликнул Закхей.— Не говори так, ты не прав! Он пришел для того, чтобы позвать за собой заблудших, и обратился также ко мне, Авраамову сыну, зная, что я жаден и нечестив. Он не стал насмехаться над моей внешностью, а назвал меня по имени и заставил слезть с дерева, на которое я

взобрался, чтобы посмотреть на него. А затем он был гостем в моем доме.

— А царство его — не земное,— добавил я.

— Однако, когда он говорил, всем казалось, что его царствие вот-вот наступит. На праздник я не прибыл в Иерусалим вместе с другими, потому что жертва такого грешника, как я, не может быть принята в храме, и только когда они вернулись, я узнал, как жестоко расправились с ним. Меня охватило отчаяние, и я оседлал своего осла, чтобы добраться до этого города и собрать все сведения об Иисусе. А неподалеку отсюда он прошел совсем близко от меня.

— Кто?— вздрогнул Симон.

Захей побагровел и, подняв глаза к небу, прошипел:

— Сам Иисус! Только не говорите опять, что я спятил! Конечно, я не обладаю крепким здоровьем, и поездка меня утомила, да и мой осел тоже уже шел с опущенной головой; однако когда он был уже далеко от нас, я ощутил словно бы прикосновение, оглянулся назад и узнал его.

— И ты действительно видел, как он входил в мой дом?— тоном судьи спросил Симон.

— Он не мог войти ни в какой другой!— твердо ответил Захей.— В Иерихоне мне уже рассказывали, что он воскрес из мертвых, но, говоря правду, я этому не поверил, поскольку раньше не случилось ничего подобного. Когда на дороге я понял, что это Иисус, то не осмелился ни кричать, ни пустить вскачь своего осла, чтобы не навлечь на него опасность. А теперь сжальтесь надо мной и позвольте мне подойти к нему, броситься в ноги, чтобы почтить Мессию.

— Довольно!— взвыл Элиазар.— Не произносите больше этого имени вслух! Он исцелял больных, воскрешал мертвых, вошел в Иерусалим царем и кнутом очистил храм, однако у него не хватило сил, чтобы справиться с синедрионом, а, между тем, немало людей оковали железом свои палки, и мы ждали лишь сигнала, чтобы последовать за ним. Такой сигнал, конечно же, поступил, и мы смогли убедиться в его достоверности: его распяли между двух разбойников! Пусть больше никто не говорит при мне о Мессии! Для меня достаточно и этого знамения, я никогда больше не со-

йду со своего пути, а детям скажу, что Мессии нет и никогда не будет!

— Так ты тоже знал его, Элиазар?— с упреком спросил Симон.— Почему же ты мне ничего не рассказывал?

— Как раз тебе я ничего не мог говорить!— теперь уже со злостью взревел приказчик, больше не заботясь о своих словах.— Ты богат и жаден, ты подбираешь даже хворост у своего холма, тем самым лишая огня вдов и сирот. В его царстве не было места богатым, и мы сразу убрали бы их с дороги, чтобы освободить ему путь, а затем разделили бы поля, виноградники и оливковые рощи между бедными. Конечно, о нем бытовали различные мнения, но думаю, что дети света вернулись бы в Иерусалим, чтобы руководить нами. Во все времена богатые, сcribes и те, кто обладает властью в этой стране, убивали пророков. Я больше не могу сдерживать желчи в своей душе и готов выплюнуть ее под ноги, хозяин! Возможно, ты знаешь, как следует жить в Киринее, а мне хорошо известны нравы Иудеи и Иерусалима, и это наполняет мою душу горечью.

— Если я действительно перед тобой виновен и если правда то, что я отбираю у вдов и сирот хворост, когда приношу его в своем плаще, можешь меня ударить — я это заслужил,— потухшим голосом произнес Симон.

Однако Элиазар не поднял на него руки. Пожалев о сказанном, он понурил голову.

— О, нет!— взмолился он.— Мои слова были несправедливы! Ты хороший хозяин, самый лучший, которого только можно найти в наши дни. Ты заботишься о вдовах и сиротах и не взыскиваешь строго за каждый колосок и каждую корзину оливок, позволяя очень многим жить крохами со своего стола. Однако у меня тяжело на сердце и горько на душе из-за Иисуса из Назарета: он показал нам свою силу, многое пообещал и оставил с пустыми руками.

— Только не с пустыми руками!— воскликнул я.— Он щедро оставил нам нечто такое, что драгоценнее всего того, что нам было известно до сих пор. Взгляни!

Я показал ему почти стершиеся следы на земле, а Симон рассказал о том, что произошло, описав человека, вошедшего в комнату.

— Если ты, Закхей, нам не веришь, пойдись с моим приказчи-

ком! Обыщи вместе с ним все комнаты и осмотри все углы на террасе, чтобы больше не было и тени сомнения в том, что он исчез точно так же, как появился! А затем возвращайся, и мы решим, как следует поступить.

Стоя в нерешительности, Закхей бросал на нас полные подозрения взгляды, однако наконец принял предложение Симона.

— Если бы при мне были инструменты мытаря, я сумел бы найти в твоём доме самые сокровенные тайники! Если я не отыщу Иисуса, то никому не удастся сделать это, и я почти готов буду поверить, что его здесь действительно нет.

Симон предложил ему взять у слуг все, что помогло бы ему в поисках, и Закхей в сопровождении Элиазара удалился своей безобразной походкой уродца. Вскоре мы услышали шум — подтверждение тому, что он методично обшаривал каждую комнату.

Подавленные, мы с Симоном какое-то время молчали.

— Мы говорили о Закхее, и вот он здесь,— наконец произнес я.— Возможно, в этом стоит усматривать какое-то предзнаменование.

Симон ничего не успел ответить, поскольку за воротами раздался громкий шум, и мы услышали, как привратница отворила калитку и принялась о чём-то спорить с целой толпой людей, собравшихся у дома. Наконец она предстала с испуганным лицом перед хозяином.

— Не знаю, что делать,— сообщила она.— Ничего не могу понять во всем, что здесь происходит. За воротами стоит целая толпа бушующих нищих, которые утверждают, что слышали о том, будто Симон Киринейский сегодня пригласил всех нищих и калек Иерусалима пить и есть в свой дом.

Схватившись руками за голову, Симон воскликнул:

— Сплю я, или это все наяву? Сегодня я не собирался устраивать в своём доме никакого пира! Затем он набросился на меня с обвинениями:

— Ты — безусловно очень хитрый маг! Это ты все подстроил, и теперь я потерял всякий душевный покой!

Он бросился к воротам, а я — вслед за ним. Когда он их открыл, мы увидели, что узкая улочка была полностью забита хромыми, калеками, одержимыми, женщинами и голодными детьми, вокруг глаз которых роились мухи и которые, стоя, все протяги-

вали руки к Симону. Они принялись хором выкрикивать в его адрес похвалу и благословлять его во имя Бога Израиля. Напрасно Симон пытался выяснить, откуда взялся этот беспочвенный слух о пире в его доме. Никто из нищих не смог дать ему вразумительный ответ. С обеих сторон улочки прибывали все новые хромые и калеки, тяжело волочась по земле, чтобы как можно скорее поспеть к банкету.

Наконец Симон решился признать свое поражение. Собрав всех своих слуг, он приказал:

— Впустите этих нищих во двор, но смотрите, чтобы они соблюдали порядок и ничего не украли. Приготовьте хлеб и возьмите в доме все съедобное, раздайте им, чтобы они смогли насытиться. Дайте им также вина из больших кувшинов. Только пусть сюда войдут лишь те, кто уже стоит у ворот: места во дворе всем не хватит.

Затем, обращаясь ко мне, он сказал:

— Благодарю создателя земли и неба за то, что здесь нет моих сыновей Александра и Руфия; они отправились осмотреть мою ферму в Кирьяте и вернутся лишь после субботы. Таким образом, они избавлены от болезней и грязи этих несчастных. А мне безразлично, что со мной может случиться!

И он вышел из дома, чтобы присмотреть за исполнением приказа. Чуть погодя слуги вынесли все съестные запасы, которые они обнаружили в доме, не забыв о масле, муке, меде и сушеных фруктах; они открыли даже сосуды, полные соленой рыбы, и стали раздавать острый соус.

Увидев, что гостей собралось уже более шестидесяти, Симон понял, что всего этого будет недостаточно, и отправил слуг за мукой, чтобы испечь нового хлеба, в то время как люди, устроившись во дворе, смущенно рассматривали греческие колонны, храня при этом молчание, чтобы не рассердить хозяина дома.

Обшарив все комнаты и подвалы, продырявив все мешки и даже перевернув вагончик с углем, тяжело дыша от гнева, с ног до головы покрытый пылью, мукой и вымазанный углем, вернулся Закхей. Он вытер лицо туникой, еще больше размазав по нему грязь.

— Какой ты хитрый!— разволновался он.— Ты и меня хочешь

обмануть! Тот, которого ты спрятал, мог преспокойно скрыться в такой толпе нищих и незаметно уйти!

— Как же другие поверят нашим словам и тому, что мы видели собственными глазами, если ты не хочешь мне верить, хотя сам хорошо знал его?— со вздохом спросил Симон.— Он явился тебе на дороге, а нам здесь, в этом доме. Господи, жалься надо мной! Во имя всего того, что произошло со мной сегодня, я уверовал, что он воскрес и потрясает мир точно так же, как все перевернул в моем доме! Расскажи мне о нем и о том, что он проповедовал, Закхей. Говори, чтобы мы могли понять, чего он хочет от нас.

Он сам сходил за водой и, чтобы помириться с Закхеем, омыл ему голову, а Элиазар — ноги. После этого он дал ему чистый плащ. Бывший мытарь, видя нашу жажду услышать из его уст слова о вечной жизни, успокоился.

— Он проповедовал при всех и ничего тайного мне не сообщал,— сказал он.— Войдя в Иерихон, он вернул зрение одному слепому, уверовавшему в него. В разговоре со мной он сказал: «Сын Человеческий пришел отыскать и спасти то, что утрачено». Он еще сказал, что в его царстве скорее примут одного раскаявшегося грешника, чем девяносто девять не согрешивших праведников.

— Это же несправедливо!— вмешался Симон.— Какая же тогда может быть радость для человека, старающегося жить праведной жизнью, если Господь отворачивается от него и даже не желает с ним говорить? И как грешник в глазах Господа может снискать большую благодать?

Движением руки Закхей попросил его помолчать.

— Он назвал меня по имени и, несмотря на то что я был презираемым всеми грешником, пришел ко мне в гости. Когда он произнес мое имя, обида, травившая мою душу из-за большой головы и уродливого тела, прошла, и я, ненавидевший всех людей на свете, был признан и прощен царем Израиля, Давидовым Сыном! Что с тех пор для меня благожелательность людей? Я стал свободным и в радости раздал половину своего состояния нищим. Однако не думаю, что вам дано это понять!

— Действительно, нам этого не понять!— признал Симон.— Видимо, ты прожил столь неправедную жизнь и сотворил столько незаконного, что опасаясь близкого ареста, ты предпочел разыг-

рать раскаяние и, вернув часть наворованного, спасти, по крайней мере, все остальное.

— Твои слова ничуть меня не обижают, а твои суждения вызывают уважение,— сказал Закхей.— Я тоже стал недоверчивым, всегда стараюсь найти объяснение поступкам других. Не знаю, как описать то, что я почувствовал, глядя ему в лицо, когда он рассказал мне одну историю, смысла которой я еще не совсем понял. Это история о человеке знатного рода, который отправился в далекую страну, где его должны были короновать. Перед отъездом он позвал десятерых слуг и дал им десять мин золота, приказав приумножить их к его возвращению. Однако в той стране подданные ненавидели этого человека и направили к нему послов, на которых возложили обязанность передать, что не желают, дабы он был их царем. Но все же его сделали царем, а возвратившись домой, он призвал к себе слуг, которым поручил деньги, и спросил их о прибыли. Первый с гордостью сообщил, что его мина принесла десять мин дохода. Тогда царь сказал ему: «Это хорошо, и ты хороший слуга, а раз ты так хорошо справился с делом, имея в руках лишь немного, назначаю тебя правителем над десятью городами».

— А разве он не говорил ни о чем другом, кроме денег?— разочарованно прервал я его рассказ.— Я надеялся услышать что-то о вечной жизни.

— Но я же был сборщиком податей, и он, естественно, решил что мне легче будет понять притчу на близкую мне тему,— ответил Закхей.

— Нам, сыновьям Израиля, легче понять все, что связано с деньгами, чем тебе, римлянину, который был воспитан на греческой философии,— вмешался Симон Киринейский.— Десять мин — это значительная сумма, если только они были из золота, а не из серебра. Кроме прочего, все зависит от того, в течение какого времени отсутствовал их господин, поскольку за короткий период никто не сумел бы честным путем удесктерить такую сумму.

— Вы хотите услышать продолжение или нет?— спросил Закхей.— Второй слуга увеличил свой капитал в пять раз и стал правителем пяти городов. А последний слуга принес ту самую мину, которая была ему выдана: он хранил ее под подушкой, боясь по-

терять, пустив ее в оборот. В свою защиту он сказал: «Я побоялся гнева такого жестокого человека, как ты, привыкшего брать то, что не клал, и пожинать то, что не сеял». Тогда царь ответил: «Я могу судить о тебе по твоим же словам, никудашный раб! Ты знал, что я — жестокий человек, берущий то, что не кладу, и пожинаящий то, что не сею. Почему же ты не передал эти деньги какому-нибудь банкиру, если сам не знал, как их приумножить для меня? Сейчас эти деньги были бы у меня с процентами». И тогда он приказал забрать у него мину и отдать ее тому, у которого их оказалось десять. Остальные возмутились: «Но у него уже есть десять мин!»

Я прикрыл лицо рукой, чтобы не выдать своей скуки, однако в эту минуту Захей победоносно взглянул на нас.

— Послушайте, какой отсюда следует вывод,— произнес он, подняв руку.— Будьте внимательны, чтобы вы смогли его понять. Царь возвестил: «Каждому человеку, у которого уже есть, дадут еще больше, и он станет еще богаче, а у того, кто ничего не имеет, отнимут самое последнее». Затем он разыскал своих врагов, не пожелавших, чтобы он стал царем, и велел казнить их.

Мы с Симоном задумались о смысле этой загадочной притчи.

— Я не могу ее понять,— признался я в своем бессилии,— но мне это кажется несправедливым.

— Я тоже ничего не могу понять, но с тех пор как я узнал о его смерти, эта история все больше не дает мне покоя. Я не могу отделаться от мысли, что с человеком знатного происхождения, которого ненавидели его подданные, он сравнивал самого себя и желание приумножить свое неземное царствие. Он, конечно же, собирается еще вернуться и потребовать отчета от тех, кому он доверил свою мину, чтобы узнать, кто и как ею распорядился.

— Ты точно запомнил притчу?— спросил я.

— По крайней мере, основную идею, думаю, я запомнил хорошо,— ответил он.— Во всяком случае, я слушал ее не один, и остальные смогут это подтвердить. Одни могут утверждать, что в ней речь шла о талантах, другие скажут, что слуг было всего трое, однако концовка, показавшаяся нам странной, неожиданной и несправедливой, запомнилась всем одинаково.

После минутного раздумья он продолжал:

— Не думаю, что в этой притче деньги — основное. В ней заложен более глубокий смысл. Он говорил, что не стоит стяжать

сокровища на земле, где их пожрут моль и черви, а следует их собирать в его царстве.

Симон вздрогнул, словно ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Элиазар,— приказал он,— быстро сбегай к шкафам, возьми там всю шерстяную и льняную одежду и раздай ее нищим во дворе!

Затем он снова погрузился в свои мысли, уставившись в одну точку.

Тем времен Элиазар не торопился выполнять приказ хозяина и, водя ногой по земле, тихим голосом произнес:

— Ты, конечно, можешь распоряжаться своими вещами, как тебе угодно, но позволь мне, о хозяин, отложить для себя, жены и детей по одному плащу и по одной новой тунике.

Упершись руками в колени, Симон пошевелился на своем стуле.

— Делай все, что хочешь,— произнес он,— и вы, друзья, не стесняйтесь, берите все, что у меня есть, и уносите все, что мне удалось собрать за всю свою жизнь. Берите еще этот старый плащ, если он может кому-то послужить! Держите!

— Знай меру!— смущенно сказал Закхей.— Сдержанность нужна и когда берешь, и когда даешь. Во всем остальном ты поступаешь верно, поскольку он сам говорил: «То, что вы делаете для одного из этих обездоленных, вы делаете для меня самого. Это и есть путь».

Неожиданно он о чем-то вспомнил и вскочил на ноги.

— Я привязал своего осла к кольцу у ворот, и с ним могло случиться неизвестно что! На улице было полно нищих, и воспользовавшись неразберихой, они могли отвязать его и увести куда-нибудь.

Подумав чуть-чуть, он снова обрел спокойствие.

— Не имеет значения! Когда речь идет о царстве, я не хочу казаться хуже, чем ты, о Симон! Если у меня кто-то украл осла, то он, безусловно, нуждается в нем больше, и я не собираюсь заявлять об этом властям! Пусть мой осел принесет ему целое состояние!

Симон тяжело дышал, ворочаясь на стуле. И вдруг заулыбался.

— Я больше не могу это терпеть,— произнес он.— Когда я слышу, как эти несчастные чавкают, натапывая себе брюхо, и ссорятся из-за лучших кусков, то испытываю такое же чувство, как если бы щипцами кусок за куском рвали мою плоть! Я вижу, как, наевшись, они ступают по хлебу и бросают под ноги соленую рыбу! Однако, если такова его воля, то, возможно, я еще к этому привыкну!

— Ты действительно уверовал в него?— удивился я.— Неужели ты думаешь, что выйдя отсюда, он явился кому-то из нищих и сказал, что ты устраиваешь трапезу в своем доме?

— Мои мысли — это мои мысли!— гневно ответил Симон.— Однако, если он задумал сыграть со мной шутку, я сумею ответить ему тем же, и тогда мы посмотрим, кто из нас посмеется последним!

Вслед за Симоном мы вышли во двор, где на корточках сидели нищие и, вовсе не ссорясь, предлагали друг другу лучшие куски, словно были гостями на торжественном приеме; слепым они вкладывали пищу прямо в руки, а тех, кто не мог дотянуться до еды, обслуживали более удобно устроившиеся сотоварищи.

В это время Элиазар вынес целую гору плащей и другого белья, разложив все это между колоннами. От огня исходил аппетитный запах жареного мяса, а слуги беспрестанно выпекали ржаной и пшеничный хлеб и еще пирожки с тмином. Одна лишь привратница плакала горькими слезами, да еще греческий воспитатель детей Симона взобрался на крышу и никак не хотел оттуда слезить.

Образцовый порядок и радостное настроение нищих привели Симона в ярость.

— Неужели нужно есть и пить, пока не лопнешь, да еще забрать с собой все, что осталось!— выкрикнул он.— Только знайте, что пригласил вас не я, Симон. Вашим радушным хозяином стал Иисус из Назарета, который был распят нашим синедрионом. Да благословит он эту трапезу, чтобы она не стала для вас предсмертной и послужила продолжению вашей жизни! Сам я не могу ее благословить, потому что желчь подкатывает у меня к горлу.

Нищие, подумав, что он шутит, с благодарностью поглядывали на него, а кое-кто даже улыбнулся, что привело Симона в еще большую ярость.

— Все это — подарок вам от Иисуса из Назарета, Сына Божь-

его, который воскрес из мертвых и царство которого пришло на землю, а сам он по-прежнему пребывает среди нас и проникает туда, куда пожелает, несмотря на двери и замки.

Некоторых охватил страх, они принялись обеспокоенно поглядывать друг на друга, а наиболее смелые закатывались хохотом.

— Да будешь ты благословен, Симон Киринейский, сын Израиля!— восклицали они.— Но почему мы пьем у тебя только терпкое вино, если, судя по твоим словам, ты вместе со своими благодородными гостями наслаждаешься сладкими винами?

Ослепленный яростью, Симон приказал слугам:

— Откупорьте малые амфоры и смешайте все вино в большой чаше, дабы они пили и уверовали в то, что Иисус из Назарета продолжает творить чудеса даже после собственной смерти!

Слуги исполнили приказ своего хозяина, они принялись с удовольствием пить вместе с нищими, и даже Элиазар испробовал вина, пока Симон ходил за сосудом с дорогими благовониями.

— Мне не дают покоя эта грязь, отвратительный запах и мухи, облепившие ваши глаза! Я хорошо знаю этот запах затхлости, и мне кажется, что я опять нахожусь в хижине раба с кандалами на ногах. Возьмите эту мазь и смажьте себе лица и головы! Держите! Сами князья будут завидовать вам!

Действительно, как только он открыл сосуд, приятный запах распространился по всему двору. Тогда Симон принялся, словно полоумный, возливать благовония на головы нищих, то громко смеясь, то столь же громко ругаясь. Он приблизился к ребенку, который жадно поглощал пищу. Осторожно поставив сосуд на землю, он стал перед ним на колени.

— Принеси мне мой густой гребень!— приказал он.— Нужно вычесать вшей из волос этого малыша.

Взяв в руки гребень, он принялся распутывать всклокоченную шевелюру мальчика, доставая при этом оттуда вшей с такой ловкостью, что можно было подумать, будто он всю свою жизнь занимался этим неприятным делом. Когда Симон прошелся по его волосам гребнем, ребенок, голова которого была покрыта коркой от укусов насекомых, издал несколько громких воплей, однако он был настолько голоден, что не стал вырываться.

Страх охватил нищих.

— Из-за казненного Симон Киринейский сошел с ума, — стали шептаться они, — это случилось, потому что римляне обесчестили его, заставив нести крест. Давайте поскорее закончим трапезу, возьмем то, что он пожелает нам дать, и уйдем отсюда, пока он не потребовал от нас возмещения убытков.

— Такое уже когда-то было! — сказал старик. — Однажды один богатый человек, напившись вина, пригласил нищих на трапезу к себе в дом, а затем, разозлившись на них, принялся прыгать по их животам, заставляя вернуть то, что они успели съесть. Давайте же поторопимся!

Они опасливо поглядывали в сторону Симона, но тот, целиком погрузившись в свое занятие по очистке головы малыша от паразитов, не обращал внимание на их слова. Закончив эту работу, он силой подтащил ребенка к большому тазу, сорвал с него лохмотья и выкупал, не замечая криков мальчишки. Остатком мази он смазал ребенку голову, ноги и грудь, а затем выбрал из одежды своих детей тунику, плащ и сандалии и надел на оборванца.

— Вот теперь ты одет и пахнешь, словно княжеский сын! — воскликнул он. — Пусть меня повесят, если ты не достоин войти в его царство!

Нищие, взяв одежду, розданную им Элиазаром, стали осторожно пробираться к выходу, дожидаясь благоприятного момента, когда можно было бы освободить ребенка из рук хозяина дома. Однако Симон заметил их маневр и крикнул:

— Подождите еще немного, гости Иисуса из Назарета! Каждый из вас получит от него подарок!

Он попросил Закхея и меня помочь ему открыть сундук, окованный железом и запертый на множество замков. Из него он достал кожаный кошель, бегом возвратился во двор, сорвал с кошелья печать и принялся одаривать нищих серебряными монетами, при этом давая одним по одной драхме, другим — по четыре, а некоторым — по большой монете в десять драхм, не обращая внимание на то, сколько кому досталось.

Бродяги начали роптать:

— Почему ты дал такому-то столько-то, а мне так мало?

— Это вина Иисуса из Назарета! — отвечал Симон. — Он сам берет то, чего не клал, и пожинает то, чего не сеял.

И он добавил еще денег тем, у кого их и так было много. Но

когда он сделал вид, что собирается отнять мелкие монеты у тех, кому они достались, нищие смекнули, что пора убираться, и словно стадо напуганных овец, ринулись к воротам, увлекая за собой ребенка.

Симон Киринейский отер пот с лица и изумленно потряс кошельем.

— Никогда не видывал ничего подобного!— произнес он.— Как это понимать: как знак или как совет? Кошель еще наполовину полон, тогда как я был готов раздать все без остатка.

— Самое время отнести его обратно в сундук,— посоветовал я.— А потом расчеши себе бороду, чтобы избавиться от вшей, и прикажи слугам прибрать следы этого пира. Не знаю, как расценить то, что ты сделал — проявлением глупости или хитрости, но уверен, что нищим надолго хватит полученного от тебя, и они не скоро постучат в эту дверь.

Захей, сидевший рядом с Элиазаром подле большой чаши с вином, залился веселым смехом.

— Подсаживайся к нам, римлянин, бери чашу и пей!— крикнул он, обращаясь ко мне.— Эта большая чаша еще не пуста, и было бы нехорошо дать испортиться такому дорогому вину!

Затем, выпив еще, он добавил:

— Да будет благословен этот плод виноградников во имя того, кто умер и затем воскрес, дабы быть готовым принять нас в своем царстве! Мы все трое видели его собственными глазами, а ты, Элиазар, видел следы его ног на полу, а поскольку мы занимаем более достойное положение, чем ты, о крестьянин и хранитель стад, ты должен верить нам.

Он нежно обнял раба и, поцеловав его, прошептал:

— Не сердись: я занимаю более достойное положение лишь в этом мире, а в его царстве ты, возможно, возвысишься над всеми нами. Разве он не говорил, что там первые станут последними, а последние — первыми?

— Мы все совершенно пьяны,— сказал, пытаюсь высвободиться из объятий Захея, Элиазар,— а мой хозяин — больше всех. Однако я весьма доволен тем, что получил новую одежду и раздал столько дорогостоящего добра тем, у кого ничего нет. Да еще выпитое ударило мне в голову, потому что я совсем не привык к крепкому вину.

— Да пребудет с вами мир!— сказал Симон, обхватив руками голову.— Я смертельно устал и возвращаюсь в свою темную комнату, чтобы там отоспаться. Ни одну ночь я провел в раздумьях об Иисусе из Назарета, а теперь чувствую, что обрел покой, и думаю, что просплю до окончания сabbата.

Спотыкаясь, он направился в свою комнату, а мы с Закхеем, сочтя, что в том состоянии, в котором он находился, ему действительно лучше отоспаться, остались во дворе. Однако Симон, памятуя о том, что ему как хозяину надлежит заботиться о собственном доме, вернулся, просунул голову с растрепанными волосами в приоткрытую дверь и, моргая, сказал:

— Все кажется мне кошмаром, я даже уверен, что это действительно кошмар и что когда я проснусь, вас здесь уже не будет. Но ты, Закхей, хотя всего лишь снишься мне, можешь переночевать в комнате для гостей, если хочешь. Пусть Элиазар допьет свое вино и возвращается домой, чтобы поспеть к празднику сabbата, пока в небе не зажглись три звезды. А тебе, римлянин, я не знаю, что сказать, потому что ты мне тоже снишься, и я тебя больше никогда не увижу.

Подчинившись его воле, приказчик накрыл голову плащом и лег отдыхать в тени колонн. Мы с Закхеем оказались один на один. Его лицо больше не казалось мне отвратительной маской карлика, а благодаря вину его глаза заблестели, щеки окрасились, как у нормального человека.

Он задал мне несколько вопросов об учениках Иисуса, которых тот избрал своими посланниками. Я поведал о том, что мне удалось узнать, а также о видении Марии из Магдалы и о том, как назаретянин появился в запертой комнате, где собрались несколько его учеников. Я также рассказал ему о своей встрече с Фомой и Иоанном, не скрывая того, что они не пожелали иметь дело со мной и что мой визит был для них неприятен.

— Моя душа томится жадной приобщиться к его учению,— наконец подытожил я.— Однако, если я приду к ним и стану это объяснять, они мне не поверят. Возможно, они поверят тебе, если ты их разыщешь и расскажешь обо всем, что здесь произошло. Быть может, после этого они перестанут отворачиваться от нас и откроют нам тайну, поскольку им, безусловно, известно намного

больше, чем нам, и он, конечно же, поделился с ними своей тайной, хоть они и не желают, чтобы об этом знали другие.

— Я разыщу их,— решительно сказал Закхей.— Во всяком случае, Матфей не отвернется от меня, потому что он тоже бывший сборщик налогов, и мы были прежде знакомы. Может быть, он замолвит за меня слово перед другими.

— Тогда иди туда!— сказал я.— А у меня нет ни желания, ни сил бороться дальше.

Я описал ему комнату, в которой происходила встреча с Фомой и Иоанном, и ему показалось, что он знает этот дом и его хозяина, но при этом он все же отказался назвать мне его имя.

— Возвращайся спокойно домой и жди, когда я подам тебе условный сигнал. Я подготовлю для тебя путь,— уверил меня Закхей.

Мы расстались, и я направился домой, очарованный тем, что со мной произошло в доме Симона Киринейского.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

От Марка — Туллии!

Приветствую тебя, о Туллия, и все еще продолжаю тебе писать. В Родосе я узнал от своего учителя, насколько изменчива человеческая память и как быстро в ней перемешиваются события и факты: свидетели одного и того же события сохраняют о нем совершенно различные воспоминания, делая акцент на том, что им запомнилось больше всего. Итак, я теперь произвожу записи, для того чтобы помнить, как и в каком порядке все это происходило.

Началось субботнее бдение, как вдруг двери храма захлопнулись с таким шумом, что эхо прокатилось по всему городу и достигло самых отдаленных долин. Весь субботний день я оставался в комнате и занимался своими записями, поскольку иудеи требуют, чтобы чужестранцы тоже соблюдали их праздники и не шатались по городу. Они же, одевшись в наилучшие свои одежды, стекаются к синагогам, чтобы помолиться и послушать чтение священных книг, и даже количество шагов, которые они могут сделать в этот день, просчитано наперед! Однако, как мне рассказывали, священники в храме в этот день удваивают количество приносимых жертв, что не считается нарушением закона.

В эту субботу перед заходом солнца ко мне зашел центурион Аденабар. Он оставил свою каску в крепости и плотно закутался в сирийский плащ, чтобы не привлекать к себе внимание.

Войдя ко мне, он, позевывая, произнес:

— Как твои дела? Как твоя жизнь и здоровье? Давненько же я ничего о тебе не слышал! Дни саббата — самые скучные, потому что мы даже не имеем возможности ходить строем и упражняться в цирке из опасения потревожить верующих звуками нашего шага. Дай мне глоток вина: в этот день в Антонии его запирают, дабы легионеры от безделья не передрались или чего хуже, не стали бы пьяными бродить по городу, показывая иудеям свиные уши и потешаясь над ними.

Накануне хозяин дома хорошо позаботился обо мне: чтобы я не ощущал неудобства и пребывал в хорошем настроении, он принес мне амфору галилейского вина, которое он выбрал из всех остальных, потому что, как он заявил, оно не слишком бьет в голову, не вызывает боли в желудке и не содержит древесной смолы, способствующей хранению вина; однако при этом его следовало выпить за достаточно короткий срок, чтобы оно не скисло.

Аденабар с удовольствием попробовал его, отер рот и внимательно посмотрел на меня.

— Ты так изменился, что сейчас тебя трудно отличить от эллинизированного иудея: отрастил бороду, на пальцах полно чернильных пятен, однако что-то мне не нравится в выражении твоих глаз. Что с тобой? Будем надеяться, что не имеющий образа Бог иудеев не помутил твой разум, как это часто случается с путешественниками, приезжающими сюда, чтобы осмотреть храм, после чего в их головах возникают определенные мысли, которые не способен вынести разум нормального человека. Только детям Израиля эти мысли доступны, потому что с самого рождения они слышат о своем Боге, и когда мальчишка достигает двенадцатилетнего возраста, все это становится для него настолько привычным, что ему уже не требуется помощь родителей, для того чтобы благословить хлеб или молиться.

— Аденабар, друг мой, мы вместе с тобой видели и пережили некоторые события, и допуская, что от этого мой разум немного помутился, я не испытываю никакого стыда, признаваясь тебе в этом.

— Лучше называй меня моим римским именем,— живо встал он.— Я ощущаю себя римлянином больше чем когда-либо, и как таковой я зовусь Петроний. Этим именем я подписываюсь, когда получаю у квестора деньги, и на это имя получаю приказы, когда кому-нибудь приходится в голову написать их на восковых табличках. Знаешь, я надеюсь получить в командование когорту где-нибудь в Галилее, Испании или даже в Риме. Поэтому сейчас я изо всех сил стараюсь углубить свои знания латинского языка и привыкнуть к своему римскому имени.

Он еще раз взглянул на меня так, словно собирался определить степень моего умопомрачения и выяснить, насколько мне можно доверять.

— Для меня ты навсегда останешься Аденабаром,— возразил я.— Твое сирийское происхождение не вызывает у меня отрицательных эмоций, тем более не чувствую различия между собой и иудеями, наоборот: я принялся за изучение их религии и традиций. Меня удивляет лишь то, что тебя до сих пор не перевели в пустыню или не отправили служить мишенью для скифских стрел — там ты имел бы больше шансов быть убитым, и то, что ты знаешь, не доставляло бы никому хлопот.

— О чем ты говоришь? Ты что, совсем сошел с ума или начал пить еще в первом часу ночи?— произнес Аденабар тоном дружеского упрека.— Ты, конечно, в чем-то прав: я чувствую, что стал более значительным человеком, чем прежде. Однако не будем говорить о пустыне, которая ослепляет самого крепкого человека и вызывает у него галлюцинации, а когда взбираешься на верблюда, тебя начинает тошнить, тем более, что там живут люди, которые носят козьи шкуры и внушают солдатам ужас, потому что бросают у них на пути палки, превращающиеся в змей. Если бы меня отправили туда на сторожевой пост, думаю, в моей голове вскоре завертелись бы мысли, о которых лучше не говорить, пока живешь в обществе цивилизованных людей.

Аденабар на секунду умолк и, недоверчиво взглянув на меня, добавил с хитрой улыбкой на устах:

— Ты, вероятно, слышал, что Иерусалим стал нездоровым местом для здравомыслящих людей. Не думаю, чтобы ты забыл о случившемся на следующий день после землетрясения; расска-

зывают, что разверзлись многие могилы святых, из которых вышли мертвые, они неоднократно являлись живым.

— Мне известен лишь один человек, воскресший из мертвых, и ты его тоже знаешь,— ответил я.— Предлагая повышение по службе, тебя хотят перевести в другую страну, чтобы ты не смог говорить о нем и еще потому, что центуриону намного труднее заткнуть рот, чем обычному легионеру.

— Не знаю, что ты хочешь этим сказать,— ответил Аденабар с плохо скрываемым страхом.— Думаю, ты еще помнишь легионера Лонгинуса. Так вот, копьё ведет себя странным образом в его руках и не слушается во время упражнений: оно ранило его в ногу и вырвалось из рук, когда он кидал его в мешок с сеном, и при этом едва не угодило в меня, а я стоял сзади. Должен сказать, что в самом копьё нет никакого изъяна; причина — в Лонгинусе. Чтобы убедиться в этом, я бросил копьё и попал в цель с сорока шагов, а Лонгинус может орудовать любым другим копьём, кроме собственного.

— Ты говоришь о том самом копьё, которым он проверял, умер ли Сын Божий?— поинтересовался я.

— Ни за что на свете не следует говорить, что этот человек был Божьим Сыном!— взмолился он.— Эти слова внушают мне ужас! А вот и другая история. У легионного палача отнялись руки; у него нет сил, чтобы поднять кнут, а когда он ест, то с трудом доносит еду до рта обеими руками. Хирург Антонийской крепости обнаружил никакой болезни и заподозрил в нем симулянта, желавшего досрочно заполучить по концессии земельный участок и зажить преспокойной жизнью в селении для ветеранов — ему осталось лишь два года до окончания двадцатилетнего срока службы. Медицинский опыт в армии уже доказал, что кнут излечивает многие скрытые от глаза болезни, однако палач выдержал все удары, зажав зубами кусок кожи, как это делают старые легионеры. Руки по-прежнему не повиновались, и ему установили диагноз — ревматизм, заболевание, которое в легионе признается чрезвычайно редко. Офицеры болеют им чаще, чем солдаты, потому что иногда им приходится покидать спокойную жизнь и ночевать на голой земле, под открытым небом при любой погоде. Однако,— словно во сне продолжал Аденабар,— я не припоминаю, чтобы он проклял кого-то из нас: наоборот, страдая на кресте, он

просил своего отца простить нас, потому что мы не ведали того, что творили. Тогда мне показалось, что он бредит, ибо в толпе не было его отца.

— А что общего между ним, Лонгинусом и легионным палачом?— в ярости воскликнул я.

— Следует признать, что из-за этого назаретянина мы испытали настоящий ужас,— попытался найти объяснение Аденабар.— Он был необыкновенным человеком, и когда те, кто присутствовал при его казни, узнали, что он воскрес, их ужас еще умножился: солдат, который ведет монотонную жизнь, готов поверить любым слухам, и чем они абсурднее, тем проще запечатлеваются у него в сознании. Так вот, теперь достаточно, чтобы в темноте ночи где-то упал щит или чтобы старая амфора сама по себе раскололась, а ее содержимое вылилось на пол — и весь гарнизон поднимется на ноги и будет взывать к богам! Однако, говорят, что иудеям в городе приходится ничуть не лучше,— продолжал он.— Маленькие дети просыпаются по ночам и рассказывают, что над ними склоняется чужой человек и касается их рукой. Другие рассказывают, что проснулись от обжигающих капель, однако после того как зажигают лампу, они ничего не замечают в доме. Я также слышал, что члены синедриона беспрестанно моют руки и предаются самым суровым способам очищения, которые предписаны их законом. А я не испытал никаких неприятностей и не видел ни одного кошмара! А как ты?

— Я?— переспросил я, не задумываясь над собственными словами.— Я разыскиваю путь.

Аденабар удивленно посмотрел на меня. Он уже выпил больше половины амфоры, не разбавляя водой дешевое вино, однако не проявлял никаких признаков опьянения.

— До меня доходили слухи, что существует множество путей, на которых легко заблудиться. Как можешь ты, будучи римлянином, надеяться найти верный путь, когда сами иудеи не знают, где он? Боюсь, как бы они не захлопнули дверь прямо перед твоим носом и как бы ты об нее не ушибся!

— Возможно ли,— удивленно воскликнул я,— чтобы тебе, центуриону, были ведомы сомнения и чтобы ты тоже искал путь?

Громко расхохотавшись и похлопывая себя по коленям, Аденабар воскликнул:

— Вот ты и угодил в ловушку! Надеюсь, ты не думаешь, что мне не известно, чем ты занимался в последние дни! У меня тоже есть друзья в Иерусалиме и побольше, чем у тебя, чужестранец!

Затем, перестав смеяться, он пояснил:

— Думаю, что римляне допускают большую ошибку, долгие годы оставляя здесь один и тот же легион без замены, что, впрочем, вполне возможно в других странах, где легион таким образом лучше узнает страну, в которой он призван установить порядок, а местные жители, подружившись с солдатами, обучают их своим нравам и обычаям, и когда истекают двадцать лет положенного срока службы, легионер, получив земельный надел, женится на женщине из этой страны и обучает своих соседей римским обычаям. Однако в Иудее или Иерусалиме все происходит совершенно по-другому: когда чужестранец надолго остается здесь, его либо охватывает боязнь перед иудейским Богом, либо он начинает ненавидеть иудеев. Возможно, ты удивишься, но среди римских офицеров, особенно в небольших гарнизонах, есть такие, которые приняли иудаизм в тайне от остальных и согласились пройти обрезание. Однако можешь поверить, что я вовсе не из таких! О разных путях, существующих для сынов Израиля, я узнал лишь из любопытства и не для того, чтобы шпионить за ними, а чтобы лучше понять их и не оказаться под колпаком их ужасного божества.

— У креста ты сам признал в нем Сына Божьего,— напомнил ему я.— Та сам был вместе со мной в гробнице и видел нетронутую плащаницу после его воскресения.

— Вот именно!— подтвердил Аденабар.

Неожиданно он швырнул об пол глиняную чашу, разлетевшуюся на тысячу осколков, и вскочил на ноги.

— Будь он проклят, этот иудейский царь!— воскликнул он с перекошенным от гнева лицом.— Будь проклят этот заколдованный город и будь проклят этот храм, где даже нет изображения их Бога, чтобы его можно было разнести на куски! Можно подумать, что произошло что-то небывалое и что впервые человек был лишен жизни! Прежде распинали и других невинных, но они никогда не воскресали! Назаретянин нарушил всю дисциплину в армиях!

Уже отзвучали трубы в храме, и верующие уже сотворили вечернюю молитву. Сквозь тонкие стены моей комнаты мы слы-

шали как закрывались ворота храма: саббат подошел к концу. Мы облегченно вздохнули. Аденабар попросил меня простить ему приступ гнева, в котором он разбил чашу с вином.

— Меня берет злость оттого, что, будучи центурионом, я должен подавать пример благоразумия своим подчиненным,— произнес он.— А что если я всего лишь необразованный и полный предрассудков человек, которому беспрестанно внушают беспокойство копье Лонгинуса и руки палача и который сам просыпается по ночам от звука шагов невидимки? Можешь ли дать мне совет ты, тайно избравший свой путь: что мне делать, чтобы избавиться от этого иудейского колдовства?

— Возможно, ты чувствуешь за собой какой-то грех, Аденабар?— наугад спросил я.

— О каком грехе ты говоришь?— удивился он.— Я всегда подчинялся требованиям воинской дисциплины и как можно лучше исполнял приказы и предписания. Конечно, у каждого есть что-то на совести, однако я не считаю себя плохим воином и офицером, и когда заговорили о моем возможном повышении, я воспринял это как признание моих заслуг.

— Да будет так, если тебе так хочется!— ответил я.— В таком случае Иисусу из Назарета не о чем с тобой говорить, потому что он пришел искать грешников, а не праведников. И все же ты смог бы избежать его суда, если бы произнес: «Помилуй меня, Сыне Божий, ибо я согрешил».

— Думаю, что в отношении назаретянина ты допускаешь ошибку,— возразил Аденабар,— насколько мне известно, его приход касается лишь одной нации — сыновей Авраама, избранного народа, как они себя называют. Лично я всего лишь исполнял приказ и ни в коей мере не несу ответственность за его смерть. Если бы воины принялись обсуждать полученные приказы, в мире восторжествовал бы хаос и не было бы возможности вести хоть какую-нибудь войну. Разве ты не слышал о капитане римских легионеров, имя его я не помню, который послал на казнь своего сына только за то, что тот атаковал противника и даже одержал блестящую победу, но при этом действовал вопреки приказу? Об этом мне рассказывали в офицерской школе.

— У меня сложилось впечатление, что по непонятной для нас причине назаретянину хотелось, чтобы все происходило так, как

случилось на самом деле; однако свет его учения должен вскоре одержать победу, поскольку его царство все еще на земле. Вот почему в Антонии падают щиты, а ты просыпаешься по ночам от звука шагов. Это говорит о том, что он чего-то ожидает и от нас, римлян. Однако тебе нечего его опасаться — ведь он сам проповедовал, что нельзя отвечать злом на зло: «Если тебя ударят по правой щеке, подставь левую». Он сказал еще немало такого, что полностью расходится с тем, что мы привыкли считать здравым смыслом.

Аденабар, похоже, ничуть не удивился моим словам.

— Мне рассказывали о его учении,— сказал он.— Поэтому я считаю, что он полностью безобиден, даже если бы встреча с ним внушала мне немалый страх. Однако, насколько я знаю, он не является тем, кто не прошел обрезания, а является лишь своим ученикам да еще женщинам, пришедшим вслед за ним из Галилеи.

Эти слова настолько задели меня за живое, что позабыв об осторожности, я рассказал ему о странном человеке, которого видел в доме Симона Киринейского, и о том, что в день своего воскресения в необычном садовнике мне привиделся сам воскресший.

— Что за причудливую жизнь ты вел в Александрии!— воскликнул Аденабар, тряхнув головой.— Безусловно, ты имеешь по заслугам! Этот климат тебе совершенно не подходит, и для тебя было бы лучше всего уехать отсюда как можно скорее. Тебе повезло, что как друг я не стану на тебя доносить, но лишь при условии, что ты обретишь покой и постарайся установить мир в своей душе.

— Я вытерпел уже достаточно подозрений в том, что я шпионо для римлян, чтобы не подозревать других в подобном; я мог бы подумать, что тебя тоже подослали предупредить меня, дабы я больше не вмешивался в дела иудеев.

Аденабар в явном смущении отвел взгляд.

— Честно говоря,— признался он, потирая руки о колени,— комендант гарнизона попросил меня осведомиться о твоём здоровье, потому что ему совсем не хочется, чтобы друг прокуратора приобщился к верованиям иудеев. В крепости царит атмосфера беспокойства, и я полагаю, что ему хотелось бы узнать, что тебе стало известно о новом заговоре иудеев против мира и спокойст-

вия на этой земле. Однако он не может приставить к тебе наблюдателей, потому что, с одной стороны, ты являешься гражданином Рима, а с другой,— обладаешь рекомендательным письмом от столь высокопоставленного лица, что я ни за что не решусь произнести его имя. Я не собираюсь передавать ему хоть что-нибудь из того, что ты рассказал мне, а лишь скажу, что в эти дни ты просто испытываешь раздражение по отношению к людям, а что касается твоих видений, то об этом даже не упоминалось.

Он отер лицо и, взглянув в потолок, сказал:

— Кажется, в крыше есть водосток, потому что на меня только что капнуло. Похоже, это галилейское винашко на самом деле крепче, чем я представлял. Давай подытожим: если тебе удастся встретить назаретянина и он не откажется от разговора с тобой, попытайся получить у него прощение моих грехов. Как ты понимаешь, офицерская честь не позволяет мне бегать за ним, но в то же время мне хотелось бы заключить с ним мир.

Неожиданно им овладел яростный приступ чесотки, и оглядевшись вокруг, он удивленно воскликнул:

— Странно, но в этой комнате полно насекомых, я никогда не посоветовал бы тебе снять ее, если бы знал, что достаточно здесь присесть, как на тебя набрасываются полчища паразитов.

Глядя на него, я сам начал ощущать зуд во всем теле, мне показалось, что на моей голове поднимаются волосы, а по телу пробегает дрожь.

— Это очень чистая комната, и здесь не было никаких насекомых,— тихо возразил я.— Думаю, это знак того, что кто-то должен сейчас прийти.

Аденабар поспешно поднялся и, завернувшись в плащ, заявил:

— Не стану больше тебя задерживать. Мы обсудили все, что следовало, а вина уже почти не осталось. Я ухожу.

Однако ему не суждено было спастись бегством, потому что внизу сначала послышался голос сирийца, а затем — скрип лестницы. Аденабар бросился к стене, подняв руку с растопыренными пальцами в знак защиты. На пороге появился Закхей, тащивший за собой человека так плотно укутавшегося в плащ, что поначалу я не смог разглядеть его лица.

— Мир тебе, о Закхей!— произнес я.— Мне так хотелось дождаться от тебя известий, что я не выходил из дому.

— Мир и тебе римлянин,— ответил Закхей, по всей видимости пребывавший в скверном расположении духа.

Мне показалось, что он уже позабыл о том, как, опьяневший, целовал и обнимал меня в доме Симона Киринаейского. Человек, который пришел с ним, вздрогнул при виде Аденабара.

— Кто это такой?— осведомился он.

Сириец, сопровождавший их до порога моей комнаты, зата-торил:

— Это же обыкновенный центурион из Антонийской крепости и, несмотря на это, мой друг! Он хорошо понимает сыновей Авраама и не помешает своим присутствием вашей беседе.

Незнакомец дал Закхею пощечину и воскликнул:

— Предатель! Значит ты оказался еще хуже Иуды Искарюта и заманил меня в ловушку!

Он уже было развернулся, чтобы пуститься наутек, однако я успел оказаться у него на пути и крепко сжать в объятиях. То, как он обошелся с Закхеем, показалось мне несправедливым.

Последний же потирал щеку, бросая испуганные взгляды то на Аденабара, то на меня.

— Если бы я мог такое предвидеть, никогда бы не привел тебя сюда. Этот римлянин оказался хитрее, чем я предполагал. Можешь ударить меня и по второй щеке, потому что я этого заслужил!

Аденабар осмотрел Закхея и его спутника.

— Не сомневаюсь, что вы — ученики назаретянина,— заметил он.

— Нет! Ты ошибаешься, господин центурион!— воскликнул Закхей.— Он такой же сборщик налогов, как и я! Оба мы — большие друзья римлян, по примеру всех любящих мир и закон сынов Израиля.

— Не бери на свою совесть лишних грехов, Закхей! Мы оба не являемся друзьями римлян. То, что я — бывший сборщик налогов, верно, однако я раскаялся, и этот грех был мне прощен.

Я тотчас выпустил его руку, словно она обожгла меня.

— Да пребудем мир с тобой!— воскликнул я.— Кажется, я догадываюсь, кто ты. Не бойся центуриона, он не желает тебе зла, а наоборот, жаждет, если это возможно, примириться с твоим Учителем.

Незнакомец поднялся, посмотрел прямо в лицо сначала мне, а потом Аденабару.

— Я ничуть не стыжусь имени своего господина, потому что тем, кто собирается имени его ради, не будет отказано в его царстве. Меня зовут Матфей, и я — один из Двенадцати, избранных им; кроме того, сама смерть не имеет надо мной никакой власти, потому что он дал мне вечную жизнь в своем царстве. А вас же, римляне, он отправит в вечный мрак, где нет ничего, кроме плача и скрежета зубов.

— Не знал, что он мог произносить такие страшные речи! И все же да пребудет с тобой мир, и да будет благословенна эта комната, по которой ступает царский посланец! Присаживайся и расскажи нам о своем господине.

Сомнения все еще терзали Матфея, но наконец он решился присесть, а все еще пребывающий в страхе Закхей устроился рядом с ним. Ученик понимающе посмотрел на Аденабара.

— Думаю, что этот дом оцеплен легионерами,— начал он свою обвинительную речь.— По правде говоря, я не предполагал, что римляне способны устраивать столь вероломные ловушки!

— Послушай, Матфей!— возразил задетый за живое Аденабар.— Не следует обвинять римлян во все грехах. Прокуратор вовсе не собирался приговаривать твоего Учителя к смерти и сделал это лишь потому, что его вынудили так поступить иудеи. Лично я не имею ничего против твоего Учителя или тебя самого, ты можешь бежать, куда захочешь, если тебе удастся проскользнуть незамеченным мимо городских стражей; возможно, этому станет препятствовать синедрион, но только не мы, римляне.

Мне показалось, что в эту минуту Матфей начал испытывать некоторый стыд за свой первоначальный страх: он понял, что находится в безопасности и что мы не собирались отправить его на смерть.

— Я не пришел бы к тебе, римлянин, если бы мне не прожужжали все уши о тебе. Не зная ни наших законов, ни учений наших пророков, и даже не будучи обрезанным, ты бегаешь за нами, ведешь разговоры с глупыми женщинами и выслеживаешь наши тайны. В том, что уже случилось, я усматриваю лишь одну причину: либо в тебя вселился демон, либо ты — колдун, ибо заставил Иоанна отвечать на свои вопросы. И вот я пришел сказать тебе

следующее: уйди от нас, не вмешивайся в дела, в которых ты ничего не смыслишь, и перестань приставать к находящимся в смятении женщинам!

Эти слова наполнили мое сердце горькой болью и в то же время такой глубокой ненавистью, что мне захотелось его ударить; однако внимательно присмотревшись к его взгляду и к морщинам на лбу, я обнаружил то же самое необъяснимое выражение, которое делало учеников Иисуса отличными от других, и тогда смысл его слов стал мне более понятен. Поэтому я лишь произнес в ответ:

— Мне нечего тебе возразить. Я думал, что его путь открыт для всех, кто ищет его со смирением, и полагал, что если стану стучаться, дверь передо мной откроется. Скажи мне хотя бы, почему он явился мне в доме Симона Киринейского.

Захкей бросил на Матфея умоляющий взгляд, но тот, еще более ожесточившись, ответил:

— Наш господин пришел на поиски заблудших сынов Израиля, и поэтому он окликнул меня, когда я сидел за столом сборщика налогов в Канернауме, я тотчас же последовал за ним, покинув свое жилище, нажитое добро и даже свою семью. Захкей тоже был одним из заблудших сыновей Израиля, а Симон Киринейский, посещающий греческую синагогу, нес его крест. Мы можем согласиться с тем, что он являлся им обоим, но никогда не поверим в то, что он предстал перед необрезанным римлянином. Мы уже обсуждали этот вопрос в своем кругу и можем доверять какому-то римлянину не больше, чем видениям ополоумевших женщин. Кроме того, ты можешь быть магом или колдуном, который желает по тайной причине выведать все, что нам известно. По словам одного нищего слепца, ты превратил камень в сыр, воспользовавшись именем нашего Господа. Точно так же тебе удалось ввести в заблуждение Симона Киринейского и Захкея. И если все, что случилось в доме Симона, произошло благодаря колдовским чарам, то это не имеет ничего общего с его царством.

Захкей утвердительно закивал:

— Это верно, когда я пришел, они уже разговаривали. Он так околдовал Симона, что тот увидел тень своего раба Элиазара, тогда как тот был еще лишь на пути к дому, а затем ему удалось добиться, чтобы нам подали крепкого вина и чтобы мы, напившись,

не помнили себя. О Матфей, тебя я знаю и доверяю тебе больше, чем какому-то незнакомому римлянину.

Затем, обращаясь ко мне, он произнес:

— Симон Киринейский, поразмыслив, больше ничего не желает о тебе слышать, потому что ты не принадлежишь к заблудшим сынам Израиля. Несмотря на то что ты причинил ему значительный ущерб, он не желает тебе зла, но все же тебе лучше с ним больше не встречаться, потому что ты уже успел причинить вред многим людям.

Матфей, похоже, понял, какую боль причинили мне эти слова и оценил мое смирение, когда, не сказав ни слова, я отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы.

— Ты должен понять нас, римлянин!— с нежностью в голосе продолжил он.— Я вовсе не собираюсь тебя в чем-то обвинять, а лишь ищу приемлемое пояснение случившемуся. Возможно, ты вовсе никакой не колдун, а в тебя вселился всемогущий демон, заставивший воспользоваться именем нашего распятого господина, о котором ты ничего не знаешь и не ведаешь тайны его царства. И я хотел бы строжайше тебе это запретить, потому что лишь мы, избранные, имеем возможность и силу исцелять больных и изгонять демонов. Признаю: мы впали в искушение и слабость нашей веры лишила нас прежних сил, однако в нужное время эти силы еще к нам вернуться, а до тех пор нам остается лишь, молясь, ждать прихода его царствия.

Затем, глядя на меня с упреком, он протянул в мою сторону руку. Я ощутил исходившую от него силу: хотя он сидел довольно далеко, я почувствовал себя так, словно он сильно толкнул меня.

— Отвергая тебя и восставая против всяческих скандалов, я могу лишь повторить его собственные слова: «Не давайте святыни псам!» Он пришел вовсе не для того, чтобы уничтожить закон и учения пророков, а чтобы их исполнить. Он запрещал нам появляться в городах язычников и даже в Самарии. Как же мы можем указать его путь и его истину тебе, римлянину?

Несмотря на то что он обозвал меня псом, по грубой привычке сынов Израиля, я ничуть не обиделся. Однако все остальное настолько меня удручало, что я сказал:

— Думаю, слова его проповедей были совершенно другими, однако вынужден тебе поверить, как верю в то, что он избрал тебя

одним из своих посланников. Отлично! Значит, для тебя я всего лишь пес! Однако даже пса хозяин пускает в свой дом. Я знаю ваше Святое Писание лучше, чем ты предполагаешь, и позволь мне привести здесь слова одного израильского царя, который сказал, что живой пес лучше дохлого льва. Неужели ты не согласишься предоставить мне место хотя бы живого пса у ворот царства?

Не поверивший своим ушам Аденабар, который до сих пор молча слушал нас, неожиданно вскочил с места.

— О римлянин!— воскликнул он, приставив пальцы ко лбу,— неужели ты сошел с ума, что выпрашиваешь место живого пса у ворот царя иудеев? Я готов подумать, что это результат колдовства и что загадочное учение казненного представляет собой большую опасность, чем можно себе предположить.

Закхей прижался к Матфею. Когда же к центуриону вернулось самообладание, он в знак примирения поднял руку.

— Я — солдат, центурион!— воскликнул он.— И я не совершал сознательного греха против твоего господина, когда, подчинившись воинскому приказу, нес службу у его креста. Добудь мне его прощение, и я готов поступать так, как сыны Израиля: мыть руки, рвать свои старые вещи и делать все, что ты пожелаешь для моего очищения. У меня нет никакого желания ссориться с твоим господином, и я даже не собираюсь попасть в его царство, потому что предпочитаю следовать собственным путем.

Мне показалось, что Матфей весьма обрадовался, увидев что ни ему, ни остальным ученикам нечего бояться римлян, по крайней мере Аденабара.

— Мне рассказали, что со своего креста он простил римлян, потому что они не ведали, что творили,— сказал Матфей.— Я не слышал этого собственными ушами, однако мне кажется, что ты можешь ступать с миром.

— О, да, именно так!— воскликнул Аденабар.— Я не ведал, что творил! Но даже если бы знал, то не смог бы послушаться приказа. Вот почему твои слова принесли мне настоящее облегчение, и как мне кажется, твой господин тоже не желает ссоры.

Матфей опять обернулся ко мне и, потирая глаза, устало произнес:

— О тебе я даже не знаю, что и думать. Смирение говорит в твою пользу, а твои речи не похожи на слова одержимого.

И вдруг, резко подняв руку, он тихо произнес:

— Все же я не могу признать в тебе брата, потому что ты язычник и потребляешь нечистую пищу. Если ты был хотя бы новообращенным! Однако фалд, пришитых к твоему плащу, недостаточно, чтобы ты стал сыном Израиля.

Закхей ударил себя в чахлую грудь.

— Нет!— воскликнул он.— Нет, этот римлянин вовсе не принадлежит к числу заблудших сынов Израиля, как я. Иисус сам признал меня сыном Авраама, но как этот необрезанный человек может войти в Авраамову семью?

— Вчера ты говорил совсем по-другому и даже заключал меня в объятия как родного брата,— напомнил я ему.

Говоря так, я прекрасно понимал, что эти двое иудеев чувствуют себя едиными в союзе со своим Богом, и все остальные навсегда останутся им чужими. Теперь Закхей казался мне чрезвычайно уродливым и неприятным.

— Я был утомлен путешествием,— в довершение всего заявил он,— а то, что я услышал о случившемся в Иерусалиме, вывело меня из-под собственного контроля; кроме того, ты заставил меня выпить крепкого вина, и я не соображал, что ты со мной творил. Однако теперь мне все ясно.

Аденабар с иронией обратился ко мне:

— На твоём месте я бы давно оставил этот разговор. Они уже успели ударить тебя по одной и по другой щеке, и чем больше ты будешь ломать себе голову, тем чаще на тебя будут сыпаться их удары! Забудь о своём безумии и признай раз и навсегда, что их царь воскрес из мертвых вовсе не для тебя!

— У меня есть собственная голова на плечах, и я волен делать с ней все, что захочу,— продолжал упорствовать я, хотя у меня не осталось никакой надежды.— Один лишь император имеет право отрубить ее ударом меча. Ступай с миром, Аденабар, тебе больше нечего опасаться.

— Мне не хотелось бы оставлять тебя беззащитным с этими двумя,— настаивал он.

— Нет, это мы уйдем,— сказал Закхей и потащил Матфея за руку.— Оставайтесь здесь, римляне, наши пути расходятся!

Однако я воспротивился их уходу. Проводя центуриона до двери, я вернулся в комнату. Больше никем не сдерживаемый, я

опустился так низко, что был готов броситься к ногам бывшего сборщика налогов.

— Сжался надо мной, о ты, которого он избрал своим учеником!— взмолился я.— Что особенного в твоём учении, если ты любишь лишь своего брата? Разве римляне не поступают точно так же? Его учение казалось мне весьма милостивым, однако твоё сердце крепче камня, потому что ты отталкиваешь меня. Даже богатый человек бросает псам, которых презирает, остатки со своего обильного стола. Научи же меня!

Уход Аденабара успокоил Матфея, и он опять сел. Похоже, он чуть смягчился и сидел, прикрыв лицо руками. Тогда я понял, что он находится в ещё большем замешательстве, чем я.

— Пойми меня и не считай безжалостным человеком,— изменившим голосом сказал он.— Все это тяготит мою и без того удрученную душу! Мы похожи на ягнят, разогнанных стаей волков, и несмотря на то что ищем друг у друга спасения, в душе мы остались заблудшими овцами, с тех пор как утратили нашего Господа. Нам следует непреклонно защищать то, что нам осталось. Мы спорим между собой и жестоко друг друга обличаем; Петр говорит одно, а Иоанн — другое, однако никто из нас не может поверить в то, что он воскрес, и понять это. И вот ты приходишь к нам в овечьей шкуре! Откуда нам знать, что под ней не скрывается волк? Разве виноград растёт на колючках? Что хорошего мы можем ожидать от римлянина?

Продолжая заламывать себе руки, он говорил, высказывая все, что накопилось у него на душе.

— Конечно, он учил нас любить своих врагов и молиться за своих преследователей. Но насколько это возможно? Он однажды даже сказал: «Если твой правый глаз вводит тебя в грех, вырви его и брось». Пока он был с нами, мы верили в него, но когда его не стало, силы покинули нас и мы почувствовали себя заблудшими овцами. Как отличить праведного человека, искренне ищущего путь к нему, от неправедного, если для нас самих ещё ничего не ясно?

Закхей притронулся к его плечу.

— Он говорит тебе о том, что мне самому не было известно,— сказал он.— Однако, Матфей, будь осторожен: несмотря на свой невинный вид, это очень хитрый человек. Он

напоил меня, чтобы выведать тайны, которые Мессия передал, находясь в моем доме.

Однако Матфей ничуть не рассердился. Наоборот, в нем чувствовалось большое самообладание и взвешенный подход к моим словам.

— Ты прав, чужестранец,— помолчав, произнес он.— Действительно, он обучил нас правильно молиться и укрепил свой союз с нами, однако я не могу поведать тебе слова молитвы, которую он передал нам одним.

Похоже, он примирился со мной, и теперь его лицо излучало безмерную доброту. Улыбаясь, словно ребенок, он сложил ладони.

— Ему была известна причина, по которой он избрал нас. Вероятно, в нас сокрыто нечто такое, что необходимо для построения нашего царства, даже если мы сами этого не осознаем. Когда мы следовали за ним, то испытывали чувство ревности друг к другу и ставили под сомнение его слова, постоянно обращаясь к нему за дополнительными разъяснениями. До сих пор я все еще не могу понять, почему из всех нас он предпочитал именно Петра, Иакова и молодого Иоанна, которых постоянно брал с собой в горы и позволял им видеть то, что не видели другие, и почему среди избранных оказался Иуда Искариот, которому он даже доверил наши средства? На то у него, несомненно, были свои причины, но я не смог их понять.

Он еще сильнее сжал ладони и, уставившись своим детским взглядом в пустоту, продолжал:

— Будучи сборщиком налогов, я умею читать и писать даже по-гречески, знаю сложные математические действия, умею пользоваться весами и мерами. Таким образом, я приучен взвешивать каждое слово и каждый поступок. Поскольку у меня нет никакой новой системы измерений, я вынужден применять старую, которая была нам дана Моисеем, пророками и Святым Писанием, а с этой мерой невозможно подойти к язычнику, даже если бы мне очень захотелось! Тем не менее, я предчувствую, что должно существовать что-то еще, поскольку он выбрал меня именно из-за моей должности. От него я узнал следующее: «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить». Мне кажется, что он хотел нам

передать новую систему измерения. Однако она мне не известна, и я вынужден пользоваться той, к которой привык с детства.

Его речи запали мне в душу, и я вспомнил слова моего доброго учителя из Родоса, который говорил мне, что в основе всякого измерения находится сам человек. Таким образом, до сегодняшнего дня несовершенство, сомнение и незавершенность составляли для меня единственную систему измерения, с которой я подходил к жизни и ко всему происходящему на свете. Эта система сделал меня терпимым к слабостям других и своим собственным настолько, что мне трудно строго судить кого бы то ни было. Конечно, человеку свойственно стремиться к лучшему, однако он не в состоянии полностью достичь его, точно так же, как он не может добиться совершенства в красоте, потому что при этом остается всего лишь человеком.

Неожиданно до моего сознания дошли слова Матфея: Иисус, конечно же, принес миру новое измерение. Божий Сын и одновременно человек жил на земле и воскрес из мертвых, для того чтобы доказать свое божественное происхождение. Его мера, до сих пор неведомая и не подлежащая обсуждению, была бы единственным истинным измерением и несла бы спасение людям, принявшим ее.

Однако что это за мера? Как это узнать, если сам избранный им посланник лишь предчувствовал ее? Помимо этого она была предназначена лишь для иудеев, считающих себя богоизбранной нацией и тем самым отделившихся от остальных. Сами же иудеи покинули своего царя на произвол судьбы.

Словно прочтя мои мысли, Матфей неожиданно сказал:

— Наши поиски проходят в потемках и простираются между тем, что было прежде, и новым, но нам еще никак не удастся постичь суть его царствия. У нас такое чувство, будто он избрал Двенадцатерых, чтобы править двенадцатью израильскими племенами. Таким образом, с помощью Мессии Израиль распростер бы свою власть над всей землей. Мы не можем сбросить со счетов пророков или Писание: подобное противоречие было бы таким ужасным, что мы не хотим о нем и помыслить. Да разве он сам, очищая храм, не назвал его домом своего отца? Если мы откажемся от союза, заключенного Богом с Авраамом и Моисеем, то Израиль рассыпется на тысячу осколков! Вот почему мы не можем

указывать путь к нему чужестранцам или язычникам. Это было бы равнозначно приему нечистой пищи. Уйди от нас, искушитель!

— Некоторое время я служил у римлян и теперь знаю их, — добавил Закхей. — В этом смысле мое освобождение кажется мне весьма приятным. Вернуться после блужданий в лоно своих отцов — большое счастье. Не искушай меня больше, на нас и так лежит много грехов!

Его заносчивость и уродство отрезвили меня.

— Делайте все, что хотите. Я унижался перед вами, как собака, и теперь вижу, что вы оба страдаете от жадности, присущей вашим собратьям: вы хотите, чтобы все досталось вам и никому больше, но при этом вы даже не можете объяснить, что произошло. Может быть, я понимаю не больше вашего, однако точно знаю, что если Бог становится человеком, страдает и умирает человеческой смертью, чтобы затем воскреснуть, то это касается всего человечества, а не только иудеев. Таким образом, я продолжу собирать сведения о его тайне и буду искать его в одиночку, если не могу это делать вместе с вами. Ступайте себе с миром!

Они оба поднялись, и следовавший за Матфеем Закхей бросил на меня недоверчивый, злобный взгляд. В свою очередь, Матфей облекся в маску безразличия.

— Твоя идея абсурдна. Я не понимаю ни ее, ни того, каким образом Бог Израиля смог бы простереть свою власть над всеми народами, чтобы между ними не было вражды. Это невозможно, и он сам говорил, что будет много жаждущих, но мало кто будет избран.

Неожиданно он принялся тереть себе лицо и все тело, словно пытался высвободиться из паутины.

— Эта дьявольская выходка не имеет смысла. Он предупреждал нас, что не все те, кто называет его Господином, смогут попасть в его царство. Я в точности помню слова: «Многие скажут мне в тот день: «Господи! Господи! Не от твоего ли имени мы пророчествовали? И не твоим ли именем бесов изгоняли? И не твоим ли именем многие чудеса творили?» И тогда я скажу им в лицо: Я никогда не знал вас; отойдите от меня, делающие беззаконие». Это касается и тебя, даже если ты колдуешь его именем. Ты наносишь вред только себе, а не нам, тем, которых он знал и знает.

Меня охватила дрожь при воспоминании о том, как я испытал

его силу и власть во время встречи со слепым, когда камень превратился в сыр. Однако я сделал это отнюдь не с дурными намерениями и надеялся получить прощение от назаретянина либо его учеников.

— Признаю, что недостаточно знаю его для того, чтобы иметь какое-то право пользоваться его именем,— униженно согласился я.— Однако ты дал мне пищу для размышлений, потому что оканчивается, Иисус из Назарета не такой уж безобидный и милосердный, как я себе представлял, если он требует, чтобы я вырвал себе глаз или отрубил руку, дабы следовать за ним. Вы уверены в том, что правильно поняли эти его слова?

Матфей не стал прямо отвечать на вопрос.

— Не думаю, чтобы Господь стал что-то требовать от осужденного на вечные муки чужестранца, вроде тебя. И не думаю, что для тебя найдется место в его царстве, если ты прежде не признаешь Бога Авраама, Исаака и Иакова вместе с его законами, а уж затем можешь искать путь к нему.

Я раздумывал. Матфей уже находился в шаге от двери, а Закхей неотступно следовал за ним.

— Ах, если бы твои слова были правдой!— в отчаянии воскликнул я.— В Риме однажды уже был случай, когда один гражданин согласился на обрезание из-за любви к дочери одного богатого иудея и оказался под вашим игом. Думаю, что путь к Иисусу из Назарета стоит больше самой красивой женщины и самого богатого приданого. Чтобы отыскать его царство, я был бы готов на все, однако что-то во мне противится этому, и я не могу поверить тебе. Ты сам сказал, что пользуешься старой мерой, не сумев постичь новую.

Матфей укутался в плащ, накрывшись им с головой, и растворился во мраке лестничной площадки, увлекая за собой Закхея. Никто из них не пожелал мне мира. После их ухода мной овладело такое отчаяние, что я рухнул на постель с жадной смерти. Обхватив голову руками, я размышлял над тем, кто я таков и как могу докатиться до подобного. Я подумал, что лучше бежать из этого фантазмагорического города, которым правит божество без образа, где все происходит не так, как везде: мне не доверяли и отторгали меня, потому что я — римлянин. Поразительное царство Иисуса из Назарета существует не для меня. А что если отправить-

ся в Кесарию — римский город? Там я мог бы развлечься, посещая театр и цирк или играя на скачках. Там я мог бы найти предостаточно увеселений.

Тогда я увидел себя таким, каким стану много лет спустя; это был человек с тучным телом, обрюзглыми щеками, лысым черепом и беззубым ртом, постоянно и упрямо повторяющий один и тот же бесконечный рассказ, лежа в испачканной вином тунике в окружении флейтистов и куртизанок, которые пытаются разбудить его угасшие чувства. Таковым было бы мое будущее, если бы я вернулся к прежнему и опять отправился бы по промежуточному пути. А затем — огонь костра, пепел и мрак.

Это зрелище, оказавшись намного страшнее и отвратительнее той картины, которую рисовала мне моя фантазия, тем не менее не вызвало у меня возмущения. Последовать этим путем было в моей власти, однако я не решился так поступить: теперь мне была предоставлена другая возможность, из-за которой я отправился из Александрии в Яффу, из Яффы — на холм казни у ворот Иерусалима, а затем побывал в опустевшей могиле. Никто не сможет отнять у меня этой истины. Постепенно я убедился в том, что все это было не случайно, а произошло со мной с определенной целью: чтобы я стал свидетелем того, чего еще никогда не бывало в этом мире.

С тех пор как он воскрес, его царство находится на земле. В безутешном одиночестве и во мраке заколдованного города мне казалось, что его царство совсем близко, достаточно лишь протянуть руку, сделать один шаг, получить внутренний толчок. Я испытывал непреодолимое искушение призвать себе на помощь Иисуса из Назарета, Сына Божьего, однако, будучи чужестранцем, не решался прибегнуть к его всемогущему имени.

В голове у меня проскочила мысль и удивила меня настолько, что я, совершенно пораженный, вскочил с места: если бы его ученики, вместо того чтобы сторониться, допустили меня к себе, стали бы передавать свое учение и попытались бы убедить в творимых им чудесах и его воскресении, тогда мной могли бы овладеть сомнения, дух противоречия и я не переставал бы засыпать их не имеющими отношения к делу вопросами, пытаясь заставить противоречить друг другу.

Вместо этого их полная враждебность и отчужденность заста-

вили меня так убежденно верить в существование царства и воскресение назаретянина, что теперь у меня в мыслях не было ни малейшего сомнения в этих невероятных событиях, которые я признаю за истину. Что же касается учеников, то они за одним разом получили слишком многое, чтобы суметь воспринять его, тогда как я по сравнению с ними получил лишь самую малость, всего лишь ничтожную песчинку. Однако благодаря всей своей предшествующей жизни и своей философии я достаточно созрел для того, чтобы воспринять новую меру, потому что, с одной стороны, человек как мера измерения меня больше не удовлетворяет, а с другой,— я не привязан к старой мере оковами традиций и законов иудеев.

В светильнике закончилось масло, его огонек запрыгал, стал голубым и погас, распространяя запах гари. Я не ощутил никакого страха перед темнотой или одиночеством, как это иногда бывает, когда гаснет светильник. Я закрыл глаза, и темнота отступила, потому что внутри себя я увидел незнанный до сих пор свет, словно одна пара глаз, направленная внутрь, наблюдала искрящийся свет, а другая, снаружи, видела лишь темноту прикрытых век.

Я вспомнил садовника и услышал, как он прошептал мне на ухо: «Я знаю своих, и свои знают меня».

Дрожа от смятения, я, не раскрывая глаз, вслух произнес:

— Не смею говорить, что знаю тебя, но от всей души желаю тебя узнать и жажду, чтобы ты никогда меня не покидал.

После этих слов внутри меня наступила тишина, и мне показалось, что все происходит так, как должно происходить, и что выказывать нетерпение бесполезно. В моем мозгу время остановилось, и можно было подумать, что вместе с ним остановился весь мир.

Из этого состояния блаженного затишья меня вывело прикосновение чьей-то руки. Открыв глаза, я увидел что по-прежнему сижу на краю ложа, а хозяин дома, незаметно вошедший в комнату, держит в руках светильник и трогает меня за плечо.

Он сел на пол, поставил светильник рядом, с озабоченным видом подергал себя за бороду и спросил:

— Что с тобой? Ты болен? Почему ты разговариваешь сам с собой в темноте? Это очень плохой признак, и я боюсь, как бы

приходившие к тебе иудеи не околдовали тебя и как бы ты не стал теперь другим.

Его слова вернули меня к окружающей действительности. Однако его появление ничуть не смутило меня.

— Наоборот! Я чувствую себя как никогда хорошо, потому что понял наконец, что простая жизнь лучше жизни, полной сложностей. Удручающие мысли больше меня не беспокоят, а мои гости, не пожелав иметь дело со мной, оставили меня в покое. Я избавился ото всех своих болезней, так что не беспокойся за меня.

Мое радостное настроение успокоило Карантеса, и он принял-ся жаловаться на собственную судьбу:

— Тот, который был маленького роста, проклял мой дом и принес в него беспокойство. Теперь мои дети плачут во сне, а когда я лег, мне показалось, что на меня пролился дождь. Из-за этого я поднялся к тебе и принес новый светильник, чтобы тебе не было страшно в темноте.

Я заверил его, что не боюсь темноты.

— Похоже, я никогда больше не буду ее бояться и никогда больше не буду чувствовать себя одиноким, даже если рядом со мной никого не будет. Этот мир изменчив, и я не берусь его постичь собственным разумом. Я был настолько разочарован, что угас, словно этот светильник, в котором закончилось масло, однако неожиданно меня охватила радость, и теперь я чувствую такое облегчение, что мне хочется подергать тебя за бороду, чтобы ты посмеялся вместе со мной.

— В таком случае — построй дом, насади деревьев, женись, нарожай детей. И твоя радость будет полной, потому что лишь тогда ты поймешь, что существуешь, — предложил Карантес.

— Все мое время, — ответил я. — Не думаю, что сейчас было бы уместно сделать то, что ты советуешь.

Не желая доставлять ему лишние хлопоты, я ни словом не упомянул назаретянина. Я заметил, что очень проголодался, потому что ничего не ел, пока писал, и это обрадовало Карантеса намного больше того, что я мог бы ему рассказать. Вдвоем мы спустились вниз, и пока его домочадцы спали, принялись за поиски хлеба, оливок и салата, что и съели с аппетитом, а затем выпили достаточное количество вина для того, чтобы Карантес начал улыбаться.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Туллии — от Марка!

Я не переставал ощущать, как во мне трепетала эта неподдельная радость. Безусловно, этим я был обязан чувству собственного освобождения: я больше не ощущал необходимости изматывать себя напрасными мыслями, а предположение, что кто-то, а не я, станет свидетелем новых событий, не вызывало у меня больше зависти.

Изложив все в письме, я опять стал прогуливаться по улицам Иерусалима, бродя у лавок медников, ткачей или горшечников. Наняв гида, я осмотрел дворец Асмонидов, даже взобрался на самую вершину одной старинной башни, обитаемой теперь лишь одними летучими мышами. Мои стопы водили меня во двор храма, к форуму, я выбирался за пределы города, чтобы осмотреть его со склонов гор. Жизнь в Иерусалиме текла своим чередом, словно ничего не случилось, и думаю, что уже через неделю большинство его обитателей забыли об ужасной смерти назаретянина, о котором они ничего не хотели слышать.

Меня утомил этот город, нравы которого мне чужды и в котором я не нахожу ничего осо-

бенного, несмотря на его храм, пользующийся необыкновенной популярностью. Если немного поразмыслить, можно заметить, что все большие города похожи друг на друга, различны лишь нравы их жителей. Знаменитые храмы тоже ничем друг от друга не отличаются, даже если принадлежат к разным верам и имеют свои, отличные друг от друга, ритуалы жертвоприношений. Главное для них — собрать побольше денег, и лишь пути достижения этой цели у каждого свои: иудеи в первом дворе храма продают ленты с текстами Писания, искусно нанесенными на полоски кожи, которые прикрепляются к руке или ко лбу, а в Эфесе путешественникам обычно продают миниатюрные статуэтки Артемиды и талисманы.

На второй день, возвращаясь домой, в сумерках я еще изда-лека заметил, видимо, поджидавшего меня Карантеса, он поспешил мне навстречу.

— Кто-то разыскивал тебя и дожидается в доме твоего возвращения,— сказал он с плутоватым видом, потирая руки.

— Кто же меня ждет?— спросил, удивившись, я.

Карантес не смог дольше сдерживаться и расхохотался.

— О, как я рад видеть тебя полностью выздоровевшим, ты ведешь такую же жизнь, как все! Чтобы не было сплетен, я спря-тал ее в твоей комнате. Она уселась на полу и чинно прикрыла ноги плащом. Ты смог бы отыскать себе покрутивее, однако у каждого свой вкус, да и эта недурна, по крайней мере глаза у нее красивые.

Из его намеков я понял, что меня ожидает какая-то женщина, однако не мог себе представить, кто бы это мог быть. Я поспешно поднялся в комнату, но не узнал женщину, которая при моем появлении стыдливо прикрыла лицо и смотрела на меня, как на старого знакомого. Прежде я видел ее лишь в темноте, поэтому и не узнал, пока не услышал голос.

— Я, конечно, скверно поступила, придя к тебе, мне не хотелось бы испортить тебе репутацию. Женщина моего сословия не должна обращаться к мужчине, с которым она говорила ночью. Однако я должна поведать тебе нечто удивительное.

— Я узнал тебя, Мария из Беерота, однако не представлял, что у тебя такое красивое лицо и такой блеск в глазах. Мне нет дела до твоей репутации, и я рад тебя видеть, хотя не могу взять в толк, как тебе удалось меня найти.

— Не говори мне о моем лице и глазах, потому что они стали причиной моего несчастья,— ответила она.— Этот город на самом деле намного меньше, чем ты думаешь, и многие здесь тебя знают по твоему упорному любопытству, которое ты проявляешь к делам, не имеющим к тебе никакого отношения. Итак, ты встретился с человеком, который носит кувшины, хотя эта встреча не доставили тебе ожидаемой радости?

Откровенно говоря, я подумал, что она пришла ко мне, чтобы получить определенное вознаграждение за свой совет.

— Я безусловно в долгу перед тобой!— поспешил сказать я ей. Мария из Беерота решительно мотнула головой.

— Нет, нет! Ты мне ничего не должен, наоборот, я — твоя должница и поэтому непрошенной явилась сюда.

Я внимательно посмотрел на нее. Причины ее прихода все еще оставались невыясненными. Глядя в ее красивое округленное лицо дочери Израиля, я заметил, что она намного моложе, чем мне показалось в первый раз; кроме того, ничто в ней не выдавало женщину ее профессии.

Любопытный, как сорока, Карантес, поднявшийся наверх вслед за мной, легонько кашлянул у порога, желая обратить на себя внимание.

— Трапеза готова,— произнес он.— Однако она может подождать, если ты желаешь сначала поразвлечься со своей подружкой. Одно твое слово — и я принесу вам воды и чистое белье, и тогда ты сам сможешь проверить, что никто не совал свой нос в твои вещи и что она ничего не прячет у себя под юбкой.

Мария из Беерота ужасно покраснела и пристыженно взглянула на меня, а затем вперила взор в пол.

— Ты ошибаешься, дорогой мой хозяин! У нас на уме не было ничего такого, о чем ты говоришь!— вмешался я.— Можешь разрешить своей жене или дочери прислуживать нам за столом или же делай это сам, если считаешь, что так будет безопаснее. Я очень проголодался и хочу поужинать вместе со своей гостьей.

Однако та вздрогнула и, воздев руки кверху, в ужасе воскликнула:

— Нет! Мужчина не может разделить трапезу с женщиной, особенно с такой, как я! Но позволь мне прислуживать тебе за трапезой, а затем я с удовольствием доем то, что останется.

Карантес весьма снисходительно взглянул на нее:

— Вижу, ты благоразумная и хорошо воспитанная девушка — римлянин еще не знает обычаи этой страны. Моя жена скорее предпочла бы умереть, чем прислуживать тебе, тем более я не могу позволить, чтобы моя дочь стала свидетельницей того, что не должна видеть неопытная девочка. Однако все становится на свои места, если ты, не поднимая взгляда, спустишься вниз, возьмешь его ужин и станешь ему прислуживать, словно служанка, готовая съест то, что останется после трапезы.

Затем он обратился ко мне:

— Ты хорошо знаешь, что я лишен предрассудков, однако все имеет свои границы. Если бы она прибыла в паланкине и была одета в разноцветные ткани или в расшитые золотом шелка, а на ее шее сверкали бы золотые украшения, и по всему дому пошел бы запах дорогих духов, я сам бы счел за честь прислуживать ей и не стал бы заботиться и возможных последствиях. Однако эта благоразумная девушка прекрасно понимает, к какому слою общества она принадлежит и поэтому не доставит тебе ненужных хлопот.

Он предложил девушке последовать за ним, и какое-то время спустя она вернулась с ужином. Следуя правилам, принятым у служанок, она подоткнула свой плащ за пояс и обнажила ноги до колен. Она провела меня на террасу, слила воду на руки и вытерла их чистым полотенцем, а затем, когда я сел за стол, сняла крышку с глиняного блюда и придвинула ко мне хлеб.

— О римлянин, начинай трапезу!— предложила она.— Твоя рабыня будет с радостью наблюдать за каждым куском, который ты поднесешь к устам. Как жаль, что я не могу стать твоей рабыней!

Однако, заметив как она пожирала глазами хлеб, я заставил ее сесть рядом с собой, смочил кусочек хлеба в остром соусе и вложил ей в рот. Таким образом, ей не оставалось ничего другого, как разделить со мной трапезу, но лишь трижды отказавшись, она перестала сопротивляться и согласилась сунуть руку в горячее блюдо.

По окончании трапезы она склонилась и поцеловала мне руку.

— Ты именно такой, каким мне тебя описывали и каким я тебя себе представляла после нашего разговора у ворот в тот вечер.

Ты обращаешься с женщиной, как с равным себе существом, хотя, между нами будь сказано, зачастую она стоит не больше осла или любой другой скотины. Когда у женщины рождается девочка, муж не удостоивает даже взглядом появившееся на свет создание, а жене не говорит ни единого ласкового слова.

Она продолжала с отсутствующим взглядом:

— В деревне жизнь женщины, если она к тому же еще и красива, не может быть счастливой, ее обязательно выдадут замуж за какого-нибудь старика под тем единственным предлогом, что у того земель и виноградников больше, чем у других. Меня погубило собственное тщеславие: я начала с того, что разглядывала свое отражение в воде, а затем пошла за первым же незнакомцем, подарившим мне жемчуг и разноцветные ленты и нашептавшим мне пустословные обещания. История моей жизни коротка и проста, о ней не стоит долго распространяться, потому что ты сам без труда можешь догадаться о последствиях. Жила бы я в другой стране, думаю, мне удалось бы выпутаться из этого положения столь же легко, как и остальным девушкам, похожим на меня. Однако, несмотря на то что меня навсегда все прокляли, забросили, я по-прежнему остаюсь дочерью Израиля и для меня мой грех настолько велик, что я отдала бы все, лишь бы очиститься. Бог Израиля — суровый Бог, и в его глазах нечистая женщина стоит не больше собаки или груды отбросов.

— Не думаю, что ты грешнее тех, кто вынужден жить в этом мире, Мария из Беерота,— сказал я, чтобы утешить ее.

Она посмотрела на меня своими темно-кариими глазами и слегка покачала головой.

— Тебе этого не понять!— с сожалением произнесла она.— Что мне может дать понимание того, что я не самая грешная на этой земле, если я хорошо себя знаю и понимаю, что мое тело — это вместилище червей и отчаяния? Мне мог бы помочь только один человек на свете — тот самый, что не стал осуждать женщину, застигнутую в момент измены своему мужу, и спас ее от рук тех, кто хотел забросать ее камнями. Он давал свое благословение младенцам и женщинам, в нем не было места греху. Я видела его лишь издалека, потому что его спутники не позволили мне приблизиться. Он исцелял калек и, конечно же, смог бы исцелить меня,

потому что душа моя страдает, а я стыжусь себя самой и собственной жизни.

— Я знаю, о ком ты говоришь,— произнес я.

Мария из Беерота в знак согласия кивнула головой.

— Да, однако праведники и безгрешные пригвоздили его к кресту. После этого он воскрес и стал являться своим друзьям, а это известно мне из самых достоверных источников, хоть и кажется невероятным, да и ты сам хорошо это знаешь, презренный чужестранец. Вот почему я пришла к тебе.

Неожиданно она расплакалась, бросилась мне в ноги и, обнимая мои колени, взмолилась:

— Прошу тебя, возьми меня с собой, и давай вместе отправимся на его поиски! Все, кто мог, сегодня выехали в Галилею, даже женщины! Вчера он явился своим ученикам и обещал ждать их в Галилее; там они смогут его увидеть, быть может, это удастся и мне, если ты согласишься взять меня с собой.

Встряхнув за плечи, я заставил ее подняться и занять прежнее место.

— Перестань плакать и выкрикивать непонятные слова!— раздраженно воскликнул я.— Расскажи мне, что тебе известно, и мы решим, как поступить дальше.

Мария вытерла слезы и, убедившись в том, что я ее внимательно слушаю, успокоилась.

— Ты должен помнить одну богатую женщину, занимавшуюся разведением голубей, которая повсюду следовала за ним. Она понимает тебя и знает, что ты жаждешь найти новый путь, однако ей строго-настрого запретили видеться с тобой, потому что ты не принадлежишь к сыновьям Израиля. Она и посоветовала мне обратиться к тебе, потому что, будучи римлянином, ты всеми презираем точно так же, как и я. Она не смогла взять меня с собой, однако, сказала, что Учитель сам сумеет распознать тех, кто слышит его голос. Вчера вечером Одиннадцатеро собрались в комнате, которую ты знаешь, и им явился сам Иисус, пройдя через все закрытые двери точно так же, как и в тот вечер, когда воскрес. Но об этом ты уже знаешь. Он заставил их убедиться в том, что это пришел именно он сам, из плоти и крови, и позволил Фоме ощупать свои раны, чтобы все поверили: он воскрес из мертвых. Ученики не объяснили женщинам того, что сказал Иисус, и сразу же

приготовились к отъезду, потому что он должен ждать их в Галилее. По двое и по трое они покинули город, и часовые не узнали их, а за ними последовали женщины и многие из тех, кого он исцелил, а также Симон Киринейский. Все вместе они договорились отыскать его в Галилее.

То, что я узнал от Марии, показалось мне весьма достоверным, и поразмыслив, я пришел к выводу, что Мария Магдалина вполне могла испытывать чувство расположения ко мне, даже если не решалась из-за его учеников сама прийти сюда.

— Но почему именно в Галилею?— спросил я.— Что там должно произойти?

Мария из Беерота покачала головой и ответила:

— Не знаю. Да и к чему нам это знать? Разве не достаточно будет того, что он скажет сам? Они все так торопились, что первые из них вышли из города, как только открылись ворота.

Она смущенно прикоснулась к моему колену.

— Приготовься и ты выехать из Иерусалима и позволь мне быть твоей служанкой в пути, потому что никто не хочет брать меня с собой, а я не смогу добраться до Галилеи сама: у меня нет денег, чтобы нанять проводника, а одна я легко могу угодить в руки легионеров или разбойников.

Мне очень хотелось поверить в истинность ее слов, и я ничуть не сомневался в том, что она не намерена сознательно ввести меня в заблуждение, наилучшей гарантией чему было ее страстное желание самой отправиться в путь. Тем не менее она не рассказала мне всего, что ей удалось узнать, а в эти смутные дни ходило столько всевозможных слухов, что допустить ошибку было совсем нетрудно.

Итак, я посчитал нужным прежде найти подтверждение ее словам у других людей. Кроме того, просьба Марии ставила меня в затруднительное положение, потому что у меня не было никакого желания заботиться о незнакомом человеке во время полной опасностей поездки, цель и результат которой не были ясны мне самому.

Увидев мои сомнения, Мария отвела опечаленный взгляд.

— Не нужно ничего мне объяснять, я и так все понимаю,— тихо сказала она.— Еще бы! Что могут подумать твои друзья-римляне, если друг прокуратора станет путешествовать с молодой иудей-

кой столь презренного сословия!? Я знаю, что напрасно обратилась к тебе, однако ты — единственный человек, давший мне что-то и ничего не потребовавший взамен,— вот почему я сюда пришла.

Слушая ее, я устыдился самого себя и собственных мыслей о своем благополучии: ведь я был свободен, богат и не был обязан ни перед кем отчитываться за свои поступки. Если Мария стала бы для меня ненужной обузой, я всегда смог бы отделаться от нее, оставив ей незначительную сумму денег, однако если Мария Магдалина действительно направила ее ко мне, она могла бы стать мне полезной при встрече в Галилее с воскресшим.

— Все это можно сравнить со строительством моста из соломы, чтобы достичь противоположного берега! Однако ты хорошо знаешь смиренных душой, и твое желание встретиться с воскресшим царем иудеев кажется мне столь же великим, как и мое. Если бы я оттолкнул тебя, как это сделали со мной ученики Иисуса, я оказался бы таким же жестоким и немилосердным, как они. Возможно, он тоже отвернется от нас, однако это вовсе не значит, что нам не стоит испытать судьбу.

Мария из Беерота воздела руки кверху и воскликнула:

— Если ты возьмешь меня с собой в Галилею, я стану молиться за тебя каждый день, пока жива! По правде говоря, на такое я даже не могла надеяться, и когда шла сюда, не переставала напоминать себе о собственной глупости. Если наше путешествие окажется неудачным и мы не встретим его, ты сможешь продать меня, как свою рабыню, тем более, что в таком случае будущее теряет для меня всякий смысл.

— Мы не будем торопиться и не отправимся в путешествие на ночь глядя,— я пытался ее успокоить.— Я не собираюсь приниматься за такое предприятие вслепую. Нужно дождаться утра, и если то, что ты мне сказала, окажется верным, я сам примусь за организацию нашей поездки, выбор стоянок, сделаю все возможное, чтобы мы как можно лучше и быстрее добрались до Галилеи. А прибыв туда, нам нужно будет как следует осмотреться и решить, что делать.

Услышав эти слова, Мария принялась стелать:

— Я ждала этого целый день, и во мне накопилось столько нетерпения, что ночью я не смогу сомкнуть глаз ни на минуту!

Почему мы не можем выехать безо всяких приготовлений и багажа и провести эту ночь вместе со смиренными душой или просто в поле? Ночи теперь не настолько холодны! А само путешествие почти ничего не будет стоить, и тебе почти ничего не придется платить за меня.

Ее наивность вызвала у меня приступ смеха.

— Думаю, что по части путешествий у меня накопилось опыта побольше, чем у тебя, и иногда самый дешевый способ перемещения может стоить намного дороже, чем можно себе вообразить: в конце такой поездки можно лишиться здоровья или же попасть в руки разбойников. Позволь мне подготовить все так, как я считаю нужным, а в Галилее наступит мой черед спрашивать у тебя совета.

— Я знаю лишь то, что город Капернаум, где жил и проповедовал Иисус, находится на берегу Галилейского моря, и думаю, что именно туда нам стоит отправиться, если по пути мы не узнаем ничего нового.

Опасаясь, чтобы я ее не бросил, Мария заявила, что ей негде спать и стала упрашивать меня дать ей место на террасе, перед дверью моей комнаты или в одном из ее углов. Подумав, что мне все равно нужно привыкать к ее присутствию, поскольку мне предстояло путешествовать с ней и проводить долгие ночи в неведомых местах, я согласился. Укутавшись в свой плащ и лежа на краю ковра, за всю ночь она ни разу меня не побеспокоила и ни разу не шевельнулась. Утром, после призыва труб, она вслух помолилась, следуя иудейской традиции. Она старалась быть как можно незаметнее, чтобы не мешать в моем повседневном занятии. Я приказал ей дожидаться меня в доме и спустился вниз, где хозяин дома уже раскладывал перед воротами свою лавку.

— Пришло время покинуть Иерусалим: я хочу продолжить свое путешествие, Карантес,— сказал я ему.— Девушка осталась ждать меня в комнате, потому что я собираюсь взять ее с собой. Я хорошо помню то, что ты сказал мне вчера вечером: итак, купи ей новые одежды. Подыщи ей также необходимые украшения, чтобы никто не посмел презрительно относиться к ней во время этого путешествия и считать ее недостойной моего общества. Только не перестарайся, я не хочу, чтобы она понапрасну привлекала к себе внимание.

Сириец от удивления хлопнул в ладоши.

— Не знаю, верно ли ты поступаешь, однако ты должен понимать, что делаешь,— воскликнул он.— Конечно, в каждом городе ты смог бы найти себе точно такую же девушку и таким образом сэкономить на затратах по ее переезду, однако в любом случае твое решение более разумно, чем попытки вмешиваться в политику Иудеи, с которой тебя ничто не связывает.

Он даже не спросил меня, куда я направляюсь, поскольку его и так уже занимали мысли о том, как наилучшим способом и с выгодой для меня и для себя выполнить мое поручение.

Затем я отправился прямо к своему банкиру Арисфену, которого застал в этот ранний час за работой: он склонился над столом с письмами о предоставлении кредитов.

С радостными приветствиями он осмотрел меня с головы до ног.

— Не думал, что ты так ревностно последуешь моим советам! Теперь твоя борода длиннее, чем у меня, а фалды, нашитые на твой плащ, делают из тебя новообращенного иудея. Тебе удалось добиться того, чего хотелось? Ты доволен?

Я осторожно согласился.

— Мне удалось узнать даже больше, чем хотелось, и теперь Иерусалим наскучил мне. Я много слышал о красоте Галилеи и Тивериады — нового города, построенного Иродом Антипасом на берегу озера. Рассказывают, что там есть термии и можно свободно ходить в театр, в цирк, а также вести свою жизнь на манер эллинов, ни у кого это не вызывает возмущения.

Арисфен принял невозмутимый вид, и это заставило меня добавить:

— Честно говоря, я исчерпал свои физические и умственные силы за зиму, проведенную в Александрии, и мне просто необходимы спасительные купанья и массажи, чтобы сохранить свою форму после того, что мне пришлось услышать и узнать.

Арисфен улыбнулся:

— Насколько я понял, ты поверил какому-то краснобаю, состоящему на службе у князя Ирода. Он, конечно, немало потрудился, чтобы построить современный город в греческом стиле, теперь ему приходится привлекать путешественников и озабоченных собственным здоровьем людей, для того чтобы они приезжали туда

тратить свои деньги, живя в атмосфере терпимости. Ты собираешься направиться туда через Самарию или по пути паломников, на восток от Иерихона?

— Я как раз пришел спросить у тебя совета на этот счет,— был мой ответ.— Я также хотел бы снять определенную сумму денег со своего счета и получить от тебя вексель для одного из твоих знакомых банкиров в Тивериаде. Чтобы быть до конца откровенным, должен сказать, что я познакомился с одной весьма красивой персоной, которая последует туда вместе со мной. Опыт, приобретенный в Бэ, подсказывает мне, что на купания лучше заранее подыскать себе пару, иначе можно оказаться со вскруженной головой и совершенно без средств.

Улыбка Арисфена стала ироничной:

— Мой банк остается к твоим услугам, а у меня нет ни права, ни желания расспрашивать тебя о твоих намерениях. Тем не менее я хорошо помню, что ты предпринял настойчивые поиски, чтобы побольше узнать об учении Иисуса, назаретянина, который был распят.

Лгать ему не доставляло мне удовольствия, и пока он осматривал меня опытным глазом, я взвешивал слова.

— Мне, конечно, приходилось слышать о нем много чудесных историй, и совершенно не исключено, что в Галилее я смогу узнать о нем кое-что еще. Должен также сказать, что в вашем священном городе после его смерти произошли невероятные события. Однако за последние дни я и так уже достаточно навозился со всем этим.

Глядя на меня недоверчивым взглядом, Арисфен несколько секунд раздумывал.

— Признаюсь, меня удивляет твое неожиданное желание отправиться в Галилею,— наконец сказал он.— Я уже знаю, что за вчерашний день очень многие отправились туда и что среди простонародья ходят слухи о том, что там происходят чудеса. Естественно, я хорошо понимаю, что такой образованный человек, как ты, не собирается бежать вслед за рыбаками и плотниками, однако подобное совпадение все же меня удивило. Давай поговорим в открытую,— продолжал он.— У меня есть причины полагать, что наш великий синедрин устал от галилеян, которые пришли сюда вместе с этим человеком, и от сплетен, которые распростра-

няют их жены. Простолюдины готовы поверить во все, даже в самую большую глупость, а со слухами трудно бороться, но еще труднее устроить над кем-то суд на основании одних лишь рассказов. Все сразу же заговорят о том, что дыма без огня не бывает. Распятие на кресте — достаточно суровое предупреждение для народа, однако преследование его учеников лишь усилило бы смятение. Было бы лучше, если бы они о нем забыли, и, как мне кажется, именно по этой причине наши князья сумели донести до слуха этих галилеян, что не станут их преследовать, если они навсегда покинут город. Пусть возвращаются обратно в Галилею, и пусть царь Ирод Антипас, во власти которого они окажутся, поступает с ними, как ему заблагорассудится! Лично я уверен в том, что оказавшись в родных местах, где все их знают, они опять станут безобидными людьми: в своем отечестве никто не может быть пророком! Говорю тебе все это лишь затем, чтобы ты не забивал себе голову глупостями.

В этой роскошно обставленной комнате с толстыми стенами, дверями, окнами и множеством замков слова банкира произвели на меня действие земли, которую набросали на раскаленные угли моей души.

— Если, по твоим словам, все это не имеет никакого значения, то почему же ты так хорошо обо всем осведомлен?— с иронией заметил я.— Мне тоже хочется быть откровенным. Я узнал, что он воскрес из мертвых, явился своим ученикам и обещал дожидаться их в Галилее.

Арисфен судорожно мям пальцами ткань своего плаща. Однако, придя в себя, он попытался даже улыбнуться.

— К сожалению, из-за плохо организованной охраны его ученикам удалось во время землетрясения выкрасть тело из гробницы и распространить самые невероятные слухи. Теперь им не составляет труда заставить последователей учения поверить во все эти сказки, которые придают святой ореол их бегству из Иерусалима. Я мог бы тебя понять, если бы ты был иудеем, который с раннего детства привык к словам Писания и постоянно пребывает в ожидании Мессии. Но ведь ты же римлянин, да еще философ! Мертвые не воскресают, такого никогда не было и не будет!

— Тогда почему же такой осторожный человек, как ты, гордится?— осведомился я.— Отлично понимаю, что ты чувствуешь

себя привязанным к сундукам, деньгам и делам и что тебе хотелось бы сохранить все так, как есть сейчас. Я же, наоборот, могу свободно идти, куда захочу, и забивать себе голову мыслями, о которых тебе даже страшно подумать. Я собираюсь отправиться в террии Тивериады и от всего сердца надеюсь услышать, а быть может, и увидеть вещи, которые еще никогда не происходили!

Я почувствовал как во мне просыпается ненависть к его миру и его собственной персоне с маленькой бородкой, напудренным лицом, наманикюренными руками и волосами, завитыми на греческий манер! Перед моими глазами промелькнули образы Лазаря, Марии Магдалины и даже Марии из Беерота, своими надеждами они вызывали у меня чувство восхищения и нежности в отличие от этого человека, который стал рабом своих денег и прибылей! Сам, лишенный всякой надежды, он ненавидел эту надежду в других!

Похоже, он прочитал мои мысли, потому что неожиданно переменялся и заговорил, размахивая руками:

— Прости, тебе, конечно, лучше знать, что следует делать! Понимаю, твою душу поэта привлекает то, от чего я вынужден отказываться, будучи всего-навсего деловым человеком! Совершенно уверен, что ты не станешь жертвой этих мошенников и не поверишь в истории, которые будут там рассказывать. Ты знаешь, что одному пускаться в этот путь опасно? Могу тебе предложить опытного проводника с верблюдами, вычными животными и шатром, который оборудован всем необходимым, чтобы тебе не пришлось останавливаться на постоянных дворах, где грязь, паразиты и дурные компании — привычное явление. Было бы желательно нанять эскорт из сирийских легионеров, и тогда ты мог бы быть спокоен как ночью, так и днем. Естественно, стоимость несколько возрастет, но ты можешь себе это позволить.

Я тоже подумывал о подобном способе передвижения, и именно поэтому обратился к нему. Его поспешность ничуть меня не удивила, потому что он, безусловно, надеялся получить свои комиссионные от организации подобного переезда.

Однако я предвидел, что его человек станет шпионить за каждым моим шагом. Именно это с самого начала удерживало меня от подобного решения, хотя я еще ни на чем конкретном не остановился.

— По правде говоря, я собирался отправиться в путь пешком. С тех пор как я нахожусь в Иерусалиме, я ни разу не бывал в гимназиуме и надеялся, что это путешествие укрепит меня физически. Однако совершенно очевидно, что я должен позаботиться об удобствах своей спутницы.

— Совершенно верно,— воодушевился банкир.— Даже самые незначительные трудности делают молодую женщину раздражительной и капризной. Кроме того, думаю, что ее белая кожа, искусанная насекомыми, не будет вызывать у тебя прежнего восхищения. Позволь мне преподнести ей что-нибудь в подарок.

Он вышел из комнаты, но вскоре вернулся, держа в руках зеркало, выполненное в греческом стиле, хорошо отполированное, с изображением нимфы, пытающейся вырваться из объятий сатира. Однако мне не хотелось принимать этот подарок и тем самым быть чем-либо обязанным банкиру.

— Не бойся, оно не волшебное!— сказал он, насильно вкладывая его мне в руку.— А твоя подруга всегда будет помнить о тебе, смотрясь в него. Мне говорили, что будто бы существуют зеркала, способные убить каждого, кто в них посмотрит, однако рассудок не позволяет мне верить в подобное. И все же, желаю тебе никогда не видеть такого зеркала, как и всего того, что человеку не положено видеть.

Не дав мне времени задуматься над значением этих слов, он принялся за подсчеты на пальцах, утверждая, что для моей спутницы понадобится служанка, повар, а также слуга для меня самого и человек, который будет разбивать шатер.

— Думаю, что дюжины человек тебе вполне хватит: они привлекут к себе большого внимания и составят достойный твоему положению эскорт,— подытожил он.

Я сразу же представил себя среди ссорящегося, дерущегося, хохочущего или орущего песни сборища, в котором не будет никакого порядка. Одна лишь мысль об этом внушила мне отвращение, и я отверг его план.

— Я не постоял бы за расходами, однако предпочитаю путешествовать в уединении. Подумай, что еще ты можешь предложить, и возьми это зеркало обратно: фривольный рисунок на нем очарователен, однако я боюсь, как бы иудеи не начали искоса поглядывать на меня, заметив его.

— Придумал! Мне приходилось прибегать к услугам некоего Натана, недостатками которого можно назвать лишь то, что ему можно полностью доверять, и то, что он отлично знает Иудею, земли Декаполя, Самарию и Галилею. Когда я ходил за зеркалом, я видел, что он на корточках сидит во дворе, это означает, что он пришел искать работу. Сейчас у меня для него ничего нет, и мне не хотелось бы, чтобы он целыми днями сидел здесь: его молчаливый характер раздражает моих слуг. Я знаю, что ему приходилось водить караваны от Дамаска. Объясни ему, куда и как ты хотел бы отправиться, и он сам займется всеми приготовлениями к твоему наибольшему удовольствию. Можешь также доверить ему свои деньги; он оплатит все нужные расходы. Конечно, он не особо утруждает себя тем, чтобы хорошо поторговаться, но и не заплатит первой предложенной цены, а отдаст ровно столько, во сколько сам оценивает покупку. Владельцы постоянных дворов не платят ему комиссионных, потому что он предпочитает получать постоянную оплату.

— Покажи мне эту редкую птицу!— воскликнул я, заподозрив Арифсена в желании устроить мне ловушку.

Однако, посмеиваясь над моей недоверчивостью, он проводил меня во двор и указал на Натана: у того были острижены волосы, на ногах не было обуви, кожа его загорела и обветрилась, одет он был в очень грязный белый плащ. Глаза его показались мне самыми печальными из всех, которые когда-либо приходилось видеть, однако, сам не знаю почему, я сразу же проникся к нему доверием.

Я попросил Арифсена изложить мою просьбу, однако тот, подняв руки, лишь засмеялся и вернулся в свой кабинет, где приказал сcribe отсчитать нужную мне сумму и написать вексель на имя своего представителя в Тивериаде. Создалось впечатление, что ему поскорее хотелось умыть руки. Взглянув на Натана во второй раз, я убедился, что, по крайней мере, я имею дело не с согладатаем.

— Меня зовут Марк, я римский гражданин, Натан. Мне вместе с одной женщиной нужно отправиться в Тивериаду. Я хотел бы проделать этот путь как можно более простым и не привлекающим внимания способом. Я заплачу столько, сколько ты укажешь, и на время поездки доверяю тебе свой кошелек.

Проводник поднял глаза, посмотрел мне в лицо, а затем взглянул на мои ноги, словно желая определить, насколько я готов к пешей ходьбе. Затем, не говоря ни слова, лишь кивнул головой. И все же мне показалось, что в его глазах засветилось удивление.

— Думаю, что трех или четырех ослов нам будет достаточно,— продолжал я,— моя спутница и я нуждаемся в ковре, на котором мы могли бы спать, и кухонной утвари. Отыщи то, что кажется тебе необходимым, и приходи к полудню в дом галантерейщика Карантеса, что в переулке галантерейщиков, неподалеку от дворца Асмонидов.

Он опять кивнул головой и, разжав пальцы, выпустил из рук наполовину ободранную от коры ветку дерева, которая, упав, осталась лежать надломленным краем кверху; затем он в третий раз кивнул головой. Как и говорил банкир, человек этот оказался отнюдь не болтливым, и после расспросов Арисфена мне было приятно, что он ни о чем не стал меня спрашивать. Я вернулся в дом, чтобы попрощаться с банкиром.

Арисфен, как и полагалось человеку его профессии, сразу же представил мне состояние моего счета и поручил секретарю вручить мне кошелек и вексель.

— Приятного путешествия!— пожелал он.— Когда вернешься, увидимся здесь, в Иерусалиме.

Я вышел во двор и передал кошелек Натану, который, взвесив его, прицепил к своему поясу, присмотрелся к положению солнца в небе и, ни слова не говоря, ушел. Я остался стоять на месте, растерявшись от удивления, настолько наша сделка была не похожа на все остальные, которые обычно совершаются на Востоке. Тем не менее мне и в голову не пришла мысль, что такой человек мог бы меня попросту обмануть.

Я направился в квартал, расположенный у городских стен, где я когда-то шел вслед за человеком, который нес кувшин с водой. Карабкаясь по лестницам и кривым закоулкам, я понемногу продвигался вдоль старинных стен и дошел до ворот, через которые мы некогда проходили. Несмотря на принятое решение никогда больше не разговаривать с его учениками, изгнавшими меня с глаз долой, я решил удостовериться в том, что они действительно покинули город.

Мне показалось, что я узнал дом, в котором однажды уже

побывал; его тяжелые ворота были приоткрыты, однако во дворе не было заметно никакого движения. Неожиданно меня охватил какой-то необъяснимый страх, заставивший, сам не знаю почему, пройти мимо ворот дома, не останавливаясь. Затем я еще раз вернулся, однако опять не вошел в дом и, думаю, что не смог бы этого сделать, даже если бы мне очень захотелось.

Я немного постоял, затем решил пройти мимо дома еще раз. Я был зол на себя из-за этой робости и одновременно удивлен пустынностью квартала, в котором встречались лишь редкие прохожие. Со стороны стены послышалось какое-то монотонное постукивание: сидевший на земле нищий, не желая обращаться ко мне иным способом, пытался привлечь к себе внимание, стуча палкой по камням.

Я уже решил, что нищим лучше не подавать милостыню, иначе они начинали, хромая и со стонами, преследовать меня, и от них трудно отделаться. Однако этот человек, у которого отсутствовала одна ступня, молча смотрел на меня и как только понял, что я заметил его, прекратил стук. Я остановился и бросил ему монету.

Он схватил ее, не поблагодарив.

— Что ты ищешь, о путник?— спросил он.— Сидя здесь, на земле, я вижу многое такое, что людям хотелось бы скрыть от меня.

— В таком случае, скажи мне, что тебе было видно в последнее время,— попросил я.

— Приготовления к отъезду и поспешность, с которой он происходил,— вот и все, что я видел. Даже рыбаки, которые не любили показываться на улице при свете дня, покинули это место; им, конечно же, надо было торопиться, чтобы вытащить свои сети. Тебя эти сведения не интересуют?

— Намного больше, чем ты подумал,— сказал я и бросил ему вторую монету.

Нищий схватил ее и принялся разглядывать меня так, словно мы когда-то были знакомы.

К горлу подкатил ком, и я почувствовал, как сердце мое сильно забилось.

— Кто тебе приказал так говорить?— спросил я.

— Мне никто ничего не приказывал!— выкрикнул он.— К таким речам меня склоняет горечь, потому что не будь я калеккой, тотчас

же отправился бы в Галилею! Это похоже на песню и на облегчающую душу крик: в Галилею! В Галилею! Только мне не добраться туда!

— Твои речи не похожи на речи нищего.

— Не всю жизнь я был нищим,— с гордостью ответил он.— Я знаю Писание, и сидя здесь, в пыли и грязи, мне намного легче понять то, что никогда не понять человеку, у которого все члены целы и невредимы. Моя откровенность уже стоила мне пинков в голову, мне лучше было бы помолчать, но я не смог устоять перед соблазном, видя как ты несмело смотришь в сторону дома, за которым я сам наблюдал издалека.

— Значит — в Галилею!— воскликнул я.— Ты вернул мне прежние силы.

— Да, в Галилею!— подхватил он.— И если повстречаешь его, попроси благословения для нас, самых ничтожных из его братьев, которых умные люди бьют ногами по голове.

Я прикоснулся к его плечу и ладони.

— Ты окажешься намного ближе к его царству, чем я, несмотря на то что мои ноги могут донести меня до Галилеи,— произнес я.— Благослови мое путешествие и меня самого, потому что я желаю стать смиренным душой и кротким сердцем.

Он грустно улыбнулся и, обратив на меня отсутствующий взгляд, пропел несколько слов на иврите, а затем повторил на арамейском языке, чтобы я смог их понять:

— Знаю, что мой Искупитель жив. Я навсегда останусь последним на этой земле, а когда меня похоронят, увижу Бога.

Не сказав больше ни слова, он накрыл голову накидкой плаща и поклонился до земли. Я тоже замолчал, меня поразила огромная разница между ним и слепцом, которого я вел в город: несчастье озлобило и ожесточило одного, в то время как второй, утратив все, надежды свои возложил на будущее, словно то, что было в прошлом, принесло ему одну-единственную горечь: лишило его Бога. Он смирился с увечьем и безропотно дожидался своего часа, сидя в грязи; благодаря ему мне стал понятен смысл смиренного ожидания кротких сердцем.

Охваченный своими мыслями, я вернулся в нижний город, и уже возле дома сирийца Карантеса мне показалось, что у меня вырастают крылья. Появившаяся надежда придавала воодушевле-

ние, живительное для всего моего существа, а в мозгу раздавался облеглающий душу крик: «В Галилею! В Галилею!», перекрывающий все остальные мысли.

Мне не сразу удалось подняться к себе в комнату: жена сирийца вместе с дочерью помогли Марии переодеться во все новое.

— Ты хорошо знаешь женщин,— пояснил Карантес,— они не смогли устоять при виде красивых одежд и дешевых украшений, которые я ей купил. Все это заставило мою жену думать, что Мария из Беерота вовсе не падшая женщина, а скорее невинная девушка, которую ты желаешь спасти.

— Похоже, добродетель и порядочность окончательно утратили свой смысл в этом городе. Каждый день из храма поднимается к небу дым от принесенных жертв, словно жертвы и действия очищения могут примирить человека со столь опасным божеством, имя которого даже не разрешено произносить вслух. Здесь верующие слишком набожны, и негодяи легко скрывают свою злобу за нашитыми фалдами и завесой из молитв. Грешнице Марии я доверяю больше, чем одетым в белое священникам, которые ходят по храму. Она, по крайней мере, признает свой грех и искренне в нем раскаивается.

— Но что такое грех?— с сомнением переспросил Карантес.— В сирийских городах девушкам удается собрать немалое приданное, действуя во славу одной из богинь и получая большие деньги за то же самое, чем занималась эта израильтянка, у которой к тому же не было другого выбора! Там наши священники заставляют согрешившего просидеть определенное время у дороги в собственных экскрементах, чтобы путники, проходя мимо насмехались над ним, и я никогда не мог понять, как подобное обращение могло очистить человека от грехов! И не могу понять, чего хотят добиться жрецы культа матери-земли, которые вертятся на месте до тех пор пока у них не закружится голова и не помутится рассудок до такой степени, что они начинают резать собственное тело и готовы кастрировать себя во имя своей богини!

— С самого начала моего пребывания в Иерусалиме я, похоже, стал одним из самых несчастнейших людей! Отрекся от богов своих отцов и теперь трепещу перед безликим божеством иудеев.

Наконец, оживленно болтая, к нам спустились его жена и дочь и пригласили меня подняться, чтобы взглянуть на невесту. Слегка удивленный этой переменной в их настроении, я поднялся наверх, вошел в комнату и, изумленный замер перед Марией из Беерота. Одета во все новое, она казалась еще моложе, чем вчера вечером: на талии, кроме пояса, красовались украшения, на лбу сверкала диадема, на шее переливались бусы из разноцветных камней, с ушей свисали большие серьги, и даже лодыжку ноги обвиняла цепочка. После приветствия она воскликнула с сияющим от радости лицом:

— Зачем ты одел меня, словно собравшуюся на праздник дочь богатого человека? Меня искупали, вымыли в благовониях волосы, во время путешествия я смогу прикрывать свое лицо вот этой вуалью, а этот плащ прикроет мои одежды от дорожной пыли.

Она примерила вуаль и укуталась в плащ, затем слегка повернулась, при этом ее украшения зазвенели. Меня тронуло ее детское воодушевление, новая одежда словно смыла с нее все незавидное прошлое.

Карантес тоже поднялся взглянуть на нее, и как человек, восхищающийся творением своих рук, принялся ощупывать каждое украшение, приглашая и меня прикоснуться к ним. Он вслух называл цену, которую он за них уплатил, словно давая понять Марии, во что она мне обошлась; при этом лицо ее стало грустным, радость померкла, и она бросила на меня полный недоверия взгляд.

Я поблагодарил Карантеса за его труды, добавив несколько вежливых слов в адрес его супруги и дочери. Они наконец поняли, что лишние в этой комнате и вышли, посмеиваясь и прикрывая ладонью рот. Оставшись со мной наедине, Мария, словно в поисках опоры, прислонилась к стене, а во взгляде ее застыл ужас.

— Чего ты добиваешься от меня на самом деле?— спросила она.— Со мной уже однажды случилось нечто подобное, когда я убежала из родной деревни: я шла в рубище по городским улицам, и мне повстречалась одна старая женщина, которая пригласила меня к себе в дом и одела в новые одежды; я поверила в ее доброту, пока не поняла, в какой дом попала. Она била меня, потому что я не могла обслуживать ее клиентов так, как они того желали, и мне удалось вырваться от нее только через три дня.

Однако тебя я считала совершенно не таким и молилась за тебя, потому что ты оставил меня в покое этой ночью, когда я вся дрожала от страха. А теперь твои намерения по отношению ко мне вызывают сомнение: когда я была плохо одета и не расчесана, то не могла тебе понравиться!

— Не бойся,— сказал я, посмеиваясь, чтобы успокоить ее.— Я не ищу земных благ, иначе попросту остался бы с тобой в Иерусалиме. Я слишком хорошо знаю, что земные страсти ведут нас в объятый пламенем ад и не приносят даже самого малого облегчения, поскольку, чем больше мы погружаемся в них, тем больше сгораем. Моим единственным желанием является достичь другого царства, того, что все еще находится среди нас, и именно ради этого я собираюсь отправиться с тобой в Галилею.

Однако мои утешительные слова не пришлись ей по вкусу. Она топнула по полу своей маленькой ножкой и, сорвав с себя бусы и диадему, воскликнула:

— Теперь я понимаю, почему ты сам не соизволил выбрать для меня украшения, а поручил это другому. Мне оскорбительно твое безразличие, и я ни за что на свете не стану носить эти побрякушки, даже если у меня никогда не было таких красивых вещей, которые ты выбирал не сам.

Расставаться с ними ей все же было трудно, и она орошала их все более обильными слезами. Затем она с силой притопнула ногами.

— Тебе не понять, что я предпочла бы бусы из зерен и фруктов, если бы ты выбирал их сам!— всхлипнула она.

Я тоже разозлился и в свою очередь притопнул ногой.

— Прекрати немедленно это хныканье, Мария из Беерота!— приказал я.— У меня больше нет сил выдерживать подобное поведение! Что подумают люди внизу, когда услышат этот топот и крики? Плачущая женщина становится уродливой, и я не знаю, зачем мне брать тебя собой в Галилею, если ты истолковываешь мою дружбу подобным образом!

Испугавшись, Мария сразу же прекратила лить слезы. Вытерев глаза, она подбежала ко мне, обняла и поцеловала в щеку.

— Прости мне мою глупость,— попросила она.— Обещаю тебе быть благоразумной, если ты возьмешь меня с собой.

Ее ласки были похожи на ласки ребенка, застигнутого при

совершении какой-то шалости, и я в знак примирения потрепал ее по щеке, сказав:

— Одень украшения, чтобы солдаты, которых мы встретим на своем пути, выказывали тебе должное моему положению уважение. А потом, хоть мы уже и не дети, я сам сделаю тебе бусы из зернышек и косточек фруктов, если тебе так хочется!

Увы! Мы на самом деле не были уже детьми, тогда как мне очень хотелось стать опять ребенком, обрести изначальную невинность и, ничего не подозревая о страстях и жестокости, с радостью встречать наступление нового дня!

Я не знал, что меня ожидает в Галилее, и, возможно, это долгое и опасное путешествие было напрасным. Однако мне хотелось его предпринять, несмотря ни на что! И мне хотелось быть счастливым одной лишь этой надеждой!

Крики Карантеса возвестили о прибытии ослов. Солнце в небе прошло ровно половину своего пути. Не медля ни минуты, я спустился вниз в сопровождении Марии из Беерота. У дома стояли четверо крепких ослов, на двоих из которых были привязаны наши спальные ковры, третий нес сумы, а на четвертом восседала бедно одетая женщина, неподвижно вперившая взгляд в холку животного. После вежливого приветствия, Натан лишь молча указал мне на положение солнца, давая понять, что прибыл в указанный час.

— Кто эта женщина? Я не хочу, чтобы она ехала с нами!— грубо сказал я.

Натан ничего не ответил, продолжая смотреть вдаль, словно это его не касалось. Карантес пошел переговорить с женщиной и вскоре вернулся, смущенно теребя бороду.

— Ее зовут Сусанной,— пояснил он.— Она говорит, что твой проводник пообещал ей, будто она сможет отправиться с вами в качестве служанки, потому что она жаждет вернуться в Галилею, свой родной край, но не может этого сделать из-за больных ног, поэтому даже сейчас сидит верхом на осле; за свои услуги она не просит никакой оплаты, кроме возможности отправиться с вами. Насколько я понял, она прибыла в Иерусалим и после Пасхи заболела, ее спутники отправились обратно, а она осталась здесь одна.

Женщина сидела неподвижно и не решалась смотреть в мою сторону. Я был необыкновенно разозлен.

— Не нужна нам никакая служанка, мы в состоянии обслужить сами себя!— закричал я.— Не могу же я взять с собой в Галилею всех иерусалимских голодранцев!

Натан бросил на меня взгляд, в котором, как мне показалось, прозвучал немой вопрос; увидев, что я не шучу, лишь пожал плечами и отцепил от пояса кошелек. Он бросил его на землю, а затем повернулся и зашагал прочь, не беспокоясь об ослах. Незнакомая женщина принялась громко стелать, вцепившись в холку своего осла.

Я подумал, что отъезд придется отложить на время, если мне придется подыскивать другого проводника, надежность которого, к тому же, могла вызвать определенные сомнения. Меня охватила волна ярости, однако, сцепив зубы, я сдержался и, подозвав Натана, приказал ему вернуть кошелек на прежнее место.

— Вынужденно подчиняюсь неизбежному,— злобно проворчал я.— Делай, что хочешь, лишь бы вокруг нас не собралось еще больше зевак.

Я вернулся в дом, чтобы расплатиться с Карантесом, которому дал больше, чем он запрашивал.

— Считаю это авансом, потому что я еще собираюсь вернуться в Иерусалим.

Он весьма красноречиво поблагодарил меня и с воодушевлением подтвердил:

— О, да! Уверен, что мы вскоре опять увидимся.

Пока Натан укладывал в сумы все то, что я решил взять с собой, вокруг ослов собралась немалая толпа. Мужчины ощупывали мускулатуру животных и заглядывали им в зубы, а женщины тем временем высказывали сочувствие больной, которая сидела на осле и не проронила ни слова. Вскоре появились нищие и, пожелав счастливого пути, стали протягивать к нам руки; тогда Натан раздал милостыню, чтобы они не навлекли на нас несчастья своими проклятиями.

Когда мы с Марией сели на своих животных, а Натан занял место во главе нашего шествия, на улочке галантерейщиков уже собралась настоящая толпа. Натан мог бы с одинаковым успехом завязать мне глаза, потому что он ни единым словом не обмолвился о пути, по которому мы собирались добраться до Галилеи.

Сначала он провел нас через весь город до маленькой пло-

щади, расположенной у Рыбных ворот, пройдя через которые мы вышли за его пределы.

Часовые сразу же принялись обыскивать груз, однако мгновенно отпрянули в сторону, когда я крикнул им, что я — гражданин Рима. К моему великому удивлению Натан повел животных по вьющемуся вдоль городских стен пути, ведущему к Антонийской крепости, и остановился у ее ворот. Увидев часовых у ворот, Су-санна опять начала жалобно стонать и прикрыла лицо воротом плаща. Напрасно я старался заставить Натана продолжить наш путь. В ответ он мне лишь молча показывал, что я должен войти в крепость. Я подумал, что он, наверное, совсем немой, потому что еще ни разу не раскрыл при мне рта. Однако, взглянув на его остриженные волосы, я решил что он, возможно, дал обет молчания.

Я с неохотой прошел через ворота крепости и оказался во дворе. Солдаты свободно пропустили меня, несмотря на то что из-за бороды и полосатого плаща у меня была несколько странная внешность. Словно услышав какой-то призыв, по лестнице, ведущей на башню, спустился комендант гарнизона. Я приблизился и приветствовал его поднятием руки.

— Я отправляюсь в Тивериаду на воды. Мой проводник счел нужным, чтобы я попрощался с тобой и испросил совета, каким путем туда лучше добраться. Я еду без сопровождения, и со мной две женщины.

— Ты собираешься ехать через Самарию или вдоль течения Иордана?— поинтересовался он.

Устыдившись признаться в том, что мне самому это еще не известно, я поспешил спросить:

— Какой из этих путей ты мне посоветуешь?

Страдавший от ревматизма комендант в задумчивости подергал себя за губу.

— С одной стороны, существуют такие недобрые люди, как самаритяне, которые создают всяческие помехи простым путешественникам, а с другой,— половодье на Иордане еще не закончилось, и тебе будет трудно отыскать брод, а по ночам доносится рев львов из чащи. Если хочешь, я могу дать тебе в сопровождение двух легионеров, разумеется, за отдельную плату. Только не забудь рассказать прокуратору о моей помощи.

Однако, как мне показалось, ему совершенно не хотелось даже временно ослаблять гарнизон крепости, и это заставило меня отклонить его предложение.

— В этом нет необходимости! Я путешествую под защитой Рима, и мне нечего опасаться.

— Тогда я дам тебе меч в дорогу,— с облегчением произнес он.— Как гражданин Рима ты имеешь право носить оружие, однако я все же для большей безопасности прикажу скрибе выписать тебе разрешение на ношение оружия, чтобы твоя немного необычная манера одеваться и густая борода ни у кого не вызвали сомнений.

Я пошел к оружейнику, охранявшему арсенал, и он выдал мне меч; у скрибы я купил разрешение, чтобы сделать свой отъезд приятным для загорелого коменданта гарнизона. Он проводил меня до самых ворот и не смог сдержать улыбки, видя как я поглядываю на меч, свисающий поверх моего плаща.

Однако у Натана это не вызвало никаких улыбок, и трогаясь в путь, он продемонстрировал жест одобрения. Мы обогнули пределы храма и, перейдя через Кедрон, вышли на огражденную по бокам дорогу, ведущую к Оливковой горе, часть которой, до Вифании, была мне известна. Когда очертания города растаяли в дали, я сошел с осла и зашагал рядом. По прибытии в деревню я приказал Натану сделать остановку, а сам направился к дому Лазаря. Мне пришлось долго звать его, пока он не вышел в сад, чтобы ответить на мое приветствие. Я справился о его сестрах.

— Сестры уехали в Галилею.

— Почему же ты не поехал с ними?— спросил я.

— В Галилее мне нечего делать,— тряхнув головой, ответил он.

— Однако мне говорили, что твой повелитель отправился туда раньше всех и ожидает вас там!

С упреком в голосе Лазарь сказал:

— А мне какое до этого дело? Я занимаюсь своим садом и нахожусь здесь, недалеко от своей могилы.

Он по-прежнему с трудом произносил слова, а его взгляд был устремлен в никуда, словно глубина мыслей не позволяла ему поделиться ими с другими. Мое тело пронзил холод, и я пожалел, что прервал свой путь, чтобы повидать его.

— Мир тебе!— сказал я, уходя прочь.

— Мир тебе!— с иронией повторил он.— Если бы ты знал, что такое мир, думаю, никогда не стал бы мне его желать!— Он провел рукой по пожелтевшему лбу и добавил: — У меня болит голова и страдает душа. Услышав, что кто-то окликает меня по имени, я испугался. Мою душу охватывает страх, когда я слышу, как ко мне обращаются по имени. Послушай такую притчу: если бы мы с тобой были ростом с булавочную головку, то считали бы себя такими же большими, как сейчас, потому что могли бы проводить сравнение только между собой. Для меня эта земля и все, что меня окружает, стали размером с булавочную головку, и я никак не могу понять, почему Иисусу захотелось родиться, жить и воскреснуть на этой земле размером с головку булавки!

Я попрощался с ним, и мы тронулись в путь. По дороге я думал о том, что пребывание в могиле сказалось на его рассудке и он больше не способен размышлять, как все. Натан посмотрел на меня таким же удивленным взглядом, который я не один раз прежде замечал у него, однако не сказал ни слова.

Спустившись в долину, мы переправились через речку. Шагая по горным тропинкам, мы остановились всего лишь один раз, чтобы позволить нашим ослам отдохнуть и дать им напиться у колодца. Молчаливость Натана передалась и Марии, так что за время всего путешествия мы друг другу почти ничего не говорили. Однако молчание нашего проводника отнюдь не было злобщим: наоборот, когда он вел наш небольшой караван, оно внушало чувство спокойствия и уверенности. Злость по отношению к больной у меня растаяла, а та, в свою очередь, плелась где-то позади, стараясь не напоминать о себе, и когда тени удлинились, я даже начал беспокоиться, вынесет ли она все тяготы пути. Натан без конца погонял животных и двигался вперед широким шагом, словно так же, как и мы, хотел поскорее достичь цели нашего путешествия. Я обратил внимание на то, что, дабы не проходить через Самарию, мы свернули на путь к Иерихону, по которому проходят все паломники из Галилеи.

Когда на небе зажглись первые звезды, мы сделали привал в какой-то деревушке, и Натан повел ослов к жалкому постоялому двору, которым вынуждены были довольствоваться и мы. Он с небывалой сноровкой развьючил животных и перенес ковры в пустую и удивительно чистую комнату, несмотря на то что в ней

попахивало навозом. Сусанна разожгла во дворе огонь и принялась готовить нам ужин, громко позвякивая кухонной утварью; она приправила муку, к которой добавила кусочки баранины, и поставила блюдо на огонь; пока еда готовилась, она сходила за водой, заставила меня позволить вымыть мои ноги и вымыла их Марии, к которой проявляла самое большое уважение. Когда ужин был готов, она сначала обслужила меня, а затем — Марию. Мной овладело приятное чувство уюта.

Я подозвал Натана и обратился к нему и к Сусанне:

— Не знаю, может это и противоречит вашим правилам, однако поскольку мы вместе путешествуем и будем спать в одной комнате, почему бы нам не разделить и ужин? Подсаживайтесь к нам.

Они вымыли руки и опустились на корточки. Натан разломал хлеб, благословил его на манер иудеев и протянул мне кусок, ничуть не заботясь о женщинах. Ел он мало и совершенно не притронулся к мясу. Пережевывая пищу, он смотрел в пустоту, и я не пытался вступить с ним в разговор. Затем он вышел проверить, все ли в порядке с животными, а вернувшись, укутался в плащ, прикрыл себе голову и повалился на пол у двери, давая тем самым понять, что всем пора спать. Поужинав, Сусанна бросилась на землю, пытаясь поцеловать мне ноги в знак благодарности за то, что я взял ее под свою опеку.

— Ты должна благодарить не меня, а Натана. Надеюсь, что это путешествие не будет для тебя слишком трудным и не станет причиной новой болезни.

— Нет!— возразила она.— Мы, женщины Галилеи, крепки, как вычужные животные. Причиной моей болезни была грусть, однако радость вновь увидеть родную деревню на берегу Генисаретского озера вернет мне здоровье!

На следующий день Натан разбудил нас на рассвете, и мы так быстро отправились в путь, что я, еще не совсем проснувшись, уже сидел на осле, грызя кусок хлеба, пока лучи солнца окрашивали горы в пурпурный цвет. По мере того как свет заливал землю и в небе всходило солнце, моей душе становилось все легче. Не было ничего красивее синеватых гор со склонами, покрытыми серебристыми оливковыми рощами и виноградниками, и мы все одинаково почувствовали их красоту, потому что вдруг совершенно

неожиданно Натан хрипловатым голосом запел какой-то псалом на иврите.

Я вопросительно посмотрел на Марию из Беерота, но та лишь покачала головой в знак того, что ничего не понимает. В голосе Натана беспорядочно перемешивались высокие и низкие звуки и чувствовалась радость. После того как он умолк, я спустился на землю и дождался, когда Сусанна окажется рядом со мной, чтобы спросить ее, о чем он пел. Взглянув на меня глазами, в которых светилось полное доверие, она ответила:

— Это песня тех, кто находится в пути. «Яхве — твой защитник, и ты под его сенью, а он — справа от тебя. Днем ты не станешь страдать от солнца, а ночью луна не обрушится на тебя. Яхве хранит тебя от всякого зла, он хранит твою душу. Он сохраняет тебя когда ты уходишь и когда возвращаешься, отныне и во веки веков».

Мне трудно было понять ее диалект. Тогда она принялась петь те же слова на своем языке, слегка покачиваясь им в такт, пока вдруг не расплакалась. Я прикоснулся к ее плечу.

— О Сусанна, не плачь! — неловко попытался я ее утешить. — Скажи мне, что с тобой, и быть может, мне удастся тебе помочь.

Она ответила:

— Не нужно! Я плачу от радости, потому что избавилась от терзавших меня мук и отдалилась от ворот смерти, чтобы опять увидеть дневной свет.

У меня появилось весьма неприятное впечатление, что мои спутники оказались не вполне нормальными людьми. Однако эта мысль заставила меня лишь улыбнуться, потому что по логике самым ненормальным из всех был я — римлянин, с такой поспешностью отправившийся на розыски иудейского царя, который воскрес из мертвых.

К полудню мы достигли плодородных равнин Иордана, и перед нами возникли стены Иерихона. Было жарко, даже душно, однако легкий ветерок временами доносил сладкий запах благовонных растений, составляющих богатство Иерихона.

Весна пришла сюда раньше, чем в Иерусалим, и крестьяне уже убрали пшеницу. В город мы так и не вошли, потому что Натан повел нас многочисленными тропами в обход. Наконец мы сделали остановку у источника, в тени городских стен, и отпустили животных пастись. Натан отошел в сторону для молитвы, которую

он творил повернувшись в сторону Иерусалима и воздев руки к небу, тогда как Мария вспоминала слова молитвы девятого часа, а Сусанна прошептала несколько обращенных к Богу слов. Это и проводило грань между ними и мной, привыкшим молиться только в момент принесения обычных жертв или же в дни празднования того или иного божества, следуя обычаям места, куда заносил меня случай, и при этом не веря в действенность подобных молитв. Однако теперь я завидовал своим спутникам и едва не обратился к ним с просьбой научить молиться и меня. Но то, что Натан и Сусанна были иудеями и считали себя принадлежащими к богоизбранному народу, а значит могли отказать мне в этой просьбе, удержало меня. Что же касается Марии, ее молитва оказалась мне скорее девичьей привычкой.

Во время отдыха мы перекусили хлебом, луком и сыром. Я и Мария пили терпкое вино, а Натан и Сусанна — только воду. Когда я предложил своему проводнику вина, он молча указал мне на остриженные волосы, что укрепило мое убеждение в том, что он дал какой-то обет. Однако при этом его взгляд был настолько приветлив, что у меня вырвался вопрос:

— Твой обет включает в себя и молчание?

— Там, где много слов, всегда достаточно греха,— ответил он. При этом он улыбнулся, словно извиняясь перед нами.

Не желая дольше задерживаться, он заставил нас поторопиться, и оказавшись опять на тропинке, мы вскоре увидели вдали, за равниной, разлившееся русло Иордана. Наше продвижение вперед стало более трудным, лица покрылись потом. Нас окружали мириады мух и комаров, и ослы стали выказывать признаки нетерпения. Мне показалось, что причиной наличия такого количества насекомых были быки, тащившие повозки со снопами пшеницы.

Мы уже успели преодолеть достаточно большой отрезок пути, когда сгустились сумерки; все ощущали усталость, жажду и боль в теле. Ночь мы провели в деревне, где обнаружили ключ родниковой воды, что позволило нам основательно освежить свой туалет. Мне показалось, что проводник нарочно избегал остановок в городах, где наш ночлег мог бы быть более удобным и где нас ожидала приготовленная пища. Когда он задал мне по этому поводу молчаливый вопрос, я не высказал ни малейшего неудоволь-

ствия. По правде говоря, после дней, проведенных в Иерусалиме, мне нравилась эта простая жизнь.

Марии вскоре надоело безделье и, подоткнув свой плащ, она принялась помогать Сусанне разжигать костер и готовить нам ужин. При этом они оживленно беседовали, как это принято у женщин. Я же погрузился в созерцание звезд, постепенно заживавшихся на небосводе. После ужина Мария подтащила свой ковер к моему.

— Сусанна — малообразованная женщина, я бы даже сказала, что у нее не все в порядке с головой,— прошептала она мне на ухо.— Однако мне кажется, что она принадлежит к смиренным душой и знает о воскресшем Иисусе намного больше, только не решается открыться, потому что она чем-то напугана.

Я резко вскочил на ноги. Натан, накрывшись с головой, спал у двери, а Сусанна, все еще стоя на коленях, чуть слышно молилась. Я шепотом произнес ее имя.

— Научи меня своей молитве,— попросил я, когда она подошла.

Она взмахнула рукой и произнесла в ответ:

— Я малограмотна и совсем не знаю закона. Я не умею правильно молиться. Ты станешь смеяться надо мной, если я скажу тебе слова своей молитвы.

— Не стану, потому что хотел бы стать кротким и смиренным душой,— успокоил я ее.

— У тебя какая-то новая молитва,— добавила Мария.— Я еще никогда не слышала, чтобы кто-то произносил эти слова.

И тогда Сусанна, понимая, что многим мне обязана, и дрожа от страха, принялась учить нас своей молитве.

— Меня обучили ей, потому что ее легко запомнить. К тому же она заменяет все остальные, и к ней ничего не нужно добавлять. Вот ее слова: «Отче наш, иже еси на небесе! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Аминь».

Я попросил ее повторить молитву еще раз. Затем сам произнес ее вслух, задумываясь над каждым словом; действительно, к ней ничего нельзя было прибавить, она содержала в себе все, в

чем может нуждаться простой человек. Конечно, это не была утонченная молитва эрудита, но над ней можно было задуматься.

На следующую ночь нам пришлось остановиться у затопленного леса. В верховье реки таял снег, Иордан заметно разлился, и дикие звери бродили у своих залитых водой нор. Когда на небе засветились звезды, я услышал жалобный вой шакалов, за которым последовал глухой рев, похожий на отдаленные раскаты грома. Этот звук был мне знаком, я его слышал, только, конечно же, не на природе, а в стенах цирка в Риме. Ослы испугались так, что нам пришлось пустить их в комнату. Мария, никогда не слышавшая львиного рева, прижалась ко мне и, дрожа от страха, попросила покрепче ее обнять, несмотря на то что эта ночь отнюдь не была холодной.

Натан успокоил животных, загородил дверь и, прислушиваясь, стерег ее, держа наготове меч. Сусанна тоже не могла уснуть, и я решил воспользоваться моментом, чтобы поговорить с ней.

— Кто обучил тебя молитве, слова которой ты передала нам вчера вечером?

Вдали опять послышалось рычание льва, от которого задрожали хлипкие глиняные стены нашего убежища.

Сусанна прикрыла рукой рот:

— Ты не имеешь права требовать от меня этого.

Тогда Натан произнес:

— Говори и ничего не бойся.

В мерцающем огоньке светильника тень Сусанны заметалась, словно она собиралась убежать, затем она принялась рассказывать:

— Иисус из Назарета, которого распяли в Иерусалиме, обучил ею своих учеников и следовавших за ним из Галилеи женщин. Он говорил нам, что достаточно знать эту молитву, а в остальных нет необходимости.

— А ты не лжешь?— удивленно спросил я.— Ты действительно шла за ним от самой Галилеи?

Сусанна ответила:

— Я не умею красиво лгать, даже если бы и захотела. Всю жизнь я страдала скупостью, потому что хотела иметь побольше денег и имущества, ограничивала себя в еде, питаюсь лишь самым необходимым. Когда все отправились взглянуть на нового проро-

ка, я, надеясь заполучить что-нибудь бесплатно, последовала за ними. Я слушала его проповеди, не понимая в них ни слова. Затем он начал разговаривать с людьми и, оказавшись недалеко от меня, сказал: «Берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от его имения». Это было на берегу озера. По правде говоря, мне показалось, что он знает меня и хотел привести в пример мою скупость, но затем он стал рассказывать о богатом человеке, земли которого принесли богатый урожай и который решил сломать свои житницы и построить большие, чтобы сложить туда весь хлеб и все добро свое, дабы затем долгие годы отдыхать и радоваться жизни. Но Бог сказал ему: «Безумный! В сию же ночь душу твою возьмут у тебя. Кому же достанется то, что ты заготовил?»

Она глубоко вздохнула и продолжила:

— Рассердившись на него, я вернулась домой. Однако мне никак не удавалось забыть его слова, понемногу разраставшиеся во мне, как болезненная опухоль. И тогда я опять пошла его послушать. Он говорил о птицах, которых питает Бог, и о цветах, которые не трудятся и не прядут. Своим ученикам он запретил заботиться о еде и питье и приказал искать прежде всего Царствие Божие, а все остальное приложится само собой. Тогда, несмотря на то что мне рассказывали, будто он накормил огромную толпу двумя хлебами и несколькими рыбами, мне стало жаль его, потому что невозможно творить подобные чудеса! Не имея ни малейшего желания раздавать свое имущество бедным, потому что они ленивы и не умеют вести дела, я продала вытканные мной ткани, оставила свои поля на попечение других людей и последовала за ним. Я собиралась помогать ему и его ученикам, до тех пор пока не истощится мое богатство. Мне казалось, что этот творивший чудеса человек сам скоро умрет с голоду, если его не накормить. Были и другие женщины, поступившие точно так же из жалости к нему, потому что в жизни он был совершенно не практичен.

При воспоминании о своем пребывании рядом с Иисусом Сусанна опять вздохнула.

— Я вовсе не собираюсь говорить о нем плохо и рассказываю все это лишь затем, чтобы показать, что он совершенно не разбирался в земных делах, и поэтому такие женщины, как я, заботились о нем. А его ученики иногда занимались рыбной ловлей, что-

бы заработать немного денег. В Назарете поговаривали, будто он был никудышным плотником, несмотря на то что унаследовал это ремесло от отца: он мог смастерить ярмо для упряжки волов или плуг, но никогда не сумел бы сделать колесо. Кроме того, он был слишком доверчив: он доверил общие деньги падкому до них Иуде Искарриоту, который, несомненно, прикарманивал часть из них, что было видно по его глазам. Я вовсе не хочу сказать, что понимала все из его поучений, смысл которых был не всегда доступен даже его ученикам, однако рядом с ним было хорошо, и поэтому я не вернулась домой, хотя часто испытывала такое желание: сам того не замечая и безо всякой видимой причины, он часто вызывал гнев праведников, и, кроме того, мне трудно было сносить присутствие рядом с ним таких женщин, как Мария из Магдалы, которая прежде занималась продажей голубей.

Мария прервала ее:

— Мария из Магдалы — очень набожная женщина и знает побольше тебя, старой неотесанной крестьянки в рубище!

— Раз ты ее защищаешь, сразу видно, к каким женщинам ты принадлежишь, и понятно, почему тебе нравится спать каждую ночь в объятиях этого римлянина, — со злостью ответила Сусанна. — То, что я — старая неотесанная крестьянка — верно, однако эти руки умеют прясть, ткать, печь хлеб, готовить пищу, содержать дом в чистоте; я никогда не боялась прикладывать их к плугу, потому что не привыкла бросать деньги на ветер и содержать ненужных мне работников. По правде говоря, для этого мира Иисус из Назарета был слишком добр, слишком доверчив и слишком неприспособлен: он творил чудеса, исцеляя больных, и не заботился о том, заслуживали они того или нет; достаточно было прикоснуться к его плащу любому человеку, чтобы беды тут же исчезали, он был похож на безрассудного ребенка, брошенного в этот предательский мир. Если бы он прислушался к разумному совету, то никогда бы не отправился в Иерусалим на Пасху. Однако он был упрям и думал, что знает все лучше других. И тогда случилось то, что случилось.

Теперь, когда уже ничего нельзя поправить, Сусанну охватило неистовое желание порицать некоторые поступки Иисуса, словно тот был непослушным ребенком. Однако воспоминания о нем вскоре заставили ее залиться слезами.

— Одежда, которая на мне,— это все, что у меня осталось от него, да еще эта молитва, которой он меня научил. После его смерти мы рассыпались в разные стороны, словно стая напуганных воробьев. Я долго лежала в подвале храма, не желая никого видеть, и не могла проглотить хотя бы кусок пищи. Затем мне повстречался одетый в белое Натан, остригший из-за него волосы, который рассказал мне о том, что Иисус воскрес и ожидает всех нас в Галилее.

Она вдруг прикрыла рот рукой, словно испугавшись, что сказала лишнее, и посмотрела в сторону Натана.

Однако Натан лишь тихо произнес:

— Слова женщины похожи на треск сучьев в костре под котлом. Я знал о приближении царства, но не был знаком с Иисусом. Когда я узнал о том, что он воскрес, я остриг волосы, потому что, если все случилось именно так, он — действительно Сын Божий и тот, кого мы ждали.

Сусанна заявила:

— А я знала его лучше всех, потому что сама стирала его белье. Он был человеком, ощущал жажду и голод, временами ученики и маловерие окружавших людей утомляли его. Однако все говорят, что он действительно воскрес, и это меня ничуть не удивляет, а заставляет плакать от радости и надеяться, что все будет хорошо. Возможно, если у нас хватит терпения дождаться, он установит свое царствование в Галилее, и на его стороне будут сражаться ангелы, иначе этому царству не устоять. Во всяком случае, что бы ни случилось, я молюсь по утрам, в полдень и вечером так, как он меня учил, и пока мне этого достаточно.

Ее рассказ глубоко тронул Марию.

— Значит, ты действительно стирала его одежду?— недоверчиво поинтересовалась она.

— А кто мог бы отстирать ее до такой белизны?— с гордостью ответила Сусанна.— Мария из Магдалы в своей жизни почти никогда не стирала, а у Соломонии достаточно хлопот со своими сыновьями. Ну а Жанна прибыла в сопровождении собственных слуг и следовала за Иисусом разве что только не на носилках! Пока она была вместе с нами, она, по крайней мере, научилась ходить собственными ногами!

Не имея возможности дольше сдерживать удивление, я спросил:

— Почему же ты следовала за ним, жертвуя своим состоянием, если тебе не нравились ни его поступки, ни его ученики, ни те, кто был вместе с ним?

Сусанна в свою очередь посмотрела на меня с удивлением.

— Он был похож на ягненка, затерявшегося среди волков,— пояснила она.— Кто, если не я, дал бы ему поесть и стал бы заботиться о нем? Помимо всего прочего, собственная мать считала, что он не в себе. А жители Назарета однажды притащили его к краю пропасти, однако не посмели сбросить вниз.

— Значит, ты его любила?— спросил я.

Она сделала какое-то неуверенное движение.

— Что я, старая развалина, могу знать о любви?— пробормотала она, изменив позу.— В мире полно ленивых плутов, жадных священников, безжалостных сборщиков налогов и других негодяев. Крестьянке достаточно лишь один раз появиться в городе, чтобы они выпили из нее всю кровь. Возможно, потому что он был невинен, как агнец, и ничего не знал о человеческой злобе, я испытывала к нему лишь чувство жалости.

И, словно пожалев о сказанном, она, заламывая руки, тихим голосом добавила:

— Кроме того, он говорил о вечной жизни.

— А что это такое?— спросил я.

Однако расстроенная Сусанна нетерпеливо бросила в ответ:

— Откуда мне знать? Я могу рассказывать лишь о том, каким он был. То, что он говорил, я не понимала и довольствовалась верой в него.

— И ты по-прежнему продолжаешь верить?— настаивал я.

— Не знаю,— со злостью в голосе ответила она.— Когда из его тела, пригвожденного к кресту, от боли катился смешанный с кровью пот, я не только верила, но и бежала с того места — настолько мне невыносимо было смотреть на его муки. От постигшего меня горя я слегла и подумала, что напрасно растратила свои деньги. Однако причина была не в том. Болезнь пришла ко мне из-за его страданий, потому что он не заслуживал такой ужасной смерти, хоть и проклинал сcribe и фирисеев; однако при этом он говорил о них ничуть не хуже любого труженика, вынужденного из-

за них уничтожать весь собранный им урожай фруктов или же выбрасывать овощи в кучу навоза, потому что он недостаточно знает закон. Однако теперь все будет хорошо, и я уверую в него, если еще хоть раз увижу или услышу его голос.

В удушливой атмосфере этой глиняной хижины, в которой ослы с беспокойством возились у полупустого подобия ясель и за стенами которой беспрерывно слышалось рычание льва, мной овладело сомнение. Мне казалось, что Сусанна хотела выглядеть проще, чем она есть на самом деле, и что она скрывала от меня самое главное; если то, что она так долго следовала за Иисусом, присутствуя при творимых им чудесах и слушая то, что он говорил людям и своим ученикам, было правдой, тогда не оставалось никаких сомнений в том, что ей были известны слова, не предназначенные для ушей первого встречного.

— А чему он обучал?— продолжал настаивать я.— Может ты вспомнишь какое-то тайное учение?

Сусанна еще больше рассердилась:

— Женщины понимают не больше, чем дети! Именно поэтому я не могла выносить Марию из Магдалы, которая постоянно во все вмешивалась, вообразив, что понимает все, о чем он говорит! И это в то время, когда у остальных женщин было полно забот! Можешь поверить, лишние руки никогда не помешали бы! Нам зачастую приходилось обслуживать намного больше, чем двенадцать человек! Иногда за столом сидело человек семьдесят! Для меня Иисус был воплощением мудрости, хлебом жизни, как он говорил. Что он хотел этим сказать? Не знаю, но я верила, потому что он так говорил.

Видя подобную наивность, я лишь разочарованно покачал головой и прекратил расспросы. Однако пожилая женщина все еще продолжала рассуждать при свете огонька глиняного светильника, пытаясь меня убедить в своей правоте.

— В небесах, где живет его отец, находится сейчас и мой отец,— наконец сказала она.— Иисус допускал к себе маленьких детей и говорил, что для них его царство открыто. А я понимала все так: поскольку сама я — дочь небесного отца, то мне нет нужды вникать в смысл того, что он говорит, потому что ему известно намного больше, чем мне. Вот та единственная тайна, которую я узнала.

Этой удушливой ночью я не смог сомкнуть глаз, а рев льва вызвал во мне настолько живые воспоминания о Риме, что временами, находясь на грани сна и бодрствования, мне казалось, что я просыпаюсь именно в этом городе и сейчас мой взгляд наткнется на пурпурные подушки, пропитанные розовой эссенцией, а мое тело окажется изнеможенным после игры страстей. Однако как только я открывал глаза, моему взору представлялось совершенно абсурдное зрелище. В данный момент я находился в хижине из самана, весь вывалянный в шерсти и с растрепанными волосами, в компании трех иудеев, вместе с которыми отправился на поиски того, что не имело никакого смысла. В Риме мне сделали бы прическу, и я с величайшим вниманием отнесся бы к последним веяниям моды, украшая свой плащ; отыскал бы что-нибудь интересное для чтения или сходил бы на какой-то заслуживающий внимания процесс, нашел бы еще много способов, как скоротать время до твоего прихода, о Туллия! В Риме даже среди нуворишей с их глупыми претензиями на роскошь или среди софистов, где принято ни во что не верить, посмеялись бы над тем, что забитит меня сегодня. Я сам смеялся бы первым!

Тем не менее это не мешало ни женщинам, ни молодым интеллектуалам спешить к астрологам, магам или колдунам, дабы обрести их заступничество и истратить огромные суммы на покупку талисманов. Конечно, они делали это шутки ради и ни во что не веря, однако в глубине души при этом желали, чтобы талисман действительно помог. Это была своего рода игра: удача изменчива, а победа непостоянна, но лучше продолжить эту игру, чем остаться с пустыми руками.

Продолжал ли я играть здесь, на берегу Иордана? И делал ли я тот же выбор между неуверенностью в победе и возможностью выбыть из игры? Было ли это сном, или же настоящим светом царства, все еще пребывающего на земле, путь к которому я пытался отыскать? Эти вопросы мучили меня, и я начал испытывать неприязнь по отношению к упрямству Сусанны и молчанию Натана. Что я, римлянин, делаю вместе с ними?

Я повторил про себя молитву, которой научила меня Сусанна и которая была самой первой тайной учеников Иисуса из Назарета, что была открыта мне. Быть может, в ней содержалась магическая сила тайной мудрости? Однако напрасно я переворачивал

все ее фразы в своем мозгу: мне удалось лишь понять, что здесь речь идет о смирении, присущем простым людям; произнося эту молитву, они могли найти в ней отраду и покой от своих хлопот, а я не был настолько наивен, чтобы надеяться на какую-то помощь со стороны.

Эту ночь мы все плохо спали, и утром нам было трудно пробудиться ото сна. Мария из Беерота капризничала и требовала, чтобы мы через горы перебрались в Самарию, потому что ей не хотелось столкнуться нос к носу со львом, изгнанным наводнением из леса. Сусанна была уверена в том, что что-то потеряла, и неоднократно проверила кухонные принадлежности и запасы еды, это задержало наш отъезд. Ну а Натан вовсе не казался спокойным и внимательно присматривался ко всему, что нас окружало, в то время как ослы, которым досаждали насекомые, стали демонстрировать свой норов.

Натан, изнемогая от болтовни Марии, ответил ей словами из Писания: «Множество путей кажутся человеку подходящими, но все они оказываются путями к смерти».

Затем, указав на меч, висевший у меня на поясе, он уверенным шагом пустился в путь, силой увлекая за собой навьюченного осла и словно давая понять, что мы вольны поступать так, как нам хочется, а он не намерен отступить от намеченного плана нашего предприятия.

— Мужчинам нечего бояться,— захныкала Мария.— А я — самая молодая среди вас, и как мне говорили, такой кровожадный и хитрый зверь, как лев, всегда выбирает самую нежную плоть.

— Разве мы не можем идти по тому же пути, по которому ходил Иисус из Назарета?— сердито возразила Сусанна.— Если тебе страшно, я могу ехать впереди, и пошлю льва куда подальше. Я уверена, что он не посмеет тронуть меня!

Ужасно рассердившись, я вмешался в их спор и сказал, что никому из нас не известно, по какому пути назаретянин отправился в Галилею, если только он действительно туда отправился! Возможно, эта история была придумана правителями Иерусалима, чтобы избавиться от галилеян. Лично у меня не было никакого желания с мечом в руке вступить в единоборство со львом, хотя в цирке мне однажды удалось видеть закаленного в боях человека, вышедшего победителем в подобной схватке. Однако Натану хо-

рошо была известна дорога и подстерегавшие на ней опасности, и по моему мнению, самым надежным было следовать за ним.

Мы продолжили путь, и каждый из нас в душе сдерживал злость. Нам пришлось закатать одежды, чтобы пройти через полузатопленный брод, и заставить ослов идти в воду. Оказавшись наконец на суше, мы угодили в руки легионеров, радостно приветствовавших появление Марии. Увидев мой меч, они заставили меня спешиться, швырнули на землю и, думаю, могли бы убить, если бы я не выкрикнул по-гречески и по-латински, что я — гражданин Рима. Несмотря на разрешение на ношение оружия, они обыскали всю нашу поклажу, развлечения ради ошупали Марию, и я уверен, что если бы не мое присутствие, обязательно затащили бы ее куда-нибудь в заросли.

Отсутствие дисциплины в их рядах объяснялось следующим: они не входили в состав регулярного отряда, патрулирующего на дорогах, и не были на маневрах; просто их офицеру захотелось поохотиться на льва, и он вместе с лучниками отправился на холм, а повстречавшимся нам солдатам выпала задача выгнать хищника из зарослей громким стуком о щиты, что нельзя было назвать приятным занятием, несмотря на то что лев мог быть уже достаточно далеко, и поэтому, чтобы подбодрить себя, они выпили.

Их обращение настолько уязвило мое самолюбие, что теперь я понял, почему иудеи ненавидят римлян такой лютой ненавистью. Мое прежнее скверное настроение превратилось в безудержный гнев, и когда на вершине холма мне повстречался центурион, мысли которого были целиком обращены на то, как добыть шкуру льва, я выверился на него и стал угрожать, что пожалуюсь прокуратору на поведение его людей.

И здесь я допустил ошибку. Центурион с испещренным шрамами лицом презрительно посмотрел на меня и спросил, к какому сословию я отношусь, если одеваюсь подобным образом и путешествую в сопровождении иудеев! Затем он подозрительно спросил:

— А ты случайно не принадлежишь к тем негодьям, что в последние дни толпами ломятся к Тивериадскому озеру? Теперь ведь наступила пора жатвы, а не паломничества. От этих путешественников не приходится ждать ничего хорошего.

Чтобы примириться с ним и попытаться что-то выведать о

людях, которых ему довелось видеть, я попросил его извинить меня за несдержанность. Однако он никого не видел, потому что иудеи передвигались по ночам и пешком, избегая встречи со сторожевыми и таможенными постами. Он всего-навсего слышал о них.

— Будь осторожен и не попадайся им, потому что все галилеяне — фанатики, — снисходительно предупредил он. — В этих краях большая плотность населения, и часто приходят люди из пустыни, пытаются подняться восстание. Не более двух лет тому назад там плел сети заговора один ненормальный. Он говорил о приходе царствия иудеев и производил обряд их крещения в Иордане, чтобы сделать их неуязвимыми во время сражений. Тогда князь Галилеи отрубил ему голову, дабы показать, что он сам уязвим. Кстати, по землям вокруг Иордана все еще могут бродить люди из его банды.

Затем, неожиданно резко прервав разговор, он повернулся ко мне спиной, посчитав меня, несомненно, человеком маленьким, поскольку я путешествовал подобным образом.

Когда мы опять пустились в свой полный приключений путь, Мария из Беерота, с презрением глядя на меня, сказала:

— Ты, похоже, небольшая птица, если какой-то потный и покрытый шрамами центурион может позволить себе обращаться с тобой с таким презрением!

— Может, ты смотрела бы на меня иначе, если бы я сейчас был в шлеме и на колениках легионера? — с ухмылкой спросил я.

Мария сопроводила свой ответ презрительным жестом:

— Легионеры, по крайней мере, знают, чего хотят! Если ты римлянин, то почему тогда не путешествуешь, как подобает римлянину, и не пользуешься сопряженными с этим преимуществами? Тогда в разговоре с римлянами тебе не пришлось бы стыдиться заросших волосами ног и бородатого лица!

Я не верил собственным ушам! У меня зудели руки, чтобы срезать ветку дерева и задать ей трепку. Разгневанный я спросил:

— Куда же девалась девушка, которая поклялась благословлять меня до конца своих дней и обещала спать, как и я, под открытым небом?

Мария, гордо подняв голову, воскликнула:

— Никогда бы не подумала, что ты используешь подобным образом то, что я доверила тебе, рассказывая о своей жизни! В

ней мне не повезло, однако если я действительно встречу воскресшего назаретянина и он простит мне совершенные ошибки и очистит меня, ты никогда больше не сможешь меня упрекнуть в совершенных грехах! Лучше бы ты исповедовался в собственных, которые, наверное, намного страшнее, если ты так унижаешься в поисках нового пути!

Мне кажется, что она не думала о том, что выкрикивала. Уставшая от изнурительного путешествия, она вымещала свое плохое настроение на мне. Но я не стал ей отвечать тем же. Она отстала и ехала рядом с Сусанной; было слышно как сначала пронзительно, а потом все тише и тише высказывали они оскорбления в адрес Натана и меня самого.

В этот вечер солнце скрылось за пурпурными вершинами гор Самарии; долина на какую-то минуту приняла призрачный вид, и плещущиеся волны самой большой реки Иудеи стали черными; все казалось странным и нереальным, и моя душа освободилась от неприятных мыслей. Я вспомнил, как мир погрузился во мрак, когда царь иудеев был распят на кресте и как дрогнула земля в минуту его смерти. Воскреснув, он доказал реальность своего царства, и я удалился бы от него, если бы в глубине души стал презирать своих спутников, считать себя высшим по сравнению с ними существом или таить обиду на глупое девичье поведение.

На стоянке, после вечернего туалета я подошел к Марии.

— Прощаю тебе необдуманные речи и обещаю о них забыть,— сказал я.

Гнев девушки от этого только удвоился, а ее глаза стали черными, когда она воскликнула:

— А тебе есть что мне прощать? Сначала ты наплевал мне в душу, а потом целый день показывал свою спину! Это мне следует тебя прощать! Я была готова все забыть и помириться с тобой, потому что ты — мужчина, от тебя нечего ожидать большего, как верно заметила Сусанна. Но только я никогда не позволю прощать себя, пока ты сам не попросишь первым у меня прощения!

Натан, услышав эти слова, воздел глаза к небу и в бессилии развел руками. Видя его покорность, я тоже смирился.

— Как тебе будет угодно, Мария из Беерота,— ответил я.— Так вот: прости меня! Признаю, что мне нечего тебе прощать, и давай заключим мир!

Упершись руками в бока, Мария крикнула Сусанне:

— Подойди посмотри: мужчина этот человек или один из римских евнухов, о которых мне говорили!

Сусанна, укладывая хворост и сухой навоз для очага под котелком, хихикнула, прикрыв рот рукой.

К моей голове прихлынула кровь, и не имея возможности дольше сдерживаться, я изо всех сил закатил Марии оплеуху. Тут же раскаявшись в содеянном, я был готов на что угодно, лишь бы исправить положение.

Мария начала всхлипывать, несколько раз хлюпнула носом и потерла щеку. Я уже был готов попросить у нее прощения, когда Натан движением руки остановил меня. Чуть погодя, девушка на цыпочках приблизилась ко мне.

— Ты правильно сделал, что ударил меня,— сказала она, потупив взгляд.— Я целый день хотела вывести тебя из равновесия. Это доказывает, что ты все же любишь меня больше своего осла, холку которого так часто ласкаешь. А теперь поцелуй меня, чтобы я удостоверилась в том, что ты меня прощаешь.

Она осторожно обняла меня, и я дважды поцеловал ее, чтобы она знала, что между нами все осталось по-прежнему. Откровенно говоря, мне было довольно приятно, после того как мы поругались, вот так держать ее в объятиях и целовать, и я поцеловал ее в третий раз.

Мария слегка оттолкнула меня и, не снимая рук с моих плеч, спросила:

— Ты бы и Сусанну так поцеловал, если бы она, оскорбив тебя, попросила прощения?

Я посмотрел на сморщенное старушечье лицо Сусанны, сравнивая ее сухие губы с алым ротиком Марии, и понял, какую ловушку она мне приготовила. В один прыжок я оказался подле Сусанны и приподнял ее за локти.

— Если я чем-нибудь тебя обидел, поцелуй меня в знак прощения,— попросил я.

— Несчастный, ты идешь на поводу у безмозглой девчонки! Однако у Марии доброе сердце.

Смутившись, она вытерла губы тыльной стороной ладони и поцеловала меня, при этом хитро поглядывая на Марию, которая воскликнула:

— Как можешь ты, дочь Израиля, целовать необрезанного римлянина? Я — грешница и могу это делать, а ты при этом становишься нечистой!

— Я не разбираюсь в законе, однако мы с ним ели из одной тарелки. Сердцем я чувствую, что у нас один отец, несмотря на то что он — римлянин.

Я растаял от этих слов, и даже чесночный запах из ее рта (она целыми днями, сидя на осле, грызла чеснок, чтобы придать себе сил) не показался мне отвратительным.

— Для меня большая честь, что ты согласилась меня поцеловать, Сусанна,— сказал я ей.

После ужина я отвел Марию в сторону и без обиняков спросил:

— У тебя, случайно, не было намерения соблазнить меня и заставить согрешить с тобой? Другого объяснения твоему поведению я не нахожу. А я ведь взял тебя именно для того, чтобы спасти от греха.

Мария легко вздохнула у моего уха и прошептала:

— Ты обращался со мной намного лучше всех других мужчин; я сама себя не могу понять. Твое безразличие раздражает меня, и поступая подобным образом, я, по крайней мере, убеждаюсь, что ты не совсем ко мне равнодушен.

— Однако плоть есть плоть, и чтобы меня соблазнить нет необходимости в подобных усилиях. Я не связан никаким обетом и никому не клялся в верности! Однако для этого мы можем развернуться и отправиться обратно в Иерусалим.

— Жизнь — странная вещь, и мое сердце трепещет от страха при мысли об Иисусе,— вздыхая, произнесла Мария.— Мне известно, что только он один способен вернуть мне чистоту и девичью честь, и говорят, что он не строг даже по отношению к самым неисправимым грешникам. Мне кажется, если бы я согрешила с тобой, то ни о чем бы не сожалела, думаю, ты принес бы мне спасение, приняв в свои объятия. Сам видишь, насколько я погрязла в грехе. А кому удастся избежать греха? Однажды Мария из Магдалы, желая утешить меня, сказала, что мужчина, который с вожделением смотрит на женщину, уже совершает грех в своей душе. По-моему, назаретянин установил правила, которым невозможно следовать в жизни.

— Разве наши тела еще недостаточно пострадали от тягот этой поездки, Мария из Беерота?— воскликнул я.— К чему напрасно мучить себя преступными мыслями? И не вздумай этой ночью говорить о льве, чтобы спать рядом со мной,— это лишь может разжечь в нас страсть!

Мария еще глубже вздохнула и сказала:

— Не стану больше тебе надоедать, если ты считаешь, что, соблазнившись, согрешишь.

— Как тебе угодно,— ответил я.— В душе я уже совершил с тобой грех. Больше мне нечего добавить.

Она прижала мою руку к своей пылающей огнем щеке.

— Как много я дала бы за то, чтобы быть чистой и отмыться от своих грехов!

И после этого она перестала спать у меня под боком и понапрасну испытывать меня.

Я думал о том, что эта девушка немного знала о царстве, путь к которому пыталась найти, поэтому от нее нельзя было требовать многого. Затем я стал раздумывать над тем, чего ждал от назаретянина Натан, остригший из-за него волосы. Возможно, я и сам ожидал чего-то такого, что по меркам царства могло казаться такой же игрушкой, как и надежды Марии.

На следующий день мы ушли в сторону от извилистого русла реки и, сойдя с караванного пути и пройдя через горы, увидели Тивериадское озеро. На его поверхности ветер вздымал волны с белыми гребнями, а вдали виднелись очертания заснеженной вершины. Мы добрались до термий к закату солнца, следуя по западному побережью озера. Чуть дальше виднелись портики курортного города, построенного Иродом Антипасом. В воздухе витал спасительный запах серы: вода заполняла бассейны, вокруг которых была построена лечебница. На берегу озера стояли несколько вилл в греческом стиле и множество рыбацких хижин. На территории самой лечебницы находились две гостиницы: одна роскошная для эллинов и другая, предназначенная для сынов Израиля. Устав после путешествия, я вместе с Марией разместился в первой из них, а Натан и Сусанна вместе с животными направились во вторую. Я счел, что будет лучше не показываться в их компании, потому что ученики назаретянина сторонились меня. Сусанна в знак признательности за то, что я взял ее с собой в

Галилею, разузнает о том, что должно происходить, а я тем временем в полном спокойствии буду дожидаться вестей от нее.

Теперь я уже достаточно хорошо знал Натана и доверил ему свой кошелек и животных, надеясь таким образом покрепче привязать его к себе. Мы договорились, что проведя ночь в Тивериаде, они на следующий день продолжат свой путь до Капернаума, расположенного на северной стороне Галилейского моря, что должно было у них занять менее дня пути. Если верить Сусанне, Иисус никогда не заходил в греческий город Тивериада.

На следующее утро, пробудившись от лучей восходящего солнца, я вышел на террасу, прихрамывая и ощущая боль в ступне. После жары в долине Иордана свежесть воздуха казалась нам необыкновенно приятной; вода была кристально чиста, и лучи солнца рассекали ее до самых глубин, а воздух был наполнен сильным запахом мирты. Мне показалось, что теперь я могу видеть все яснее, чем прежде, и обонять все ароматы земли, испытывая при этом чувство, словно я лишен телесной оболочки; я пребывал в состоянии, похожем на приятное опьянение, до тех пор пока по моему телу не пробежали судороги, и я увидел, что моя ступня распухла.

Во второй половине дня у меня начался жар. Нога распухла до колена, а от раны в пятке протянулась красная полоса.

Греческий врач термий надрезал опухоль скальпелем и заставил меня выпить какое-то освежающее лекарство. Две недели я проболел в греческой гостинице, временами мне казалось, что я вот-вот умру. Однако заботы Марии и сернистая вода термий несомненно способствовали моему выздоровлению. В течение долгих дней у меня была рвота. И когда наступило улучшение, я был весьма ослаблен. Поскольку врач беспрестанно советовал не утруждать ногу ходьбой, я употребил это время на то, чтобы доверить свой рассказ записям о том, как я покинул Иерусалим и что со мной случилось в пути.

За все это время от Натана и Сусанны не поступало никаких вестей.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

От Марка — Туллии!

Мое выздоровление не принесло радости. Я даже подумывал о том, что эта болезнь, которая привела меня на грань смерти, была послана как предостережение, чтобы я не пытался вмешиваться в тайны, не имеющие ко мне никакого отношения. Я оставался в своей комнате, не стараясь сблизиться с другими постояльцами. Этих, в основном богатых людей всех наций, привлек курортный город. Из многих стран они приехали сюда для лечения болезней, которые обычно сопровождают роскошную и беззаботную жизнь; впрочем, среди них было несколько римских офицеров — на их здоровье сказались следствия жизни, проведенной в военных лагерях.

Я разослал несколько записок и вызвал цирюльника, чтобы он сделал мне прическу на греческий манер; я даже позволил ему подстричь бороду и удалить с тела волосы, потому что все мне стало безразличным. Возможно, это чем-то напоминало поведение обиженного ребенка, однако я действительно не видел причин для подобного наказания. О Туллия, мои мысли были о тебе, только они отличались от тех, что

посещали меня в Иерусалиме, и в свалившемся на меня несчастье мне было от них еще хуже. Глупость Марии, которая самоотверженно помогала мне и добилась моего излечения, а теперь считала меня своей собственной вещью, утомляла меня. Неожиданно все здесь засуетились, и я вскоре узнал от Марии, что в Кесарию на воды прибыла супруга Понтия Пилата. С террасы я увидел ее носилки и сопровождавший эскорт: помимо легионеров, от границы Галилеи до самого города за ней следовали конные всадники князя Ирода в красных плащах; в ее распоряжение был предоставлен расположенный в саду летний дворец с отдельным бассейном.

Мне было известно, что Клавдия Прокула не обладала крепким здоровьем, а ее нервы были расшатаны, как это бывает у многих женщин с наступлением старости, даже если они не хотят этого признавать. Не было никаких сомнений в том, что ей были полезны купания и климат Галилейского моря. Сюда прибывали на лечение люди из Дамаска и даже из Антиохии, поддавшись на уговоры комиссионеров князя Ирода. И все же, сам не знаю почему, я усматривал иные причины, заставившие прибыть сюда Клавдию Прокулу.

Мне удалось сдержать свое любопытство не больше чем на два дня, после чего я отправил ей письмо на двойной восковой табличке, в котором испросил позволения нанести ей визит. Почти сразу же явился слуга, он сообщил, что Клавдия Прокула была приятно удивлена вестью от меня и пожелала видеть меня без промедлений.

Мне пришлось добираться к ней через сад на носилках, поскольку моя пятка еще не зажила. Около галереи дворца я спрыгнул на землю и доковылял до самого здания. Честь, которой я был удостоен, привлекла внимание многих отдыхающих, поскольку супруга прокуратора заранее предупредила, что никого не принимает и в торжественных чествованиях не участвует из-за состояния своего здоровья.

Слуги провели меня прямо в прохладную, залитую лучами солнца комнату, где на ложе с пурпурными подушками возлежала Клавдия Прокула.

Лицо ее было очень бледным, взгляд утомленным. Рядом с ней

в позе, выражающей полное почтение, сидела иудейка в очень богатой одежде.

Клавдия протянула навстречу мне ставшие почти прозрачными руки и радостно воскликнула:

— О Марк! Какое счастье встретить друга и понимающего тебя человека! Что у тебя с ногой? Я тоже больна! У меня бессонница, болит все нутро, а печень никуда не годится!

— Это тот самый молодой человек, о котором я тебе рассказывала,— друг моего детства Марк Мецентий Манилий. Его отец был самым известным в Риме астрономом, а сам он принадлежит к династии Мецентиев, род которых произошел от этрусков, борющихся за власть с самим Энеем. В последний раз я видела его во время пасхальных праздников в Иерусалиме и никак не ожидала встретить здесь!

Я дал ей говорить, невзирая на то что в ее рассказе было так мало правды! Она, конечно же, несколько преувеличивала, однако если по той или иной причине ей хотелось, чтобы я выглядел в глазах ее спутницы веселее, то зачем было ей возражать?

— Это прекрасное существо зовут Жанной, она супруга квестора князя Ирода,— представила она мне свою спутницу.— Я познакомилась с ней в Иерусалиме, и она пообещала сопровождать меня, когда я буду здесь. Я полностью и во всем ей доверяю.

Женщина улыбнулась и внимательно посмотрела на меня. Взгляд ее глаз на округлом лице отнюдь не казался глупым, в нем можно было прочесть глубокое знание жизни.

— О Марк Мецентий, приветствую тебя!— сказала она.— Однако как это ты, римлянин, носишь бороду и ходишь в иудейской одежде?

— Каждой стране присуща своя мода!— непринужденно ответил я.— Я философ, изучаю нравы и обычаи разных стран. Однако, если честно сказать, я испытываю глубокое уважение к Богу Израиля и его закону, по крайней мере, в тех пределах, которые не мешают мне поклоняться императору.

До сих пор не обращавшая внимание на мой облик Клавдия воскликнула:

— В самом деле, как ты изменился! Не знаю, понравятся ли моему супругу подобные одеяния!

Оживленно болтая, Клавдия Прокула поведала мне о состоянии здоровья Понтия Пилата и о его затруднениях, не забывая о том, чтобы нам подносили охлажденного вина с фруктами и пирожными. Затем она приказала слугам удалиться.

— Жанна, проверь, чтобы нас никто не подслушивал, а то я не выношу шпионов,— обратилась она к своей спутнице.

Жанна продемонстрировала небывалую сноровку и познания в выполнении этой задачи: дойдя до двери, она как бы с безразличием выглянула в вестибюль, а затем обошла всю комнату, ощупывая ковры и выглядывая в окна.

Клавдия Прокула пригласила меня присесть рядом с ней.

— Помнишь ли ты еще назаретянина Иисуса, распятого в Иерусалиме?— тихим голосом спросила она.

Я не знал, что ответить, и взглянул в сторону Жанны.

— Прекрасно помню,— сказал я,— мне так и не удалось вытравить из души воспоминание о нем. Я хотел узнать побольше, однако его ученики никому не доверяют и недолюбливают чужих.

Клавдия ответила:

— Они вернулись в Галилею, и теперь каждый из них занимается своим прежним трудом. Большинство из них рыбачат на этом озере.

— В самом деле, когда я выезжал из города, ходили слухи, что и они покинули его,— подтвердил я.— Говорят также, что за ними последовало множество других людей. А их не преследуют здесь?

Жанна поспешила внести определенную ясность.

— Теперь с этим покончено. Умеренно настроенные советники Ирода Антипаса сумели убедить его в том, что в преследованиях не будет никакой пользы. В глубине души он сам их побаивается, при этом делая вид, что ничего не знает об их существовании. Незадолго до этого, казнив Иоанна Предтечу, он совершил политическую ошибку и теперь слышать ничего не хочет о пророках.

— Если помнишь, я сделала все, что было в моих силах, чтобы мой супруг не причинил вреда святому человеку,— вмешалась Клавдия Прокула.

— К чему говорить о том, что было в прошлом?— произнес я с наигранным безразличием.— Во все времена происходили каз-

ни невинных — так устроен мир, и мы не в силах его изменить. Забудь об этом, и займись своим здоровьем, разве не для этого ты приехала сюда?

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать,— раздраженно ответила Клавдия.— Мир перестал быть прежним. Иисус из Назарета воскрес, даже если ты поначалу в этом сомневался; он являлся своим ученикам, и веришь ты в это или нет, но в эту минуту он находится здесь!

Жанна в испуге зажала ей рот.

— О повелительница, ты не ведаешь, что говоришь!

Я присмотрелся к ней внимательнее и вспомнил, что Сусанна называла ее имя.

— А мне знакомом твое лицо,— решился сказать я наугад.— Ты следовала за назаретянином Иисусом, когда он был еще жив и не можешь этого отрицать.

Она бросила на меня изумленный взгляд, однако не стала заператься:

— Я никогда не собиралась этого отрицать! Ради него я покинула свой родной очаг и следовала за ним до тех пор, пока обязанности, возложенные на моего супруга, не заставили меня вернуться обратно. Но откуда тебе это известно, о чужестранец?

Я был таким ослабевшим и чувствовал такую грусть, что не нашел в себе сил разыгрывать дальше эту комедию.

— Я знаю и верю, что он воскрес из мертвых, и тем самым признаю в нем Божьего Сына!— с уверенностью произнес я.— Однако я никак не могу разобраться в смысле происходящего, потому что никто до сих пор не видел ничего подобного. Я решил отыскать путь к его царству, однако ученики отторгли меня. Тем не менее мне удалось узнать, что он направился в Галилею, и тогда я последовал за ним. Увы! — с камнем на сердце продолжал я.— Как только я прибыл сюда, у меня началось заражение ноги, и это надолго прервало мое путешествие. Возможно, в этом мне нужно видеть знак того, что он тоже отторгает меня. Будь же и ты, Клавдия Прокула, откровенна и признайся, что тоже ради него прибыла в Галилею.

В глубоком удивлении женщины обменялись взглядами, а затем, посмотрев мне прямо в лицо, вместе воскликнули:

— Неужели ты, философ и римлянин, действительно веришь в то, что он воскрес и сейчас находится в Галилее?

— Да, я верю в это,— ответил я с прежним чувством горечи.

Испытывая непреодолимую жажду облегчить душу, я рассказал им о посещении дома Лазаря, в котором я познакомился с Марией из Магдалы, о том, как меня приняли Иоанн и Фома и что произошло в доме Симона Киринейского, а еще — о приходе Матфея, угрозами пытавшегося запретить мне звать к имени назаретянина.

Жанна промолвила:

— Они дурно сделали, поступая подобным образом. Я помню, что однажды Учитель исцелил совершенно незнакомого человека, а его ученики хотели этому воспрепятствовать. Тогда он рассердился и сказал, что этот человек, по крайней мере, не станет на него клеветать. Поэтому я не вижу причины, по которой ты не имел бы права произносить его имя, если ты действительно веришь в него.

Я еще сказал, что привез с собой Сусанну.

— Ты знаешь эту старушку?— обратился я к Жанне.

Она с трудом скрыла недовольство.

— Конечно, я знаю эту старую сплетницу и любительницу ссор,— согласилась она.— Неотесанная крестьянка, она даже не знает закона. Однако Иисус позволил ей следовать за ним.

Удивленная Клавдия Прокула, все еще продолжая сомневаться, воскликнула:

— О Марк, как ты изменился, с тех пор как покинул Рим! Похоже, из-за назаретянина ты позабыл даже о Туллии! Неужели ты думаешь, что я ничего не знала о вашей связи? Новости из Рима достигают даже Кесарии! Однако я никак не могу понять, что ты хочешь найти в Иисусе.

— А что ищешь ты сама?— в свою очередь спросил я.

Она пожалала исхудалыми плечами.

— Я — всего лишь женщина, мне свойственно мечтать,— ответила она.— Если мне удастся увидеть пророка, восставшего из мертвых, уверена, он сможет исцелить меня от бессонницы и всех прочих болезней.

— Пока он пребывает на земле, я ищу лишь путь к его царст-

ву,— ответил я.— Мне сказали, что ему известны слова, открывающие путь к вечной жизни. Однако какое значение могут иметь все мои вымыслы? Я хотел бы услышать от тебя самой подтверждение того, что он действительно находится в Галилее и что он являлся своим ближним.

Жанна в нерешительности помолчала, а затем с помрачневшим лицом произнесла:

— Я ничего не могу утверждать с полной уверенностью. Тайну своего царства он доверил своим ученикам, а с женщинами и со всеми остальными говорил лишь притчами, так что вполне возможно, что мы все видели, но ничего из этого не смогли понять! Ученики его по-прежнему остаются едины и ничего не раскрывают женщинам: вот почему Мария Магдалина рассталась с ними и вернулась к себе в Магдалу. Мне известно лишь, что семеро из них, отправившись на рыбалку несколько дней тому назад, наловили столько рыбы, что их сети едва не лопнули. При этом утверждали, будто над ними был виден свет, но они не пожелали объяснить, что же с ними произошло.

— Меня удивляет, что неотесанные рыбаки обошлись подобным образом с Магдалиной, и это после того, как она пожертвовала часть своего имущества на его дело. Они могли бы рассказать о происходящем такой высокопоставленной особе, как ты, хотя бы из чувства признательности — ведь их перестали преследовать лишь благодаря твоему вмешательству.

— Это совершенно неблагодарные люди,— подтвердила Жанна и тут же уточнила:— Возможно, они вынуждены хранить от других доверенную им тайну. Однако по какой причине Иисус выбрал именно этих людей?

Клавдия Прокула поспешила добавить:

— Мое положение супруги прокуратора Иудеи настолько высоко, что эти неотесанные рыбаки должны были бы, преклоняясь предо мной, немедленно сообщить моему Учителю о том, что я желаю его видеть; в таком случае они могли бы рассчитывать на мою тайную поддержку.

Дольше я не мог сдерживаться.

— О Клавдия, я вижу, что ты совершенно не разбираешься в сути его царства!— вмешался я в разговор.— Иисус из Назарета

вовсе не ангел или целитель! Можешь ли ты наконец понять, что он — Сын Бога?

— Кажется, ты сам начинаешь забывать, что я принадлежу к роду императора и что он не раз разделял со мной трапезу во времена, когда я жила в Риме?— обиженно возразила мне Клавдия Прокула.

Жанна подала мне знак, словно желая о чем-то предупредить.

— Я всего лишь женщина, а женщины, по закону Бога Израиля, не имеют души, но Иисус все равно позволял им следовать за собой,— продолжала она.— Скажу тебе лишь то, что предчувствует мое сердце и о чем твердит мой разум: его ученики, не переставая, спорят о том, где и когда будет создано царство Израиля, а между тем Израиль отвернулся от Иисуса и согласился с тем, чтобы его кровь пала на всех его сыновей! И меня одолевают сомнения: может ли народ Израиля по-прежнему оставаться богоизбранным народом?

Эта бесполезная дискуссия начала меня утомлять.

— Как бы там ни было, мы должны предпринять какие-то действия, чтобы встретиться с ним. Что именно?— нетерпеливо вмешался я.

— Надо ждать!— ответила Жанна.— Хотя я столько ждала, а ничего не произошло! Мсжет, теперь он позабыл о женщинах! То, что ты, прибыв сюда, заболел и не можешь продолжать искать его, тоже меня настораживает.

— Однако теперь я почти совсем выздоровел и могу отправиться в лодке или на носилках куда захочу!— воскликнул я.— Все же, что-то меня удерживает на месте, потому что мне не хотелось бы насильно изменять ход событий, да и кто смог бы применить силу по отношению к Иисусу! Он является лишь тем, к кому испытывает любовь, поэтому я признаю, что я недостойн его лицезреть.

— Твоя бездеятельность просто несносна!— съехидничала Клавдия Прокула.— Лично я жажду увидеть его, потому что знаю: никакие купания не излечат меня от бессонницы! О, была бы я мужчиной, я знала бы, что делать! Да только я не могу просто так пренебречь своим положением в обществе!

— Почему бы тебе не съездить в Магдалу, чтобы повидаться с Марией?— подумав предложила мне, Жанна.— Положение, ко-

торое занимает мой супруг, не дает мне возможности отправиться к ней: тебе должно быть известно, что она пользуется дурной репутацией и что мы даже тайком не можем устроить Клавдии встречу с ней здесь. Тебе же ничто не мешает отправиться к ней за советом. Передай, что я вовсе не стыжусь ее общества, точно так же, как было тогда, когда мы шли за ним, однако теперь вынуждена считаться с положением мужа при дворе. Возможно, будучи мужчиной, ты не поймешь этих тонкостей, но женщина поймет их непременно.

Видя мои колебания, она хитровато улыбнулась и добавила:

— Ты — молодой римлянин, и тебе присуща жгучая тяга к жизни. Можешь появиться у нее в любое время — это никого не удивит! Даже если она полностью изменила образ жизни, в Галилее еще помнят, что некогда в нее вселились семеро дьяволов.

Уверенный, что не смогу извлечь никакой пользы из этих бабских ссор, я обещал подумать. Мы еще поболтали о том, о сем, и Клавдия Прокула предложила мне сопровождать ее на городской ипподром, как только она почувствует улучшение здоровья. Ирод Антипас гордился построенным им ипподромом, городом и театром, а Клавдия Прокула считала необходимым соблюдать этикет, которому обязывает ее положение, хотя бы из уважения к гостеприимным хозяевам. После того как мы принесли взаимную клятву предупредить друг друга в случае, если станет известно что-нибудь об Иисусе, она позволила мне удалиться. Кроме того, она пообещала пригласить меня в один из вечеров на ужин.

Возвращаясь к себе в гостиницу, я заметил одного сидонского купца, сидевшего в тени портика перед разложенными тканями. Остановившись, я выбрал шитый золотыми нитями шелковый платок и сразу же отослал его Клавдии Прокуле в подарок.

Ожидавшая меня с нетерпением Мария из Беерота, вероятно, заметила, как я разговаривал с сидонийцем. Возможно, ей показалось, что я купил ей какую-то безделицу, потому что чуть погодя она принялась мне надоедать.

— Вижу, когда тебе захочется, ты можешь держаться на ногах. Только при этом оставляешь меня в запертой комнате с зашторенными окнами, словно стыдишься моего общества, хотя здесь никто не знает обо мне ничего, кроме той самоотверженнос-

ти, с которой я заботилась о тебе, когда ты был на пороге смерти. А мне тоже хотелось бы взглянуть на мир и прогуляться с подружками по красивому саду, послушать музыку и походить под зонтиком по берегу озера. Но ты думаешь только о собственных удовольствиях!

Вспомнив о воодушевлении, жившем в нас перед отъездом из Иерусалима, и о том, как оно постепенно улетучивалось, я почувствовал глубокую горечь. Даже Клавдия Прокула говорила об Иисусе иначе, чем в те трудные дни, когда надо всеми тяготела вина в его смерти, а ее спутница Жанна перестала быть той самой Жанной, которая шла вслед за Учителем, не заботясь ни о своем домашнем очаге, ни о высоком положении мужа. Все здесь, у мраморных портиков и розариев, при завораживающем звучании флейт среди зарослей мирры и в запахе серы, исходившем от термий, вновь обрело свой обычный образ, не оставив места для неземного.

— Разве ты уже забыла о цели нашего путешествия, Мария из Беерота?

— Я помню о ней лучше тебя и с нетерпением жду вестей от Натана и Сусанны, думая лишь о них. Только почему во время этого ожидания я не могу увидеть то, что ново для меня?

— Все, что ты видишь здесь, принадлежит земному миру,— возразил я.— От всего этого быстро устаешь, и я пожертвовал бы им ради того, чтобы хоть издали увидеть воскресшего Бога!

— Конечно, и я тоже,— радостно воскликнула Мария.— Но почему бы нам не отвлечься на время ожидания? Сейчас я похожа на бедную крестьянку, в первый раз оказавшуюся в городе и попавшую в лавку игрушек сирийского купца; я не настолько глупа, чтобы подумать, будто все эти игрушки станут моими, но почему я не могу на них посмотреть и прикоснуться к ним?

Я никак не мог ее понять, ее упорство мне надоело.

— Пусть будет так, как ты хочешь,— раздраженно заявил я, надеясь отделаться от нее.— Завтра я найму лодку, и мы отправимся в Магдалу. Мне сказали, что хозяйка голубятен рассталась со своими спутниками и вернулась к себе домой. Мы побываем у нее.

Этот план почему-то не понравился Марии из Беерота.

— Магдалина — весьма раздражительная женщина,— недовольно сказала она.— Я, конечно, вынуждена признать, что она была единственной, кто по-доброму обращался со мной и разговаривал, как с человеком, именно она помогла мне поверить в царствие Иисуса, однако я опасуюсь ее.

— Почему?— удивился я.— Разве не она поставила тебя на моем пути у старой стены и подсказала тебе слова, которые ты тогда говорила?

— Она может потребовать от меня то, что теперь, находясь под твоим покровительством, я не в состоянии сделать,— пояснила Мария.— У нее сила воли крепче, чем у меня, и я могу растеряться, если она начнет мне приказывать.

— Что же она, по-твоему, может тебе приказать?

— Теперь она одевается во все черное и может потребовать, чтобы я сняла эти красивые одежды, подаренные тобой, и оделась в рубище; или же может захотеть, чтобы я рассталась с тобой, поскольку ты меня уже доставил в Галилею, а этого я боюсь больше всего.

— Чего же ты хочешь от меня, Мария из Беерота?— со злостью воскликнул я.

— Я ничего не хочу!— тоже разозлившись, отвечала она и, сделав горделивое движение, добавила:— Что ты себе вообразил? Мне ничего не надо кроме того, чтобы изо дня в день быть рядом с тобой. Совсем не так давно, когда ты лежал в огне горячки и я смачивала твои пересохшие губы, все было намного проще: ты упрашивал меня, чтобы я приложила руку к твоему лбу, ты хотел, чтобы моя рука всю ночь оставалась в твоей. Эти дни были самыми лучшими в моей жизни, и я мечтала, чтобы они продлились подольше! Однако мы, конечно же, поступим так, как ты решил, а не так, как мне хочется.

Я понял, что момент нашего расставания уже близок и что чем дольше она будет оставаться со мной, тем больше будет пытаться привязать меня к себе. Я мог привыкнуть к ее обществу. Точно так же, как человек, который, не подумав, покупает себе раба или собаку, рискует оказаться в итоге полностью зависимым от раба или собаки.

Поэтому наавтра я нанял лодку с двумя гребцами, и по пляшу-

щим волнам Галилейского моря мы отправились в сторону Магдалы. Чтобы привыкнуть к местному диалекту, я вступил в разговор с гребцами. В ответах этих суровых людей слышалась какая-то злоба; пока мы шли вдоль берега Тивериады, они чувствовали себя не совсем в своей тарелке, очевидно, смущенные греческой красотой нового города, построенного князем Иродом Антипасом за огромные средства менее двадцати лет тому назад. Чтобы поскорее выйти в открытое море, они подняли парус, однако ветер был переменчив, и им пришлось опять сесть за весла.

Мне вспомнилось, что где-то по этим водам ходил Иисус из Назарета, однако под искрящимися лучами солнца, при виде серовато-синих гор на противоположном берегу, на вздымаемых свежим ветром волнах эта история казалась невероятной. У меня возникло тягостное ощущение, что я гоняюсь за миражем, за сном, за сказкой, придуманной для суеверных рыбаков. Мне казалось, что с тех пор как я был в Иерусалиме, прошло бесконечно долгое время, словно назаретянина никогда не было на земле. Желая ощутить настоящую реальность происходившего, я спросил у гребцов:

— Вам приходилось видеть Иисуса из Назарета, когда он разговаривал с людьми на берегу этого озера?

Рыбаки обменялись взглядами и осушили весла.

— Почему ты интересуешься этим, о чужестранец?— с видимым испугом спросили они.

— Я как раз был в Иерусалиме, когда его распяли; и по моему мнению, он не заслуживал такой ужасной смерти,— ответил я.

— Между тем в этом нет ничего удивительного, потому что он был родом из Галилеи, а жители Иерусалима недолюбливают нас. Все произошло по его собственной вине, потому что он отдал себя в руки жадным священникам и лицемерным фарисеям.

— Так вы видели его?— переспросил я.

Не зная, что ответить, они опять обменялись взглядами, однако национальная гордость все же восторжествовала.

— Конечно, видели и не один раз!— воскликнули они.— Однажды, когда послушать его проповеди пришло пять тысяч человек, он накормил всех пятью ржаными хлебами и двумя рыбами, а после

этого набралось еще двенадцать корзин недоеденной пищи. Вот каким он был!

— А что он говорил? Вы помните то, чему он учил?— с жадностью забросал я их вопросами.

Однако, пребывая в страхе, они ответили:

— Нам, простым людям, не следует повторять его слова, если мы не хотим навлечь на себя гнев властей предрежащих.

— Поведайте мне хоть что-то из того, что вы помните!— настаивала я.— Я всего лишь путешественник, чужестранец, находящийся здесь на водах, и не стану передавать того, что вы мне расскажете.

— Только не забывай, что это не наши, а его слова!— отвечали они. И принялись хором декламировать:— Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах... Никому не дано служить двум господам сразу... Не скорбите... Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в царство Божие...

Создавалось такое впечатление, что они уже не в первый раз размышляют над словами назаретянина, пытаясь их применить к тому, что вызывало их собственный интерес и что их лично заботило. Когда они смотрели на мои роскошные одежды и на подушки, на которых я восседал, в их глазах можно было прочесть скрытую радость от того, что меня поджидает несчастье.

— А что вы еще можете рассказать о нем?— спросил я, прерывая наступившее молчание.

— Он был превосходным рыбаком: когда остальные рыбачили целую ночь напрасно, ему удавалось найти целый косяк рыбы. Еще он умел умирять бури и за короткое время укрощал разбушевавшиеся волны. Рассказывали, что он исцелял больных, однако нас это не интересовало, потому что на здоровье мы не жалеемся.

Больше мне ничего не удалось узнать, несмотря на все дальнейшие расспросы, которые лишь стали вызывать у них подозрение.

— В Иерусалиме говорили, будто он воскрес и вернулся в Галилею,— наконец сказал я.— Вам известно об этом?

Услышав эти слова, они принялись грести с особым усердием, словно желая, чтобы наше плавание поскорее подошло к концу.

— Все это сплетни старух!— через какое-то время проворчали они.— Мертвый человек не может воскреснуть, а он был таким же человеком, как мы, с одной лишь разницей: умел говорить проповеди и творить чудеса. Каким бы краснобаем ты не был, а не заставишь нас угодить в твою ловушку!

Совершенно очевидно, они не собирались продолжать дальше наш разговор.

— Это все рассказы жителей Капернаума. А мы — рыбаки из Тивериады.

Магдала — большая рыбацкая деревня с несколькими тысячами жителей. Еще издали до нас донесся витавший над водой запах сушеной рыбы. Когда гребцы, спрыгнув в воду, подвели лодку к берегу, я рассчитался с ними и позволил вернуться домой. Лишь после того как я, опираясь на трость, при помощи Марии добрался до другого конца селения, я позволил девушке спросить, где находился дом Марии Магдалины, и так как все здесь хорошо ее знали, нам сразу же указали на ряд больших строений, стоявших на окраине деревни, у долины, где летало множество голубей. Видя, что я хромаю, возвращавшийся в родную деревню огородник любезно предложил мне своего осла. Когда я назвал имя Марии, он понимающе улыбнулся.

— Она умная и очень богатая женщина,— сказал он.— Многие отлавливают для нее голубей, которых она затем откармливает для храма. У нее еще есть сад, и она участвует в продаже сушеной рыбы. Обычно она где-то путешествует, однако, недавно опять вернулась домой.

Эту поездку я предпринял, не возлагая на нее больших надежд, однако, приближаясь к дому Марии Магдалины верхом на осле, навьюченном пустыми корзинами из-под овощей, я почувствовал прилив неожиданной тоски и жгучего желания опять увидеть ее белое лицо. Я помнил ее такой, какой видел в доме Лазаря, и как мне казалось, еще ни одна женщина не заставляла меня так тосковать. Шагавший рядом владелец осла уставился на меня.

— Похоже, с тобой происходит то же самое, что и с остальны-

ми!— заметил он.— Чем ближе человек подъезжает к этому дому, тем скорее ему хочется ее увидеть. У меня нет желания подходить к нему ближе, так что прости меня, если я оставлю вас на этом перекрестке.

Подгоняя своего осла, он старался убраться отсюда как можно быстрее, а Мария из Беерота тяжело вздохнула.

— Все это плохо кончится,— заявила она.— Давай вернемся обратно! Моим глазам, несмотря на вуаль, больно от солнечного света, я вся покрылась потом и едва дышу.

Но я смело ступил во двор и увидел там одетую во все черное женщину, которая кормила летавших вокруг и садившихся ей на руки голубей. Заметив нас, она разбросала зерна, приподнялась и, прикрыв лицо, пошла навстречу. Удивившись нашему появлению, она радостно приветствовала нас.

— Я чувствовала, что кто-то должен был прийти, однако не думала, что это могут быть римлянин Марк и Мария из Беерота,— произнесла она.

— Да пребудет мир с тобой, Мария из Магдалы!— приветствовал я ее.

С огромной радостью и ощущением счастья я смотрел в ее бледное, испещренное морщинами лицо, я готов был броситься на землю и обнять ее колени.

Она хлопнула в ладони, чтобы разогнать порхавших вокруг нас голубей, и через двор провела в сад, где стоял дом; она пригласила нас войти. Прежде всего она сходила за водой, а затем опустилась передо мной на колени, чтобы омыть мне ноги, несмотря на мои возражения, прикосновение ее рук к моей омертвевшей ступне принесло приятное облегчение. Она также вымыла ноги пытавшейся защищаться Марии, которая старалась сдержать смехом, прикрывая рот ладонью. Дав нам напиток свежей воды из источника, она отослала Марию:

— Сходи осмотри голубятни, дом и все, что захочешь, только не мешай нам, маленькая глупышка! Девушка, явно обрадованная тем, что ей не придется оставаться в ее обществе, выбежала прочь. Проводив ее взглядом, она покачала головой.

— Что ты сделал с этой девчонкой?— спросила она.— Зачем ты нарядил ее в эти разноцветные одежды? Мне показалось, что

ее глазами смотрит сам демон, тогда как в Иерусалиме она была само смирение и раскаяние.

— Я вовсе не собирался причинить ей зло и даже не прикоснулся к ней, если ты это имеешь в виду!— ответил я.— Когда у меня случилось заражение ступни в Тивериаде, она заботилась обо мне.

— Сколько раз благие намерения мужчины причиняли женщине такое зло, что ему трудно себе представить! Ты не в состоянии заниматься воспитанием этой девушки, тебе лучше с ней расстаться.

Я возразил:

— Она ищет путь к Иисусу из Назарета так же, как и я.

И тогда я облегчил свою душу, рассказав Магдалине о том, как мы выехали из Иерусалима, как нас покинули Натан и Сусанна и как я повстречал Жанну в компании Клавдии Прокулы в летнем дворце Тивериады. Во время рассказа она не раз покачивала головой, а на ее губах можно было видеть ухмылку.

— Я знаю Сусанну и заносчивую Жанну,— сказала она.— Видимо, пелена застилала мои глаза, когда мы, словно сестры, шли рядом; я не видела никого, кроме Иисуса! Ты знаком с его учениками, и знаешь, какие они и как ревниво хранят тайну царства; думаю, что материал, из которого Иисус хотел создать свое царство, удивляет тебя не меньше моего. Мне надоели женское упрямство и ревность этих людей, и я вернулась домой, чтобы здесь дожидаться последующих событий. Мне известно, что он прибыл в Галилею прежде нас, однако меня совершенно не удивит, если он не пожелает никого видеть,— ведь он может испытывать в нас такое же разочарование, как и мы друг в друге. Итак, я предоставила рыбакам возможность ловить свою рыбу, а мать Иисуса вернулась в Назарет.

С огорченным видом, раскачиваясь всем телом, она сложила вместе руки.

— Почему я — всего навсего человек?— жалобно промолвила она.— Почему с тех пор как его не стало, мое сердце затвердело? О, несчастная! Во мне больше нет достаточной веры в него, и его царство становится от меня все дальше!

Она осмотрелась вокруг полным ужаса взглядом, словно ей привиделось что-то страшное.

— Он был светом в этом мире!— продолжала она.— С тех пор как его больше нет, я пребываю во мраке даже при свете солнечного дня. Я боюсь, чтобы мной опять не овладели демоны, ибо тогда мне лучше не жить и повеситься! Я и так уже вся исстрада-лась!

Ее горе было для меня, словно камень на сердце, и я попытался утешить ее, поведав о том, что, со слов Жанны, Иисус однажды утром уже являлся ученикам, когда они рыбачили.

— Мне рассказывали об этом, однако, вполне возможно, этим мужланам для полного счастья хватило пойманных ста пятидесяти больших рыбин! Их сеть была так тяжела, что им пришлось тащить ее за лодкой до самого берега, чтобы она не прорвалась. Но если они видели Учителя, то почему ничего не сказали, чтобы утешить меня?

Мне показалось, что в ее душе затаилась злоба и ревность из-за того, что, появившись в Галилее, Иисус прежде предстал перед учениками, а не перед ней!

Ее чувства были мне понятны: разве не она первой в то утро пришла к могиле? И разве не ей первой назаретянин явился после своего воскресения?

— Не давай отчаянью победить себя, Мария из Магдалы! Если он вернулся в Галилею, значит его царство близко! Возможно, для меня в нем не окажется места, вероятно, он отторгнет меня, как и своих учеников, но я уверен, что ты еще увидишь его в этих краях!

Она посмотрела на меня своими темно-кариыми глазами и сказала:

— Я получаю утешение от тебя, римлянина, в то время как мои ближние отказали мне в нем!

Ее лицо осветилось, словно на ярком солнце, несмотря на то что мы находились в доме; она прикоснулась к моей руке, и я ощутил необычную силу, исходившую от этого прикосновения.

— Неужели ты настолько веришь в него?— спросила она.— Я тоже, однако мой мятежный дух не дает мне относиться с должным уважением к избранным им людям; я — скверная и недостойная женщина, которая не в состоянии исполнить его волю. О римлянин, научи меня смирению!

— Мне больше хотелось бы узнать, считаешь ли ты, что он

примет меня в своем царстве, несмотря на то что я — римлянин?— озабоченно поинтересовался я.

Тогда она заговорила тем же презрительным тоном, что и Жанна.

— Ученики все еще ждут, что он построит царство Израиля. Для меня же он — свет для всего мира. Если ты веришь в то, что он — Христос, то почему он должен тебя отвергать? Его царство — это вечная жизнь, а не земля, по которой мы ходим!

От этих слов сердце дрогнуло у меня в груди.

— А что такое вечная жизнь?— спросил я.

Магдалина покачала головой.

— Я не в состоянии тебе это объяснить,— ответила она.— Думаю, это известно лишь ему одному. Когда он был с нами, то ничего об этом не рассказывал, а лишь объяснял, как человек должен жить, чтобы быть достойным войти в его царство. Я не настолько смиренна и невинна, чтобы надеяться на вечную жизнь; мне лишь известно, что она в нем и вместе с ним, и этого мне достаточно.

Прежде чем продолжить разговор, я немного подумал.

— И как же мне следует жить?— спросил я.— Разве смирения и кротости для этого достаточно?

— Люби своего ближнего, как самого себя,— в задумчивости ответила Мария.— Поступай с другими так, как тебе хочется, чтобы они поступали с тобой.

Неожиданно она закрыла лицо руками и расплакалась.

— Как я, предавшая его учение, могу научить тебя? Когда он был среди нас, мы все были как сестры и братья, однако, как только он нас покинул, мне хватило нескольких дней, чтобы начать ненавидеть своих братьев и сестер. Возможно, это он прислал тебя ко мне, чтобы показать насколько я зла и ничтожна.

Она быстро склонилась и приложила руку к моей заживающей ране.

— Помилуй эту грешницу, Иисус Христос, Сын Божий!— вслух взмолилась она.— Если ты смилостивился надо мной, пусть эта нога заживет так, словно на ней никогда ничего не было!

Она подняла глаза, убрала руку и, сдерживая дыхание, заглянула мне в лицо.

— Пусть это будет знаком его согласия: отставь трость и про-
йдишь!

Я поднялся и, отставив в сторону трость, сделал несколько шагов. Хромота покинула меня, не ощущалось никакой боли! Пораженный, я опять сел на прежнее место.

— Это знак, который ты хотела получить!— воскликнул я.— Однако я и так верю в него и не нуждаюсь ни в каких знамениях! По правде говоря, в том месте, где греческий врач сделал надрез скальпелем, моя нога уже зажила и затянулась новой кожей, так что я хромал лишь по привычке, потому что врач неоднократно настаивал на том, чтобы я ходил с большой осторожностью.

Тогда Магдалина подняла мою трость и спросила с улыбкой на губах:

— Может, мне отказаться от своей прежней молитвы и попросить его, чтобы ты опять захромал?

— Думаю, что тебе удалось бы сделать меня калекой до конца моих дней, если бы ты обратилась к нему с подобной просьбой!

Мария в ужасе осмотрелась вокруг, словно застигнутая врасплох за совершением какого-то скверного поступка.

— Нет, нет! Если взывать к его имени с целью навредить кому-то, можно навредить лишь самому себе. Его именем можно лишь благословлять, а проклинать — никогда!

От появившейся улыбки она вся изменилась и, глядя на что-то, чего я не мог видеть, погружившись в собственные мысли, принялась сгибать трость в руках. На моих, полных удивления глазах вырезанная из дуба трость слегка согнулась, словно стебель камыша. Я стоял как зачарованный, не веря собственным глазам, пока она, почувствовав на себе мой взгляд, не очулась и в свою очередь не посмотрела на меня.

— Что случилось?— спросила она, перестав сгибать трость.

Машинально я взмахнул руками, словно желая ее о чем-то предупредить, а мои губы сами произнесли:

— Согни снова эту трость.

Мария попыталась это сделать, но несмотря на всю прикладываемую силу, трость ни капельки не поддавалась. Тогда я тоже схватил ее: это была крепкая, негнущаяся трость, на которую я

прежде опирался всем весом своего тела. Погрузившись в собственные мысли, Мария даже не обратила внимание на то, что делали ее руки. Я ничего не сказал, но в голове у меня промелькнула мысль: вероятно, это был поданный назаретянином знак, потому что я усомнился в том, что нога зажила при его помощи. Не знаю, почему так случилось, ведь я, действительно, не нуждался ни в каких знамениях. В мою душу опять вселилась надежда.

Мне даже в голову не пришло, что дерево могло быть согнуто с помощью какого-то колдовства, и я не испытал никакого помутнения разума, как это бывает, когда колдун принимается за свое дело; наоборот, мой разум был совершенно ясен и чист, чувствовал себя при этом превосходно.

— О Мария, какая ты счастливая женщина!— воскликнул я.— Отвергни всякие сомнения: он по-прежнему остался твоим Господом, и когда ты взываешь к нему, он приходит, даже если ты его при этом не видишь. Ты действительно благословенна.

Выходя из дома, мы оба ощущали новый прилив надежды. Магдалина показала мне свой сад и голубятни, рассказала о том, как ловят птиц в долине, и о том, что, будучи еще ребенком, сама взбиралась на высокие кручи, не испытывая ни страха, ни головокружения перед бездонными пропастями.

Мы вошли в ее жилые комнаты, в которых было полным-полно дорогой мебели и пышных ковров, и она рассказала, что со времени своего избавления от демонов, разбила все греческие вазы и скульптуры, потому что закон Израиля воспрещает изображать людей или животных. Затем она перешла к рассказу о том, как Иисус, часто пребывая в размышлениях, брал в руки ветку и принимался что-то рисовать на земле, однако сразу же после этого стирал свои рисунки ногами, и ни ей, ни кому-нибудь другому не удавалось их увидеть. Пока мы осматривали ее просторное жилье, она рассказывала другие забавные истории о назаретянине. Затем приказала слугам накрыть стол, однако отказалась сесть рядом со мной.

— Позволь мне следовать обычаям моей страны и прислуживать тебе за трапезой,— сказала она.

Потом она позвала на помощь Марию из Беерота и приказала ей слить мне на руки воду для омовения, показывая, как следу-

ет прислуживать за столом. Она сама налила мне нежного галилейского вина, которое ударяет в голову со скоростью налетевшего ветра. После нескольких соленых и сладких блюд, она подала на стол жареную рыбу, а затем — голубей, приправленных розмариновым соусом, и мне показалось, что никогда в жизни мне еще не приходилось есть чего-то более вкусного.

Когда я наелся, Мария села на корточки у моих ног и, пригласив другую Марию последовать ее примеру, принялась есть сама. Ее лицо освещала прекрасная улыбка, взгляд был умиротворенным. Сквозь пелену опьянения мне казалось, что она была самой красивой и привлекательной в своем краю женщиной. Похоже, Марию из Беерота тоже пленило ее очарование, и она осмелилась заметить:

— О Мария Магдалина, когда ты так улыбаешься, я действительно начинаю верить в то, что сюда приезжают мужчины из Дамаска и Александрии, жаждущие взглянуть на тебя, и что ты построила этот красивый дом и купила превосходную мебель на их деньги. Научи меня, как добиться того, чтобы получать от мужчин столь великолепные подарки?

На лице Магдалины появилась печаль.

— Не спрашивай меня об этом,— тихо произнесла она.— Ни одной женщине не дано обучить этому других; это удастся лишь тем, в кого вселился один или несколько демонов. Демон одновременно пожирает и мучает эту женщину, у нее возникает чувство, будто у нее на шее постоянно затянута петля; ее никогда и ничто не удовлетворяет, ничто не приносит ей радости, она ненавидит самое себя еще больше, чем остальных людей и весь мир.

Недоверчиво взглянув на нее, Мария из Беерота потупилась.

— Возможно, ты права,— сказала она.— Только я все же предпочла бы демона, чтобы восхищать мужчин.

Мария из Магдалы ударила ее по губам.

— Замолчи, глупая девчонка, ты не понимаешь, что несешь!— в ярости воскликнула она.

Испугавшись, девушка заплакала, а Магдалина, тяжело дыша, принялась обрызгивать все вокруг себя водой, приговаривая:

— Не стану просить у тебя прощения за то, что ударила, потому что сделала это не со зла, а для твоего же блага. Если я скажу

столь же неразумные слова, пусть со мной поступят точно так же! Знай же, что демон может заставить тебя жить в гробнице и питаться падалью, и ни одна цепь, ни один даже самый сильный человек не смогут тебя удержать, когда демон начинает овладевать тобой, и трудно сказать, которые из демонов хуже: те, что терзают твоё тело, или те, что опустошают душу, до тех пор пока не отнимут её вовсе. Своими словами ты ранила меня, но я не в обиде, возможно, следовало напомнить мне о прошлом: под моей личиной жил лишь обескровленный скелет, и через меня демоны привели многих людей к гибели. Слова нашей молитвы должны быть следующими: «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого!», а ты в душе произнесла: «Введи меня в искушение и приведи к лукавому!» Об этом говорят твои глаза, уста и ноги, которыми ты с нетерпением постукиваешь по полу. Неужели ты забыла ту девушку, что в Иерусалиме обещала довольствоваться всю свою жизнь соленой рыбой и ломтем ржаного хлеба, если ей удастся избавиться от бедности! Именно поэтому я поставила тебя на пути этого римлянина, но вместо того чтобы с потупленным взором благодарить его, ты пытаешься поймать его в свои сети!

Напуганная Мария из Беерота, плакала, не смея поднять на меня глаз. В душе я испытывал жалость к ней. Но Магдалина продолжала с насупленными бровями:

— Подумай, чего ты хочешь достичь в жизни. Реши, чего ты хочешь: искушения, греха и злобы, которые приведут тебя к гибели, или же тебя устроит простая жизнь?

Девушка подняла голову.

— Я уже говорила, что желаю получить прощение за свои грехи, очиститься, чтобы снова стать девственницей,— поспешила ответить она.— И не заставляй меня рассказывать о том, что я хотела бы получить после этого. Но разве мое желание не могло бы исполниться, если бы я стала страстно молиться?

— Я понимаю тебя лучше, чем тебе кажется, и могу прочесть все твои наивные мысли. Прислушайся же к тому, что я тебе скажу, потому что мой опыт больше твоего:ними эти разноцветные одежды и украшения и побудь пока у меня. Я требую этого от тебя ради твоего же блага. Я научу тебя ловить голубей, и из твоей

головы исчезнут дурные мысли. И если Иисус из Назарета явится мне, возможно, тогда он сжалится и над тобой.

Однако юная Мария разрыдалась горькими слезами и воскликнула, упав к моим ногам:

— Это то, чего я боялась! Не оставляй меня в руках этой женщины! Она превратит меня в свою служанку или продаст, как рабыню! О ней ходят ужасные слухи — я знаю, что говорю!

Тогда Мария из Магдалы, покачав головой, прибавила:

— Если бы у тебя было побольше опыта, ты бы поняла, что тебе на какое-то время нужно расстаться с Марком, иначе ты надоешь римлянину, и он может вовсе бросить тебя. И потом: откуда тебе известно, что поживя со мной, ты не научишься быть более привлекательной в его глазах?

Понимая, что Мария прикладывала все усилия, чтобы избавить меня от обузы, я издал вздох облегчения. Вцепившись в колени моих ног, девушка обильно орошала слезами полы моего плаща, однако постепенно она успокоилась, смирившись с судьбой. Тогда Мария приказала ей пойти умыться и переодеться.

— Я в ответственности за это дитя,— сказала она, когда та вышла.— Она еще настолько молода, что ее душа одинаково открыта как для добра, так и для зла, а перебороть подобное искушение не под силу даже взрослому мужчине, и то, что ты устоял, говорит в твою пользу. В своей простоте она совершенный ребенок, и тебе, вместо того чтобы оскорблять ее, лучше было бы повесить на шею мельничный жернов и утопиться в море.

— Я вовсе не собирался нанести ей подобное оскорбление!— почувствовав обиду, возразил я.— Наоборот, в своей наивности она сделала все возможное, чтобы меня соблазнить! Кстати, если бы не болезнь, возможно я овладел бы ею, когда Сусанна и Натан покинули меня. Однако так даже лучше, так что займись ею, чтобы я смог свободно взяться за поиски назаретянина.

— Не думаю, чтобы Сусанна могла тебя покинуть; мне кажется, она находится в Капернауме и, как и остальные женщины, не знает, что ей делать, потому что ровно ничего не происходит. Однако позволь мне задать тебе один вопрос: чего ты ждешь от жизни, о Марк Мецентий?

При этих словах я вспомнил о своем прошлом, и мне стало стыдно.

— Мне очень повезло!— стал рассказывать я.— Еще в юности я изучил в Антиохии многие языки, а затем в Родосе занимался риторикой. Все, к чему я стремился,— это получить должность секретаря при каком-нибудь проконсуле в странах Ближнего Востока либо зарабатывать себе на жизнь в качестве философа при необразованном, но очень богатом римлянине. Если говорить честно, в Риме я испытал некоторое разочарование из-за того, что меня не приняли в кавалерию, хотя вовсе не собирался стать военным. Некоторое время спустя я получил наследство, дающее мне право носить золотое кольцо на мизинце, но даже в тот период это не имело для меня большого значения; я ношу кольцо в кошельке. Вскоре я понял, что все это не обладает никакой ценностью, потому что теперь я мог легко получить все, чего так желал. В то время я жил ослепленный некой страстью, и однажды мне пришлось покинуть Рим, чтобы не угодить в руки убийц.

Что я хотел бы получить от жизни? Для ответа я могу лишь задать сам себе следующий вопрос: какая сила заставила меня выехать из Александрии в Иерусалим и толкнула к кресту иудейского царя в момент, когда мрак окутал землю?

Когда я достиг возраста зрелого мужчины, по капризу судьбы у меня появилась возможность иметь все: дружбу, благосклонность, удовольствия. Я мог бы добиться даже власти, однако жажда ее была мне чужда. Вскоре меня постигло горькое разочарование: безмерно вкусив удовольствий, я почувствовал себя совершенно разбитым и надломленным. Я понял, что совсем не желаю закончить свои дни в Риме в образе истощенного удовольствиями старика, бесконечно повторяющего одни и те же мысли и рассказывающего одни и те же истории, которые своей пошлостью уже ни у кого не могут вызвать смеха. Кроме того, я знаю, что меня ждет, если я вернусь в Рим, где, как ты знаешь, рано или поздно, произойдет государственный переворот. Когда наступит час расплаты, я не смогу оставаться в стороне, потому что, относясь с уважением к гению императора, я начисто отказываюсь принимать участие в махинациях человека плебейского происхождения, жаж-

дущего крови. Так что мне лучше стать смиренным и кротким душой.

— А чего ты хочешь от Иисуса из Назарета?— опять спросила Мария.

— Я предчувствовал наступление его царства, потому что оно — не плод поэтической фантазии, как ад у Вергилия, а часть реальной жизни, и если хорошо поразмыслить, его реалии неразрывно связаны с самой жизнью. О Мария, я так счастлив жить в эти дни и знать, что он находится сейчас в Галилее! От него я не жду ничего большего, чем он даст мне сам, потому что его царство ново, необычно и я не в состоянии его себе представить; от самого сотворения мира на земле создавались великие царства, включая империю Александра Великого, которые затем рушились; я считаю, что один лишь Рим способен устоять, и даже по этой причине его царство не может быть земным.

Наш разговор продолжался вплоть до появления Марии из Беерота, которая, умывшись, сделала себе гладкую прическу. В белом плаще и без обуви она казалась такой юной и была так трогательна, что меня охватила волна нежности, заставив позабыть обо всем плохом, что я думал о ней. Чтобы наше расставание не было слишком тягостным, я решил в тот же день вернуться в Тивериаду. Магдалина пообещала дать мне знать, если произойдет что-то важное, и попросила передать при встрече привет Жанне и Клавдии Прокуле.

До деревни я дошел, не испытывая никакой боли, и даже подумывал о том, чтобы добраться до Тивериады и ее термий пешком вдоль берега. Однако я встретил гребцов, которые привезли нас сюда, они определенно дожидались моего возвращения, поскольку я хорошо заплатил им.

Небо покрылось тучами, а поднявшийся ветер гнал крутые волны. Гребцы задрали головы и наблюдали за тучами, собравшимися над голубиной долиной и горами.

— Галилейское море очень переменчиво,— сообщили они.— Порывы ветра могут накренить лодку и залить ее водой. Умеешь ли ты плавать, господин?

Я рассказал им историю о том, как во времена своей молодости выиграл пари: я проплыл от Родоса до континента, не бо-

ясь морских течений. Правда, при этом за мной плыл корабль, и я не боялся утонуть. Но еще больше самого спора меня подзадоривала привлекательность одной девушки, которая обещала в случае победы одеть на мою голову венок, что заставило меня плыть из последних сил; однако выбравшись на берег, я уже не испытывал никакого влечения к этой девушке!

Я устроился на подушках на корме лодки, а гребцы, подоткнув плащи до пояса, столкнули ее на воду и взялись за весла. Я почувствовал, что им была известна цель моей поездки. Да и разве можно что-нибудь скрыть в рыбацкой деревне, где все знают друг друга и пристально наблюдают за пришельцами? Отсутствие Марии из Беерота их ничуть не удивило, и они с улыбкой обменялись несколькими шутками по этому поводу.

— Что вы хотите сказать?— раздраженно спросил я.

— Ничего плохого!— ответили они.— Совершенно ничего! Мы всего лишь обратили внимание на то, что охотница за голубями вернулась к своим старым привычкам. Сколько она тебе заплатила за девушку?

Я, конечно же, не был обязан давать им никакого отчета, однако то, что они говорили о Магдалине, вызвало у меня ярость.

— Она приняла ее в свой дом, чтобы обучить своему ремеслу!— выкрикнул я.

Это их весьма рассмешило.

— Конечно, никто не сомневается в том, что она обучит ее своему ремеслу!— воскликнули они.— Она и прежде учила девушек играть на светских инструментах, танцевать бесстыдные танцы и охотиться за голубями, и лишь целомудрие не позволяет нам сказать, за какими голубями они охотились!

Прежде чем я успел им ответить, послышался свист ветра, лодка накренилась, хлынувший ливень превратил подушки, на которых я восседал, в кучу тряпок.

— Вот вам ответ на ваши слова!— воскликнул я.

Однако вскоре нам стало не до упреков, потому что пришлось прилагать все силы, чтобы держать лодку по ветру; ее, словно щепку, уносило в противоположном направлении, и если бы мы попытались держаться нужного нам курса, ее непременно залило бы водой.

Рыбаки собрались поставить мачту, чтобы поднять парус, однако я запретил им это делать, потому что в лодке не было никакого балласта. Надвигались более грозные тучи. Стало темно, небо прорезали первые молнии. Мы без конца черпали воду, однако она все заполняла нашу лодку. Ветер пригнал ее к восточному побережью.

Напуганные и мокрые, рыбаки опасно косились на меня.

— На нас пало проклятие из-за тебя, идолопоклонный римлянин, потому что мы взяли тебя в нашу лодку!— восклицали они.— Мы совершили бесчестный поступок, оказав тебе помощь в том, чтобы отправить дочь Израила в дом для развлечений, и теперь расплачиваемся за это! Но мы не знали того, что ты замышлял!

Вцепившись в борт, стоя по самый подбородок в воде, я выкрикнул:

— Проклятие вызвано вашими несправедливыми словами о Марии!

Вода не была холодной, однако мы совершенно продрогли: когда ветер утих, нам удалось вычерпать всю воду и следовать в направлении устья впадавшего в озеро ручья. Полоса берега на этой стороне была несколько уже, перед нами вставали отвесные стены гор. Опять подул ветер, и волны с ревом разбились о прибрежные камни. Рыбаки полагали, что к исходу дня ветер утихнет, однако перспектива взяться за весла в ночное время не вызывала у них восхищения.

Понемногу стали сгущаться сумерки и, несмотря на то что мы выкрутили свою одежду, нас донимал холод. Чуть поодаль, у самого подножья горы, мы заметили небольшой навес, там мерцал чуть заметный огонек. Я предложил направиться к нему, чтобы обсушить нашу одежду, однако мое предложение наткнулось на сопротивление со стороны рыбаков.

— Сейчас мы находимся на чужом берегу,— возразили они.— К счастью, у нас нет с собой сетей, иначе нам пришлось бы платить штраф за ловлю рыбы в чужих водах. Помимо этого, здесь находят себе убежище все воры и разбойники Галилеи, не считая прокаженных, которые живут в пещерах.

И все же у нас не было никакой надежды самим разжечь огонь, потому что кремень и огниво намokли в воде. Тогда я решительно

направил свои стопы к укрытию, после недолгих колебаний оба рыбака нехотя последовали за мной. Подойдя поближе, я смог различить сидевшего на земле человека, подбрасывавшего сучья в костер, пламя которого уже поднималось до небес, а в ноздри мне ударил запах жареной рыбы и свежего хлеба. У навеса сушились сети.

— Да пребудет мир с тобой!— сказал я одинокому рыбаку.— Буря застигла нас посреди моря, не позволишь ли ты обсушить одежду у твоего костра?

Он жестом пригласил нас присаживаться; я снял одежду и развесил ее на шесте. На плоских камнях поджаривался хлеб, а на углях костра — две большие рыбины. Уже наступил первый час, на побережье быстро опускалась тень от гор, но в сумерках все еще можно было различить очертания строений Тивериады на противоположном берегу озера.

Чистое лицо незнакомца выражало расположенность по отношению к нам, и я отбросил все опасения. Он, предупредительно приветствуя моих спутников, подвинулся и дал им место у костра. Они осмотрели сеть и поинтересовались, была ли рыбалка удачной; он же скромно ответил, что надеется на то, что буря загнала косяк рыбы в бухточку — на следующее утро он хотел попытаться удачи.

Не говоря ни слова, как будто это подразумевалось само собой, он взял хлеб и, благословив его, отрезал каждому по ломтю, оставив один себе; точно так же он наполнил терпким вином чашу, вырезанную из корня виноградника, благословил ее и протянул нам, мы вчетвером отпили из одной чаши. Жареная рыба ему удалась, но поскольку у него, видимо, не было соли, он приправил ее ароматическими растениями. Мы ели, не говоря друг другу ни слова. Я заметил, что мои спутники недоверчиво поглядывали на незнакомца а он, потупив взор и улыбаясь сам себе, смаковал каждый кусочек пищи. По окончании трапезы, он принялся с помощью ветки что-то рисовать на песке, словно пытаясь скрыть охватившее его смущение.

Пока мы ели, наша одежда сушилась, от нее исходили плотные клубы пара. Меня объяло ощущение тепла, и я испытывал чувство удовлетворения; меня клонило ко сну, веки налились тя-

жестью. Я никак не мог отвести взгляд от этого человека, который столь любезно, не сказав ни одного лишнего слова, разделил с нами свою трапезу. Я еще обратил внимание на то, что его руки и ноги испещрены шрамами, а на лице запечатлелось какое-то странное выражение, словно он только что оправился от тяжелой болезни и прибыл сюда, чтобы провести время выздоровления в одиночестве. Однако в присутствии рыбаков, хранивших молчание, я не стал задавать ему лишних вопросов. Наконец, так и не дождавшись, когда одежда высохнет, я погрузился в глубокий сон и ощутил его прикосновение, лишь когда он набросил на меня уже просохший плащ.

До самого пробуждения я видел сны, от которых на глаза навернулись слезы; проснувшись, я увидел подле себя спящих рыбаков, издававших легкий храп, по моим щекам текли слезы, и я чувствовал себя сиротой. Костер уже давно погас, а по положению звезд на небе я определил, что уже наступило время третьей стражи. Передо мной расстиралось озеро, поверхность которого была гладкой, как зеркало, однако одинокий незнакомец куда-то исчез, его отсутствие вызвало у меня странный прилив тоски. Но увидев, что он стоит на берегу, лицом к озеру и спиной к нам, я испытал облегчение. Укутавшись в плащ, я поспешил к нему.

— Куда ты смотришь?— спросил я.

Не оборачиваясь, он ответил:

— Я видел разверзшиеся небеса, величие своего отца, и затосковал по его дому.

Чуть погодя я сообразил, что обратился к нему по-гречески и он ответил мне на том же языке, это заставило меня предположить, что передо мной, возможно, один из учеников Иоанна Крестителя, который нашел на этом берегу укрытие от преследований Ирода Антипаса и жил в одиночестве, добывая себе пропитание рыбной ловлей.

Тогда я сказал:

— Я тоже ищу путь к царству. Сегодня я проснулся заплаканным. Укажи мне этот путь.

— Существует только один путь,— ответил он.— То, что ты делаешь для одного из моих самых меньших братьев, ты делаешь для меня.

И добавил:

— Мир мой даю вам: не так, как мир дает. Да не смутится и не уstraшитса сердце твое, дух истины придет вслед за мной, однако мир не примет его, потому что не видит и не разумеет. Но если ты веришь в этот дух, он тебя никогда не покинет и будет жить в тебе. Я никого не оставляю сиротой.

Сердце мое разрывалось в груди, однако я не решался прикоснуться к этому рыбаку.

— Твои речи не похожи на речи простого человека. Ты говоришь, как власть имущий,— прошептал я.

Он ответил:

— Мне дана вся власть над землей и над небесами.

Неожиданно он обернулся ко мне лицом. При свете звезд и луны я увидел его мягкую, но строгую улыбку. Мне показалось, что его взгляд проникал в самые потаенные глубины моей души, словно снимая с меня одну одежду за другой и оставляя совершенно открытым, однако от этого я лишь почувствовал какое-то облегчение.

Указав на противоположный берег, он произнес:

— Там, в греческом театре княжьего города плачет девушка: она только что потеряла своего брата и теперь ее некому защищать. Что ты видел во сне?

— Белого коня.

— Да будет так!— произнес он.— Через несколько дней ты побываешь на бегах: сделай ставку на квадригу с белыми лошадьми, а затем разыщи эту девушку и отдай ей все, что выиграешь.

— Как же мне найти в таком большом городе неизвестную девушку, потерявшую своего брата?— возразил я.— И на какую сумму мне ставить?

Он опять улыбнулся, но на этот раз его улыбка была такой печальной, что я почувствовал, как мое сердце разрывается на части.

— О Марк, к чему эти ненужные вопросы!— тихо упрекнул он. Однако я не понял, к чему относился этот упрек.

— Откуда тебе известно мое имя?— удивился я.— Разве мы знакомы? По правде говоря, мне кажется, я где-то тебя видел.

Покачив головой, он сказал:

— Разве тебе не достаточно того, что я тебя знаю?

Я понял, что это был человек необычной судьбы, и убедился, что передо мной — один из смиренных духом, у которого от постоянных размышлений и одиночества помутился разум. Иначе как бы он смог хвалиться тем, что обладает властью над небесами и землей? Однако я все же решил запомнить его совет, потому что вполне возможно, он умел угадывать будущее.

Тогда он сказал:

— О несчастный! Ты смотришь и не видишь, слышишь и не понимаешь! Однако придет день, и ты об этом вспомнишь, о Марк, и тогда тебе придется умереть имени моего ради, чтобы оно осветилось в тебе, как во мне освещается имя моего отца.

— Что за несчастье ты мне предрекаешь?— вздрогнув, воскликнул я, не понимая смысла его слов.

Я подумал, что он не умеет верно изъясняться по-гречески, потому что мне никак не удавалось понять его.

Он глубоко вздохнул, и неожиданно сбросив с себя плащ, остался нагим до пояса. Бедность его была столь вопиюща, что на нем не оказалось даже туники.

— Прикоснись к моей спине,— обернувшись, сказал он.

Протянув руку, я ощупал его плечи, на которых остались рубцы от кнута. Еще раз вздрогнув, он приложил мою руку к левому боку, и мой палец попал в след от глубокой раны. Его действительно так ужасно мучили и пытали, что он вполне мог утратить рассудок. Я проклял иудеев, поступавших так друг с другом из-за своей религии, потому что в этом человеке не было ничего дурного, даже если он говорил не совсем обычные вещи. Во мне пробудилась огромная жалость к нему.

— Назови мне хотя бы свое имя! Возможно мне удастся добиться, чтобы тебя прекратили преследовать.

Тогда он ответил:

— Если в нужный момент ты будешь моим свидетелем перед людьми, я стану твоим свидетелем перед моим отцом.

— Твое имя!— взмолился я.— И кто же твой отец, если ты его так превозносишь, о странный человек?

Но он лишь промолчал в ответ и, укутавшись в плащ, стал медленно удаляться, давая тем самым понять, что наш разговор окончен. Несмотря на то что он был из плоти и крови, в чем я мог убедиться собственноручно, он показался мне настолько необы-

чайным, что я не посмел следовать за ним и надоедать ему своими вопросами. Постояв немного в нерешительности, я вернулся в укрытие, занял свое прежнее место и сразу же провалился в сон без видений.

Меня разбудил свет зарождавшегося дня. Над противоположным берегом озера поднималось безмятежное, словно водная гладь, солнце, обрамляя золотом вершины гор. За озером, будто видение из сна, поднимались портики Тивериады. Перед моим взором предстала мирная красота, и мне казалось, что после сна я родился другим человеком в другом мире. Проснувшись раньше меня рыбаки уже творили молитву «Слушай, Израиль!»

Однако незнакомец и его сети куда-то исчезли. Остатки вчерашнего ужина были разложены как бы специально для нас. Мы втроем молча и с аппетитом поели, а затем вернулись на берег к лодке. Я осмотрелся вокруг, напрасно пытаюсь отыскать взглядом одинокого рыбака: вчера вечером он говорил, что на рассвете собирается отправиться на рыбалку, однако нигде не было видно даже его следов.

Рыбаки широкими гребками весел уводили лодку от берега, и ее нос разрезал прозрачно чистые воды, в которых отражались вершины гор и алый восход солнца. Я по-прежнему испытывал ощущение наготы и свободы, словно кто-то избавил меня от тяжести ненужных одежд. Однако чем больше я думал о случившемся этой ночью, тем больше сомневался, не переставая задавать себе вопрос: а что, если все это было лишь небывалой яркости сном? Откуда одинокий отшельник Галилейского моря мог знать греческий язык?

Рыбаки продолжали усиленно грести, глядя только вперед, желая как можно скорее удалиться от чужого берега. Я же не переставал оглядываться назад, пытаюсь увидеть где-нибудь на берегу силуэт одинокой человеческой фигурки. Однако это занятие оказалось бесплодным.

— Кто был тот человек, приютивший нас на ночь?— наконец спросил я.— Вы знаете его?

— Ты слишком любопытен римлянин!— возразили они.— Мы находились на запрещенном для нас берегу.

Однако после паузы один из них сказал:

— Это мог быть весьма известный человек. Может, тебе при-

ходилось видеть, как он обращался к толпам людей или был изгнан из Галилеи после нескольких ударов кнута? Для этого требуется не так уж и много! Иоанн остался без головы за то, что посмел запрещать князю жить с женой его брата!

А второй добавил:

— В его лице и глазах было что-то напоминавшее Иисуса из Назарета. Если бы подобное было возможно, я бы сказал, что это сам раввин, однако Иисус был выше ростом, серьезнее и не так приветлив, как этот незнакомец. Может быть, это был один из его братьев или кто-то из родственников?

В мозгу у меня запульсировала необычная мысль, потрясшая меня до самых глубин моего существа.

— Немедленно поворачивайте обратно!— взревел я, вскочив в лодке на ноги.

Они ничего не хотели слышать об этом, пока я не пригрозил броситься в воду и добраться до берега вплавь. Тогда они развернули лодку, и мы поплыли обратно. Нос лодки еще не успел коснуться берега, как я спрыгнул в воду и, задыхаясь, помчался к навесу, однако поблизости никого не было. Словно сумасшедший я носился по берегу, пытаюсь отыскать хотя бы его следы, пока рыбаки силой не заставили меня вернуться в лодку.

Оказавшись на борту, я, закрыв лицо руками, принялся упрекать себя за отсутствие здравомыслия и за то, что не сумел узнать его, если этот человек действительно был Иисусом из Назарета. Однако вскоре меня одолели сомнения: как я сам мог убедиться, незнакомец был таким же человеком, как и все остальные, в его чертах не было ничего божественного, по крайней мере в моем понимании; кроме того, разве не воспринимал я его речи как бред воспаленного рассудка? Но при этом я подумал: почему божественное должно быть таким, каким оно мне кажется или каким я могу его себе представить? Кто я таков, чтобы решать в каком обличье должен предстать предо мной Сын Божий?

Терзаясь жестокими сомнениями, я не знал, что думать, вспоминая каждое его слово и каждый мой вопрос. Наконец я был вынужден оставить это занятие, думая лишь о том, действительно ли я буду присутствовать на скачках в Тивериаде, как он это предсказал.

В гневе я воскликнул:

— А ведь вчера я вам говорил о том, что назаретянин на третий день воскрес из мертвых! Если вам действительно показалось, что вы узнали его, почему же не обратились к нему?

Обменявшись взглядами, словно пытаясь сговориться, они ответили:

— К чему задавать ему вопросы? Если бы у него было бы что нам сказать, он заговорил бы первым! Кроме того, он внушает нам страх! Мы никому не станем говорить об этой встрече и тебе советуем поступить так же! Если это действительно был Иисус — во что нам верится с трудом,— у него должны быть свои причины, чтобы жить в одиночестве и скрываться от римлян.

— Если он тот, за кого мы его принимаем, ему нечего опасаться на этом свете!— настаивал я.— В Иерусалиме он явился своим ученикам, собравшимся в наглухо закрытой комнате.

Рыбаки, рассмеявшись, сказали:

— О чужестранец, никогда не верь тому, что тебе рассказывают галилеяне! Нас очень легко чем-то увлечь, и у нас, кроме того, богатое воображение!

Вернувшись в свою роскошную комнату в греческой гостинице у термий, я испытал настоящее облегчение, наконец-то оставшись один: теперь я мог спокойно думать и поступать так, как мне захочется. Мария из Беерота действительно вертелась подле меня, словно щенок, и лишь после того, как Магдалина избавила меня от ее присутствия, я осознал, насколько она мне мешала.

В покое своего жилища я опять воспроизвел в памяти все, что произошло на песчаном берегу, однако после этого чувство покоя оставило мою душу, сменившись горечью, раздражением и беспокойством. В атмосфере гостиницы, где каждый богатый постоялец заботился лишь о том, как бы провести сравнение между собой и своим соседом, присматриваясь к его болезням и диете, мной начали овладевать сомнения в том, что я действительно встретил назаретянина: буря могла так повлиять, что для меня все превратилось в перемешанный с реальностью кошмар; и разве рыбаки сами не смеялись надо мной? Если бы незнакомец оказался Иисусом, то он, пожелав явиться нам открыто, обязательно назвался бы и прямо заявил о себе!

Терзаемый муками сомнений, я пытался шагать по комнате, а на глаза наворачивались горькие слезы. Вновь обретенное оди-

ночество становилось для меня невыносимым, и я дал знать о своем возвращении Клавдии Прокуле. Она ответила, что не может принять меня, потому что к ней прибыли придворные князя Ирода Антипаса.

На следующий день Клавдия пригласила меня на ужин. Приглашенных было много, и мне удалось познакомиться с Хузой, римским советником при дворе и супругом Жанны, и с врачом князя, которого тот отправил к Клавдии Прокуле, надеясь, что он сможет ее излечить. Этот либерально настроенный иудей учился на острове Кос и был настолько эллинизирован, что походил на грека больше, чем любой из настоящих греков. В ожидании появления хозяйки, прежде чем сесть за стол, в атриуме дворца нам предложили вина со сладкими и острыми яствами. Придворные засыпали меня коварными вопросами, однако я ограничился хвалебными словами в адрес спасительных вод термий, благодаря которым моя нога так быстро зажила.

Клавдия Прокула потребовала, чтобы на пире присутствовала Жанна, что, по всей видимости, не понравилось ее супругу, и та за все время трапезы не проронила ни слова. Весьма бледная лицом хозяйка дома поведала, что ей никак не удастся обрести спокойный сон, несмотря на благотворное воздействие купаний, и что если ей случайно удавалось сомкнуть глаза, она сразу же становилась жертвой ужасных кошмаров, ей пришлось приставить к себе раба, в задачу которого входило будить ее, если она начала стонать во сне.

— О Марк!— обратилась она ко мне.— Ты даже представить себе не можешь, в каком трудном положении я оказалась, ведь я так больна и ранима! Супруг предупреждал меня об этом, когда я отправлялась сюда, но я даже не могла себе представить, что это может принять такие размеры, потому что я никогда не вмешивалась в политику и была сама сдержанность. Князь Ирод слишком торопится! Он любой ценой хочет организовать в мою честь большие скачки, чтобы продемонстрировать свои дружеские чувства по отношению к Понтию Пилату. Однако тебе известно, насколько я не люблю привлекать к себе внимание: уже одно то, что, узнав о моем прибытии, он направил к границам своих всадников в красных одеяниях, показалось мне чрезмерным.

Бросив лукавый взгляд в сторону придворных, она продолжала:

— Он пожелал, чтобы его прекрасная супруга Иродиада находилась вместе со мной в царской ложе, чтобы народ Галилеи мог нас приветствовать овациями. Но помимо того что я не знакома с Иродиадой, я дала понять, что их союз не признан иудаистским законом.

Придворные в знак протеста воздели кверху руки, и я заметил, как смутился бородатый Хуза. Мне же нечего было терять, поскольку я никак не зависел от милостей князя, и я совершенно откровенно, как того пожелала Клавдия Прокула, произнес:

— Мы все находимся в кругу друзей. Лисица — умное животное, и я слышал, что этим лестным прозвищем называют князя этих земель. Таким образом, он пожелал, чтобы высокородная римлянка, принадлежащая к императорскому роду, находясь в Галилее, официально выразила одобрение этого брака, который, насколько я понимаю, вызвал такое негодование, что один из пророков лишился головы. О Клавдия, я представляю себе ту бурю оваций, которыми встретит тебя в цирке воодушевленный народ Галилеи, желая продемонстрировать свои верноподданные чувства римлянам и супруге князя одновременно. Думаю, понадобятся по крайней мере две когорты солдат, чтобы хоть как-то поддерживать порядок, и придется обыскивать публику, чтобы в тебя не угодил какой-нибудь предмет.

Клавдия Прокула бросила на меня удовлетворенный взгляд.

— Естественно, я ничего не имею против княгини,— поспешно добавила она.— Однако если предположить, что ее присутствие рядом со мной может вызвать подобные беспорядки, то как тогда мой супруг, находясь в Кесарии, сможет определить, были ли они направлены против римлян или же только против Иродиады? Я слышала, что народ отказывается даже приветствовать ее, разбегается, поворачивается к ней спиной, когда она показывается на людях.

Тогда взял слово римский советник.

— Если народ восстанет, это может быть истолковано как проявление враждебности по отношению к Риму, и тогда князь под предлогом верности римлянам получит превосходную возможность

строго наказать свой народ, что, я думаю, весьма понравится княгине Иродиаде.

— Однако совершенно не понравится моему супругу, — возразила Клавдия Прокула. — Во-первых, Понтий Пилат придерживается в политике золотой середины и предпочитает по мере возможного избегать всяческих волнений, хотя в данном случае дело касается одного Ирода Антиапа. Во-вторых, трудно себе представить, как это дело будет воспринято в Риме. О Марк, мне понравилось, что ты разделяешь мое мнение, и я согласна принять это приглашение лишь как частное лицо; естественно, после бегов я готова приветствовать княгиню, чтобы завязать с ней дружеские отношения. Я не подвержена никаким предрассудкам, тем более что я — супруга прокуратора Иудеи.

— Я и не знал, что галилеяне организывают бега, — сказал я, желая перевести разговор на менее щекотливую тему.

— Эти рыбаки и мужланы ничего не смыслят в лошадях, однако я считаю театр и цирк лучшим средством укоренения культуры, к тому же они помогают изжить предрассудки, — с презрением произнес врач. — Времена, когда этому народу пришлось пройти через пустыню, чтобы бежать из Египта, давно прошли! Сегодня квадриги принимают участие в соревнованиях, организованных в различных странах, мы собираемся выставить одну упряжку из Эдома, а вторую — от кесарийской кавалерии; в бегах также примут участие наездники из Дамаска, что же касается арабских шейхов, то они давно без ума от лошадей, и никакая вражда не может их заставить отказаться от участия в бегах.

Хуза добавил:

— Скачки также способствуют смягчению межрасовой вражды. К примеру, арабы могут таить обиду за то, что первая супруга князя Ирода, принадлежавшая к их расе, вынуждена была спасаться бегством и нашла убежище в лагере своего отца.

— Что за дивная страна: скачки могут устранить рознь между народами! — с иронией произнес я. — Болельщики в Риме наоборот, забрасывают друг друга камнями и дерутся дубинами как до, так и после соревнований.

— То, что толпа дерется из-за лошадей и квадриг — это признак цивилизации! — заявил римский советник. — Поверь мне, религиозные войны намного хуже! Будем надеяться, что нам удаст-

тся прожить несколько лет спокойно, после того как твой супруг так разумно отправил на крест этого царя.

— Ты говоришь об Иисусе из Назарета?— спросил я.— А разве ты не знаешь, что он воскрес из мертвых и вернулся в Галилею?

Я произнес это таким тоном, чтобы они подумали, будто я шучу. Однако они вздрогнули, улыбки застыли на их лицах.

— Галилеяне весьма расположены к предрассудкам,— наконец сказал Хуза.— Когда до князя дошли слухи о воскресении Иисуса, он подумал, что речь идет о каком-то одетом в верблюжью шкуру пророке. Однако, честно говоря, я не ожидал, что этот досадный слух может достичь ушей приехавшего сюда на отдых римлянина.

Эллинизированный врач принялся яростно сорить словами, подкрепляя их оживленной жестикуляцией.

— Узнав об этом, я долго размышлял и решил расспросить свидетелей его смерти. Я слышал, что когда солдат, чтобы убедиться в его смерти, пробил ему бок копьем, из раны полилась вода и кровь. С медицинской точки зрения из мертвого тела не может идти кровь! А если предположить, что опьяненный вином, которое ему дали, он лишь погрузился в сон, похожий на смерть? Иначе для чего его ученикам потребовалось бы хранить его тело в могиле? Возможно, им удалось вернуть его к жизни, и тогда то, что он прячется где-нибудь в пещерах, становится вполне объяснимым. Как бы то ни было, он — маг, наделенный необыкновенными способностями.

Римский советник едко заметил:

— Человек, распятый Римом, еще никогда не воскресал! Ты тем самым выдвинул суровое обвинение против Понтия Пилата! Будь осторожнее в высказываниях!

— Мое прибытие в Иерусалим случайно совпало с моментом казни,— опять вмешался я в разговор,— и именно поэтому это все вызвало у меня интерес. Могу вас заверить, что он действительно умер на кресте. Если даже он всего лишь потерял сознание от удущья, то после того, как ему пронзили сердце, а это я видел собственными глазами, он все равно бы умер.

Однако увлеченный своей мыслью врач возразил:

— Человеку, не сведущему в медицине, трудно установить смерть! Это может сделать лишь опытный врач!

И он принялся рассказывать нам о случаях, когда он сам был свидетелем подобного, пока Клавдия Прокула не прервала его, закрыв уши:

— Прекрати говорить о столь ужасных вещах, иначе мне опять начнут сниться кошмары!

Озадаченный врач, желая сменить тему, обратился ко мне:

— А верно ли, что Мария из Магдалы оставила свою прежнюю профессию?

Вслед за его словами наступило гробовое молчание. Удивленно оглядевшись вокруг, он спросил:

— Я сказал что-нибудь не то? Разве об этом запрещено говорить? Но... что в этом плохого? Несмотря на миллион жителей, Галилея — действительно маленький край. По крайней мере, на берегу этого озера все знают все обо всех. Были времена, когда Магдалина в глазах путешественников, выглядела основной достопримечательностью этих мест, и ночи напролет при свете факелов от Тивериады до ее дома тянулись процессии из носилок. Рассказывают, что ты побывал у нее и оставил на воспитание молодую девушку, которую привез из Иерусалима. Так что же в этом плохого?

Я не сказал ни слова в ответ, а Хуза как-то вынужденно произнес:

— Моя супруга хорошо ее знала, хотя теперь, естественно, не ищет встречи с ней. С тех пор как Иисус из Назарета исцелил ее, она больше не занимается колдовством, а раздает милостыню и ведет обычный образ жизни. Вообще-то я считаю, что назаретянин сделал больше хорошего, чем плохого, он отнюдь не подстрекал народ к восстанию и не богохульствовал, хотя был казнен именно по этой причине. Моя супруга, некоторое время следовавшая за ним, исполняя данный ею обет, поскольку он исцелил от горячки одного из князьих детей, не скажет о нем ничего плохого.

Разговор раззадорил его, и он ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— С ним ничего бы не случилось, если бы он не вздумал отправиться в Иерусалим! Фарисеи неоднократно добивались даже сюда, чтобы все выведать и подготовить ему обвинение, но у них так ничего и не вышло! Думаю, советы Иисуса состояли в том, чтобы молиться от чистого сердца, что было не по вкусу синедри-

ону, который из-за этого мог потерпеть убытки. Лично я считаю, что уплата десятины храму, расположенному за пределами нашего края, это расточительство, а то, что крестьяне вынуждены платить, кроме десятины князю, еще десятину храму, регистрационные и таможенные налоги римлянам, не считая выплат и налогов за соль и торговлю на базарах,— просто неразумно! Они не смогут устоять под этим бременем и в конце концов лишатся своих полей и земель! И тогда по дорогам потянутся бродяги, а в стране воцарится обстановка всеобщего недовольства и неуверенности, при которой каждый будет ненавидеть своего соседа, что однажды уже случилось в Иудее.

Врач открыл было рот, чтобы что-то сказать, однако Клавдия Прокула опередила его.

— О Хуза, я разделяю твое мнение,— понимающе произнесла она.— Иисус из Назарета был праведным и набожным человеком, и Понтий никогда не отправил бы его на казнь, если бы сами иудеи не вынудили его к этому.

После трапезы хозяйка дома, пожаловавшись на головную боль, отправилась к себе в покои, куда за ней последовал врач, чтобы приготовить ей болеутоляющий напиток. Хуза тоже поднялся, объяснив, что ему с женой следовало уладить какие-то касающиеся дома вопросы, и мы с советником остались вдвоем возлежать на подушках и смаковать вино. Он безудержно пил, пытаясь при этом вытащить из меня побольше римских новостей, из которых его, по всей видимости, больше всего интересовало усиливающееся влияние Сежана, однако я был осторожен и не позволил втянуть себя в опасный разговор. Впрочем, узнав, что я выехал из Рима более года назад, он сразу же утратил всякий интерес ко мне. Я, со своей стороны, задал несколько вопросов о князе и его дворе.

Он безудержно расхохотался и предупредил:

— Советую тебе в следующий раз не называть его на людях лисицей! Наследники из рода Ирода Великого злопамятны и весьма восприимчивы ко всему, что касается самолюбия. Нельзя отрицать ни их необыкновенный разум, ни бесстыдство, но по крайней мере они навечно верны Риму, которому обязаны своим положением. Их родственные связи чрезвычайно запутанны. Дедом Иродиады был Ирод Великий, и у иудеев, конечно, есть беспор-

ные основания усомниться в законности этого брака. К счастью, князь имеет возможность устанавливать собственные законы, и один придворный врач однажды уже лишился всего, что у него было. У меня есть право вето на смертную казнь, однако я не настолько глуп, чтобы когда-нибудь к нему прибегнуть! Моя единственная забота — собрать здесь капиталец, воспользовавшись своим прекрасным положением, кроме того, Тивериада не такой уж плохой город для прибывшего из Рима. Что ты скажешь, если мы напьемся, а потом отправимся в город за удовольствиями? Я покажу тебе, как умный человек может приятно проводить здесь время, не вмешиваясь в дела, которые его не касаются.

Я отказался следовать за ним, сославшись на свою больную ногу.

— У меня, конечно, есть соглядатаи во всех больших селениях Галилеи, — продолжал он. — Я слежу за тем, чтобы сюда не ввозилось незаконно оружие и чтобы князь не смог создать его запасы, а также наблюдаю за отношениями князя с другими странами: он перестал наводить мосты с арабами, а Персия — слишком далекая страна. Короче говоря, я выполняю задачу, возложенную на меня Римом.

Я поинтересовался, как ему удалось избежать влияния иудейской религии в стране, наводненной пророками и святыми.

— Просто я ворошу это осиное гнездо, — ответил он, подкрепив свое высказывание твердым жестом. — Мы, римляне, приносим жертвы изображению императора, несмотря на робкое сопротивление этому со стороны Тиверия, однако не принуждаем народ поступать точно так же; здесь люди настолько далеки от цивилизации, что даже местная знать отказывается ходить в театр, когда нам удастся поставить там спектакль. В этой стране и речи не может быть о том, чтобы осужденный на смерть умер на сцене, как в Александрии, и мы вынуждены довольствоваться трагедиями, в которых текут реки суррогатной крови! Кроме того, иудеи не желают видеть фривольных развлечений, а о фарсах и слышать не хотят!

Вспомнив о словах одинокого рыбака, я поинтересовался, прибыла ли в Тивериаду труппа бродячих артистов.

— Не знаю такой, — покачал он головой. — Если князь не оплачивает их представлений, то тогда сложно найти благодетеля, ко-

торый взял бы на себя все расходы! Здесь театр не пользуется таким народным признанием, как в цивилизованных странах!

Вскоре он вместе с Хузой начал собираться домой; я проводил их во двор, где они сели в носилки, и весьма любезно распрощался с ними, полагая, что расположение столь знатных людей принесет мне пользу. Врач князя решил воспользоваться моментом и пройтись по курорту, чтобы урвать немного денег. После их ухода Клавдия Прокула позвала меня к себе.

— Есть ли какие новости от Магдалины?— спросила она слабым голосом, опустив голову на руки.— Что она просила мне передать?

— Необходимо подождать,— ответил я.— Похоже, никому не известно больше того, что мы уже знаем.

— Мне говорили, что близ Наима видели человека, похожего на Иисуса, но он исчез еще до того, как смиренные душой смогли с ним встретиться.

— Возможно, у свидетелей этой встречи есть причина не говорить о ней,— заметил я.

Клавдия Прокула тихо промолвила:

— Предпринимая это опасное путешествие, я надеялась, что мое излечение даст ему прекрасную возможность обрести известность после своего воскресения. Почему же он не является мне? Ничто не мешает ему сделать это, если он способен проникать через закрытые двери! Я ничуть бы его не испугалась! Каждую ночь меня мучают кошмары! Это ожидание начинает мне надоедать! Конечно, серные ванны приносят какое-то облегчение, однако сейчас меня заботит то, что мне одеть, чтобы появиться на бегах; несмотря на все свои богатства, Понтий Пилат довольно скуп, возможно, это результат весьма скромного происхождения: знаешь ли ты, что его мать была варваркой из северной части Британии, где люди едят торф?

— Я шепнула о твоём затруднительном положении Хузе,— сказала Жанна.— Он считает, что князь, по крайней мере, обязан тебе шелковым платьем, если ты почтишь бега своим присутствием.

— Но если только он пришлет мне какую-то старую тряпку Иродиады, я приму это как оскорбление, так что, надеюсь, ты ясно высказалась на этот счет,— продолжала Клавдия тоном крайнего раздражения.— Помимо того что я наотрез отказываюсь принять

что бы то ни было из вещей этой иудейской проститутки, я требую, чтобы его подарок был сделан из средств казны, предназначенных на международные расходы.

Затем, обернувшись ко мне, она прибавила вместо объяснения:

— О Марк, ты же знаешь меня — я вовсе не тщеславна! Я меланхоличная женщина, обожающая прежде всего одиночество. Однако, если мне предстоит появиться на людях, я должна быть одета в соответствии с положением, занимаемым моим мужем, хотя бы для поддержания престижа Римской империи. Мужчинам трудно это понять.

— Мне действительно трудно это понять,— признался я.— Бега, похоже, имеют для тебя большее значение, чем Иисус из Назарета, ради которого ты прибыла сюда. Возможно, именно в этот момент Сын Божий создает вокруг нас свое невидимое царство, а тебя больше заботят одежды, которые ты наденешь для развлечения арабских шейхов и богатых коневладельцев!

— С меня достаточно невидимых вещей в ночных снах! Я в самом деле каждую ночь страдаю от адских ужасов и при этом не имею возможности ни пошевелиться, ни позвать на помощь, и мне кажется, что я скоро умру; с новолунием все мои болезни усиливаются, боюсь, что в конце концов я сойду с ума.

В удрученном настроении, слегка опьяневший, я отправился к греческой гостинице. На обратном пути мне встретилась женщина, сидевшая, прислонившись к ограде сада. Она была одета в рубище, полностью скрывавшее ее лицо, и не узнав ее, я прошел мимо. Однако она приветствовала меня по имени и шепотом добавила:

— Я пойду впереди к берегу. Следуй за мной так, чтобы никто этого не заметил.

Она пустилась в путь, а я сопровождал ее. Так мы дошли до пустынного побережья, где нас никто не мог ни видеть, ни слышать. Тогда она открыла лицо, и я узнал ее: это была Сусанна, которая, впрочем, не улыбнулась и не обрадовалась нашей встрече. Наоборот, она стонала, вздыхала и заламывала руки, словно испытывала страшные угрызения совести и не знала, с чего начать. В порыве гнева я стал вычитывать ее за предательство и спросил, где находится Натан с моими ослами и кошельком.

— Мы вовсе не предавали тебя, еще ничего не потеряно,— защищалась она.— Натан с твоими ослими работает на перевозке песка и глины для строительства нового помещения таможи в Капернауме: тем самым зарабатывает средства, из которых ты платишь ему; когда он даст тебе отчет, ты увидишь, что пока ты здесь ничего не делал, твои ослы работали на тебя и принесли немалые деньги! Однако не знаю, верно ли я поступаю, выдавая тебе тайны других, я бы никогда не осмелилась прийти к тебе, если бы ты когда-то не поцеловал меня в губы, несмотря на то что я уже сделала старым огрызком кожи и во рту у меня осталось всего лишь несколько зубов, тогда как в Галилее есть немало женщин моего возраста, у которых зубы еще в полном порядке!

— Оставь свои зубы в покое!— проворчал я.— И говори немедленно, есть ли у тебя какие-то новости о назаретянине!

Сусанна ответила:

— Знай же, что какое-то время тому назад он являлся многим из своих учеников: на берегу озера он разделил с ними трапезу и назначил Симона Петра старшим над остальными. Этим я хочу сказать, что теперь Петр стал пастухом, которому надлежит заботиться о пище для своих овец. Но черт меня побери, если Петр захочет дать эту пищу тебе или примириться с тобой, потому что ты не принадлежишь к числу сыновей Израиля и не прошел обрезания. Я не могу понять, почему для выполнения такой трудной задачи он выбрал именно Петра, который еще до того, как пропел петух, отрекся от него. Конечно, он сильнее и выносливее остальных, однако он слишком властен, чтобы заботиться о других!

— Они сами рассказали тебе об этом?— не веря в подобное, уточнил я.

Обняв руками колени, Сусанна издала вздох.

— Ох, как у меня болят ноги!— простонала она.— Я никогда бы не дошла сюда из Капернаума, если бы мне не позволили сесть в лодку одного сборщика налогов, следовавшего сюда, в Тивериаду, в этот языческий город! Я всего лишь старая сплетница, и никто ни о чем мне не сообщает, но при этом у меня тонкий слух. Кому-то надо чистить и солить рыбу, прежде чем заложить ее в бочки, точно так же кто-то должен стирать белье этих людей и готовить им, и таким образом то там, то здесь мне удастся собирать сведения, может быть, даже в большем объеме, чем я надеялась, потому что все считают меня настолько глупой, что уверены, будто

я ничего не способна понять! Кроме того, я так ослабела и зачахла без Иисуса, что по ночам мне не удается сомкнуть глаз, тогда я в темноте отправляюсь молиться на берег и думаю: не моя вина в том, что мне приходится слышать вещи, предназначенные вовсе не для моих ушей! Может, это совершается по воле Бога? Конечно, Иисус уже не раз являлся ученикам и обучал их таинствам. Петр, Яков и Иоанн всегда были его любимцами, и можешь мне поверить, теперь их лица сияют настолько, что человеку, желающему разглядеть их в темноте, не нужны ни светильник, ни фонарь. Натан же не приучен ко лжи,— продолжала она.— Он всегда остается мужчиной, и я доверяю ему больше, чем своим собственным мыслям. Он дал одно обещание, не позволяющее ему сейчас появиться здесь, а мне сказал прийти к тебе и дать о нас знать: я обязана тебе тем, что ты помог мне добраться из Иерусалима в Галилею, тогда как святые покинули меня. Натан сказал, что для меня ты был добрым самаритянином, таким, о котором Иисус однажды рассказывал в одной из своих проповедей. Для меня же римляне ничем не отличаются от самаритян, которые презирают храм и ходят на поклонение Богу на вершину одной из своих гор, а также празднуют Пасху, как им заблагорассудится; римляне, по крайней мере, ничего об этом не ведают, а значит они невинны, за исключением тебя, конечно!

Сусанна еще долго могла бы продолжать искать во мне облегчения своим страхам и сомнениям, однако вскоре мне пришлось ее прервать.

— Так является ли Иисус из Назарета Христом, Сыном Божиим, и действительно ли он воскрес?— спросил я.

— Он в самом деле воскрес из мертвых, ходит по Галилее, явился многим людям,— ответила она, расплакавшись.— Пусть он мне простит, если я поступаю неверно и предаю его! Но ведь ты не собираешься причинить ему вред, верно?

— Почему же он тогда не явился ни Марии из Магдалы, ни Жанне, ни тебе?— удивился я.

— Да ведь мы всего лишь женщины!— воскликнула Сусанна, искренне удивляясь моему вопросу.— Зачем нам являться?

От такой безрассудной мысли она залилась чистым смехом, прикрывая рот рукой. Затем, став опять серьезной, продолжила:

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что Заведеевы сыновья

рассказали обо всем матери, такой эгоистичной и властной женщине, что они никогда не осмелились бы от нее что-либо скрывать, однако она еще не поделилась услышанным с другими женщинами. Единственное, что я знаю — это то, что по всей Галилее среди тех, кто шел за ним, к кому он прикасался, тех, кто верил в него, и тех, кто пользовался доверием его учеников, короче говоря, не только среди семидесяти, которых Иисус сам направил проповедовать, но и среди многих других, которые именуют себя смиренными, разошлась одна весть. Она передается из уст в уста, из деревни в деревню: «Господь воскрес, бодрствуйте, время наступает. Всего лишь сорок дней он будет оставаться на земле, но перед уходом он соберет на горе всех своих, чтобы попрощаться с ними». Не знаю, сам ли он подаст сигнал, или же его ученики будут собирать всех остальных.

— На горе? На какой горе?

Сусанна качнула головой.

— Этого я не знаю. Однако думаю, что это известно его последователям и многим смиренным душой. Он поднимался на многие горы, как со стороны Капернаума, так и по другую сторону озера, чтобы помолиться там в одиночестве. Однако я полагаю, что эта гора находится где-нибудь в центральной части Галилеи неподалеку от дороги, чтобы все, кому будет адресовано это послание, смогли без задержки и не привлекая постороннего внимания добраться до этого места, как только будет дан сигнал. Поговаривают также об эликсире бессмертия, однако я не могу сказать, собирается ли он раздать его всем своим, когда те соберутся у горы.

— Не знаю, как благодарить тебя за твою верность, Сусанна!— воскликнул я.— Да благословит он тебя за твою доброту и за то, что не покинула меня во мраке! Когда наступит время, я последую за ними к горе, даже если из-за этого мне придется умереть. Передай Натану, чтобы он был готов к отъезду и чтобы он приготовил тебе место на одном из ослов, если остальные не захотят взять тебя с собой.

— О, именно этого я ждала от тебя!— обрадовалась Сусанна.— Прими же мое благословение, о римлянин, оказавшийся милосерднее его учеников! От одной мысли, что они могут уйти, оставив меня с больными ногами одну, и я никогда больше не смогу уви-

деть Господа, я теряю разум! О, обещай, что не покинешь меня, даже если они меня отвергнут!

Мы поразмыслили над тем, стоит ли мне уже сейчас перебраться в Капернаум, чтобы быть поближе к ученикам. Однако Сусанна выразила опасение, что они станут сторониться меня, если обнаружат мое присутствие до поступления сигнала. Поскольку через Тивериаду пролегает широкая дорога, ведущая внутрь страны, и, кроме того, расстояния вокруг озера относительно невелики, она предпочла, чтобы я оставался в Тивериаде и спокойно дожидался ее и Натана. К этому она прибавила, что у горы соберется столько пришедших из разных мест людей, что разглядеть каждого в отдельности будет невозможно. Как только поступит сигнал — даже если ученики ночью незаметно уйдут горными тропами,— нам будет совершенно нетрудно отыскать нужную дорогу, спрашивая ее принятым у смиренных душой языком.

С этими надеждами и обещаниями мы расстались.

Сусанна ушла вдоль берега, не поев и не попив, хотя я с большим удовольствием предложил ей обед. Я повторил молитву, которой обучила меня Сусанна и подумал, что на этой земле не существует ничего — ни чести, ни успеха, ни знаний,— что я бы с легким сердцем не обменял на царство Иисуса из Назарета, если бы он открыл для меня его ворота. Погрузившись в глубокое самосозерцание, я понял, что мне не нужно ни бессмертие, ни вечная жизнь; лишь бы он взглянул на меня и признал одним из своих — таково было мое единственное желание.

Сусанна ушла, а я многие дни посвятил тому, чтобы написать это письмо.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

*Марк вновь приветствует тебя,
о Туллия!*

Мое сердце уже не с тобой, о Туллия! Меня пронизывает чувство, что написанное не сможет показаться тебе убедительным и что, если ты прочтешь эти послания, то станешь смеяться надо мной, полагая, что сыны Израиля околдовали меня.

И все же в моей голове постоянно вертится одна странная мысль: возможно, когда-нибудь придет тот день, когда я смогу взглядом сбросить одну за другой твои одежды, даже твоё тело станет ненужной вещью, когда я наконец смогу увидеть твою душу и заставлю тебя поверить в то, во что верю сам! Конечно, этот момент будет моментом отречения от многих вещей, которые тебе нравятся и которым ты придаешь столь большое значение в этой жизни, однако если тебе удастся точно так же взглянуть на себя со стороны, ты поймешь, что все это имеет значение не больше, чем старая изношенная одежда, которую выбрасывают на свалку. Конечно, нет никакой надежды, что моя мысль когда-нибудь станет явью, поскольку лишь тот, кто видел эти события собственными глазами и был их участником, способен в них поверить, да

и то, даже из тех, кто видел все собственными глазами, верят не-многие!

Итак, продолжу запись своего повествования.

В день скачек Клавдия Прокула пригласила меня во дворец и предложила занять место за ней в ложе, словно это была большая честь для меня. На ней было шелковое платье пурпурного цвета, что не совсем соответствовало моменту, хотя она могла оправдать это причастностью к семье императора. Ее величественная прическа была увенчана драгоценной диадемой. Для меня она приготовила римские одежды и тогу, пригласила цирюльника, чтобы тот сбрил мою бороду и завил волосы.

— Пришло время избавиться от этих иудейских причуд, чтобы предстать перед варварами, как подобает настоящему римлянину!— приказала Клавдия.

Удивившись, я напомнил ей о великом смешении стилей, царившем в городе у термий, и о том, что сам советник отрастил себе бороду и одевался на восточный манер, дабы лишний раз не подчеркивать при дворе свое римское происхождение. Наконец, чтобы не тратить время в бесплодном споре, мне пришлось сказать ей правду.

— О Клавдия Прокула, не сердись, но мне вовсе не хочется ехать на эти бега,— начал я.— Наоборот, я хотел бы остаться здесь: у меня есть основания полагать, что ученики назаретянина скоро соберутся для встречи с ним. Я с надеждой жду известий, которые позволят мне отправиться вслед за учениками и прибыть на эту встречу ко времени.

— Жанна уже говорила мне об этом, так что ты не сообщаяешь мне ничего нового!— ответила Клавдия.— Ах, была бы я помоложе да были бы у меня верные и умеющие хранить тайны слуги, может я сама бы попытала счастья и, переодевшись, отправилась бы к этой горе! Ведь встреча назначена у горы, верно?

— Почему же Жанна ничего не сказала?— удивился я.— Неужели она мне не доверяет?

— Думаю, она вынуждена молчать!— развязно ответила Клавдия.— Однако она пообещала переговорить с назаретянином обо мне. Кажется, он прежде мог исцелять на расстоянии, а сейчас, возможно, передаст с Жанной какой-то предмет, к которому прикоснется. Только я не понимаю, что ты собираешься там делать!

О Марк, возьми себя в руки и стань опять римлянином! Эти скачки — самое важное событие года не только в Галилее, но и во всех соседних странах!

Я не верил своим ушам и ошеломленно смотрел на нее.

— Значит, ты уже готова променять Сына Божьего на лошадей?!— съехидничал я.

— Всему свое время!— ответила она.— Благодаря водам я чувствую себя лучше, и мой разум не так помутнен, как твой! Честно говоря, мне кажется, что ты не способен соотносить ценности отдельных вещей.

— Клавдия Прокула!— воскликнул я.— Ведь это твой муж отправил назаретянина на смерть, и ему не отмыть рук от крови! Неужели тебе от этого ничуть не страшно?

— О Марк, но ведь я сделала все от меня зависящее, чтобы спасти его!— произнесла Клавдия, сопровождая свои слова жестом, выражавшим извинение.— Это должно быть ему известно, а если нет, то он узнает об этом! Кроме того, Жанна рассказывала мне, что по Святому Писанию иудеев все должно было произойти именно так, а значит он должен быть благодарен Понтию Пилату за то, что тот под давлением сынов Израиля помог ему выполнить его задачу. Философия иудаизма, конечно же, весьма сложна и туманна, однако мне нетрудно поверить в то, что говорит Жанна, та самая Жанна, которая поедет со мной на бега, даже если опоздает из-за этого на встречу у горы. Может, это позволить тебе понять, какое важное значение имеют эти бега.

Мне не удалось заставить ее переменить свою точку зрения, однако я наотрез отказался сбривать бороду; цирюльнику пришлось применить все свое мастерство, чтобы уложить ее и облагородить благовониями; при этом он заверил, что все мужчины из рода Ирода носят точно такую же бороду.

Цирк князя Ирода Антипаса вовсе не напоминал гигантское сооружение, и мне показалось, что он может вместить не более тридцати тысяч человек. Однако он был до отказа забит гудящей и орущей толпой, в которой были как галилеяне, так и зрители, прибывшие из других мест.

Для супруги прокуратора Ирод Антипас сделал трибуну выше остальных, а ее балконы были покрыты пышными коврами. По-видимому, князю очень хотелось снискать расположение Понтия

Пилата, поэтому трибуна Клавдии находилась всего лишь на какой-то фут ниже его собственной. Остальные ложи, предназначенные для арабских шейхов и других почетных гостей, были выстроены вдоль беговой дорожки.

Накануне присутствующим, несомненно, были даны четкие указания, потому что, как только Клавдия со своим эскортом взошла на трибуну, со всех сторон посыпались громкие овации, к которым с удовольствием присоединилась публика из народа, найдя в этом превосходный предлог для того, чтобы разрядить охватившее всех напряжение.

Затем в княжеской ложе появилась Иродиада со своей дочерью. Насколько я мог увидеть со своего места, она была чрезвычайно пышно одета, что заставило Клавдию вздохнуть и сказать, что эта обезумевшая от крови шлюха могла бы одеться поскромнее, хотя бы из уважения к империи и к ней самой. При появлении княгини из разных углов цирка послышались громкие приветственные возгласы, однако народ на сей раз не присоединился к ним, а чужестранцы предпочли хранить молчание, завидя, как тормозят, толкают и чуть ли не бьют кричащих. Иродиаде пришлось поскорее сесть.

Наконец появился сам Ирод Антипас, радостно приветствуя толпу движением поднятых рук. Слово желая подчеркнуть свое враждебное отношение к княгине, народ при появлении ее супруга поднялся с мест и принялся восторженно кричать и выстукивать в такт ногами по полу трибун.

На арене только что закончили бой гладиаторы, но их оружие было нарочно затуплено, а Ирод, соблюдавший закон иудеев, не позволил осужденным на смерть участвовать в цирковом представлении. Его всадники продемонстрировали множество смелых приемов верховой езды, пока публика не начала топтать ногами, нетерпеливо требуя открытия бегов.

Тогда на дорожке появились великолепные квадриги с превосходными упряжками, а по секторам забегали люди с табличками, на которых записывались ставки. Фаворитом в забеге оказалась упряжка вороных князя Ирода. Кони в упряжке не всегда были одной масти, потому что наездники подбирали животных в конюшнях, следуя определенным требованиям. Для ставок в расчет принимался цвет упряжи или одежды наездников. Я обратил внима-

ние на то, что аплодисментами были также встречены квадриги из Эдома и Сирии.

Квадрига какого-то арабского шейха, в которую были запряжены белые как снег скакуны, появилась последней. Те, которые появились первыми, сгрудились у ворот, и там все перепуталось так, что у меня мурашки пробежали по телу. Наездник в белом, безусловно желая как можно эффектное сделать круг представления, вначале разогнал своих лошадей, а потом так неожиданно натянул поводья, что лошади не удержались на ногах и упали на колени с пеной у рта. Со всех сторон послышались громкие взрывы смеха. Наездник со злости ударил кнутом по спинам животных, от чего они еще больше поднялись на дыбы.

Во время нормальных соревнований по жребью определяют пары экипажей, которые должны совершить определенное количество кругов, по мере их выбывания определяется финальная пара, которая борется за главный приз, что позволяет любителям и знатокам бегов взвешенно подойти к попытке испытать свое счастье, увеличивая суммы закладов по мере приближения соревнования к финишу. За это они так любят и ценят бега! Однако варвары, похоже, испытывают большую любовь к беспорядку и опасности: к моему огромному удивлению все упряжки хаотично выстроились на линии старта, и я услышал, что в забеге будет не менее сорока кругов! Мне стало жаль и наездников и животных: в таком беспорядке невозможно было избежать переломов и смертельных случаев!

Увидев, как встали на дыбы лошади из белой упряжки, я вспомнил слова одинокого рыбака на берегу Галилейского моря, и подумал, стоит ли рисковать и делать на них ставку. Я слышал, что они были среди фаворитов соревнования, однако их выход явился дурным предзнаменованием, и никто не хотел ставить на них.

Во время столь необычного группового соревнования упряжка здоровых лошадей, управляемая наездником с крепкими нервами, может легко обойти самых быстрых рысаков.

Клавдия Прокула воздела вверх руки и воодушевленно воскликнула:

— Квадрига князя Ирода!

В самом деле, упряжка вороных с лоснящейся шерстью и их темнокожий наездник выглядели привлекательнее остальных; они

защищали красный цвет, потому что никто никогда еще не ставил на черный. Клавдия непринужденно спросила:

— Надеюсь, у тебя достаточно денег?

Мне следовало бы заранее подумать о причине ее настойчивых приглашений! Еще никогда женщина не рисковала на бегах своими собственными деньгами: в случае проигрыша она моментально забывает о долге, сетуя, что от нее отвернулась фортуна, но если она выигрывает, одолжившему деньги должна благоприятьствовать немалая удача, чтобы вернуть их обратно!

— У меня есть сто драхм,— неохотно ответил я.

— Марк Мецентий Манилий!— воскликнула она.— Ты нарочно хочешь меня оскорбить или действительно стал настоящим иудеем? Мне нужно по крайней мере сто золотых монет, и даже эта сумма недостойна столь превосходных лошадей!

По правде говоря, с деньгами у меня было весьма туго, однако среди знати сновали банкиры и менялы, сами делая ставки. Я поведал о своей ситуации банкиру, которого посоветовал Арифен, и он предоставил мне кредит, не забыв предупредить о том, что мне вряд ли удастся сделать выгодную ставку на упряжку князя: получено лишь жалкое пари один к одному с высокородным эдомцем, который заявил, что делает это лишь из уважения к супруге прокуратора Иудеи.

— Вспомни обо мне, когда после победы будешь подсчитывать свой выигрыш!— улыбнувшись, крикнул он Клавдии Прокуле, словно сделал ей подарок, записав ее ставку на восковой табличке.

Я посмотрел в сторону с трудом сдерживаемых на месте квадриг. Долгое ожидание, вызванное необходимостью записать все сделанные ставки, подвергло тяжелому испытанию нервы наездников, лошади которых то и дело становились на дыбы. Я даже стал опасаться, как бы какая-то из квадриг не перевернулась на самом старте. Белые лошади арабского шейха, явно не привыкшие к участию в столь кучном забеге, с пеной на губах лягали повозку, в которую они были запряжены, и трясли головами, пытаясь высвободиться из упряжи.

— Сколько ты мне дашь, если я захочу поставить на белую квадригу?— спросил я у банкира.

— Если тебе так хочется подарить эти деньги, я сам ставлю

семь к одному!— с улыбкой на губах ответил он.— Так какую сумму мне записать?

— Сорок золотых монет, которые Марк ставит семь к одному на белую квадригу!— успел я выкрикнуть в тот самый момент, когда Ирод поднял вверх копые с эмблемой. Оно вонзилось в середину арены цирка, а банкир в это время записывал мое имя.

Среди оглушительного рева толпы квадриги рванули с места. Самые опытные наездники из всех сил натягивали поводья, отклонившись назад, чтобы пропустить вперед горячих новичков, дабы те первыми переломали себе кости. Однако никакая человеческая сила не могла уже сдержать несущихся вперед лошадей! Две квадриги ринулись обгонять других галопом, и их наездники, подавшись всем телом вперед, подстегивали кнутом лошадей, желая первыми достичь поворота, что, впрочем, было лишь мерой безопасности, поскольку повозки, которые мчались вслед за ними, могли легко их перевернуть.

Как и все остальные, я вскочил с места, поскольку мне еще никогда не приходилось видеть в цирке столь молниеносный старт. Упряжка князя, наездник которой раздавал удары кнутом направо и налево, смогла расчистить себе путь. Я отчетливо видел, как кнут стегнул по глазам крайней лошади белой квадриги, и мне даже показалось, что я услышал звук этого удара. Колесница араба с силой ударилась об ограждение, хорошо еще, что колесо не сломалось!

На втором круге наездник упряжки гнедых, принадлежащих командиру кавалерийской когорты из Кесарии, своим весом перевернул квадригу из Эдома; лошади волокли запутавшегося в упряжи наездника по дорожке до тех пор, пока крайняя из них не упала. Таким образом, римская квадрига вырвалась далеко вперед, но вскоре ее догнала повозка князя. Свалившийся с колесницы, хромая, поднялся на ноги. Он был весь в крови, но тем не менее ему удалось за ноздри поднять упавшую лошадь и поставить квадригу на колеса, чтобы продолжить участие в соревновании, однако раненое животное так хромало, что эта колесница уже не представляла никакой опасности для фаворитов и лишь мешала другим. По-моему, наездник вышел на дистанцию лишь для того, чтобы отомстить римлянину.

В забеге, где участвуют почти одинаковые по силе упряжки,

практически невозможно опередить соперников на целый круг, поскольку последние загораживают дорогу, и наездник, который обогнал всех, не станет рисковать, протискиваясь сквозь стену колесниц. Белые лошади окончательно выбились из ритма, поскольку ослепленное ударом кнута животное непрерывно трясло головой; их владелец в гневе размахивал руками, выкрикивая проклятия, а возница, проезжая мимо трибуны Ирода, показал кулак. В это время воронье рысак поравнялись с крепкой римской квадригой. Клавдия Прокула вскочила с места и что-то выкрикивала, притопывая ногами в позолоченных сандалиях.

Не знаю, сколько кругов прошли повозки, и не могу в точности описать, что произошло, но вдруг сирийская упряжка, словно выброшенная из катапульты, вылетела из общей массы на середину арены; ее кони упали, упряжь перепуталась, а наездник, к поясу которого были привязаны вожжи, вылетел из повозки и угодил прямо под копыта; трудно сказать, чей предсмертный крик был страшнее — человека или одной из лошадей.

Несколько секунд спустя белая квадрига, оказавшись рядом с соперницей на вираже, столкнула ее на ограждение, да так сильно, что та перевернулась на полной скорости, однако араб вышел из этого приключения целым и невредимым. Думаю, что в этом столкновении было повинно раненое животное, потому что если бы оно могло видеть, то никогда бы не приблизилось к другой повозке так близко. Наезднику перевернутой квадриги удалось увести лошадей с дорожки, пока его не затоптала следовавшая за ним упряжка, но когда он увидел подбегавших к нему конюхов, упал навзничь на землю и больше не смог подняться. Я самым искренним образом восхищался мастерством этих наездников!

Ставки сыпались теперь со всех сторон. Похоже, упряжка гнедых римского кавалериста привлекла немало болельщиков, делавших на нее ставки против княжеской квадриги; в частности, арабы, отказавшись от поддержки собственных цветов, в основном ставили на римлянина и неистово размахивали руками. Княжеская квадрига уже неоднократно пыталась обойти римскую, наездник которой действовал с большим хладнокровием и непрерывно щелкал кнута. Ирод поднялся на трибуне, затопал ногами и заорал, подбадривая своего наездника, чтобы тот обошел римлянина. Все лошади были в пене, а мы вдыхали пыль, которая

поднималась, несмотря на то что перед состязанием дорожку обильно поливали водой.

Но вот что было самым удивительным: упряжка белых лошадей, набрав скорость, теперь бежала третьей, невзирая на ужасную тряску из-за ее легкого веса. Немного приустав, великолепные белые рысаки двигались теперь ровным аллюром. Раненый конь заржал, задрал голову; наездник склонился к нему, сказал несколько слов, и умное животное перестало взбрыкивать.

Еще у одной квадриги отлетело колесо; наезднику удалось отойти с ней в сторону, чтобы ее не опрокинули остальные, однако колесо катилось дальше, и римлянину пришлось объезжать его. Этим воспользовался наездник из Галилеи и, наклонившись вперед, дико настегивая своих животных, обошел римлянина. Публика, поднявшись на ноги, принялась громко кричать, а Клавдия Прокула подпрыгивала на месте и визжала от радости, несмотря на поражение своего соотечественника, что вызвало симпатию к ней со стороны плебса и улыбки на многих лицах более знатной публики.

Количество состязавшихся квадриг заметно уменьшилось, однако отстающие мешали княжескому наезднику воспользоваться своим преимуществом. Неожиданно весь окровавленный наездник из Эдома, с лицом, ободранном о землю, повернул к нему голову и сделал знак, оставляя свободное для проезда пространство; затем точно так же неожиданно вывел свою повозку на путь следования римской квадриги, чем заметно снизил скорость последней. Все это происходило не на повороте, а на прямом отрезке пути; наездник упряжки вороных принялся выкрикивать проклятия, потому что это было грубым нарушением правил состязаний. Но кто бы смог это доказать? Эдомцу ничего не стоило придумать какой-нибудь предлог в свое оправдание! Даже арабы, сделавшие ставки на римскую квадригу, стали кричать и потрясать кулаками. В это же время белые рысаки промчались, словно ветер, по внешней стороне дорожки и оставили позади себя римлянина и эдомца. Достигнув поворота раньше других, они перешли на внутреннюю часть дорожки, следуя впритык за колесницей князя Ирода. В цирке воцарилась тишина — никто не верил в возможность подобного.

После поворота римлянин вышел галопом на внешнюю сто-

рону дорожки и без труда поравнялся с колесницей эдомца. До следующего поворота у него было достаточно места, чтобы обойти ее, однако он придержал лошадей и принялся кнутом наносить страшные удары по голове раненого наездника, от чего тот упал на колени в своей колеснице. Подобная грубость заставила толпу завопить, но когда с одной стороны послышались аплодисменты, это вызвало еще большую ненависть к римлянам. Сидевшие на трибунах зрители принялись обмениваться тумаками. Однако такая ситуация продлилась не дольше вспышки молнии; эдомец, с большим трудом поднявшись на ноги, подгонял своих лошадей и в последнем порыве успел занять место впереди римской квадриги, а затем развернул свою упряжку с очевидной целью преградить путь колеснице с гнедыми: это было уже убийство, а не бега! Большие гнедые рысаки на полном скаку врезались в лошадей эдомской упряжки, римлянин головой вперед вылетел из колесницы и, несмотря на то что его шлем был застегнут, разбил себе голову о подножье зрительской трибуны, оставшись неподвижно лежать на земле. Эдомец испустил дух еще до окончания состязаний, причиной тому стали раны, нанесенные копытами животных. Подобное развитие событий заставило оставшиеся колесницы сбавить скорость. Однако наездник князя Ирода, издав громкий крик, принялся размахивать кнутом с такой силой, что конюхи, пытавшиеся убрать тело римлянина с дорожки, бросили его и пустились прочь, опасаясь за собственную жизнь. Княжеский наездник попытался, не сворачивая, проехать по трупу, но вороны, никогда прежде не ходившие в упряжке боевой колесницы, вместо того чтобы промчаться по телу лежавшего человека, поднялись на дыбы, и колесница едва не опрокинулась.

В это время арабскому наезднику чрезвычайно искусным маневром удалось проскочить через узкое пространство, оставшееся после столкновения двух колесниц, и обойти квадригу галилеянина. Одно из колес его повозки налетело на невысокий оградительный подъем и выскочило на него, однако колесница не перевернулась и достигла поворота еще до того, как наезднику Ирода удалось объехать труп и пустить своих лошадей с прежней скоростью. Это казалось невероятным, однако теперь белая квадрига была впереди всех, а забег уже

подходил к концу! Теперь наступила моя очередь подхватиться с места и закричать! Все присутствовавшие арабы присоединили свои голоса к моему.

Наездник в красном трико впервые потерял хладнокровие и все время пытался столкнуть с дорожки белых лошадей, которых спасали скорость и сохранившаяся ритмичность бега; кроме того, колесница белого наездника была настолько легка, что проходила повороты на полной скорости, не задевая ограждений и не позволяя вороным наверстать упущенное расстояние.

Кроме них из участников забега остались еще три квадриги, которые наездник в белом по всем правилам пытался обогнать по внешней стороне дорожки. При этом наездник в красном криком приказал уступить ему дорогу; двое из них в страхе последовали его приказу, тогда как третий, управляющий колесницей, в которую были запряжены смирные и выносливые лошади, отказался подчиниться. Галилеянин вновь подстегнул своих лошадей, а затем неожиданно притормозил, ступица колеса его повозки прошла по спицам колеса повозки противника, от чего та легко перевернулась, а ее тяжело раненому наезднику пришлось выбыть из состязания. Двое оставшихся продолжали следовать по дорожке, полагаясь на судьбу, которая еще могла прервать победоносный бег тех, кто оспаривал первое место.

Однако их надежды оказались напрасными, поскольку поднятый вверх флажок уже означал победу белых рысаков, летевших, словно ласточки, навстречу победе, так и не снизив скорость бега. Бесчисленное множество зрителей рассыпалось в громких аплодисментах, воздав должное и колеснице князя Ирода, достигшей финиша с опозданием всего лишь на два корпуса. Оба наездника, успокоив своих лошадей, приблизили экипажи друг к другу и рассыпались во взаимных лицемерных поздравлениях по поводу великолепно проведенного забега. Шейх, лошади которого победили в состязании, перепрыгнул через ограждение своей ложи и в развевающемся на ветру плаще помчался навстречу рысакам; он разговаривал с ними, гладил, и, плача, целовал поврежденные ударом кнута глаза лошади.

Между болельщиками произошло несколько стычек, однако стража быстро избавила цирк от их присутствия. Проигравшие в тотализаторе с наигранным удовольствием утверждали, что для них

наибольшим наслаждением было присутствие на столь великолепных бегах.

Ко мне подошел банкир в сопровождении купца из Эдома, чтобы поздравить с выигрышем, и прежде чем отсчитать мне причитающиеся сто восемьдесят золотых монет, которые для многих представляют собой значительное состояние, передал своему спутнику сто золотых монет, проигранных Клавдией Прокулой. Но я не смел обижаться на супругу прокуратора!

В том, что в ночь, после которой я по неизвестной причине проснулся с глазами полными слез, и которая последовала за бурей, мне снились белые лошади, не было сомнений. Вот почему при появлении белой квадриги я, вспомнив о своем сне, сделал ставку именно на нее. Однако что-то подсказывало мне, что я сделал это не по собственной воле: ведь белые лошади, выехав на арену, споткнулись и упали, что было дурным предзнаменованием; а я, хотя не доверяю всяким предзнаменованиям, не привык действовать вопреки им. И теперь я осознал, что обязан разыскать девушку, о которой мне поведал одинокий рыбак. По его словам, она в этот вечер оплакивала в греческом театре смерть своего брата.

Клавдия Прокула попросила сопровождать ее на празднество, организованное князем Иродом, хотя я не был туда приглашен: она, конечно же, считала, что эта честь вполне стоит ста золотых монет, которые я ей одолжил. Однако я не испытывал никакого желания оказаться лишним среди нескольких сот приглашенных, которых князь созвал, руководствуясь делами государственной важности. Клавдия ничуть не рассердилась, когда я отклонил ее предложение, безусловно сочтя меня глупым из-за того, что я не воспользовался предоставленной возможностью.

По окончании состязания из цирка вырвался громадный поток людей, заполнивших улицы Тивериады. То там, то здесь, несмотря на присутствие городских стражей и патрулей из римских легионеров, вспыхивали драки и различного рода беспорядки. Я добрался до греческого театрала без приключений. Представлений не давали, но тем не менее дверь была широко раскрыта, а внутри помещения ютилась толпа бродяг, не нашедших себе другого пристанища; люди, собравшиеся здесь, готовили пищу на

импровизированных кострах, и можно себе представить вид этого красивого театра на следующее утро!

Я прошел к свободному пространству между рядами и сценой, беспрепятственно спустился вниз, где находится все театральное оборудование и где иногда вынуждены устраиваться артисты. Все здесь было так, как во всех театрах после отъезда труппы: персонажи, их действия и слова еще какое-то время остаются жить на сцене. Это погруженное в постоянный полумрак место всегда мне казалось царством теней, описанным поэтами. Каждый раз, спускаясь сюда, чтобы принести цветы герою, растрогавшему своей игрой, я испытывал чувство холодного душа: актер, снявший сценический костюм, оказывался вовсе не тем человеком, которого я видел во время спектакля.

Двигаясь по этому царству теней, я не переставал думать о том, что теперь отделяло меня от прежней жизни с ее радостями и удовольствиями.

Когда в конце коридора я увидел старого грека с огромным животом и запухшими глазами пьяницы, мне показалось, что я встретил привидение. Угрожающе потрясая тростью, он спросил, что мне здесь нужно и как я сюда попал. Чтобы успокоить его, я объяснил, что просто-напросто ищу одного человека, который, возможно, находится где-то в одной из лож его театра.

— Может, ты имеешь в виду кого-то из этих бродячих египтян, обманувших меня и принесших труп под крышу моего театра?— с удвоенной злостью закричал он.— О, что за неблагодарность! Ночью они сбежали, даже не заплатив того, что были мне должны. Думаю, мне хочется их отыскать намного больше, чем тебе!

— Мне говорили, что здесь я смогу найти девушку, которая потеряла своего брата. Мне нужно поговорить с ней!

Старик озабоченно уставился на меня:

— А ты случайно не ее сообщник? Я держу ее в качестве заложницы и забрал у нее всю одежду и обувь. Пока мне не заплатят все до последнего оболы, я не собираюсь ее освобождать.

— Проведи меня к ней, и ты не пожалеешь об этом,— сказал я, позванивая монетами.

Старик, по-прежнему бросая на меня недоверчивый взгляд, хромающей походкой проводил меня в конец коридора; он снял засов с деревянной двери, за которой находилась маленькая

комнатка. При тусклом свете, падавшем из отверстия в одной из стен, я смог различить очертания хрупкой девушки. Она сидела на корточках в углу безо всякой одежды, лицо было скрыто растрепанными волосами, весь облик ее говорил о том, что она убита горем. Когда мы вошли, девушка даже не пошевелилась. В комнате не было ни воды, ни пищи, ни тряпок, чтобы прикрыть ее наготу.

— Она просто бешенная! Когда я хотел заставить ее танцевать перед входом в театр, она вцепилась мне в бороду!— сказал старик.— В городе полно чужестранцев, и если бы она танцевала, они, возможно, бросили бы ей несколько монет. Знай же, что мне пришлось заплатить за похороны ее брата, кроме того, у этих египтян остались передо мной и другие долги!

Я прикоснулся к плечу девушки и бросил ей кошель.

— Меня направили сюда, чтобы я передал тебе сто пятьдесят золотых монет,— громко произнес я.— Оплати свой долг, прикажи, чтобы тебе вернули одежду и все твоё имущество, а затем можешь идти, куда захочешь!

Однако девушка не шевельнулась.

— Сто пятьдесят золотых монет!— воскликнул старик, размахивая правой рукой, словно желая тем самым оградить себя от злых чар.— Это приводит меня в ужас! Все вино уже выпито, и теперь у меня начались галлюцинации — я слышу призраков!

Он пытался было схватить кошель, однако я опередил его, поинтересовавшись о размере ее долга.

— Я благоразумный человек, а эта девушка навлекла на меня немилость, поэтому десяти монет будет для меня достаточно. Отдай их мне, и я сразу же схожу за одеждой, вином и едой: должно быть, она настолько ослабела от голода, что не в состоянии произнести ни слова! Она не сможет доставить тебе никакого удовольствия!

И вцепившись в мое плечо, он прошептал мне на ухо:

— Сто пятьдесят золотых монет — это настоящее безумие для такой девчонки! Вероятно, ты лишился разума! Оплати долг, забери ее и делай с ней, что захочешь! А если ты дашь мне хотя бы монетой больше, я смогу представить необходимые документы, чтобы правосудие поставило на ней клеймо, тогда она станет твоей рабыней — ведь за нее больше некому заступиться.

Не поднимая головы, пленница отбросила с лица волосы и процедила сквозь зубы:

— Дай этому подлому старику пять монет, и этого будет вполне достаточно, чтобы покрыть мой долг.

Я развязал кошель и отсчитал пять монет, а он был настолько счастлив, что даже позабыв поторговаться, сразу же побежал за пожитками девушки. Бросив узел с ее вещами посреди комнаты, он с победным видом сообщил, что немедленно отправляется на поиски вина и пищи. Я вновь бросил кошель к ногам незнакомки и повернулся, чтобы уйти.

Ее вопрос остановил меня.

— Что тебе нужно? За сто сорок золотых монет можно приобрести гораздо больше удовольствий, чем я смогла бы тебе доставить! Сегодняшней ночью я решила повеситься на своих волосах.

— Мне от тебя ничего не нужно,— успокоил я ее.— Меня направили сюда, чтобы я передал тебе эти деньги, вот и все.

— Этого не может быть!— недоверчиво произнесла она и подняла голову, чтобы взглянуть на меня.

К моему большому удивлению, мы были знакомы: это была Мирина, та самая танцовщица, что плыла со мной на одном судне во время морского путешествия. Из-за бороды и иудейских одежд она признала меня не сразу.

— Мирина!— воскликнул я.— Не ожидал тебя встретить! Что случилось? Какое горе навело тебя на мысль повеситься?

Она развязала свой узелок, достала оттуда гребень, расчесала волосы и повязала их лентой, затем одела короткую тунуку и разукрашенные сандалии танцовщицы. А потом, разрыдавшись, бросилась в мои объятия, прижалась ко мне своим хрупким тельцем, уткнулась лицом в мою грудь и залила весь плащ слезами.

Легонько похлопывая по плечу, я попытался успокоить ее.

— Неужели твой брат действительно умер, и ты сейчас оплакиваешь его?

— Все мои слезы по нему я уже выплакала!— удалось ей произнести между всхлипываниями.— Теперь же я плачу от радости — на свете еще остался человек, желающий мне добра. Этой ночью я умерла бы, и у меня не оказалось бы даже одного обода, который кладут мертвым в рот, чтобы заплатить перевозчику в мир теней!

И крепче прижавшись ко мне, она разрыдалась еще сильнее. Поначалу мне было трудно добиться от нее хотя бы одного вразумительного слова, однако успокоившись, она поведала мне о всех злоключениях, сопровождавших труппу артистов на протяжении всего пути. Добравшись до Переи, где они дали несколько представлений для римских солдат, находившихся на отдыхе, артисты стали жертвой свалившейся на них лихорадки. Во время обратного путешествия им пришлось играть прямо на полях, где убирали хлеб, и иудеи забрасывали их камнями. Тогда они отправились в Тивериаду, надеясь устроить здесь представление и приурочить его ко дню проведения бегов. Однако ее брат, купаясь в озере, пошел ко дну. Несмотря на то что его тотчас же вытащили и она сама катала его по земле и пыталась вдохнуть в него жизнь, он так и не пришел в себя. Они тайком перенесли тело в театр, а старый грек помог похоронить его. Все артисты сбежали, оставив ее заложницей, однако она не могла больше танцевать, после того как иудеи во время одного из представлений забросали ее камнями.

— Пока был жив брат, мы могли постоять друг за друга, и я не была одинокой на этом свете. Однако когда он умер, меня охватило отчаяние. Я поняла: куда бы ни направились мои стопы, меня будет повсюду преследовать неудача, и некому будет защитить меня; от этого мне больше не хочется жить. Я больше не могу ни есть, ни пить, чувствую себя совершенно разбитой и больше ничего не хочу ни слышать, ни видеть, ни чувствовать, ни знать на этом свете! Мне все надоело, у меня осталось лишь чувство скорби по брату! Я не могу тебя понять,— продолжала она.— Видимо, твои деньги предназначены, для того чтобы стать для меня новой наживкой или очередным искушением, дабы я продолжила напрасные попытки цепляться за жизнь и без защиты опять подверглась ударам судьбы, которые готовит мне мой злой жребий. Нет! Забери свое золото и дай мне здесь умереть! Теперь, вновь обретя возможность ясно мыслить, я больше не хочу страдать от разочарований, боли и отчаяния!

Вернулся старый грек и принес хлеба и ячменной похлебки. Дрожащими руками он наполнил кубок вином и предложил Мири-не выпить.

— Идите в мою комнату,— добавил он.— У вас там будет ложе и светильник, а я устрою так, чтобы вам было уютно.

— Нам хорошо повсюду,— ответил я.— Оставь нас мы хотим поговорить.

Он любезно ответил, что никто не потревожит наш покой до завтрашнего дня и что если мы пожелаем еще вина, достаточно будет сказать ему об этом. Он ушел, прихватив с собой кувшин. Мирина принялась за еду, поначалу без аппетита, но в конце концов с жадностью съела всю тарелку и весь хлеб, до последней крохи.

Утолив голод, она сказала:

— Что может быть предосудительного в моих танцах? Почему на меня пало проклятие и мои члены теперь дрожат от страха? Ты же видел, как я танцевала на корабле! Ведь я танцую вовсе не для того, чтобы обольщать мужчин, а чтобы развлечь публику. И какое значение может иметь то, что я танцую без одежды? Убранство лишь стесняло бы движения, а мое тело не может вызвать никакого влечения, тем более что у меня даже нет груди! Я всего лишь мускулиста, вот и все! Никак не могу понять, почему иудеи столь безжалостно забрасывали меня камнями.

Она показала мне синяки от ударов и еще не зажившую рану на голове.

— Однажды, в какой-то деревне мы попросили накормить нас и в благодарность дали представление, стараясь как можно лучше петь, играть и танцевать, но они убили бы меня, если бы нас не было так много. Мысль о том, что в моем искусстве может быть что-то предосудительное, не дает мне покоя. Больше никогда я не смогу танцевать, как прежде.

— Кажется, я понимаю причины их враждебного отношения к тебе,— подумав, произнес я.— Рассказывают, что княгиня Иродиа приказала своей дочери танцевать перед распутным Иродом Антипасом, чтобы соблазнить его и получить голову проклявшего ее пророка. Поэтому соблюдавшие закон сыны Израиля ненавидят простые танцы.

Покачив головой, Мирина сказала:

— Прежде я гордилась своим ремеслом, мне нравилась свободная и богатая разнообразием жизнь артистки. Однако несчастья, свалившиеся на нас одно за другим, и последнее из них — смерть брата, вселили в меня отчаяние и навсегда отняли желанные жить.

Но облегчив душу, она с любопытством развязала кошель и, перебирая монеты, поинтересовалась, что за святой человек направил меня сюда и как мне удалось раздобыть это золото. Тогда я поведал ей о своей встрече с одиноким рыбаком и о том, что произошло на бегах.

— Уверен, этот человек, находясь на другом берегу озера, услышал, как ты плакала здесь, под театральной сценой. И все же я даже не берусь объяснить, как ему это удалось и откуда он узнал о гибели твоего брата. Тем не менее эти деньги — твои, и ты вольна идти, куда хочешь.

Наморщив лоб, Мирина взмолилась:

— Назови мне его имя! Ответь, у него был вид много выстрадавшего человека, у которого почти не осталось сил? Не было ли его лицо таким приветливым и строгим одновременно, что его нельзя забыть? Возможно, у него были следы от ран на ногах и запястьях рук?

— Верно!— обрадованно подтвердил я.— А где ты его видела?

— После того, как мы спаслись бегством от гнева иудеев, для еды нам оставались лишь полевые травы,— принялась вспоминать Мирина.— Добравшись до колодца, мы чувствовали себя настолько уставшими и потрясенными неудачей, что решили остановиться около него на ночь. И тогда этот человек, едва передвигая ноги от усталости, приблизился к нам и попросил дать ему воды. Однако все мы испытывали такую ненависть к иудеям, что мужчины прогнали его, а мой брат даже принялся насмехаться, выкрикивая: «Даже если бы ты оказался в иудейском аду, я и мизинца не намочил бы, чтобы облегчить твои мучения, проклятый иудей!» Однако я сжалась над ним, достала ему воды, дала напиться и омыла его израненные ноги, потому что он был не в состоянии сделать это сам. Никто из артистов не стал препятствовать мне, потому что все они способны к самому большому состраданию; я уверена, что мой брат выкрикивал свои слова только шутки ради и в конце концов позволил бы ему подойти к колодцу. Не забывай, что тогда мы были в гневе на иудеев! Я омыла ему ноги, а он, утолив жажду, с нежностью посмотрел на меня, благословил и сказал: «То, что ты сделала для меня, ты сделала для пославшего меня. Только

за это одно тебе будет прощено многое. Князя и цари будут с завистью смотреть на тебя, потому что ты утолила мою жажду».

— Неужели он действительно так тебе сказал, о Мираина?— удивленно спросил я.

— Да, именно так!— подтвердила Мираина.— Эти необычные слова врезались мне в память, и я постараюсь никогда их не забыть, хотя совершенно не поняла их смысл. Я вернулась к трупке, а он исчез. Мы смирились с тем, что нам придется провести ночь у колодца с пустыми желудками, и принялись грызть кору деревьев. Как только мы устроились на ночлег, на дороге появилась старуха, она осматривалась вокруг, словно кого-то искала. В руках у нее была корзина с ржаным хлебом и бараниной, которую она поднесла нам, а когда мы предупредили, что у нас нет денег расплатиться, она ответила: «Берите и ешьте! Мне сказали все отдать, тогда это возместится мне во сто крат!» Мы взяли корзину и поели. Мужчины считали, что иудеи таким образом решили загладить свою вину перед нами. Затем старуха собрала остатки пищи и удалилась. А я считаю, что тот уставший и обессиленный человек повстречал ее на своем пути и попросил принести нам еду за то, что я была добра к нему. Кем же может быть этот человек, если в тот же вечер ты повстречал его на противоположном берегу озера?

Я подумал, уместно ли рассказывать ей о назаретянине, и после недолгих колебаний, ответил:

— Не знаю, и не могу этого постичь. Во всяком случае он царски вознаградил тебя за толику воды, которую ты ему поднесла! Лично я не догадывался о том, что повстречаю здесь именно тебя и что тебе я должен буду передать выигранные на бегах деньги, о Мираина! В этом я усматриваю знак того, что я не по собственной воле покинул Александрию. А теперь оставайся с миром и распоряжайся этим состоянием по своему усмотрению, а я вынужден тебя покинуть, потому что дожидаюсь одного важного известия.

Мираина вцепилась в мою руку и заставила меня сесть.

— Не может быть и речи о том, чтобы ты ушел, не дав мне более точного объяснения!— решительно сказала она.— Человек, о котором ты рассказывал, не может быть обычным человеком, потому что никто не изъясняется и не поступает так, как он.

Не желая доверять тайну царствия юной незнакомке, ремесло которой вдобавок было весьма сомнительным, я резко возразил:

— Ты получила от него свое и даже больше, чем того заслуживаешь! Оставь меня в покое!

Она ткнула кошель мне в руки и с яростью крикнула:

— Прибереги эти деньги для себя, и пусть они до конца дней будут на твоей совести! Тебе не отделаться от меня деньгами, которые не могут принести никакого облегчения моему горю! Лучше уж я повешусь! Немедленно расскажи мне все, что ты знаешь об этом человеке, и отведи меня к нему!

Видя, что мне просто так не избавиться от нее, я с горечью воскликнул:

— Я не в состоянии постичь своим человеческим разумом его дела! Неужели в этой стране нет богобоязненных вдов и сирот, которые ищут пути к его царству? Почему в наказание мне он послал грешную от самого своего рождения египтянку?

— Я вовсе не подлого происхождения египтянка!— обиженно возразила она.— Я родилась на острове, мои родители — греки с превосходной репутацией, и я не понимаю, что ты имеешь в виду, говоря о том, что я грешница с самого дня своего рождения! В моем ремесле, которое служит публике и пробуждает ее мечты, нет ничего постыдного! Конечно, я не стану утверждать, что принадлежала только одному мужчине, однако данный грех можно совершить только вдвоем, и я не берусь утверждать, что этот грех ложится на меня, а не на мужчину, побуждающего меня своими деньгами согрешить с ним. Однако с прошлым покончено, прежняя Мирина умерла. Я надеюсь обрести новую жизнь, которую нельзя купить за деньги, и ты должен помочь мне в этом так, как если бы был мне братом!

Мне хотелось разрыдаться! Едва я избавился от Марии из Беерота, как уже другая, куда более опасная девушка хотела накрыть меня своим колпаком! Мне оставалось лишь одно — объяснить ей все! Хорошо взвешивая слова, я начал:

— Не знаю, сумеешь ли ты понять то, что я хочу сказать, но ты ведь тоже кое-что повидала в своей жизни и тоже не все можешь объяснить. У меня есть причины полагать, что человек, чью жажду

ты утолила и с которым я разговаривал ночью на берегу,— некий Иисус из Назарета.

— Я слышала о нем!— к моему великому удивлению воскликнула она.— В Декаполе легионеры только и говорили о том, что он творил чудеса, исцелял больных, воскрешал мертвых и обещал создать новое царство для сынов Израиля, за что в Иерусалиме он был распят, однако его ученики под носом у Понтия Пилата выкрали его тело, чтобы люди считали, будто он воскрес из мертвых. Неужели ты хочешь сказать, что он на самом деле воскрес и что именно его я встретила у колодца?

— Он действительно воскрес!— подтвердил я.— В этом знак того, что он — Сын Божий, и я полагаю, что он обладает властью как на земле, так и на небесах. Ничего подобного до сих пор еще не случалось! Сейчас он прибыл в Галилею и назначил встречу своим приверженцам у одной из гор; безусловно, ты встретила его на пути сюда.

— Но как он мог испытывать жажду, если он в самом деле Сын Бога?— разумно заметила Мирина.

— Откуда мне знать?— буркнул я в ответ.— Я сам ощупывал его спину и обнаружил следы от кнута на его плечах! Могу засвидетельствовать, что он из такой же плоти и крови, как и все мы, но при этом он действительно Сын Божий! И не спрашивай меня, как это может быть! Я только убежден в том, что это — одна из прекраснейших его тайн! Я полагаю, что его царство не может быть земным, как это считают сыны Израиля.

Мирина раздумывала над моими словами, а ее расширившиеся от удивления глаза блуждали где-то в пустоте.

— Если он действительно таков, как ты мне его описал,— проворчала она,— тогда он послал тебя для того, чтобы ты заменил мне погибшего брата, а не просто передал эти деньги. Таким образом, он связал нас вместе, как связывает за лапки пары голубей. Я тоже жажду обрести его царство, каким бы оно ни было, лишь бы не оказалось похожем на эту жизнь, которой с меня и так достаточно. Давай вместе отправимся к этой горе и бросимся ему в ноги, чтобы он принял нас в своем царстве так же, как он дал мне в твоём лице брата, а тебе — сестру.

— О Мирина, уверяю тебя, что мне не нужна сестра!— ответил я.— Ты ошибаешься! Не может быть и речи о том, чтобы я взял тебя

к этой горе, потому что, с одной стороны, я сам не знаю к ней пути, а с другой,— его ученики могут меня убить, подумав, что я выслеживаю их священные тайны! Постарайся понять! Они уверены, что это царство предназначено лишь для прошедших обрезание иудеев, и не допускают к нему ни римлян, ни греков, ни даже самаритян, которые не признают их храма. Это дело намного сложнее и опаснее, чем ты себе представляешь. И все же, если ты обещаешь хорошо вести себя и не мешать мне, если они не сразу заберут в это царство всех верящих в него, я обязуюсь вернуться и рассказать тебе все, что мне удастся узнать; если же будет по-другому, то я не смогу вернуться, однако, надеюсь, что ты сохранишь добрые воспоминания обо мне.

Она швырнула кошель мне в лицо и насмешливо произнесла:

— Ладно! Как утопающий хватается за соломинку, я была готова ухватиться за Иисуса из Назарета и считать тебя своим братом, хотя ты этого совершенно недостоеин! С братом мы понимали друг друга с полуслова, а иногда для этого достаточно было лишь одного взгляда, смеялись над одним и тем же, даже над голодом и нищетой! Ступай же прочь, мужчина с каменным сердцем, который считает, что за деньги можно купить живого человека! Поспешి поскорее добраться до своей горы! Только мне покажется странным, если тебя допустят в это царство, после того как ты оставишь меня в отчаянии и бросишь в объятия смерти! Что может знать такой богач, как ты, об отчаянии и одиночестве?

Я прочел в ее зеленых глазах решимость покончить с жизнью хотя бы для того, чтобы досадить мне. Однако твердость ее слов зародила в моей голове одну мысль, которая поначалу казалась совершенно абсурдной: а вдруг назаретянин действительно желал, чтобы я смилостивился над ней и принял как собственную сестру. И еще я понял, что его царство для человека не только было источником наслаждений, но и требовало совершения нелегких поступков.

— Ну что же, сестра моя Мирина,— суховатым тоном произнес я,— давай отправимся туда вместе, однако не обижайся на меня за последствия!

— Не говори со мной таким неприятным тоном!— произнесла она, видимо не испытывая никакого удовольствия от выраженного подобным образом согласия.— Если ты собираешься взять меня

с собой, обращай со мной, как подобает брату, и прими меня от чистого сердца! Иначе у меня нет желания отправляться в путь вместе с тобой!

Мне не оставалось ничего другого, как по-братски обнять ее хрупкое тело, расцеловать в обе щеки и нежными словами попытаться утешить ее. Она пролила еще несколько слезинок, а затем мы вместе вышли из театра, не встретив никаких возражений со стороны напевавшего перед кувшином вина старого грека.

Солнце закатилось за горы. В роившемся от потоков людей городе повсюду зажглись светильники и факелы. Я так торопился поскорее добраться до гостиницы, что даже не догадался купить девушке новую одежду, и ее облачение танцовщицы с украшенными сандалиями вызывало заигрывание со стороны прохожих. У меня было предчувствие, что ученики Иисуса пустятся в путь именно этой ночью: действительно, трудно было представить себе более благоприятный момент, чем завтрашний день, когда толпы отъезжающих из Тивериады заполонят все дороги; ни один из путешественников не привлечет к себе внимание. Эти мысли заставили меня ускорить шаг.

Однако когда я, весь в поту и задыхаясь, добрался до гостиницы, то при ярком свете понял, что допустил оплошность. Элегантно одетый владелец направился в мою сторону, оглядывая Мирину с головы до ног, несмотря на то что привык к причудам богатых постояльцев.

— Какой же ты ненасытный, римлянин!— упрекнул он меня.— Сначала, чтобы поразвлечься, ты привез с собой молодую иудейку; я закрыл на это глаза, хотя и знал, что ты прятал ее за шторами своей комнаты. Однако то, что ты делаешь сейчас, превосходит меру моего терпения: в первый же день праздника ты приводишь в мой дом глупую артисточку, которая, как только ты уснешь, станет предлагать себя за несколько драхм другим постояльцем, учинит скандал и удерет, прихватив с собой постельное белье! Нам хорошо известны повадки артистов!

Я посмотрел на Мирину глазами этого грека и лишь теперь заметил, что на ней был убогий плащ танцовщицы, колени испачканы, лицо распухло от слез; создавалось впечатление, будто она прибыла сюда прямоком с какой-то оргии; кроме того, в руках она держала сценические одежды и инструменты брата, что не может

служить рекомендацией для того, кто желает снять комнату в роскошной гостинице! Таким образом, мне стали понятны претензии хозяина, а Мирина, в свою очередь, потупила взор и сочла разумным промолчать, да и возразить владельцу было нечего. И все же я почувствовал обиду за подобные замечания, которые поставили под сомнение мою способность к здравому рассуждению. Поняв всю абсурдность возникшей ситуации, я схватился обеими руками за голову.

— Ты заблуждаешься!— воскликнул я.— Эта девушка — моя сестра; мы поссорились, когда плыли из Александрии, и она увязалась за труппой бродячих артистов; я снова встретил ее в театре Тивериады, ей уже надоели все эти приключения. Надеюсь, у нее здесь будет возможность помыться, опрятно одеться и сделать прическу. Прошу тебя не позорить ее перед другими, и ты не пожалеешь об этом!

Похоже, грек отчасти поверил моей истории, хоть и проворчал, что на его памяти ни один из клиентов, каким бы он ни был пьяным, не называл шлюху, которую тащил к себе в комнату, сестрой. Однако увидев, что я отнюдь не пьян, и поверив, что я знал Мирину прежде, а не подобрал ее где-то на улице, он разрешил нам войти в гостиницу и приказал рабу провести девушку в ванную, парикмахеру — причесать ее и завить волосы, наконец, одному из купцов — принести в комнату одежды. Мне хотелось, чтобы она подобрала приличное и не слишком броское убранство для будущего путешествия, однако когда Мирина вернулась в комнату после купания, ей захотелось примерить все принесенные наряды и повертеться перед зеркалом, которое держал перед ней один из рабов; это так меня утомило, что я не выдержал и бросился навзничь на постель, заткнув уши, чтобы не слышать ее несносной болтовни.

Увидев, что я по-настоящему рассержен, она сбросила весь ворох одежды на пол, отослала раба, присела рядом со мной и прикоснулась к моему плечу.

— Когда женщину купают в благовониях, умело причесывают и красиво принаряжают, она избавляется от горя и страданий! Только не забывай, что я с удовольствием осталась бы в своем изношенном плаще и в старых порванных сандалиях, если бы от этого зависело твое благополучие! Постарайся же улыбнуться

вместе со мной и посмеяться над моими поступками, чтобы отвлечься от мрачных мыслей!

— О сестра! Хорошо, что твоя грусть проходит!— воскликнул я, закрыв лицо руками.— Но теперь мной начинает овладевать отчаяние: взгляни — уже поздно, и каждая убегающая секунда увеличивает мои опасения. Не знаю, чего мне стоит бояться, но в глубине души прошу Иисуса из Назарета не покидать нас! Не говори мне о волосах и одеждах! Какая мне разница, что на мне, что я ем и пью! Назначенный час близок, и Учитель скоро должен предстать перед теми, кто верит в него!

Мирина заключила меня в свои объятия и прижалась нежной щекой к моему плечу.

— Неужели ты действительно от чистого сердца назвал меня сестрой?— тихо спросила она.— Если да, то мне больше ничего не нужно. Точно так же я спала в объятиях своего брата, доверчиво кладя ему голову на грудь.

Мирина так и уснула в моих объятиях, и лишь иногда ее сон прерывался неожиданными всхлипываниями. Охватившее меня беспокойство не давало мне сомкнуть глаз. На грани между сном и реальностью мне привиделась картина, смысла которой я не смог понять: постаревший и с поседевшими волосами, я бесконечно долго брел по пустыне, одетый в изодранный плащ и босиком. Рядом со мной шагала уставшая Мирина, неся на хрупком плече какой-то сверток. За нами ехала на осле Мария из Беерота, расплывшая и обрюзгшая, а ее лицо выражало недовольство. Где-то впереди меня, в сиянии шествовал какой-то человек, временами он оборачивался в нашу сторону, однако мне, несмотря на все усилия, никак не удавалось настичь его.

Я проснулся весь в поту: если этот сон был вещим и открывал мне будущее, если таковым обещало быть царство назаретянина, тогда, возможно, было бы лучше отказаться от его поисков. Я вспомнил, что он предсказал мне немало других бед в ночь, когда я разговаривал с ним, если это только действительно был он! Мне показалось, что я погружаюсь во мрак, который был беспросветнее самой темной ночи.

— Иисус из Назарета, Сын Божий, помилуй меня!— в ужасе во весь голос воскликнул я.

И тогда мрак отступил. Сложив вместе ладони, я повторил про

себя молитву, которой научила меня Сусанна. После слов «Аминь!» я уснул и мирно проспал до самого рассвета.

От сна меня пробудило резкое движение: это Мирина поднялась и села подле меня. Через ставни в комнату проникал бледный отсвет нового дня.

— О брат мой, Марк!— воскликнула она, и ее глаза блестели, а лицо освещала улыбка.— Какой прекрасный сон я только что видела!

И она поведала мне его:

— Мы поднимались по огненной лестнице: ты, я и еще кто-то, однако огонь вовсе не жег, и мы по-прежнему шли вверх к свету, который становился все ярче; ты устал, однако я взяла тебя за руку и помогла продолжить путь. Никогда еще мне не приходилось видеть столь прекрасный сон, думаю, что в нем скрыто доброе предзнаменование.

— Мне тоже приснился сон!— ответил я.

И подумал, что наши сны могли значить одно и то же, только увиденное с разных позиций. В этот момент послышался стук в дверь, и в комнату вошел заспанный раб.

— О господин, не сердись, только там спрашивают тебя! Если бы внизу не стоял какой-то настырный человек с двумя ослими, я никогда не посмел бы разбудить тебя. Он не перестает твердить, что ты должен немедленно отправиться в путь!

Укутавшись в плащ, я поспешил вниз. Солнце еще не успело подняться, и я увидел дрожавшего от холода Натана. При моем появлении у него вырвался возглас облегчения. Похоже, он так торопился, что позабыл о своем обете молчания.

— Этой ночью они выехали из Капернаума, взяли с собой семьи и родственников. Они забрали с собой Сусанну, которой я дал одного из ослов, а второго одолжил Симону Петру; у его старой тещи слабое здоровье. Я подумал, что тебе лучше наладить с ним хорошие отношения, хотя он пока не знает имени владельца этого осла. Однако я не думаю, чтобы они стали изгонять кого бы то ни было из числа тех, кто получит сию весть, потому что это день прощения грехов. Вполне возможно, что царство будет основано в следующий вечер.

— Брать ли мне с собой меч?— поинтересовался я.

— Нет. Он говорил, что каждый, кто воспользуется мечом, от

меча и погибнет. Если придется, он вполне может призвать себе на помощь целый легион ангелов. Давай же поспешим к этой горе.

Я еще поинтересовался, далеко ли ехать, и Натан ответил, что он знает, где находится гора и все пути, которые к ней ведут. Дорога должна была занять у нас целый день. Натан полагал, что лучше всего прибыть туда с наступлением темноты, чтобы не привлекать к себе понапрасну внимание. Я попросил его подождать, пока я оденусь и предупрежу свою спутницу.

При появлении Мирины Натан удивился: он полагал, что Мария из Беерота по-прежнему оставалась со мной. Он с упреком уставился на меня. Я почувствовал себя виноватым, словно обманул его доверие.

— Она такая же чужестранка, как и я, — оправдывался я. — У нее погиб брат, и теперь она — моя сестра. Во имя Иисуса из Назарета сжался над ней! Но если ты откажешься взять ее, я тоже не смогу отправиться с тобой, потому что дал ей обещание привести на встречу у горы.

В глазах сурового Натана я, несомненно, выглядел бесчестным человеком, который нарушил свое слово, однако он не стал противиться моему решению. Думаю, что после столь долгого ожидания отъезд стал для него таким облегчением, что он согласился бы взять с собой даже Ирода Антипаса, если бы тот попросил об этом. Воспрянув духом, я высказал мысль, что ученики, поглощенные заботами, возможно, предоставят Иисусу самому решать, кого допускать в свое царство.

Натан вывел нас самым коротким путем на дорогу, ведущую в глубь страны. Как я и думал, на ней было полно людей, покидавших Тивериаду после бегов. Оказавшись у перевала, я смог насладиться прекрасным пейзажем Галилейского моря и города с его многочисленными портиками.

На протяжении всего пути у каждого моста были выставлены сторожевые посты, в этот день римские власти решили устроить настоящую проверку: легионеры останавливали любой экипаж, не взирая на то, запряжен ли он ослами, верблюдами, лошадьми или быками, и проверяли исправность уплаты пошлины. Тех, кто следовал пешком, они не заставляли платить подать, однако останавливали каждого, показавшегося им подозрительным человека, задавали ему вопросы и проверяли, нет ли при нем оружия.

Когда мы начали спускаться вниз, Галилея показалась нам настоящим садом — настолько тщательно были возделаны вокруг нас земли. Однако немало пеших путников при виде солдат сбегали с дороги, и тогда работавшие в поле крестьяне громко негодовали и жаловались, что толпы пришельцев вытаптывали их поля и виноградники, дабы обойти посты.

Мы проследовали без всяких приключений, никто нас не обсыкивал; однако нам трижды пришлось уплатить за наших двух ослов. Около полудня мы сделали привал у колодца, чтобы дать животным передохнуть и самим перекусить; вдруг я вспомнил о Марии Магдалине и справился у Натана, была ли она оповещена, или же нам придется свернуть с пути и сделать это самим. Моя душа не успокоилась до тех пор, пока он не объяснил мне, что все, кто ждал известия, получил его.

Этими минутами отдыха я воспользовался, для того чтобы понаблюдать за теми, кто не позволял себе даже короткой остановки в этот самый жаркий час дня, и забавы ради попытался определить среди них тех, кто направлялся к горе. Лица некоторых выражали такую надежду, словно дорожная пыль и усталость не имели для них никакого значения. Те же, которые возвращались с бегов, шли с опущенной головой и едва переставляли ноги. Многие срезали ветви деревьев, чтобы прикрыть голову от неимоверно палящего солнца. Перед нами прошел красивый юноша, поддерживая слепого старика.

Мы уже собрались продолжить свой путь, когда вдалеке послышался топот копыт и крики, предупреждавшие о приближении колесницы. Вслед за этим мимо нас пронеслась с грохотом серая квадрига, принимавшая участие в состязаниях. Видимо, задержавшийся у предыдущего поста наездник пытался теперь наверстать упущенное время, нисколько не заботясь о тех, кто шагал по дороге. Не оставалось никаких сомнений в том, что на такой скорости он кого-нибудь собьет. Добравшись до поворота, мы увидели, что несчастье не заставило себя долго ждать: у обочины собрались люди, потрясая кулаками в сторону удалявшейся колесницы. Юноша, который был поводырем слепого старика, сумел вовремя оттолкнуть того в сторону, однако сам угодил под копыта лошадей; его лицо было в крови, на голове зияла рана, вероятно, у него была сломана нога, потому что при попытках встать он вскри-

кивал от боли и не мог удержаться на ногах; старик же раздраженно что-то выкрикивал, не понимая, что произошло.

Собравшиеся, поняв что здесь потребуется помощь, поспешили продолжить свой путь. Юноша вытер кровь с лица и оступал свою ногу. Я с любопытством наблюдал за ним, полагая, что ему следовало возблагодарить судьбу за то, что он вообще остался жив. Сдерживая боль, он ответил на мой взгляд и с грустью принялся успокаивать старика. Мы продолжили бы свой путь, если бы Мирина не попросила Натана остановить ослов. Ловко соскочив со своего животного, она склонилась на коленях подле раненого юноши и принялась обеими руками ощупывать его ногу.

— У него перелом!— крикнула она нам.

— Если ты удовлетворила свое любопытство, мы сейчас же продолжим путь, чтобы не опоздать,— с иронией ответил я ей.

— Сыны Израиля, Бога ради, сжальтесь над моим слепым отцом!— взмолился юноша.— Ему было обещано, что он найдет одного целителя, если сможет добраться до него сегодняшним вечером. Завтра будет уже слишком поздно! Не беспокойтесь обо мне, только умоляю, возьмите с собой отца и доведите его до долины Назарета. Возможно, там над ним сжалится другой человек и доведет его до нужного места и по нужному пути.

— На свете много путей, и на многих из них легко заблудиться!— вмешался Натан.— Ты уверен, что находишься на верном пути, юноша?

Несмотря на боль, лицо юноши озарила улыбка. Печальное, залитое кровью, с выражением отчаяния, оно все же было прекрасно.

— Существует лишь один путь!— с облегчением произнес он в ответ.

— И у нас он тот же,— сказал Натан, вопрошающе взглянув на меня.

Я слез с осла и сказал:

— Подойди сюда, слепец, я помогу тебе сесть на осла, а сам пойду дальше пешком.

Мирина предложила:

— Если у нас действительно один путь, если они тоже направляются к горе, то к чему же тогда бросать сына на произвол судь-

бы? Он может сесть на моего осла, а мне будет не трудно пойти пешком!

— Я не хочу быть для вас обузой, но если мы действительно дети одного отца, он наверняка благословит вас за спасительную помощь в трудную минуту!— сказал юноша.

Мне было трудно смириться с мыслью, что этот несчастный парень со сломанной ногой и его отец, постоянно что-то ворчавший себе в бороду, оказались бы равными со мной; как они могли иметь одинаковое и даже большее, будучи сынами Израиля, право вместе со мной идти на поиски Иисуса из Назарета? Однако когда я очнулся от этих дум, то возблагодарил Мирину, природная доброта которой опередила медлительность моего мышления. Вместе мы омыли лицо юноши, перевязали ему голову и наложили шины на сломанную ногу, а также сделали ему что-то наподобие трости, опираясь на которую и прыгая на здоровой ноге, он сумел добраться до осла. Его отец, уже сидевший в седле, прислушивался к нашим словам и с беспокойством вертел головой. Неожиданно властным голосом он закричал:

— Кто эта девушка, которая едва знает слова нашего языка! О сын, пусть она хотя бы не прикасается к тебе! И пусть она замолчит! Не смотри даже в ее сторону, чтобы ее нечистая душа не сделала нас самих нечистыми в этом священном пути!

— Отец соблюдает законы,— смущенно пояснил юноша.— Всю жизнь он неотступно следовал им; поразившее его несчастье не может быть связано с недостатком набожности. Попробуйте его понять! Явившись к целителю, он ни за что на свете не хотел бы почувствовать себя нечистым.

Несмотря на свои слова, слепой так вцепился в холку осла, что нам было бы трудно сбросить его на землю, если бы даже мы попытались это сделать. Мои добрые намерения при этом как водой смыло, и я обратился к нему с горьким упреком:

— Люди твоей расы бросили тебя беспомощного на обочине дороги! Эта девушка — гречанка, а я сам — необрезанный язычник, хоть и облачен в иудейские одежды. Однако, надеюсь, соприкосновение с моим ослом, в спину которого ты так вцепился, не заставляет тебя ощутить себя нечистым?

Натан произнес примирительным тоном:

— О слепой старик, можешь ничего не опасаться! Я тоже при-

надлежу к числу сынов Израиля и смиренных душой. Они ищут тот же путь, что и я. Знай же, что когда-то я жил в окруженном пустыней доме и там познал Писание. Свое добро я раздал детям света, вместе с которыми делил свою пищу. Но поскольку я не был способен к учению, я покинул пустыню и отправился на поиски Учителя; я следовал за одним, облаченным в верблюжью шкуру пророком, который объявил о пришествии царства и крестил нашего Господа. Этого пророка убили, а я дал обет молчания, чтобы не впасть в искушение и не произносить слов, которые знает лишь один наставник мудрости. Однако теперь час пробил, и я могу быть свободен от своего обета. Поверь мне слепец! В наше время ни в одном из живущих поколений нет ни одного безгрешного человека. Ни омовения, ни жертвы, ни самый строгий наставник не смогут очистить тебя от грехов. Однако Слово стало плотью, жило среди нас, а мы не признали его. Он был распят и воскрес из мертвых, чтобы избавить нас от наших грехов. Если ты веришь в него, твои глаза исцелятся и ты вновь обретишь зрение. Но если ты считаешь себя чище всех остальных, то, думаю, тебе не исцелиться.

Старик принялся во весь голос причитать; не отпуская осла одной рукой, второй он попытался ухватиться за полу своего плаща, чтобы отскрести свои одежды.

— О отец, эти чужестранцы сжалились над нами, тогда как праведники бросили нас!— сказал, останавливая его, сын.— Не будь таким жестокосердным и не оскорбляй их! Солнце нашего отца одинаково светит над добрыми и злыми, над сынами Израиля и над язычниками. Не пытайся быть ярче его солнца, ведь ты уже наказан слепотой!

Однако старик приказал ему замолчать и попросил Натана отвести осла немного вперед, чтобы не быть рядом с нами; Мирина осталась вместе со мной сзади, юноша замедлил ход своего осла, чтобы также держаться около нас.

— Моему отцу нелегко освободиться от прошлого,— принял-ся спокойно пояснить он.— Однако ваш проводник верно сказал: на этой земле действительно нет ни одного праведника, и если бы я даже разбился в лепешку в своем старании соблюсти закон, это все равно не избавило бы меня от грехов. Я считаю себя ничем не

лучше язычника и не знаю, как ваша жалость по отношению к нам могла бы сделать меня нечистым.

Я взглянул на него: искаженное болью лицо было желтым, как воск, он сжимал зубы, чтобы не упасть.

— Видя чистоту твоего лица и твоих ясных глаз, мне трудно себе представить, чтобы ты мог умышленно согрешить.

— Бог создал человека по своему образу и подобию,— продолжал он.— Однако после грехопадения наших прародителей, Адама и Евы, божий образ во мне исказился, и я стыжусь перед Богом своей наготы.

— Я читал и слышал об этом, однако так и не понял смысла,— ответил я.— В Александрии один иудейский эрудит объяснил мне лишь значение символов в этой истории.

Юноша улыбнулся:

— Как же тогда мне, простому необразованному парню, разобратся в этом? Однако я увидел на берегу озера Иисуса из Назарета, который возвращал зрение слепым, а хромые или разбитые параличом начинали ходить. Он говорил, что является хлебом жизни. Мне от всей души захотелось пойти за ним, однако мой отец весьма строг; если бы он был добрым и отзывчивым, я смог бы убежать из дома, однако сердце подсказывало мне, что если я отправлюсь за Иисусом, то только для того, чтобы сбежать от отцовской строгости. Отец неукоснительно следовал учению раввинов из синагог, которые приговорили Иисуса к смерти за то, что он бывал у грешников. Сколько раз он сек меня за то, что я бросил свое дело и ходил слушать его проповеди! Отец считал, что он вводит людей в искушение, и вот за время, которое оказалось еще короче, чем то, что требуется петуху, чтобы прокукарекать, он ослеп; перед сном он прочитал вечерние молитвы, а на завтра, проснувшись, уже ничего не видел; он поначалу даже подумал, что еще не рассвело! Тогда его охватило отчаяние: и никто не мог его излечить, и он решил, что готов уверовать в Иисуса и отправиться на его поиски. Но увы! Учитель переехал из Галилеи в Иерусалим, где его распяли. Отец обратился за помощью к смиренным душой, и те сообщили, что назаретянин воскрес и указали ему дату и час предстоящей встречи с ним, а также дорогу к месту, куда мы сейчас следуем. Отец совершенно уверен в том, что если мы будем там вовремя, Иисус обязательно вернет ему зрение. Я тоже так

считаю, однако мне больше хотелось бы, чтобы он обрел для себя свет царства, а не только свет для глаз.

Мирина, испытывая живой интерес к нашему разговору, попросила перевести ей то, что сказал юноша, и была весьма удивлена его рассказом.

— Трудно поверить, что на этом свете можно встретить человека с такой чистой душой, как у этого юноши!— сказала она.— Почему же тогда это несчастье произошло именно с ним?

— Не спрашивай его об этом, сам он безропотно принял случившееся!— ответил я.— Он не думает о своей боли и заботится лишь об отце. Закон сынов Израиля заставляет их с особым почтением относиться к отцу и матери.

Услышав мое объяснение, Натан, который понимал греческий язык, обернулся и сказал:

— Закон именно так и гласит. Однако мне рассказывали, что в своих проповедях Иисус из Назарета говорил о том, что для того, дабы попасть в его царство, муж должен оставить жену, сын — своего отца, мать, брата и сестру, а богатый — свой дом и свое состояние. По зову Учителя рыбак должен оставить свой невод в воде, хлебопашец — быков в поле, а тому, кто сначала хотел похоронить своего отца, он даже запретил приближаться к нему.

Старик громко и жалобно застонал.

— Я угодил в руки богоотступников, и меня ведет сам Сатана! Что хорошего можно ожидать на пути, по которому ходят люди, своими словами попирающие закон!

Его сына охватила грусть, и все же он попытался утешить отца:

— Я слышал, как Иисус говорил об этом в своей проповеди. Миротворцев и кротких он называл блаженными. Он запрещал сквернословить и противиться злым людям, а также приказывал возлюбить своих врагов и молиться за своих преследователей. Он говорил, что его отец знает все наши нужды и удовлетворит их, если мы перестанем заботиться о завтрашнем дне и станем думать о его царстве.

Эти слова удивили меня, и я в сомнении произнес:

— Мне пришло много слышать о нем и о его учении! В зависимости от того, кто ведет рассказ, его учение становится таким противоречивым, что теперь я уже не знаю, что думать.

Мирина подняла на меня удивленный взгляд.

— К чему начинать этот спор, если мы направляемся к нему самому?— спросила она.— Думаю, что я самая счастливая из вас, потому что ничего не знаю, и меня можно наполнить, как пустой кубок, чем угодно.

Я почувствовал, что ее слова задели меня за живое. Пока мы шагали за ослами, я вспоминал о всех предшествовавших событиях и размышлял над тем, каким был мой разум, воспринимавший их. Мне больше не удавалось отыскать в себе ничего хорошего, и поступки, в которых я проявил милосердие, показались мне малозначимыми. Во то же время я убедился, что направляюсь к воскресшему не из любопытства. В душе я взывал к назаретянину и просил его избавить меня от тщеславия и эгоизма, от прежних познаний и образа мыслей, присущего человеку, я просил даже лишить меня способности рассуждать, чтобы я тоже, словно пустая чаша, мог вместить в себя содержимое, которым он пожелал бы меня наполнить.

Помолившись, я устремил свой взор к горе, которая возвышалась на другом конце долины: заходящее солнце казалось нимбом над ее округлой вершиной. С первого же взгляда я понял, что эта высокая гора со столь пропорциональными очертаниями и была целью нашего путешествия. Вначале мы продвигались по широкой дороге, пересекавшей русло высохшего ручья, затем — по тропинке, выходящей по склону горы в южном направлении, тем самым обходя стороной город, который, по словам Натана, находился с северной стороны. Плодоносные поля вскоре сменились кустарниками, и мы, добравшись до тени, отбрасываемой горой, сделали привал. Вокруг стояла мертвая тишина; не было слышно ни щебетанья птиц, ни криков животных, не было видно ни одной живой души. Молчание было таким глухим, что это заставило меня усомниться в том, что мы находимся на верном пути, однако земля, деревья и красота горы свидетельствовали, что это место священо, и я перестал мучиться от нетерпения.

Натан тоже никуда больше не торопился. Мне показалось, что он выбрал самую крутую тропинку, чтобы избежать встречи с другими паломниками и их ненужных расспросов; взглянув на небо и на сгущавшиеся тени, он придержал ослов, чтобы те смогли передохнуть. Я был удивлен, что смиренные душой не установили никакого наблюдения за ведущими к горе дорогами. С моей точ-

ки зрения, поскольку речь шла о тайном собрании, на котором должно было присутствовать столько народа, ученикам следовало расставить своих людей на тропях, чтоб те показывали путь вновь прибывшим и, в случае необходимости, могли изгнать тех, чье присутствие было нежелательно. Когда на небе зажглись три звезды, мы опять тронулись в путь и с наступлением темноты добрались до вершины горы, где обнаружили огромное количество людей; они сидели на земле небольшими группами.

Вокруг стояла необычная тишина, а люди разговаривали так тихо, что казалось, будто это влажный ветерок ласкает гору. Натан привязал ослов в зарослях, подальше от посторонних взглядов, затем помог слепому сойти на землю, а я и Мирина тем временем поддерживали его сына. Затем мы подошли к толпе и заняли место на земле неподалеку от группы верующих. С противоположной от нас стороны толпа оживилась, там бродили какие-то тени. Вновь прибывшие молча опускались на землю и по примеру других ожидали. Приглушенный шепот навел меня на мысль о том, что на вершине горы уже собралась не одна сотня людей, однако я никогда бы не смог себе представить, чтобы такая огромная толпа могла чего-то ожидать, соблюдая подобное молчание.

Так прошло время первой стражи, и все же никому не надоело ждать, никто не поднялся с места и не ушел. Луны на небе не было, однако яркий свет звезд, словно серебряный дождь, падал на землю. Я стал ощущать все более сильное присутствие какой-то силы. Обняв Мирину, я почувствовал, как ее крепкое тело напряглось от ожидания, и точно так же, как в моей комнате в Иерусалиме, мне показалось, что на мое лицо упали тяжелые капли, однако, проведя по нему рукой, я не обнаружил ни малейшего следа влаги.

Вдруг я увидел, как люди всматриваются во что-то наверху, и последовал их примеру. Посреди толпы, в лучах звезд поднялась фигура высокого человека, он громко обратился к присутствующим:

— Люди, братья мои!

Тотчас же наступило гробовое молчание. Человек продолжал:

— Зерно созревает к жатве, и теперь пора готовить ее праздник, потому что сорок дней, которые он предоставил нам, подошли к концу. Пришло время расставания. Мы не сможем следо-

вать за ним туда, куда он отправляется. Он был хлебом, сошедшим с небес. Тот, кто будет есть этот хлеб, обретет вечную жизнь. Хлеб, который он нам дал,— это его плоть, отданная за нашу жизнь. И не будем обсуждать, почему такое возможно. Он может дать свою плоть, чтобы ее ели, и мы, Одиннадцать, видели это и свидетельствуем о нем. Он раскрыл нам тайну своего царствия. Действительно, если вы не станете есть плоть Сына Человеческого и не будете пить его кровь, в вас не будет жизни. Лишь тот, кто вкушает его плоть и пьет его кровь, будет иметь жизнь вечную и в последний день воскреснет. Ибо его плоть — это истинная пища, а его кровь — истинное питье. Тот, кто ест его плоть и пьет его кровь, навсегда пребудет в нем. Но если среди нас есть такие, для кого эти слова кажутся обидными, а учение слишком строгим, пусть они встанут и уйдут, и никто их не осудит.

Все остались на месте, даже я, хотя это таинство наполняло меня ужасом. Кроме того, мне не удалось бы подняться, потому что мои руки и ноги стали словно ватными, и я внимал словам, затаив дыхание.

Говоривший на некоторое время замолчал, он стоял, не произнося ни слова, возвышаясь посреди толпы, словно скала при свете звезд. Затем с простотой ребенка он продолжил:

— В ночь, когда его предали, мы вместе ели пасхального ягненка. Тогда он взял хлеб, благословил его, преломил и, раздав нам, сказал: «Сие есть тело мое!» Взяв чашу и благословив, подал нам и сказал: «Пейте из нее все, ибо сие есть кровь моя, за многих изливаемая во оставление грехов».

И говоривший произнес, воздев руки к небу:

— Так пусть же все, кто любят его, оплакивают его и верят в то, что он Христос, Сын Божий, берут, едят и пьют. Благословите хлеб его именем, разломите его и разделите между собой, благословите вино его именем и разделите между собой. Пусть никто не останется с пустыми руками. А после — бодрствуйте и ожидайтесь его прихода.

Закончив говорить, он прилег на землю, а люди пришли в движение, поднимаясь с мест, для того чтобы омыть руки и помочь друг другу. У нас было мало воды, однако Натан слил нам ее на руки и затем проделал то же самое со слепым стариком и его сыном; после этого он позволил мне взять в руки кувшин и ока-

зять ему ту же услугу. Продуктов у нас было в избытке, но старик, весь дрожа, попросил нас дать ему возможность есть свой собственный хлеб и пить свое же вино.

Не было слышно ни единого громкого возгласа, пробежавший по толпе шепот был похож на дуновение ветерка.

Я не чувствовал обиды за то, что старик, подчиняясь своему закону, отказался разделить с нами трапезу. Натан, благословив его хлеб во имя Иисуса Христа, преломил его и дал половину сыну, а половину отцу, оставив себе небольшую часть; затем он благословил наш белый хлеб и разделил его на три части: для себя, меня и Мирины.

— Да будет этот хлеб хлебом вечной жизни, как это было сказано. Пусть он станет для тебя хлебом жизни, а не смерти!

Я смиренно ответил:

— Да свершится воля Сына Божьего! И если его воля будет такова, чтобы я, чужестранец, умер от этого, я покоряюсь ей.

После того как мы съели хлеб, Натан благословил вино слепого и передал ему и его сыну, затем, разбавив вино водой, благословил нашу чашу. Выпил сначала я, потом — Натан, а затем чаша перешла в руки Мирины. Так мы ели и пили по примеру всех тех, кто сидел рядом, делясь друг с другом едой и питьем.

Сделав несколько глотков, старик неожиданно расплакался и принялся причитать, покачивая головой:

— Теперь я вкусил плоти и крови Сына Божьего. Думаю, что для него нет невозможного. Да простит он мне мое неверие!

Мирина протянула мне чашу. Я отпил из нее и передал Натану, который, сделав то же самое, вернул ее Мирине; она, утолив жажду, заглянула в нее и озадаченно прошептала:

— А ведь чаша по-прежнему полна!

Удивляясь не меньше ее, я тоже сказал:

— Я был уверен, что мы съели весь хлеб, однако он лежит целый возле меня! Это ты положил его сюда, Натан?

— Нет! Я не клал никакого хлеба подле тебя! Может, мы не заметили, что взяли его больше?

Мы выпили еще, однако чаша не иссякала. Теперь уже больше ничто меня не удивляло, все происходило, как в легком сне, несмотря на то что я чувствовал холод земли, на которой сидел. Я глядел на небосвод и слышал глухой шепот сидевших вокруг

людей, похожий на тихий всплеск разбивающихся о прибрежную гальку волн. Теперь я был уверен, что смогу увидеть Иисуса из Назарета: я ел его хлеб, и он не стал мне поперек горла, пил его вино и не захлебнулся.

Так прошло время второй стражи, и могу с уверенностью сказать, что никто из нас не сомкнул глаз. Все пребывали в ожидании, в котором не чувствовалось нетерпения. Оно было похоже скорее на приготовление.

— Наступил ли уже рассвет?— неожиданно спросил старик, подняв голову.— Мне показалось, что я увидел дневной свет.

Я осмотрелся по сторонам, и мой взгляд замер на толпе.

Теперь мы все подняли головы, чтобы лучше видеть. И вот воскресший показался среди своих. Не могу сказать, как и откуда он появился, однако никакой ошибки быть не могло: одетый во все белое, он продвигался вперед в ярком свете звезд, казалось, что этот свет исходит от него самого, от его лица. Он шел медленным шагом среди толпы, иногда останавливаясь, словно для того, чтобы приветствовать своих, и протягивал в их сторону руки, чтобы благословить.

Все взгляды были устремлены в одном направлении, однако никто не смел подняться с места и побежать ему навстречу. Неожиданно раздался необычайно громкий женский возглас.

— Господь и Бог мой!— воскликнула женщина, упав перед ним навзничь, и в голосе ее смешались смех и слезы.

Толпа вздрогнула, однако назаретянин, склонившись, прикоснулся к ее голове, и женщина сразу же успокоилась. Толпа одновременно вздохнула, и со всех сторон послышался шепот:

— Это он! Господь среди нас!

Слепой, пав на колени, вытягивал вперед голову и воздевалверху руки.

— Не вижу!— воскликнул он.— Виден только свет, словно меня ослепило солнце!

Не могу сказать, как долго он пребывал среди нас, поскольку мне казалось, что даже время остановило свой бег. Однако это был действительно живой человек, который шествовал среди толпы, останавливался перед своими, не забывая при этом никого. Все было просто, естественно и настолько очевидно, что у меня не

осталось никаких сомнений. Единственное, что я смог понять,— это то, что, увидев его этой ночью, я оказался в его царствии.

Постепенно он приближался к нам, и все мое существо ощутило это приближение, словно вода, на которой образовалась рябь от легкого дуновения ветерка. Создавалось впечатление, что благословляя людей, он обращался к ним с речами, однако слов не было слышно, и все же я увидел человека, оживленно кивающего ему в ответ. Наконец он подошел к нам. Мягкое лицо светилось, а в глазах можно было увидеть отсвет его царства. Я заметил, как зашевелились губы слепого, однако до меня не долетело ни единого звука; уж не оглох ли я? Иисус протянул руку и провел пальцами по глазам старика, а затем возложил руку на голову юноши; отец и сын бросились ему в ноги и остались лежать неподвижно, как и все, к кому он прикасался.

Затем он посмотрел в мою сторону, и я испугался, что умру, если он прикоснется ко мне. Мои губы зашевелились, похоже, я заговорил, но звук собственных слов не долетал до меня. Думаю, что я попросил:

— Господи, прими меня в своем царстве!

Он ответил:

— Не всякий, говорящий мне «Господи! Господи!», войдет в мое царство, но прислушивающийся к моим словам и исполняющий волю отца моего небесного.

Тогда я спросил:

— А каковы твои слова и какова воля твоего отца?

Он сказал:

— Тебе это уже известно: то, что ты делаешь для малых сих, ты делаешь для меня самого.

Увидев, что он мне улыбается, как улыбаются настойчивости ребенка, я, кажется, задал ему вопрос о его царстве, и он ответил:

— Невозможно сказать, что царство небесное находится здесь или где-то там — оно в тебе и во всех, кто знает меня.

И еще добавил:

— Я никогда не оставлю тех, кто взывает ко мне, ибо где двое или трое собраны во имя мое, там я среди них во веки веков. И никогда ты не будешь одинок, потому что я нахожусь рядом с тобой.

Он перевел взгляд с моего лица на Натана. Я видел, как шевелились его губы, но не мог ничего расслышать. После Натана он ласково посмотрел на Мирину, которая даже не пошевелилась.

Затем Иисус повернулся и исчез в толпе.

Лежавшие на земле слепой и его сын казались безжизненными телами. Угадав мою мысль, Натан качнул головой и прошептал:

— Они спят, а не умерли. Не трогай их!

Вокруг Иисуса собрались Одиннадцать, и было видно, как он ласково говорил с ними, а они ему отвечали. Неожиданно на глаза мне навернулись слезы, и я мог видеть лишь какую-то ослепительную дымку, окружающую его учеников. Я скорее почувствовал, чем заметил, что его уже нет с нами, потому что сила, поддерживающая нас до сих пор, исчезла, и это было похоже на пробуждение ото сна. Я чихнул и обнаружил, что опять владею своим телом.

Время вновь начало свой бег. Взглянув на небо, я понял, что уже наступило время третьей стражи, скоро рассветет. Некоторые из присутствующих поднялись на ноги, осматриваясь вокруг, словно что-то искали; раздались крики, и вспыхнули беспорядочные споры, как будто каждый хотел объяснить ближнему то, что лично ему сказал назаретянин.

Сам я тоже облегченно воскликнул:

— Натан! О Натан! Я говорил с ним, и он ответил мне! Ты сам слышал, что он не отказал мне в своем царстве!

— Тому я не могу быть свидетелем,— ответил Натан, покачав головой.— Конечно, я видел как шевелились твои губы, но не слышал ни слова. А я действительно говорил с ним, и он мне ответил!

Мирина обняла меня обеими руками и воскликнула в экстазе:

— Я не посмела раскрыть рта, однако в своей улыбке он сказал мне, что в этой жизни я никогда не буду испытывать жажды, потому что дала ему напиться, когда он страдал от нее!

— Вы оба сошли с ума, потому что он вам ничего не сказал!— рассердился Натан.— Из нас троих он говорил только со мной! Он указал мне путь. Он сказал мне, что нет ничего такого, что может осквернить человека, входя в уста его, а то, что выходит из его уст, оскверняет. В его царстве есть много места. И каждый займет свое по заслугам, и никто из просящих не будет забыт. Я должен веро-

вать в Одиннадцатерых, потому что он избрал их своими посланниками. Его царство похоже на горчичное зерно, которое прорастает медленно, но затем становится настоящим деревом, и даже птицы небесные находят прибежище в его ветвях.

Он умолк, глядя куда-то вдаль и словно прислушиваясь к чему-то.

— Он еще много чего сказал мне, однако боюсь, что я не смог всего запомнить,— притихшим голосом промолвил он.— Надеюсь, что со временем все это восстановится в памяти.

Меня не покидало прекрасное чувство. Как сказал Иисус, его царство было во мне, и моя душа была исполнена умиротворения.

— Не сердись на меня, о Натан!— попросил я.— Мне действительно показалось, что он говорил со мной, и я по-прежнему так считаю. Возможно, он говорил с каждым в отдельности о том, что казалось им важным. Если бы мне было дано записать все то, что он сказал всем нам этой ночью, думаю никакой книги не хватило бы!

Натан, к которому вернулось спокойствие, возложил руки на мои плечи.

— Я видел, что он, по крайней мере, взглянул на тебя, и ничего плохого не случилось. Значит я могу возложить на тебя руку и не считать тебя нечистым существом.

Посоветовавшись, мы решили, что будет лучше, если мы покинем гору еще до наступления рассвета, чтобы никто не мог узнать меня, однако старик с сыном все еще спали, распластавшись на земле, а мы, не решаясь ни будить их, ни оставить на произвол судьбы, сели и стали ждать их пробуждения. При первых же лучах рассвета толпу охватил безудержный экстаз: одни пели благодарственные псалмы, другие, задыхаясь от быстрого бега, мчались от одной группы людей к другой, чтобы поприветствовать друзей и засвидетельствовать тем самым, что им удалось увидеть воскресшего. Видно было, как они с раскрасневшимися от волнения лицами обменивались впечатлениями:

— Мир тебе! Он отпустил тебе грехи? Он обещал тебе вечную жизнь? Действительно, если мы видели его здесь, на горе, мы никогда не умрем!

Мои конечности затекли, и я принялся растирать руки, чтобы вернуть им жизнь. Пока при свете нарождающегося дня люди уз-

навали своих знакомых, Одиннадцатеро, разделившись на группы, стали обходить толпу. Я видел как они помогали пробуждать-ся тем, к кому прикоснулся назаретянин.

Трое из них приближались к нам. По круглой голове и широким плечам я узнал в одном из них того, кто этой ночью говорил толпе об учении, и при бледном свете увидел его волевое, поросшее бородой лицо. Рядом с ним шел юный Иоанн: несмотря на бледность, его лицо оставалось самым чистым и светлым из всех тех, что мне приходилось видеть, один лишь вид его доставлял облегчение. Третьего я не знал, однако по какой-то скрытой причине сразу же определил, что он тоже принадлежит к Одиннадцати: могу лишь сказать, что в нем было что-то от Иисуса из Назарета, хотя это было выражено не так ярко и как-то иначе, словно просвечивалось через вуаль.

Тогда я вспомнил одинокого рыбака, которого я повстречал вечером на берегу озера, и попытался сравнить его лицо с лицом воскресшего. Однако я не мог с точностью утверждать, что это был один и тот же человек. Тем не менее я был уверен, что видел на берегу именно его и разговаривал именно с ним, хотя сейчас мне не удалось его узнать. Но почему он явился именно мне? На этот вопрос я не смог бы дать ответ.

Чем ближе эти трое приближались к нам, тем больше меня охватывало чувство вины, и я даже отвернулся, чтобы скрыть свое лицо. Однако они не собирались останавливаться передо мной. Склонившись над стариком, они принялись его тормошить:

— Просыпайся, соня!

Слепой протер глаза тыльной стороной ладони и взглянул на них.

— Я вижу вас!— воскликнул он.— Вас трое, но я вас не знаю!

Тогда заговорил первый из них:

— Мы посланники, избранные Иисусом из Назарета, Сыном Божиим. Меня зовут Симон, а он нарекал меня еще Петром.

Прикоснувшись рукой ко лбу, старик огляделся вокруг теперь уже видящими глазами.

— Сегодня ночью я увидел непреодолимый свет,— радостно объяснил он.— Какая-то сила так ударила мне в глаза, что я потерял сознание. Однако после пробуждения я вижу, тогда как приехал сюда слепым!

В возбуждении он склонился к сыну и легонько его потряс, чтобы тот проснулся, старик помог ему подняться на ноги и крепко обнял.

— Воскресший Иисус исцелил меня этой ночью!— воскликнул он.— Да будет благословенно его имя! Всю жизнь я буду славить Бога, пославшего его нам.

Еще не совсем проснувшись, юноша снял повязку с головы: его рана совершенно зажила, оставив на лбу еле заметный шрам. Опираясь на обе ноги, он больше не чувствовал никакой боли, поэтому отвязал сковывавшие ногу шины.

— Моя нога срослась!— удивленно воскликнул.

Симон Петр пояснил:

— Сегодня ночью он исцелил всех тех, кого призвал, чтобы они удостоверились в его воскресении, Все мы видели его. А он не только вернул зрение слепым, слух глухим и исцелил калек, но еще и очистил нас от грехов и открыл перед нами ворота в вечную жизнь. Этим двоим мы не знаем и не звали сюда, однако Учитель их исцелил. Здесь много незваных, но Иисус никого из них не отверг этой ночью.

Он указал на меня пальцем.

— А вот этого человека я знаю! В Иерусалиме он постоянно приставал к нам с коварными вопросами, сбивая с толку женщин и вводя в искушение Симона Киринейского и Закхея! Фоме пришлось прийти к нему и запретить злоупотреблять именем нашего раввина! Это — Марк, идолопоклонный римлянин! Откуда он здесь взялся?

Симон Петр вздрогнул и, потрясая кулаком, воскликнул:

— Среди нас есть предатель!

Однако Иоанн и еще один из них удержали его за руки.

— Давай не будем привлекать всеобщее внимание!— предупредили они.— Лучше отведи его в сторону, иначе люди забросают его камнями, а нам придется отвечать за его кровь, потому что он — римский гражданин.

Петр, тяжело дыша, угрожающе посмотрел на меня.

— В этой толпе найдется немало фанатиков, Что ты скажешь, о римлянин, если я отдам тебя в их руки? Они отведут тебя в одну из пещер, и тогда тебе больше никогда не увидать дневного света!

— Я не боюсь ни тебя, ни кого другого!— твердо ответил я.— Почему я должен бояться, если твой Учитель этой ночью не отверг меня?

Заметно обеспокоенные, они отвели нас к кустарнику, где были привязаны наши ослы, и стали совещаться, стоит ли звать на помощь остальных учеников. Из их слов я понял, что Никодим, Симон Киринейский и Закхей, которых я знал, тоже находились в толпе.

Наконец Иоанн произнес:

— Чем больше людей мы позовем, тем больше будет ненужного беспорядка. Римлянин прав: сам не знаю почему, но Господь не стал прогонять его! Неужели раб может быть мудрее своего господина?

Оказавшись в стороне от толпы, старик и сын вмешались в разговор и выступили в нашу защиту, рассказав о том, что с ними произошло, и как, сжалившись над ними, я довез их до горы.

— Значит, то что юноша угодил под копыта лошадей и сломал ногу, не стало для вас достаточным предзнаменованием?— прервал их рассказ Симон Петр.— Вас сюда никто не звал, и Господу не было угодно ваше присутствие!

Задетый этими словами за живое, юноша опустил перед учеником на колени.

— О праведники, простите меня!— взмолился он.— У меня не было никаких дурных намерений, и я поступал так, действуя ради отца. Я не просил Господа исцелить свою ногу и даже не думал об этом! Он только прикоснулся ко мне и в своей бесконечной доброте исцелил меня и таким образом все мне простил. Сделайте же и вы то же самое для меня и моего отца!

Мне тоже ничего не стоило унизиться перед этими тремя мужчинами, которых терзало беспокойство и сомнения.

— О божьи люди, если вы так желаете, я тоже могу броситься к вашим ногам!— произнес я.— О вы, ставшие самыми большими в его царстве, молю вас простите меня! Я вовсе не предатель и не желаю вам никакого зла! Если вы посчитаете нужным, мои уста никогда не скажут о том, что я видел. Но если вы захотите, я готов свидетельствовать о его воскресении перед всем миром и даже перед самим императором!

Симон Петр теребил свою тунику, словно желая ее разорвать.

— Замолчи, неразумный!— приказал он.— Что скажут люди, если идолопоклонный римлянин засвидетельствует его царствие? Лучше бы ты никогда не слышал о пути к нему! Даже если сегодня ночью ты избавился от зла, то все равно вернешься к нему и к миру, как пес возвращается к тому, что он изрыгнул! Для нас отныне ты не больше чем собачье испражнение!

Затем, со злобой обернувшись к Натану, он произнес:

— Я виделся с тобой в Капернауме и доверял тебе! Но, приведя язычников на праздник вечной жизни, ты предал нас!

— Выслушай же меня, о Симон, ловец душ человеческих,— сказал Натан, потирая себе нос.— Разве не давал я тебе осла, чтоб ты смог привезти сюда свою тещу?

Петр смутился и виновато взглянул на своих спутников.

— А кто в этом виноват?— проворчал он.— Сусанна порекомендовала тебя, и я доверился ей.

— Этот осел принадлежит вот этому римлянину,— неторопливо продолжал Натан.— Марк — мирный человек, однако если ты его рассердишь, он сможет потребовать осла обратно, несмотря на то что во многих других случаях проявлял милость к людям, и тогда тебе придется жить на этой горе вместе со своей тещей и Сусанной, потому что она приехала на втором осле, который принадлежит этому же римлянину.

Еще больше смутившись, Симон Петр топнул ногой и сказал:

— Моя теща — сварливая женщина — и прежде ворчала даже на Иисуса, обвиняя его в том, что он живет, как лентяй. Однако с тех пор как он исцелил ее от горячки, от которой она едва не умерла, она перестала браниться. Мне вовсе не хотелось бы оставлять ее здесь, однако нам просто необходимо быть в Иерусалиме до истечения срока в сорок дней. Нам придется идти днем и ночью, дабы успеть ко времени и дабы пророчество сбылось. Но если теще не на чем будет вернуться в Капернаум, я окажусь в весьма затруднительном положении!

— Я не отвечаю злом на зло,— успокоил я его.— С удовольствием оставлю тебе осла, даже если в твоих глазах я не более чем собачье испражнение. Можешь также взять для женщин еще этих двух ослов, которые нам не потребуются, потому что мы сможем вернуться пешком. Натан заберет их в Капернауме. Я же

покину это место без шума, не привлекая к себе внимания. Только не стоит меня проклинать.

Тогда, пытаясь примирить нас, вмешался Иоанн.

— О римлянин, постарайся понять нас!— попросил он.— Еще не все ясно, и пророчество пока не сбылось. Нам известно лишь то, что существует путь к царствию и ворота в него узки, и мы не имеем права их расширять по собственной воле.

Третий ученик добавил:

— Он приказал нам обратить в нашу веру все народы, однако мы не знаем, как и когда это можно будет сделать. Прежде всего его царствие должно установиться в Израиле. Полное объяснение мы будем знать только в Иерусалиме.

Эти люди, словно трое братьев, держались за руки, стоя перед ними, я испытывал зависть и одновременно разочарование, думая о том наследстве, которое оставил им Иисус, чтобы они раздали его людям. Я бросился к их ногам с новыми мольбами.

— Пусть слова о вечной жизни остаются при вас и при всех остальных, которым он их передал. Подчиняюсь вашей воле, несмотря на то что вы простые люди. Его учение станут объяснять эрудиты, делая это каждый со своей точки зрения и добавляя в него что-то свое, а вы, несомненно, постараетесь как можно лучше исполнять его волю. Я видел его, и он не отторгнул меня, не возражал против моего присутствия, а когда подошел ближе, то даже, похоже, заговорил; однако я готов стереть эти воспоминания из своей памяти, если такова будет ваша воля. Я не прошу вас даже дать мне эликсир бессмертия — позвольте мне лишь сохранить его царство в своей душе! Не отвергайте меня окончательно! Я буду внимать вашим словам и верить им, ничего не добавляя от себя лично, и я не прошу открыть мне тайну. Все мое состояние будет в вашем распоряжении, и как гражданин Рима я всегда смогу выступить в вашу защиту, если из-за него вас станут преследовать.

— Нет, ни за серебро, ни за золото — нет!— сказал Симон Петр, подняв руку.

— Меня зовут Иаков. Насколько я помню, он просил нас не заботиться о словах, если нам придется предстать перед преследователями: нам это будет дано свыше!— воскликнул третий ученик.

А глаза Иоанна наполнились слезами, он посмотрел на меня с тем же выражением нежности, что и прошлый раз.

— О римлянин, я люблю тебя за твое смирение и уверен, что ты не желаешь нам зла,— сказал он.— Когда Иисус попросил меня позаботиться о его матери у самого креста, она рассказала мне, что он спускался в царство теней, сломал его врата и освободил мертвых. Точно так же он принесет свободу идолопоклонным народам, только мы еще не знаем, как это случится. Надеемся на мир, молись, постись и очищайся, только ничего не рассказывай о нем, чтобы своим незнанием не ввести людей в заблуждение. Мы сами исполним то, что нам предназначено.

Понурился голову, я встал, с трудом сдерживая свою гордыню, и не переставал думать о том, что наследство назаретянина разлетится по всему миру и растеряется, если останется в руках его необразованных учеников. Затем я немного утешился, подумав, что Иисус, должно быть, знал, что делал.

— Возьми ослов и помоги женщинам,— сказал я Натану.— Будь им защитником и доведи каждую целой и невредимой туда, куда ей нужно, или в Капернаум. Потом можешь отдохнуть, а меня найдешь у термий Тивериады.

Обернувшись, я заметил, что прозревший старик воспользовался моей растерянностью и исчез вместе с сыном. Однако во мне утвердилась уверенность в том, что даже если все люди покинут меня, со мной рядом будет Иисус из Назарета.

— Да пребудет мир со всеми вами!— сказал я.

И той же тропинкой, по которой пришли сюда, мы с Мириной, взявшись за руки, стали спускаться с горы. Оглянувшись в последний раз, я увидел огромное количество людей на горном склоне, они копошились, словно муравьи: одни разыскивали друзей, чтобы поприветствовать их, а другие, устав после бессонной ночи, уже укладывались на земле, укутавшись в плащи, чтобы поспать несколько часов, прежде чем пуститься в обратный путь.

Я вспоминал на ходу все, что произошло сегодня ночью, и мне показалось совершенно естественным, что старик прозрел, а нога его сына срослась так, словно перелома никогда не было. Эти чудеса отнюдь не казались мне удивительными: доброта его была столь велика, что решив явиться своим, он заодно исцелил и всех тех, кто пришел сюда незванным.

Сорок дней истекали, и вскоре он будет в доме своего отца. Я попытался свикнуться с мыслью, что, несмотря на это, он всегда окажется рядом со мной, как только я к нему обращусь. То, что я видел собственными глазами, было настолько впечатляющим, что мне приходилось в это верить.

Погрузившись в свои мысли и держа Мирину за руку, я брел по тропинке сквозь заросли кустов. Прямо перед нами пробежала лисица.

— Ты, конечно, помнишь, что не одинок!— сказала Мирина.

Я словно очнулся ото сна, и во мне появилась уверенность в том, что назаретянин дал Мирине меня вместо погибшего брата, чтобы она не погибла под ударами жизни. Доверить опеку сынам Израиля он не мог, потому что они не приняли бы ее; поэтому выбор пал на меня, римлянина. И все это он даровал ей за один-единственный глоток воды!

Затем мне в голову пришла другая мысль, которая привела меня в замешательство: я так ничего и не дал Иисусу из Назарета, тогда как он не переставал улаживать меня, даже предложил мне еду, позволил высушить одежду и согреться у костра на берегу Галилейского моря, если он действительно был тем самым одиноким рыбаком. Теперь, когда Мирина стала моей сестрой, я мог отблагодарить его.

— О Мирина, с этого момента ты мне — сестра, и я никогда тебя не покину!— сказал я.— Все, что есть у меня, принадлежит тебе, и попытайся простить мне мои недостатки и тщеславие!

— О мой брат Марк, тебе тоже придется уживаться со мной!— ответила она, сжимая мою руку.— Однако расскажи мне, что же все-таки произошло и почему эти три человека так злобно и недоверчиво поглядывали на тебя?

Однако, поскольку посланники приказали держать язык за зубами, я не осмелился рассказать ей о том, чего ожидал от назаретянина и его царства.

— Это были трое из одиннадцати праведников, которым Иисус открыл тайну своего царства, они считают нас скверными язычниками и хотели изгнать, потому что мы не относимся к детям Израиля. Они запретили мне рассказывать о царстве назаретянина. Скажи же, что думаешь ты об увиденном?

Мирина задумалась, а потом ответила:

— Поначалу мы участвовали в жертвенной трапезе, как это делают в Сирии, когда хоронят Адониса, с тем чтобы он вернулся к жизни, однако это не было одной и той же трапезой, потому что Иисус из Назарета, прежде чем воскреснуть, принес в жертву самого себя. Этой ночью я поверила в то, что он действительно Сын Божий. Затем наша чаша оказалась неиссякаемой, а хлеб остался нетронутым, что для меня ничего не доказывает. И все же, когда он взглянул на меня, я возлюбила его всей душой и была готова на что угодно ради него. В этом и заключается его великое таинство, куда более великое, чем те, что существуют у греков или египтян. Думаю, хоть его царство и невидимо, но все же оно находится здесь, и я пребываю в нем даже тогда, когда ступаю ногами по этой горной тропинке; даже если бы я захотела, то не смогла бы покинуть пределы его царства, что меня ничуть не пугает, потому что он добр ко мне и здесь я избавлена от греха.

Я удивленно взглянул на ее бледное лицо, зеленые глаза и с завистью произнес:

— Ты, действительно, получила на горе его благословение и счастливее меня. Его истина должна быть проста, словно хлеб или вино, чтобы самые обделенные могли постичь ее. Человеческие познания стоят во мне непреодолимой стеной, эрудиция — словно сеть, из которой мне не выпутаться, а логика софистов похожа на капкан, из которого не выдернуть ноги. О сестра моя, напомни мне об этом в час искушения!

Разговаривая так, мы спустились к подножию горы; оглядевшись вокруг, я понял, что мы отклонились от прежнего пути, но это ничуть меня не смутило: ориентируясь по солнцу, я пошел в нужном направлении и полагал, что мы выйдем прямо на дорогу. К тому же нам некуда было спешить. Я обладал сокровищем, которого должно было хватить мне и Мирине до конца наших дней, если вести разумную жизнь.

Я почувствовал крайнюю усталость.

— У меня нет сил сделать ни одного шага, Мирина! Мне уже все равно, где остановиться, так что давай поспим в тени этого фигового дерева — ведь у нас впереди еще целая жизнь, по которой мы пойдем вместе! Теперь, когда царствие уже близко, мы можем позволить себе этот отдых!

Итак, мы сделали привал у фигового дерева, и я уснул, сжи-

мая Мирину в своих объятиях. Проснулись мы где-то к восьмому часу, когда тени уже начали менять свое положение. Опять мы шли вдоль полей и тропинок, пытаясь выбраться на дорогу. Мы шагали, не говоря друг другу ни слова, но при этом мне казалось, что я родился заново, а Мирина стала мне настоящей сестрой.

В радостном настроении я вдыхал воздух, любовался золочеными полями Галилеи, серыми тропками ее синеватых гор и не помышлял ничего дурного ни об одном человеке на свете.

К моему величайшему удивлению, первыми, кого мы встретили, были Мария Магдалина, ехавшая верхом на осле, и Мария из Беерота, которая босиком шла за животным по пыли и подгоняла его веткой. От удивления я всплеснул руками и побежал им навстречу, однако Магдалина посмотрела на меня так, словно видела впервые, и ничуть не обрадовалась нашей встрече.

— Неужели ты тоже возвращаешься с горы?— едким тоном спросила она.— Трудно бы мне пришлось, если бы я полагалась на тебя одного! И что это за девушка, которую ты притащил сюда, едва успев избавиться от предыдущей?

Обе Марии смерили взглядом Мирину с головы до ног, а я понял, что Магдалина рассчитывала на то, что я буду ее сопровождать на эту встречу, о чем мы не договаривались. Однако лучше было не вступать во взаимные пререкания, и я поспешил предложить:

— Позволь мне сопровождать тебя и быть твоим защитником, коль с тобой нет других мужчин. Скоро станет темно, так что давайте поищем какую-нибудь гостиницу, где мы могли бы вместе поесть, а завтра я провожу тебя до самого дома.

Однако мои слова показались Марии из Магдалы обидными.

— Прежде у меня было достаточно спутников, предлагавших мне свои носилки, и у меня хватало защитников!— горделиво ответила она.— Однако после встречи с Господом на горе у меня есть один спутник, и я обойдусь без твоих оскорбительных слов о том, что никто из мужчин не взялся меня сопровождать!

Мне показалось, что после встречи на горе события разворачивались не так, как ей того хотелось, однако я удивился еще больше, когда на меня набросилась с упреками Мария из Беерота:

— Ты быстро нашел себе утешение, глядя на тебя, можно

подумать, что ты фривольный и непостоянный человек! Хотя, конечно, я рада за тебя! Теперь тебе не на что надеяться, потому что мои грехи прощены мне, и я стала чистой. Сейчас, когда я вновь обрела девственность, я больше не смогла бы находиться рядом с тобой, идолопоклонным римлянином! Перестань же таращить на меня свои похотливые глаза и не давай этой ничтожной девице смотреть на меня так, словно она хочет проткнуть меня своим ужасным взглядом!

К счастью, Мирина не понимала их слов, однако поняла смысл их взглядов и потупилась.

— Что с вами случилось, почему вы разговариваете со мной таким тоном?— спросил я, обидевшись за свою спутницу.

Мария из Беерота ответила:

— Сегодня утром я повстречала у горы юношу, глаза которого чисты, как родниковая вода, а борода еще не стала жесткой. Он взглянул на меня, и я ему понравилась. Он сгорает от нетерпения, и я тоже тороплюсь, пока чиста. У его отца есть поле и виноградник, оливковые деревья и стадо овец, а мне для счастья больше ничего не нужно.— Помолчав, она добавила: — Его отец тоже дал свое согласие, кроме того, ему не придется платить за меня выкуп. Этой ночью Иисус из Назарета вернул ему зрение.

Магдалина подтвердила ее слова:

— Она говорит правду. Достаточно мне было на секунду упустить ее из виду, и она уже нашла себе жениха! Иначе мне пришлось бы выдать ее замуж за тебя, что было бы ошибкой, потому что дочери Израиля не могут создавать семьи с язычниками. По правде говоря, нам повезло, что отец этого юноши прозрел: он убежден, что Мария тоже очищена от всех грехов. Другие, даже поверив в такое, не стали бы на ней жениться, учитывая ее прошлое.

Глядя на беломраморное лицо этой женщины, я подумал, что у нее вполне хватило бы сил заставить меня жениться на Марии даже без моего на то согласия.

— Могу лишь возблагодарить судьбу за то, что нам обоим повезло, Мария из Беерота!— сказал я, облегченно вздохнув.— Однако во сне я видел одно предзнаменование, смысла которого мне не удалось постичь: я шел по пустыне с этой юной гречанкой, и с нами была Мария из Беерота.

Магдалина вскинула голову:

— Расскажи в точности то, что ты видел во сне. Уверен ли ты, что Мария действительно была с тобой?

Тогда я рассказал свой сон, стараясь не упустить ни малейшей детали.

— Никаких сомнений в том, что с нами была именно она,— заключил я, ничего не скрывая.— Она сидела верхом на осле точно так же, как ты сейчас; при этом она выглядела располневшей, раздавшейся вширь, и на ее губах обозначилась горькая складка. Легче всего ее можно было узнать по глазам.

— Ты не имеешь права видеть обо мне такие сны!— воскликнула в ярости Мария из Беерота.— Я не верю тебе! Ты сам растолстеешь, это тебя разнесет от твоих грехов, у тебя выпадут все зубы, а на голове вылезут все волосы!

— Давайте забудем об этом сне!— примирительно предложил я.— К чему предаваться взаимным оскорблениям, если мы совсем недавно на горе видели воскресшего, который не отверг никого из нас, даже Мирину!

Я кратко рассказал о том, при каких обстоятельствах я повстречал ее, и о том, что было с нами после, не забыв о неиссякаемой чаше в ее руках. Я также рассказал им о юноше, которого по дороге сбила квадрига и которому мы оказали помощь, доведя его до горы вместе с отцом. Мария из Магдалы внимательно слушала мой рассказ, кивая головой.

— Свершилось то, что должно было свершиться. Он привел к сынам Израиля язычников и других сынов Израиля. Тени уже становятся длинными, а мне с моим тугим кошельком это место не по душе. Я не дала им денег, потому что они отказались взять меня в Иерусалим, а Петр даже приказал возвращаться домой! Больше всего меня мучает то, что я не могу понять, для чего они собрались в священный город! Проводи меня до какой-нибудь гостиницы, а когда я окажусь под покровом своего дома, мы расстанемся как добрые друзья.

Итак, дальше мы пошли вчетвером по почти уже безлюдной дороге. Все время, пока продолжался наш разговор, Мирина шла молча, с потупленным взглядом, за что я был ей весьма благодарен. Когда мы снова оказались рядом, она шепотом спросила, кто эти две женщины, и я объяснил ей, что Мария из Магдалы повсюду следовала за Иисусом и что она первой обнаружила его моги-

лу пустой. Это заставило девушку отнести к Магдалине с величайшим почтением. Тут же она догнала ее и зашагала рядом с ослом.

— О счастливейшая из женщин, Расскажи мне о воскресшем!— полным уважения голосом попросила она.

Ее смирение пришлось по душе Марии, которая доброжелательно принялась рассказывать различные истории об Иисусе: однажды в горах ей повстречалась супружеская пара из Каны, на их свадьбе Иисус, чтобы угодить гостям, превратил воду в вино, сотворив тем самым свое первое чудо. Затем она поведала о рождении Иисуса, рассказала, как матери его, Марии, явился ангел, и она непорочно зачала, после чего жених ее, Иосиф, хотел отказаться от нее, однако во сне ему было видение, заставившее сменить гнев на милость.

Слушая ее, мне показалось, что теперь я лучше понимаю учеников Иисуса, считавших ее слишком болтливой. Однако Мирина со сверкающими глазами, затаив дыхание, жадно впитывала все ее слова.

В конце концов я не сдержался и вмешался в разговор:

— Если верить греческим и римским легендам, боги всегда вступали в родственные связи с людьми, и у них рождались дети: так, основатель Рима своим рождением обязан богине Афродите. По-моему, и так хорошо видно, что Иисус из Назарета — Сын Божий, и незачем было придумывать о нем подобную историю.

Услышав мои слова, Мария из Магалды рассердилась.

— Все женщины похожи друг на друга тем, что мужчины никогда их не понимают!— сказала она, положив руку на плечо Мирине.— Ты же, римлянин, лучше не упоминай о богах, живущих на земле и порабащивающих людей соблазнительными картинками жизни: после прихода Иисуса Христа эти боги утратили всякую власть над людьми, если те нарочно не обращаются к ним в своих злых помыслах! И потом, я говорю чистую правду! Сама Мария, мать Иисуса, рассказала об этом мне и всем женщинам, которые следовали за ее сыном. Старый, жестокосердный царь Ирод тоже решил, что родился его соперник, который станет царем Израиля, и приказал убить в Вифлееме всех младенцев мужского пола, надеясь таким образом избавиться от него. Этому рассказу есть сколько угодно свидетелей!

Слушая ее, я рассуждал: Магдалина, конечно, весьма склонна видеть ангелов, видения или сны, однако мать Иисуса была совершенно не такой! После того как у креста я увидел ее искаженное от боли лицо, я понял, что она понапрасну не разомкнет своих уст и умеет хранить молчание, когда другие говорят. Что могло заставить ее рассказать подобную историю, если она не была бы правдой? Дела Иисуса говорили в оправдание всего того, что рассказывали о нем. Если Бог появился на земле в образе человека, то почему в этом не могла участвовать женщина? Только по сравнению с этим чудом все остальные чудеса теряют свое значение!

Мирина задала Магдалине еще несколько вопросов, пока та смотрела на меня с укором.

— Он много раз рассказывал о сеятеле. Одни зерна упали на каменистую почву, другие — в тернии, которые выросли и задушили их, а третьи — на добрую землю и принесли плод. Не все, кто слышал его слова и верил в него, достойны его царства, — продолжала Мария. — О римлянин, твое сердце вовсе не жестоко, а наоборот, слишком мягко, и в этом твоя слабость. Когда ты вернешься к себе подобным, вокруг тебя встанут высокие тернии и преградят путь в царство.

Эти слова повергли меня в печаль. Я взглянул на закат солнца в Галилее, он окрашивал в красный цвет горы, склоны которых были покрыты темно-зелеными виноградниками.

— Как я смогу все это забыть? — воскликнул я. — До самой смерти я буду вспоминать Галилею, гору и Иисуса таким, как я его увидел. И пока он будет со мной в момент, когда я к нему обращусь, я никогда не буду одинок! — Подумав, я добавил: — Я недостоин быть даже его слугой! Как только истечет срок в сорок дней, он отправится в далекие места. Не знаю, доверил ли он и мне одну мину, но если это так, избранные им посланцы заставили меня закопать ее в землю, и это — причина моей печали. Однако он мне кое-что обещал, и я верю в это. Только не могу тебе сказать, что именно — ты будешь смеяться надо мной.

Я вспомнил о том, что однажды мне придется умереть во славу его имени, как мне говорил одинокий рыбак на берегу озера. В душе я обрадовался, что я гражданин Рима, и в назначенный час мою голову отрубят мечом, избавив меня от ужасной казни на крес-

те, которую я не смог бы вынести. Это пророчество больше не казалось мне мрачным и представлялось единственным способом доказать Иисусу из Назарета мою верность ему.

На закате дня Магдалина заставила нас свернуть с дороги и направиться по горной тропинке, по которой обычно ходили мулы, в сторону Магдалы. После заката солнца мы остановились на одном постоялом дворе. Здесь было так многолюдно, что все запасы провизии уже были съедены, и лишь из уважения к Марии, а здесь ее хорошо знали, хозяин пустился на поиски места, где она могла бы отдохнуть. Сидевшие у костров люди тихо разговаривали, со стороны террасы до нас также долетали звуки оживленных бесед. Те, у кого были продукты, делились с теми, у кого ничего не было, так что нам с Мириной тоже удалось обмакнуть хлеб в общий котел.

Мне так хотелось с наступлением ночи присесть у костра и поговорить с этими галилеянами о явлении назаретянина, о его царстве, об отпущении грехов и о вечной жизни, однако никто не желал признать во мне своего брата, и я чувствовал себя чужим среди них! Хозяин завел ослов во двор и подмел в конюшне, позволив тем самым мне с Мириной не ночевать под открытым небом.

Пока остальные перешептывались при огоньке единственного светильника, я обучал молитве, которую перенял у Сусанны, Мирину, и, как она сказала, эта молитва давала ей ощущение безопасности и поддержки. Она еще сказала, что ей пришлось по душе то, что при этом не приходилось наблюдать за различными фазами луны или разбираться в непонятных зигзагах, оставленных рассыпанной солью, когда весьма трудно определить, не ошибся ли ты каким-то словом или движением, из-за чего молитва может утратить всю свою действенность.

На следующее утро, едва открыв глаза, я увидел Марию из Беерота: сидя на соломе подле меня, она смотрела мне в лицо. Заметив, что я проснулся, покачивая головой и выкручивая себе пальцы, она сказала:

— Жара помешала мне дольше спать! И потом я хотела посмотреть, что ты здесь делаешь и как далеко находятся твои руки от этой чужестранки. Мне тоже больше нравится спать рядом с тобой на соломе, положив голову тебе на грудь, чем на узком ложе Магдалины, где насекомые не давали мне покоя. Во время пуге-

шестивия из Иерусалима в Тивериаду вдоль главной реки Иудеи все было именно так. Забудь о моих нелюбимых словах! Когда я увидела, что ты появился вместе с этой гречанкой на дороге, я позабыла обо всем и не ведала, что говорила. Для меня еще далеко не все ясно! Ночь напролет я промучилась из-за того, что так быстро полюбила этого юношу и пообещала ждать его друга в Магдале. Может, он передумает и никого не пришлет!

Я поспешил успокоить ее:

— Этому юноше не введомо ложь! Уверен, его посланник явится вовремя, чтобы по традициям Галилеи подвести тебя к брачному ложу, а люди в деревне в твою честь будут пить вино, плясать, играть и радостно петь!

Перестав выкручивать себе пальцы, Мария рассерженно ответила:

— Ты нарочно делаешь вид, что не понимаешь меня! Я думала об этом всю ночь и не смогла сомкнуть глаз! С покрасневшими глазами после двух бессонных ночей я, конечно, кажусь тебе ужасной! Несомненно, я знаю, что грехи мне прощены и что отныне я такая же девственница, как и те, к которым никогда не приближались мужчины, и тебе это тоже хорошо известно — ты ведь знаешь Иисуса! Однако я лишь в общих чертах рассказала этому юноше о своем прошлом, чтобы не причинять ему напрасной боли, и теперь меня гложет мысль о том, что его родители и остальные жители деревни, которые на следующий день после свадьбы придут осмотреть постельное белье, не обнаружат на нем следов моей невинности, тогда они камнями и палками прогонят меня прочь и отберут у меня кольцо! Вы, римляне, не настолько щепетильны по этому поводу, однако я хорошо знаю людей своей нации, и в Галилее они точно такие же, как в Беероте!

— У Магдалины достаточно опыта, к тому же она когда-то охотилась за голубями,— напомнил я ей.— Доверься ей полностью. А римляне в день свадьбы приносят пару голубей в жертву Венере, чтобы невеста не оказалась опороченной.

— Только не говори этого!— с упреком произнесла Мария.— Может ты хочешь сказать, что привез меня из Иерусалима вовсе не для того, чтобы я очистилась от своих грехов и была предназначена тебе? Конечно, выйдя замуж за римлянина, я нарушила

бы закон своего народа, однако во имя Иисуса я готова это сделать, для того чтобы спасти наименьшего из своих братьев.

Затем, кисло посмотрев на Мирину, она добавила:

— Я даже не могу сердиться на нее! И не стану возражать, если ты оставишь ее своей наложницей, что не считается большим грехом для мужчин, и даже фарисеи не всегда в этом безупречны! Я сумею присмотреть за ней и дать ей понять, где ее место, так что она никогда не отучится от своего смирения!

Мирина давно проснулась и наблюдала за нами сквозь полуоткрытые веки, пытаясь понять слова Марии. Вдруг она широко раскрыла глаза и села на соломе.

— Я ложилась спать с чувством, что мне ничто не угрожает, а теперь, при бледных лучах рассвета, мне стало не по себе. Может быть, час истины наступает в момент холодного рассвета, а не в теплую ночь? Я поняла не все, однако вполне достаточно для того, чтобы уяснить: эта молодая иудейка имеет на тебя определенное право. Если я являюсь хоть малейшим препятствием для нее и для всех остальных, наше приемное родство может стать для тебя непосильной ношей, и я готова идти дальше своей собственной дорогой: ведь у меня есть золото и я смогу как-то прожить. Не беспокойся и не обращай внимание на меня, а улаживай дела с этой прекрасной дочерью Израиля!

Не понимая греческого языка, Мария недоверчиво взглянула на Мирину.

— Не слушай того, что она говорит!— воскликнула она.— Напрасно она с таким отрешенным видом произносит эти красивые слова — мне хорошо известна хитрость греков, тогда как ты не знаешь женщин!

Расплакавшись и закрыв лицо руками, она принялась причитать:

— О, какая у тебя жестокая душа! Неужели ты не понимаешь, что я готова всем пожертвовать и пойти за тобой, чтобы вырвать тебя из грязного мира идолопоклонничества?

Взглянув на нее, Мирина прикоснулась к моей руке.

— Чем ты ее так расстроил?— спросила она с округлившими от страха глазами.— Разве ты не видишь, как она прекрасна и какой блеск в ее глазах? У нее такие нежные алые уста, что вчера,

увидев ее, я со своим расплюснутым носом и невыразительными глазами, не имея даже грудей, позавидовала ей.

Мне показалось, что мой сон сбывается, и я с испугом посмотрел на обеих девушек. Ведь до сих пор я еще не думал о свадьбе! Будучи дочерью Израиля, Мария из Беерота всю жизнь будет считать себя высшим созданием по сравнению со мной, превратит Мирину в рабыню и станет докучать мне до тех пор, пока ей, возможно, удастся заставить меня пройти обрезание. Не один римлянин пошел на это из-за слабости характера, даже если потом ему удалось все скрыть.

Неожиданно мне в голову пришла одна беспокойная мысль: а что если так и должно быть? Что если лишь при помощи безликого Бога иудеев мне дано отыскать путь в царство Иисуса? И что если его ученики перестанут отвергать меня, когда я стану настоящим новообращенным благодаря Марии из Беерота? Разве, покинув Рим, я не был волен устраивать жизнь по собственному усмотрению? Если болезненная операция представляла собой единственное препятствие, воздвигавшее стену между мной и учениками Иисуса, то тогда это была бы наименьшая жертва, которую я мог принести, учитывая, что в жизни мне приходилось испытывать куда худшее!

И все же мой дух противился этой мысли: ведь назаретянина приговорили к смерти именно все эти первосвященники, сcribes и старцы! Я чувствовал нутром, что прибежать в их храм, представляющий собой огромную бойню, и упрашивать их принять меня было бы предательством по отношению к Иисусу. Лучше оставаться смиренным и кротким душой, чем под ложным предлогом пройти обрезание, чтобы быть допущенным в общество его учеников, не пожелавших меня принять таким, каков я есть.

Слезы Марии высохли, и она внимательно смотрела на меня. Мирина тоже растерянно поглядывала в мою сторону. Сравнив ее с болтливой дочерью Израиля, я испытал к ней самое нежное чувство и понял, что всю жизнь буду предпочитать именно ее.

— О Мария, в твоей жертве нет никакой необходимости!— придя в себя, решительно заявил я.— Если ты расстанешься со своим богоизбранным народом, это приведет тебя к гибели, потому что я — закоренелый язычник. С другой стороны, подумай о том, что именно я привез юношу с поломанной ногой к горе. Не

можешь же ты не сдержатъ данное ему слово! И так, мне придется тебя покинуть, однако, не без свадебного подарка, чтобы ты не чувствовала себя полностью зависимой от будущего мужа.

Похоже, эти слова ее убедили. Уже без слез она заметила:

— Этот мир полон неблагодарности, и я начинаю верить, что римляне — настоящие псы! Но только когда ты будешь возлежать на мягких подушках, укрывшись от солнца за пахнущими благовониями занавесями, вспомни обо мне и представь, что эти созданные для ласки руки вращают мельничный жернов, дым выедает мне глаза, а я из последних сил выпекаю хлеб!

Однако ее слова ничуть меня не разжалобили, потому что в такое я никогда не смог бы поверить! Наоборот, мне представлялось, что она заставит супруга работать, как каторжника, а с возрастом станет наводить ужас на зятьев и невесток. Хотя, конечно, я мог ошибаться в своих предсказаниях! Ведь простила же она меня, несмотря на то что незадолго до этого сделала все возможное, чтобы вывести из себя!

— Я имею полное право плюнуть тебе в лицо, — сказала она. — Увы! Мне приходится принять твой свадебный подарок, чтобы достойно предстать перед родителями будущего супруга! Кроме того, речь идет вовсе не о подарке, а о возмещении убытка, после того как ты нарушил данные тобой обещания!

Я осторожно промолчал, несмотря на то что сгорал от нетерпения спросить ее, какие же обещания я давал ей! Пока мы беседовали, появились первые постояльцы, готовые продолжить путь, к нам подошла с сияющим лицом Мария Магдалина.

— К чему все эти разговоры? — спросила она. — Выйдите во двор и взгляните на ослепительную красоту залитого солнцем мира! Его царство пришло на землю! Я больше ни на кого не сержусь, даже на Петра! Сегодня ночью мне приснился сон, и я поняла, что на мир снизошла благодать: я видела, как две белые голубки спустились с небес, сели на головы двух людей, в том числе и на твою, о римлянин! Я не имею права отторгать кого бы то ни было, поскольку даже самая малая заслуга не останется незамеченной и воздастся человеку сторицей. Отец может наказывать своего непослушного сына, но никогда не откажется от него. Поэтому я не делаю различия между римлянами и иудеями: ведь все живущие под этим небосводом люди отныне стали братьями и

сестрами, из числа которых я не исключаю даже самаритян, несмотря на то что поработивший меня своими бесами колдун был родом из Самарии.

Мария из Магдалы обняла меня и поцеловала в обе щеки; мне показалось, что от нее исходила опьяняющая сила, все засверкало у меня перед глазами, и мне, словно малому ребенку, захотелось подпрыгнуть и рассмеяться. Она приголубила также и Мирину, а затем, ласково обняв Марию из Беерота, нежно назвала ее доченькой. Нам всем стало легко на душе от сознания того, что в ней пребывало его царство, и мы съехали с постоянного двора, даже не подумав о еде и питье. Действительно, все еще находясь на земле, в этот день мы пребывали в его царстве.

После обеда мы добрались до Галилейского моря и оказались у дома Магдалины. Навстречу ей выбежали слуги, потому что она уехала с Марией из Беерота, никого не предупредив, и все это время они ее ждали, опасаясь, что их хозяйкой вновь овладели демоны.

— Переоденьтесь во все новое и вечером будьте готовы к большому празднику!— приказала она.— Сделайте, чтобы все было как можно лучше! Мы живем в дни радости и праздника, потому что воскресший из мертвых Иисус из Назарета явился всем своим! И более пятисот человек могут подтвердить это! Поспешите же в Магдалу и пригласите всех, кто пожелает прийти! Только не зовите ни фарисеев, ни слугителей синагог, ни богатых! Пригласите бедных и нищих, тех, кто находится на службе, сборщиков податей и даже чужестранцев! Говорите так: «Мария Магдалина созывает на праздник лишь грешников. Она не зовет праведников, подобных Господу, принявшему на себя все наши грехи. На землю он принес отпущение грехов!»

Так говорила она со своими слугами, пребывавшими в экстазе, и те, кивая ей в ответ, последовали ее приказаниям. Отведя в меня сторону, она с нежностью посмотрела мне в глаза и, положив руки мне на плечи, сказала:

— Пришло время нам расстаться. Знай же, что я признаю тебя сыном его царства, хотя остальные гонят тебя прочь. У тебя еще будут трудные времена, потому что никто не без греха. Не давай своему сердцу стать жестоким, не выставляй свою веру напоказ и не давай ненужных обещаний. Покайся в содеянном грехе, пото-

му что, как и все остальные, ты не сможешь его избежать, и не ищи себе оправдания в том, что остальные тоже грешат. И когда содеянный грех будет наполнять тебя не радостью, а болью за Иисуса, тогда ты будешь готов к тому, чтобы войти в его царство. Ведь не существует настолько ужасного греха, который Иисус не смог бы тебе отпустить, если ты раскаешься и от всего сердца попросишь его прощения. Думаю, никто из тех, кто способен отыскать путь к нему, не будет отвергнут — настолько безгранична его милость. Следуя по пути к царству, ты сможешь избежать многих бед. А теперь я поведаю тебе тайну, которая для меня прояснилась во сне: сам этот путь и есть царство.

Глядя мне прямо в лицо блестящими от слез глазами, она продолжала:

— Такова теория Марии Магдалины, которая созрела во мне, когда я слушала его. После всего случившегося каждый будет судить и рассказывать о нем по-своему, и я не стану утверждать, что моя точка зрения — самая верная, но она и не самая ошибочная.

Она добавила:

— Они приказали мне молчать, потому что я женщина, в их присутствии я всегда буду смиренно молчать. Однако тебе я могу сказать, что Иисус согласился принять телесные страдания для того, чтобы спасти мир. Ему было известно то, что должно было произойти, и он не раз ясно говорил об этом: как Человеческий и Божий Сын он приносил в жертву самого себя, чтобы создать новый мир и очистить от греха всех людей на свете. Он сумел сделать так, чтобы на душе у меня стало легко.

Она объясняла свою теорию, которая была мне совершенно непонятна. Затем мы поговорили о подарке, для юной Марии — я должен был выслать его из Тивериады. После ее свадьбы, которую хотели отпраздновать как можно скорее, она собиралась опять отправиться в Иерусалим, чтобы проверить, не нуждаются ли в чем ученики, поскольку они действительно не знали ни времени своего отъезда, ни сколь долго им придется оставаться в священном городе, а Фома даже сказал: « Мы отправляемся в Иерусалим и будем ждать там свершения пророчества, даже если нам придется дожидаться двенадцать лет!»

Она проводила меня до порога дома, а Мария из Беерота

плакала такими горькими слезами, что глаза у нее распухли. Мирина тоже всплакнула, испытывая к Магдалине дружеские чувства, а я подумал о том, что несмотря на все жизненные перипетии, здесь, как ни в каком другом месте, я смог бы обрести мир. Я вовсе не собирался возвращаться, однако всегда приятно знать, что на земле есть такое место, куда можно вернуться.

В молчании мы с Мириной добрались до Магалды, где вышли на дорогу, ведущую в Тивериаду; мы не были утомлены и поэтому решили не нанимать лодку. Глядя по сторонам, я вдыхал запах моря и думал о том, что мне больше нечего было делать в чужой для меня Галилее, однако и торопиться было некуда. Так мы шли в раздумьях вдоль берега тихого озера с прозрачной водой. Кроме того, я не чувствовал себя одиноким, потому что рядом была Мирина.

До города мы добрались к закату дня, когда солнце уже окрасилось в красный цвет. Я собирался направиться прямо к термиям, однако у форума нам навстречу вышел высокого роста человек, который так углубился в свои мысли, что натолкнулся на меня, прежде чем я успел отпрянуть в сторону. Чтобы не упасть, мне пришлось схватиться за его руку. Он вздрогнул, словно пробудившись ото сна, и поднял на меня глаза: к великому удивлению я увидел Симона Киринейского.

— Мир тебе!— не очень уверенно произнес я, опасаясь ссоры.

Однако он ничуть не рассердился и лишь печально улыбнулся.

— А, это ты, римлянин! Мир и тебе!

Я отпустил его руку, однако не торопился уходить: так мы стояли, глядя друг на друга. Мы не виделись с того самого вечера в его доме, однако за столь короткое время он сильно постарел. Его мрачный взгляд и озабоченное выражение лица наводили на мысль о том, что этому человеку ничего не мило на этой земле.

Я мог бы уйти, не сказав ему ни слова, однако мне показалось, что в нашей встрече, возможно, есть свой смысл.

— Простил ли ты мне то, что было у тебя в доме?— смиренно спросил я.— Они обвинили меня во всех грехах, но я все-таки не считаю себя единственным виновником случившегося. И все же, если у тебя осталась обида на меня, прости!

— Я не держу на тебя зла!— ответил Симон.— Кстати, именно это я и просил тебе передать!

— Однако и добра ты мне не желал!— заметил я.— Ты просто не захотел меня видеть! Теперь-то ты уверен, что я не колдун?

Он предусмотрительно огляделся вокруг. В этот час форум был пуст.

— Можешь верить мне!— сказал я, подняв руку.— Я, как и ты, был на горе. Так что ты обо всем этом думаешь?

— Действительно, там нас было больше пятисот!— вздохнув, произнес он.— Поэтому нет ничего удивительного в том, что я тебя не приметил. Однако если ты в самом деле там был, мое мнение должно быть тебе известно!

Не дав мне ответить, он продолжал:

— Как только я узнал, что он обещал быть в Галилее раньше всех, я сразу же выехал из Иерусалима. Многие покинули город в это же время, однако ожидание очень затянулось, а новости были невероятно противоречивыми. Многие не верили в то, что Иисус на берегу озера уже являлся своим ученикам, и некоторые, разочаровавшись, повернули обратно, в Иерусалим. Однако жизнь сделала меня покорным: раб должен уметь все сносить. Кроме того, в Галилее у меня есть дела, которые иногда требуют моего присутствия. Таким образом, я не терял даром времени. Поэтому я даже желал, чтобы то, что рассказывали его ученики, не имело бы под собой оснований, тогда напрасное ожидание принесло бы мне покой. Я надеялся, что в Иерусалиме смогу вернуться к прежней жизни, которая устраивала меня и позволяла дать моим сыновьям все самое лучшее в жизни: веру Израиля, греческую цивилизацию, римский мир и порядок и определенное состояние. Однако вместо этого я получил известие, побывал на горе и увидел его!

Мышцы его лица дрогнули, и он с раздражением продолжал:

— То, что он воскрес из мертвых, подтвердилось, мне пришлось уверовать в то, что он — Мессия! И вот теперь я вынужден начать все сначала! Таким образом, на этой земле существуют другие вещи, кроме тех, которые может видеть глаз, ощупать рука и которые можно измерить с помощью весов. Как ужасно осознавать это! Мне хотелось бы проклясть тот день, когда я оказался у него на пути и понес его крест! Все то, что мне удалось создать

для детей и что казалось мне таким прочным, развалилось, как карточный домик, из-за него! Ты хочешь узнать, что я обо всем этом думаю? Так вот, я уже решил, что мне следует делать, чтобы стать достойным его царствия и чтобы мои сыновья тоже восприняли его. Продиктованные им законы совершенно несправедливы и лишены жалости по отношению к бывшему рабу, который, став свободным, сумел разбогатеть! Однако после того как я убедился, что он воскрес, у меня больше нет выбора, и я готов подчиниться этим законам. Я надеялся, что смогу с ним, по крайней мере, поторговаться, как это принято у нормальных людей, но он не принадлежит к таковым! С того самого момента, когда я увидел его ночью на горе, я понял, что с ним не поторгуюсь, мне придется безо всяких дополнительных условий стать его рабом, и он сам будет решать, дать мне разрешение стать вольноотпущенным или нет. О римлянин, вот те мысли, в которые я был погружен, когда столкнулся с тобой.

— И ты не станешь отвергать меня, идолопоклонного римлянина?— воскликнул я.

— А чем сын Израиля перед ним благороднее грека или римлянина?— удивился он.— Теперь у меня новый взгляд на все: самому Иисусу предстоит разобраться, кто праведник, а кто нет, и я был бы глуп, если бы взялся определять за него, кто с ним, а кто нет! Кстати, в этом он тоже несправедлив. Если хорошо подумать, все, что касается его, остается немного туманным. Я вовсе не принадлежу к числу тех, кто собирается стяжать себе славу, удалившись в леса, подальше от общества: я трезво мыслящий человек, и для меня поступки всегда значили больше, чем чувства, моя жизнь протекает среди людей, будь то иудеи или римляне. Кроме того, если случился подобный союз хлеба и вина, я предвижу ужасные потрясения в этой стране. Говорят, что он оплакивал судьбу Иерусалима, и возможно мне удастся быть там как раз вовремя, чтобы спасти все то, что может погибнуть, если окажется, что храм не в состоянии взять всех под свою защиту. Я с сыновьями уеду жить в другую страну! Однако пока я ничего не могу утверждать.

Его речи были жалобными, и мысли перескакивали с одного предмета на другой.

— Ты разговаривал с ним на горе?— спросил я.

— Как я посмел бы что-то сказать ему?— спросил он, и глаза его от удивления расширились.— Мне достаточно было увидеть его!

— Одиннадцатеро ничего и слышать обо мне не хотят!— призвался я.— А Петр запретил мне даже о нем говорить, потому что я римлянин.

— Когда они достигнут моего возраста и выстрададут столько, сколько выстрадал я, они станут лучше разбираться во всем,— успокоил он меня.— Ведь они всего лишь люди, а значит далеки до совершенства; однако простые люди с ограниченным умом делают меньше зла, чем те, кому разум и амбиции позволили занять ответственное место в обществе. Я был бы счастлив, если бы они полностью не исковеркали наследство Иисуса. В любом случае, если судьба царства находится только в руках этих одиннадцати человек, мы ничего не сможем поделаться, остается лишь надеяться, что возложенная на них миссия образумит и возвеличит их, как это уже случалось в прежние времена. Лучше уж пусть будет так, чем если бы его наследство оказалось в руках сварливых скриб!

— А что значит для тебя это наследство?— отважился я спросить.

Сами того не замечая, мы принялись вместе расхаживать по форуму, словно софисты, которые ведут дискуссию, а Мирина тем временем присела отдохнуть на городской указатель мили. Симон Киринейский остановился, взглянул на меня и в знак бессилия опустил поднятую руку.

— Если бы я мог все знать раньше!— жалобно произнес он.— За то время, пока мы ждали, мне многое рассказали о его учении, и я тут же пожелал, чтобы все это оказалось лишь болтовней одинокого пророка: его собственная мать и братья считали его умалишенным и после двух первых проповедей в Галилее безуспешно пытались вернуть его домой. К праведникам он был слишком безжалостен, а к грешникам — слишком снисходителен! Некоторые из мудрецов даже полагали, что он совершает свои чудеса при помощи древнего духа зла, именуемого Бельял. Он совершенно не заботился о том, что говорил: иногда утверждал одно, иногда — другое, и те, кто слушал его, рассказывали, что в течение одного дня его высказывания сильно противоречили друг другу! Можешь

себе представить, какой удар меня постиг, когда я увидел живым человека, чей крест на собственных плечах донес до Голгофы!

Крепко сжав руки, он продолжал:

— Он говорил: «Остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим». Эти слова мне совершенно ясны, но я с ними никак не могу согласиться! Неужели я должен простить все долги Ироду Антипасу? Каждый раз, когда он бывает в Иерусалиме, он присылает ко мне своего интенданта Хузу, чтобы одолжить денег; по правде говоря, я никогда не питал надежд вернуть их, и речь даже не идет о значительных суммах — скорее это можно рассматривать как скрытую взятку: мне не хотелось бы, чтобы он расстроил мои дела в Перее и Галилее. А теперь мне начинает казаться, что я должен прийти к князю и простить ему все долги не только на словах, но и от чистого сердца. А мне хорошо известно, что он издевался над Иисусом, перед тем как тот был распят. Конечно, благодаря его хлопотам мне удалось сделать несколько выгодных приобретений у разорившихся галилеян, однако я простил им их долги, а ведь мысль о том, чтобы собрать их наделы в одно сравнительно большое имение и передать его моему сыну Руфию, была мне так мила! Однако я сжалился над ними. Я вовсе не хвалюсь этим поступком, потому что сам Иисус говорил, что левая рука не должна знать того, что делает правая, тем более в чужих краях, однако хотел спросить у тебя совета. Разве не было бы более справедливым заставить князя вернуть долги, а затем раздать эти деньги обездоленным, чем просто-напросто забыть о них?

Симон взвешивал свои слова, и я тоже серьезно подошел к его заботам.

— Ты слишком много беспокоишься о своем добре и о долгах,— сказал я.— У меня тоже есть состояние, но что оно может сейчас значить! Возможно, это отношение к богатству возникло у меня из-за того, что я разбогател, не прилагая к тому ни малейших усилий и благодаря способу, который многие сочли бы бесчестным. Советую тебе подождать и не действовать вслепую. Мне сказали, что его ученики собираются в Иерусалим, где будут дожидаться, даже если им придется ждать двенадцать лет, свершения одного пророчества, и тогда все должно проясниться! Почему же ты думаешь, что сможешь опередить их?

— Потому что я жестокий и злой человек,— без промедления ответил Симон, словно уже размышлял над этим вопросом.

— А ты ничуть не изменился,— заметил я.— Тебе кажется, что если ты что-то дашь, то тотчас же получишь другое взамен. Думаю, что Иисус пришел не для того, чтобы воздать каждому по заслугам, а чтобы самому искупить все грехи мира, потому что ни один человек не способен до конца искупить даже собственные прегрешения. Это лишено всякого смысла, однако ты сам сказал, что в глазах разумного человека в его учении много абсурдного.

Киринейский поднес руку ко лбу и глубоко вздохнул:

— Не знаю, что ты хочешь этим сказать, однако у меня уже начинаю раскалываться голова. Значит, ты считаешь, что если я по-своему хочу искупить свою вину, то это не более чем проявление гордыни прежнего раба, ставшего купцом. А кто ты такой, чтобы поучать меня? Разве ты не говорил, что тебе запретили даже говорить о назаретянине?

— О Симон, прости меня!— сказал я, раскаиваясь в том, что поступил так необдуманно.— Ты прав: кто я такой, чтобы поучать тебя? Ты попросил у меня совета, а я во всем этом разбираюсь не больше твоего, может, даже и меньше, потому что ты старше меня и у тебя богатый опыт. Так что ищи путь к его царству по-своему, а я буду это делать по-своему.

Машинальным движением Симон погладил по щеке Мирину, по-прежнему сидевшую на городском указателе мили.

— О, была бы у меня дочь!— тихо произнес он.— Возможно тогда мое сердце научилось бы снисходительности, а я не был бы таким жестоким!

Было уже темно, и в городе зажглись огни.

— Мы о многом поговорили, и чем дальше заходил разговор, тем больше я переживал,— сказал он.— Однако достаточно мне было прикоснуться к щеке твоей дочери — и все как рукой сняло: я уже чувствую себя превосходно.

— Я не настолько стар, чтобы Мирина была моей дочерью,— возразил я.— Мирина — моя сестра, ей непонятен твой язык.

— Похоже, она побывала с тобой на горе,— произнес он, глядя на свою руку.— Я почувствовал это, как только прикоснулся к ее щеке, а когда столкнулся с тобой и даже когда ты ухватился за мою руку, я ничего не ощутил. Она же сообщила мне покой, и

теперь моя голова больше не забита ненужными вопросами. Значит свыше предполагалось, чтобы я не выслушивал твои софизмы, а прикоснулся к щеке твоей сестры.

Кажется, по отношению ко мне он был несправедлив, но я не захотел спорить с ним, чтобы не нарушить его покой, если таковой он действительно получил от прикосновения к щеке Мирины. После разговора с ним я чувствовал себя еще более уставшим, чем от дневной ходьбы. Моим единственным желанием было как можно скорее вернуться в гостиницу, однако Симон настаивал на том, чтобы проводить нас, и мы тронулись в путь, поддерживая Мирину с двух сторон под руки.

Проходя мимо ярко освещенного постоянного двора, Симон пригласил нас поужинать, и мы согласились. Там не очень разборчивые иудеи сидели за одним столом с язычниками.

Мы разломали хлеб, а затем принялись за рыбу и салат. Присутствие Мирины никого не возмущало. Симон заказал нам вина, но сам пил только воду. Вкусный ужин и вино оживили блеск в глазах нашей спутницы, а ее исхудалые щеки порозовели, да и сам я наслаждался прекрасным ощущением бытия. За столом Симон вел приятный разговор, весьма отличавшийся от того, что был накануне. Чтобы развлечь нас, он рассказал одну историю на греческом диалекте, принятом в Киринее.

— На другой стороне земли существует одна империя, шелком которой пользуется Рим; она находится так далеко, что добраться оттуда до Тира можно только за два года, пройдя через многие страны. Если в Римской империи все земли красного цвета, то в империи шелка они желтые, и это не сказки, потому что однажды в Тире я видел желтокожего человека, который был таким вовсе не из-за болезни: он объяснил, что жители его страны рождаются желтыми с головы до ног! Он также утверждал, что эта страна очень цивилизована, Рим по сравнению с ней — просто варварская страна; однако я думаю, что, как и все чужестранцы, он преувеличивал прелести своей земли. Между тем, из его рассказа следовало, что там родился новый царь, свергнувший прежнего и назвавшийся сыном Солнца, что подтверждается рассказами других путешественников; этот царь изменил прежние порядки, объявив, что земля отныне принадлежит всем и ничего не принадлежит каждому в отдельности: все должны работать на

общую пользу, а царь занимается распределением полученного в соответствии с потребностями каждого. Сын Солнца оставался у власти около двадцати лет; недавно в Тире стало известно, что восставшие крестьяне свергли его и что новый самодержец восстановил прежний порядок. Изгнанник тотчас же покинул столицу и вернулся в родные края, где до того, как стать царем, он занимал высокое положение. Конечно, в этой истории много выдуманного. К примеру, этот желтокожий человек утверждал, что шелк производят черви, а людям остается лишь собирать их паутину и ткать из нее материю. Я неоднократно думал об этом сыне Солнца и о его абсурдных порядках... Подобное вполне могло бы случиться в Римской империи, где земли принадлежат абсолютному меньшинству, а все остальные становятся либо рабами, либо поденщиками, поэтому, какая им разница, работать на общей земле для государства или же на небольшое число хозяев? И когда я думаю об Иисусе из Назарета, мной овладевает печальная мысль о том, что он хотел создать подобное царство, где все станет общим и не будет собственников. Только бывший раб способен оценить всю опасность подобного просчета! Даже раб испытывает потребность хоть чем-то обладать, чтобы иметь возможность продолжать жить: я помню, как в Киринее рабы хвалились друг перед другом тем, что их кандалы больше или тяжелее, чем у других! Поразмыслив, я все больше убеждаюсь, что царство назаретянина не может быть земным, потому что если бы он рассчитывал установить подобные порядки, то явился бы нам римским императором, а не царем иудеев!

— Рассуждать о политике при посторонних не очень благоразумно!— поспешил я предупредить Симона.— Насколько я понимаю, царство Иисуса спустилось на землю при его рождении и до сих пор остается здесь невидимым, так что ни один государь на свете не в состоянии его обнаружить: можно преследовать его сторонников, однако никому не дано его разрушить, потому что оно находится в нас самих.

Мой друг разочарованно покачал головой.

— О, как ты еще неопытен и плохо знаешь человеческую натуру!— тихо произнес он.— После двенадцати лет правления сын Солнца был свергнут, в то время как способ его царствования был вполне объясним; так как же невидимое царство сможет устоять,

после того как Иисуса больше нет с нами? Поверь мне, после нашей смерти воспоминания о нем сотрутся. Как человек, который своими глазами не смог удостовериться в том, что Иисус действительно Сын Божий, поверит в какое-то невидимое царство? Сотню лет еще могут говорить о том, чему он учил, если это будет соответствовать понятиям человеческого восприятия, и не будет совершенно противоречить нашему прошлому.

— Значит, ты совершенно не веришь в то, что его дело и имя изменят облик мира?— спросил я, и душа моя опечалилась от этих слов.

— Нет!— честно ответил он.— Не смогут, потому что даже сам Бог не способен изменить ни этот мир, ни людей. Эти галилеяне попытались насильно сделать его своим царем, после того как он накормил пять тысяч человек! И если они не сумели постичь его слов, то как это смогут сделать те, кто его никогда не видел? Не забывай, что его опасное учение имеет множество причин для недоверия. Он призывал на свою сторону грешников и в самую последнюю минуту, уже на кресте, пообещал принять в своем царстве распятого рядом разбойника — об этом свидетельствуют очевидцы. Короче говоря, лишь гольтыба, которой нечего терять, может следовать его учению, тогда как имущие будут делать все, чтобы оно не нашло большего распространения.

Мирина прервала ладонью по обросшей бородой щеке Симона.

— Зачем думать о распространении его учения?— с улыбкой спросила она.— Может быть, это не касается ни тебя, ни моего брата Марка, ни меня самой?! Лучше возрадуемся тому, что нам удалось увидеть его на горе! Он — животворящий свет, и после того как нам удалось увидеть его, я больше никогда не буду чувствовать себя покинутой. Почему ты говоришь только об одном беспроглядном мраке?

До сих пор Мирина хранила абсолютное молчание, и ее слова произвели на нас тот же эффект, какой получился бы, если бы вдруг заговорил стол. При виде ее лица, озаренного светом, мы испытывали облегчение, несмотря на чувство вины за нашу необдуманную болтовню. Мы были допущены в царство, и от любви к Мирине и Симону мое сердце затрепетало в груди. Долгое время

мы молча глядели друг на друга, и присутствие шумных посетителей не могло нас вывести из этого состояния.

Симон, не скупясь, рассчитался и проводил нас до гостиницы, у которой нам пришлось расстаться.

Мы с Мириной так устали от долгой ходьбы и всех пережитых событий, что проспали при закрытых ставнях до девяти часов и, проснувшись, ощутили себя так, будто родились заново. И все же я вздрогнул при мысли о необходимости отправиться к Клавдии Прокуле и рассказать ей обо всем, что мы видели на горе. Заметив мое беспокойство, Мирина осведомилась о его причинах. Я поведал ей все о том, что касалось супруги прокуратора и ее заболевания, и тогда она вызвалась сопровождать меня, чтобы подтвердить мои свидетельства и радостную весть, которую я должен был принести.

Прежде всего мне требовалось отмыться от всех забот и превратностей пройденного пути, а также избавиться от плаща, от которого несло потом, и от моей единственной туники. Мне нужна была чистая одежда. Помимо всего, я больше не видел никакой нужды носить бороду и скрывать свое истинное происхождение. Итак, я отправился в термии, где побрился, сделал завивку волос и для полной чистоты удалил все лишние волосы с тела. Затем я заказал массаж, который снял с меня остатки усталости, и приказал смазать тело благовониями, затем оделся в римские одежды, подарив прежние рабу.

Обретя свой естественный вид, я испытал чувство стыда за попытку войти в доверие сынов Израиля, для чего отпустил бороду и пришел фалды к своему плащу. Вернувшись в гостиницу, я достал из кошелька золотое кольцо и одел его на мизинец.

Вошла Мирина, одетая в тунику, расшитую золотыми нитями, и я заметил, что она тоже сделала себе новую прическу и нанесла на лицо макияж. Словно впервые увидев друг друга, мы обменялись долгим взглядом. Обнаружив, что моя спутница больше не заставит меня краснеть в присутствии богатых посетителей термий или Клавдии Прокулы, я должен был бы обрадоваться. Однако, по правде говоря, подобное ее перевоплощение не доставило мне ни малейшего удовольствия. Мне намного больше импонировала та хрупкая девушка, которая спала в моих объятиях на той самой горе в Галилее, укутавшись в старый вылинявший плащ.

Однако я не посмел сказать ей ни единого слова в упрек и даже не осмелился сообщить, что ее сандалии танцовщицы нравились мне куда больше, чем разукрашенные туфли,— ее внешний вид полностью соответствовал вновь обретенному мной стилю. Она взглянула на меня, словно какая-то незнакомка, и сказала:

— Таким я видела тебя на корабле, который направлялся в Яффу. Когда ты подарил мне серебряную монету, то был одет точно так же. Справедливо, что ты напомнил, кто на самом деле есть ты, а кто — я. Мое предложение сопровождать тебя к супруге римского прокуратора было необдуманным.

Ощущение, полученное мной при пробуждении, все еще не покинуло меня.

— Мне всего лишь надоели борода и плащ, вонявший потом, и поэтому я захотел испытать чувство чистоты. Сейчас сыновья Израиля бегут при одном появлении моей тени, но, возможно, наступит такой день, когда все остальные будут плевать, завидя их. Я думал, что тебе будет приятно видеть меня таким.

Однако между нами возникла какая-то стена отчуждения. Мысль о том, что я допускаю неосторожность, пригласив девушку следовать со мной к Клавдии Прокуле, казалась мне нестерпимой: я словно предал ее, чего мне никак не хотелось. Какое-то время мне пришлось настаивать на том, чтобы она сопровождала меня, и так продолжалось до тех пор, пока не явился слуга и не объявил, что супруга прокуратора ожидает моего прихода.

Приблизившись к летнему дворцу, я обратил внимание на то, что около него больше не было зевак и солдат князя Ирода, одетых в красное. Единственный сирийский легионер из сопровождения Клавдии Прокулы подал небрежно знак, что вход свободен. Таким образом, пребывание супруги прокуратора в Тивериаде было сведено к простой банальности, и Клавдия Прокула затерялась среди остальных отдыхающих.

Ради моего прихода она даже не приделась во все новое, и приняла меня, возлежав за пологом, который колыхался на ветру. Морщины у глаз и борозды у рта значительно состарили ее. Однако она была спокойна и предупредительна и, казалось, больше не страдала от бессонницы. Она с любопытством осмотрела Мирину и вопрошающе взглянула на меня.

— Это моя сестра Мирина, побывавшая вместе со мной на

горе,— представил ее я.— О Клавдия, я привел ее, чтобы мы втроем смогли поговорить подальше от чужих ушей.

Поразмыслив секунду, Клавдия приказала своей спутнице выйти, однако при этом не пригласила нас присесть. Она принялась непринужденно болтать, не переставая поглядывать на Мирину.

— Как жаль, что после бегов ты не пошел вместе со мной на праздник, который устроил князь! Ты мог бы узнать множество интересных вещей о местных обычаях! Лично я должна признать, что Ирод Антипас вовсе не соответствует той дурной славе, что ходит о нем и от которой он весьма страдает. Он подарил мне тройное персидское кольцо, и у нас состоялся совершенно откровенный разговор. Конечно, его дочь Саломея — это бесстыдная шлюха, которая делает с ним все что хочет по наущению своей стареющей матери, однако кровосмешение, похоже, стало традицией среди потомков Ирода Великого и не является для них стыдом. Нам, римлянам, трудно судить о нравах восточных людей, которые умеют быть обворожительными, когда пожелают. Иродиада обладает прежней силой ума и, как мне показалось, продолжает добиваться титула царя для своего мужа, что стало причиной многих разговоров. Для Понтия Пилата чрезвычайно важно, что галилейский князь по-прежнему остается в добрых отношениях с Тиверием, несмотря на то что Иродиаде хорошо известно, что он очень стар и ни на что не годен. Ты ведь знаешь, что Пилат принял сторону Сежана, которому мы обязаны постом прокуратора Иудеи, и теперь Пилат и Ирод заинтересованы в совместной поддержке, в чем я совершенно согласна с княгиней. Таким образом, моя поездка была не напрасной, и теперь я готова вернуться в Кесарию.

По правде говоря, Клавдия Прокула не раскрыла никакой тайны, потому что все это было уже известно каждому здравомыслящему человеку. Тиверий превратился в большого старика, а имя Сежана внушает такой страх, что знающие о сложившемся положении римляне предпочитают молча ждать, когда он станет трибуном и тем самым его власть будет признана официально.

Мне показалось, что Клавдия пыталась проследить, понимает ли Мирина латинский язык. Вдруг, указав на нее пальцем, она громко воскликнула:

— О Юпитер! Да ведь эта девушка — точная копия Туллии!

С ужасом я взглянул на Мирину и на какой-то миг мне действительно показалось, что она похожа на тебя, о Туллия! При этом я ощутил такое отвращение и злость, что в тот же миг понял, что никогда не вышлю тебе эти свитки и что жажда видеть тебя навсегда угасла во мне. Но вскоре это наваждение исчезло и, хорошо присмотревшись к чертам моей спутницы, я понял, что у вас нет ничего общего.

Тем временем Клавдия Прокула продолжала подтрунивать:

— Думаю, будь у нее темные сверкающие глаза, нос потоньше, черные как смоль волосы и полные губы, она могла бы чем-то напоминать Туллию!

Возможно, она просто хотела уязвить Мирину, а, может быть, действительно пыталась понять, что общего было у тебя с юной гречанкой, о Туллия, но я могу утверждать, что вы абсолютно не похожи!

— Оставь мою сестру в покое!— со злостью ответил я.— Ей хорошо известно, что она отнюдь не красавица, а я больше не желаю вспоминать о Туллии! И давай будем продолжать по-гречески! Действительно ли ты хочешь узнать о том, что случилось там, на горе?

— О, да!— воскликнула она.— Так что же там было? Удалось ли тебе увидеть Иисуса из Назарета?

— Мы видели его,— ответил я.— Он воскрес из мертвых. Он жив!

Тогда она задала мне совершенно неожиданный вопрос:

— А откуда тебе известно, что это был именно он?

Подобный вопрос до сих пор не приходил мне в голову и застал меня врасплох, но, пытаясь изобразить улыбку, я ответил:

— Это был он! Совершенно точно — он! А кто же еще это мог быть? Ведь там собралось более пятисот человек, они узнали его! Кроме того, достаточно было взглянуть ему в лицо! Ни один человек не может походить на Иисуса!

Мирина в свою очередь добавила:

— У обычного человека совсем иной взгляд!

— Вы видели его в потемках,— продолжала Клавдия, с интересом разглядывая нас обоих.— Разве эта ночь не была темной и безлунной?

— Да, ночь была очень темной,— признал я.— Однако было достаточно светло, чтобы не спутать его ни с кем другим!

— Я ничуть не сомневаюсь, что это был он, как и во всем остальном! И все же: здесь неоднократно бывал придворный врач, который занимался моим лечением, и я разговаривала с Иродиадой — оба они рассказывали о том, что многие из галилеян признавали Иисуса в странном человеке, блуждающем по всей округе. Мнения разделились, поскольку никто не может с точностью описать его. При дворе полагают, что речь идет вовсе не об Иисусе, а о каком-то ненормальном или одержимом, который нарочно нанес себе раны на ногах и на запястьях, или же о человеке, которого подыскали его ученики, после того как похитили тело, чтобы продолжить всю эту комедию.

Заметив брошенный мной взгляд, она поторопилась добавить:

— Я лишь повторяю то, что слышала, и вовсе не утверждаю, что это мое собственное мнение! На свете все возможно! К примеру, в пустыне, на берегу Мертвого моря вдали от других живут члены одной иудаистской секты. Они всегда разделяют между собой трапезу, крестят друг друга водой, постятся, молятся, оставаясь невинными; благодаря этому они достигли такого уровня святости, что стали отличатся от прочих людей: говорят, белые одежды излучают свет даже в полной темноте. Они поддерживают тайные связи не только с Иерусалимом, но и с другими странами. Ирод Великий считал их чрезвычайно опасными и преследовал, поэтому они нашли себе прибежище в Дамаске, откуда вернулись после смерти назаретянина. О них известно очень мало, ведь они никого не допускают к себе. Тем не менее многие знают, что среди них существуют различные степени посвящения в мудрость и что они, может быть, обладают познаниями, недоступными прочим смертным. После споров с другими учеными мой врач вчера сделал предположение: эта секта по неизвестным для нас причинам могла внимательно следить за деятельностью Иисуса и даже защищать его, о чем он сам мог и не догадываться. То, что два члена синедриона взяли на себя заботы о его захоронении, кажется весьма подозрительным; кроме того, Мария из Магдалы на следующее утро видела силуэт человека в ослепительном свете и приняла его за ангела; помимо этого, ученики Иисуса, занимая незначительное положение и будучи боязливими людьми,

возможно, никогда не решились бы выкрасть его тело, это было весьма легко сделать людям из секты, которые вполне могли с помощью колдовства вернуть тело к жизни или же подменить Иисуса кем-то из своих, отправив его странствовать по всей Галилее. Трудно сказать, почему они хотят, чтобы люди верили в воскресение назаретянина: либо они заинтересованы в том, чтобы храм утратил свое прежнее влияние, либо это связано с религиозной борьбой, и тогда причина известна только им одним. Однако они достаточно осторожны, чтобы бесконечно продолжать спектакль. Я считаю, что все это закончилось в тот самый момент, когда человек, кем бы он ни был, появился на горе перед последователями Иисуса.

Заметив, что я слушаю ее речи с сомнением, Клавдия Прокула осеклась, взмахнула руками и добавила:

— Я всего лишь передаю то, что говорят другие, однако сама не верю в это. Конечно, трудно объяснить, как даже самые близкие его ученики могли бы ошибиться, признав вместо него другого человека, если только они сами не принимают участия в одурачивании других. Лучше скажи, говорил ли ты с ним обо мне?

— Боюсь, что мне сложно это объяснить.— смущенно пробормотал я.— Когда я его увидел, в моей голове была только одна-единственная мысль, и я не смог бы говорить ни о чем другом, даже если очень захотел бы.

К моему большому удивлению, она не высказала ни единого упрека в мой адрес.

— Так же говорила и Жанна,— удовлетворенным тоном произнесла она.— Однако при этом она набрала в тряпицу земли, по которой ходил Иисус, чтобы я смогла прикоснуться к ней или приложить ее ко лбу и избавиться от ночных кошмаров. Но я в этом не нуждаюсь!

Загадочно посмотрев на меня, она прибавила:

— Я тоже была на горе вместе со всеми остальными и исцелилась!

Мой пораженный вид вызвал у нее веселый смешок:

— Ты попался в мою ловушку!— воскликнула она, от радости всплеснув руками.— Подсаживайтесь ко мне, о Марк, и ты, девушка! Я не стану утверждать, что физически была на горе, но в ту ночь мне приснился очень приятный сон. Тебе хорошо известно, на-

столько я чувствительна и неуравновешенна: мне привиделось, что меня щипали, тащили за волосы, и я ощущала это так, будто все происходило наяву, и несмотря на мои усилия, не могла сделать ни единого движения, до тех пор пока ко мне не возвратился дар речи, тогда я проснулась вся в поту и такая изможденная, что больше не осмелилась всю ночь сомкнуть глаза. Однако мы говорили о горе, — спокойным голосом продолжала она. — Нет ничего удивительного в том, что я, будучи столь чувствительной натурой, побывала там мысленно — эта встреча занимала все мои мысли. Темнота там была такая, что я скорее чувствовала, чем видела, вокруг себя множество людей; стоя на коленях, они застыли в ожидании чего-то. Я не испытывала никакого чувства боязни. Неожиданно передо мной появился окруженный сиянием человек, однако я не осмелилась поднять на него глаза, но вовсе не потому, что боялась, а потому, что интуиция подсказывала мне: лучше не смотреть в его лицо. Тогда он с нежностью в голосе спросил меня: «Слышишь ли ты меня, Клавдия Прокула?» Я ответила: «Я слышу твой голос». Он сказал: «Я — Иисус из Назарета, царь иудейский, которого твой супруг распял в Иерусалиме». Я ответила: «Да, это так». Тогда он сказал мне несколько слов об овцах, однако я не поняла их смысл и не обратила на них особого внимания, поскольку не разбираюсь в разведении овец. При этом мне показалось, что в его взгляде сквозил упрек. «Я — пастух и не могу позволить, чтобы разбойник убивал моих овец», — сказал он. Я поняла, что, говоря о разбойнике, он подразумевал Понтия Пилата, и поспешно произнесла: «Вполне возможно, он больше не будет преследовать твоих овец, да и тебя самого он не стал бы убивать, если бы его не вынудили к тому политический причины». Однако он не обратил внимание на мои пояснения, и тогда я поняла, что эта сторона вопроса его не интересует и что он не таит обиды на моего мужа. Тем временем он продолжал говорить мне об овцах: «У меня есть и другие овцы». Не зная, что ответить, и чтобы быть учтивой, я сказала: «Не сомневаюсь, что ты для них — хороший пастырь». Похоже, эти слова ему понравились, потому что он тотчас же ответил: «Как ты сама сказала, я — хороший пастырь, а хороший пастырь готов отдать жизнь за своих овец». Тогда мной овладело непреодолимое желание расплакаться и молить о том, чтобы он принял меня в свою паству, однако у меня не хватило духа

на это; я лишь почувствовала, что он возложил руку на мою голову, и в этот момент проснулась, а проснувшись, продолжала ощущать прикосновение его руки. Никогда еще я не видела столь прекрасного сна! Я сделала все, чтобы навсегда запомнить его в самых мельчайших подробностях, а затем вновь погрузилась в продолжительный сон. С тех пор мне не приснился ни один кошмар! Думаю, что исцелив меня, он пожелал, чтобы Понтий Пилат прекратил преследование его учеников.

Словно ребенок, она рассмеялась и прикрыла рот рукой.

— Мне не составило труда дать ему подобное обещание, потому что у Понтия Пилата нет никакого желания преследовать учеников назаретянина. Совершенно наоборот! Конечно же, сон — это всего лишь сон, и он разговаривал со мной об овцах, следуя своей привычке: мне говорили, что в своих проповедях он не раз обращался за примером к этим животным. Однако, как бы то ни было, я видела все очень отчетливо, и это случилось в ту самую ночь, когда вы были на горе; к тому же я избавилась от кошмаров. Естественно, княжеский врач уверяет, что этому исцелению я обязана купаниям в теплой сере и его собственным заботам, а поскольку мне не хотелось бы его огорчать, я продолжаю преподносить ему обычные в таких случаях подарки. Ты, конечно, можешь смеяться, но я считаю, что выздоровела по милости назаретянина во время этого сна!

И она торжествующе заключила:

— Не знаю, кого вы видели на горе, однако в своем сне я видела именно Иисуса! Сусанна, которой вполне можно доверять, утверждает, что там, на горе, она видела своего раввина.

Чуть поразмыслив над словами о ее сне, я дрожа от нетерпения спросил:

— Он действительно сказал тебе во сне, что у него есть и другие овцы? В таком случае, он отдал жизнь и за них! О Мирина, слышала ли ты? Мы не чужие для него!

Жена прокуратора рассмеялась.

— О, довольно этих историй с овцами!— воскликнула она.— Я справлялась об Иисусе из Назарета и в определенной степени могу поверить в то, что он действительно Сын Божий и в его воскресение Сусанна кое-чему меня обучила, к примеру, молитве, которую произносят в любой момент; кроме того, я собираюсь следовать

некоторым из его учений в пределах того, насколько мне удастся это сделать, не бросая тень на свое положение. Во всяком случае не может быть даже речи о том, чтобы я перестала приносить жертвы в честь гения императора. Кроме того, я еще не решила, что можно рассказывать мужу, а о чем лучше умолчать. Понтий Пилат хорошо разбирается в праве и, будучи человеком приземленным, не верит ни в какие чудеса.

— Лучше было бы как можно реже произносить имя Иисуса в его присутствии,— подумав, сказал я.— Принимая во внимание его тяготение к справедливости, можно предложить, что все случившееся было для него весьма неприятно, и лишнее напоминание вызовет в нем только раздражение.

— Очень трудно судить о его ощущениях! Высокая должность, которую он занимает в империи, приучила его так ловко скрывать свои чувства, что иногда я задаюсь вопросом, действительно ли он их переживает? При этом он вовсе не плохой человек, на его месте мог оказаться куда менее достойный прокуратор! Я считаю совершенно несправедливым то, что его обозвали разбойником, и вижу в этом признак иудейского фанатизма. Но, возможно, ты прав, и я ничего не стану ему говорить, если он сам не задаст мне такого вопроса. Кстати,— продолжала она, внимательно меня осмотрев,— я рада видеть тебя опять выбритым и в приличной одежде. По правде говоря, я уже начала о тебе беспокоиться и подумывать, что иудеи смогли заморочить тебе голову! Выражение твоего лица так напоминало лица фанатиков, что врач, с которым ты познакомился, однажды даже спросил меня, что с тобой произошло. Похоже, то, что ты опять увидел Иисуса, пошло тебе на пользу. Не думаешь ли ты вернуться в Рим? Розы в Бэ уже расцвели. Я была бы весьма тебе признательна, если бы ты временами высылал оттуда детальные и точные известия о здоровье императора. Думаю, что год, проведенный на чужбине, смог умерить чрезмерный пыл твоей любви, а Туллия, в свою очередь, готова принять тебя. Уверена, что в твое отсутствие она уже успела известись и снова выйти замуж. Для тебя это будет выглядеть так, словно все начинается сначала. Уверена, что никто не станет тебя преследовать в Риме.

Она, конечно же, была права, и в Риме мне ничего не угрожало. Однако при этих словах мое сердце сжалось, только, о Туллия,

не ты была тому причиной, а собственная безрассудность, заставившая меня слепо поверить в твое обещание приехать в Александрию.

— Думаю, что я никогда больше не вернусь в Рим,— ответил я принужденно.— От одной лишь мысли о розах меня начинает тошнить.

— Тогда хотя бы заедь в Кесарию!— предложила Клавдия.— Это новый цивилизованный город князя Ирода Антипаса, который намного лучше Тивериады! Туда прибывают корабли со всего света, и ты сможешь найти людей, которые помогут тебе обрести свое место в жизни: ведь римлянин не может довольствоваться одними лишь красивыми израильтянками и маленькими гречанками!

При этих словах Мирина самым неожиданным образом полжила конец нашей болтовне: она встала и в весьма вежливых выражениях отблагодарила Клавдию Прокулу за честь, которую та оказала, приняв ее, затем так же спокойно дала мне оплеуху сначала по одной щеке, а затем — по второй, схватила меня за руку и потащила к выходу, а, дойдя до двери, обернулась и сказала:

— О благородная Клавдия Прокула, не беспокойся больше о Марке! Отныне я буду следить за тем, чтобы эта овца никогда не заблудилась!

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

*Марк Меценций Манилий
приветствует бывшего Марка!*

Нредыдущее письмо я оставил незаконченным, и нет никакого желания продолжать его, потому что обращаться к Туллии не имеет больше смысла. Я и прежде чувствовал, что не вышлю Туллии ни одного написанного мной свитка: одно лишь ее имя заставляет меня вздрагивать и внушает чувство ненависти к своей прежней жизни.

Кроме того, я не желаю адресовывать это письмо Туллии из-за доброго отношения к Мирине.

Вот почему я предпочитаю обратиться к своему прежнему «я» и иметь возможность какое-то время спустя иногда вспоминать о том, что со мной произошло: со временем память начинает слабеть. Моя рука пишет эти строки, а я чувствую угрызения совести при мысли о том, что мог в чем-то ошибиться, что-то преувеличить и что-то добавить от себя. Если это так, то я сделал это не умышленно, и со мной случилось то же, что и со свидетелями на судебном процессе, которые по-разному передают увиденные и пережитые ими одинаковые события.

Записывать все это стало для меня отныне жизненной необходимостью из-за запрета говорить об Иисусе вслух. Да и что я мог бы сказать о его царстве, если бы своими глазами не видел его смерти и не встретил его воскресшего? А этого я никогда не опровергну и не поставлю под сомнение! Все же мне запретили рассказывать обо всем, потому что я не иудей и не прошел обрезания.

Если кто-либо, знающий о тайне царства больше меня, поведаст о случившемся совершенно по-другому, я готов преклониться перед ним. Таким образом, мой рассказ имеет какое-то значение лишь для меня одного, и если мне суждено дожить до старости, он поможет воспроизвести в памяти все факты так же ясно, как если бы это происходило в сей момент. Поэтому я старался записывать события, имеющие смысл и значение лишь для меня одного: со временем все эти слова облекутся в должную форму, а благодаря поверхностным и незначительным деталям я смогу точно придерживаться сути рассказа и поведать о самом главном.

Я ничего не собираюсь скрывать: разобравшись в самом себе, я понял, что представляю собой легкомысленное, лишенное воли существо, без труда увлекаемое всем новым, суетное, эгоистичное и являющееся рабом собственной плоти, которому нечем гордиться, как утверждает Мирина. В этом кроется еще одна причина, по которой я стараюсь ничего не упускать из своего рассказа.

Итак, мне запрещено говорить, остается лишь покориться судьбе и признать, что это справедливо. Во мне нет силы воли, я похож на воду, которую переливают из одного сосуда в другой и которая каждый раз принимает форму нового сосуда. Если бы я мог оставаться таким же чистым, как прозрачная вода! Увы со временем даже вода мутнеет и начинает загнивать! Когда я почувствую, что превращаюсь в стоячую воду, я смогу развернуть эти свитки и вспомнить, что однажды мне посчастливилось увидеть его царство.

Почему именно я, чужестранец, стал свидетелем его воскресения и почувствовал наступление его царства? На этот вопрос я не смогу ответить, однако по-прежнему считаю, что это не было случайностью. Тем не менее, хорошо зная себя, я чувствую

что со временем эта уверенность может поколебаться. Как бы низко я не пал в этот момент разочарования и сомнений, поддавшись искушению удовольствий, я всегда смогу обрести покой, вспоминая предсказания одинокого рыбака на берегу озера, даже если мне никогда не удастся понять, каким образом они сбылись. Конечно, это всего лишь хрупкая надежда, но кто способен жить без надежды? По сравнению со мной все остальные кажутся мне так твердо стоящими на ногах, что я ощущаю полную незащищенность! Хорошо, что рядом со мной Мирина, она обладает той самой силой воли, которой мне не хватает, и, быть может, она мне послана, дабы я никогда не терял надежды!

Сейчас мы в Иерусалиме. Но поскольку я уже начал говорить о Мирине, то следует немного вернуться к событиям у термий Тивериады.

Не знаю, как объяснить возникшую между нами ссору: еще незадолго до этого мы оба пребывали в превосходном настроении. Возможно, во всем виновата Клавдия Прокула, в присутствии которой Мирина, утратив свое хладнокровие, дала мне пощечину и за руку увлекла из комнаты.

Если я правильно помню, вернувшись к себе, она заявила, что чем больше встречает светских женщин, тем уверенней чувствует себя, потому что ей нет необходимости выдавать себя за ту, кем она не есть на самом деле. Она собрала свои вещи с видимым желанием тотчас же покинуть меня, а я не стал ее удерживать, чувствуя себя обиженным. Тогда она набросилась на меня с такими оскорбительными речами, что одна лишь Туллия могла бы сравниться с ней в этом, да и то в наихудшие минуты наших отношений.

Она принялась топтать мое самолюбие, обвинив меня даже в том, что я, поддерживая тщетную болтовню Клавдии Прокулы, предал назаретянина, и заявила, что не поверила ни единому слову о сне, рассказанном римлянкой. Короче говоря, неожиданно я перестал понимать эту до сих пор скромную и кроткую девушку. Мне даже пришла в голову мысль, что в этом проявляется ее настоящий характер, а до сих пор она лишь обманывала меня!

Я подумал, уж не овладел ли ею какой-то предательский дух: так резко и хитроумно обличала она мои недостатки. И откуда ей было известно то, в чем она меня упрекала? Мирина копалась в

моей душе, не оставляя места даже для самого сокровенного, ее слова были достаточно правдивы, что заставляло меня прислушиваться к ним, несмотря на то что в душе я решил больше никогда с ней не разговаривать.

Наконец, успокоившись, она опустила на стул и, подерживая голову руками, со взглядом, обращенным в никуда, сказала:

— Такой ты есть! Я была готова уйти и оставить тебя на произвол судьбы, что было бы справедливо по отношению к тебе! Однако Иисус из Назарета поручил мне заботиться о тебе, и я не могу его послушаться. Ты похож на ягненка, затерявшегося среди волков, и в мгновение ока тебя могут совратить с избранного пути. Видеть больше не могу, как ты горишь желанием при воспоминании об этой Туллии и о своих бесстыдных похождениях! Немедленно положи золотое кольцо обратно в кошелек!

Затем она вскочила и опять дала мне пощечину.

— Ты похож на мальчика из александрийского дома свиданий!— добавила она.— Лучше бы вместо этих завитков твои волосы были растрепанны! Если бы я не видела, как ты шел по дорогам Галилеи, глотая пыль, истекая потом, не жалуясь на боль в ногах, то можешь быть уверен: я сразу бы покинула тебя!

Так она продолжала говорить, пока ее последние аргументы не иссякли.

Я не унился до того, чтобы ответить ей тем же, и не мог смотреть в ее глаза — настолько слова эти были правдивы. Кроме того, я не собираюсь ставить здесь точку, поскольку считаю, что в данном рассказе и так были заметны все мои слабости, несмотря на то, что я вовсе не старался намеренно описывать их.

— Взгляни на себя и ты поймешь, права я или нет,— подытожила она.— Я больше не хочу жить с тобой в одной комнате!

Она вышла и так громко хлопнула дверью, что вздрогнула вся гостиница. Чуть погодя за ее вещами зашел слуга, однако я не стал обращать на это внимание, хорошо понимая, что после приема у Клавдии Прокулы владелец гостиницы мог выделить ей любую комнату.

Вспомнив сказанные Мириной слова, я впал в глубокую депрессию и принялся записывать все, что со мной произошло, надолго задерживаясь над эпизодами, касавшимися ее, чтобы мое

разочарование не попало в рассказ. За этим занятием я провел не один день, не открывая ставен, и даже пищу мне доставляли в комнату. Мирина зашла ко мне сообщить, что собирается в Тивериаду заказать надгробный камень в греческом стиле для могилы брата. Затем она вернулась еще раз, чтобы доложить, что меня разыскивает Натан: он пришел с моими ослами. Я ответил ей, что мое единственное желание — поработать в покое.

После этого она больше не приходила спрашивать у меня разрешения, покидая пределы курорта. Чуть позже я узнал, что за это время она побывала у Марии в Магдале и вместе с Натаном ездила в Капернаум.

Не знаю, сколько времени я провел над этими строками, потому что из-за бессонницы писал даже по ночам. Постепенно моя ярость начала угасать, и засыпая или просыпаясь, я начал подумывать о девушке и о ее словах: все равно рано или поздно мне это должны были высказать. Конечно, временами мне удавалось продемонстрировать смирение, однако вскоре гордость брала верх, и я начинал чувствовать превосходство над другими и свою непогрешимость.

Однажды утром, когда я еще спал, Мирина вошла в комнату: я ощутил на себе ее взгляд и затем легкое прикосновение к моим волосам. От этого прикосновения ее руки ко мне вернулась прежняя радость и стало стыдно, что я столь долгое время старался показать свою непреклонность. Желая понаблюдать за ней, я лишь повернулся на ложе, делая вид, что не могу проснуться. Увидев, что я открыл глаза, она тотчас же отпрянула в сторону.

— Ты правильно делаешь, что хранишь молчание; что бы ты ни писал в своих свитках, ты не можешь наговорить глупостей или кому-то навредить!— неожиданно произнесла она.— А теперь пора вставать. Сорок дней уже прошли, и нам нужно как можно скорее добраться до Иерусалима. Натан с ослами ждет нас внизу. Соберай вещи, оплати гостиницу и следуй за мной! Во время поездки ты сможешь дуться так же, как и в этой комнате с закрытыми ставнями!

— О Мирина, прости за то, что я лишь таков, как есть, и за все то плохое, что я думал о тебе во время моего молчания,— прошептал я.— Однако что мне делать в Иерусалиме? Не знаю, стоит ли мне позволять тебе свободно распоряжаться моим временем.

— Мы еще успеем поговорить об этом во время поездки,— ответила она.— Приближается иудейский праздник, и многие уже отправились в священный город! Поспешите же!

Ее план не был для меня неожиданным. Записывая эти строки, я сам лелеял мысль о том, чтобы увидеть, как разрешится судьба учеников Иисуса, отправившихся в Иерусалим. Кроме того, столь неожиданная прогулка пошла бы мне на пользу, потому что я уже устал писать и молчать.

Взглянув на Мирину, я не смог сдержать своей радости и, схватив ее в объятия, прижал к себе и расцеловал в обе щеки.

— Можешь говорить со мной грубо, все равно я уверен, что прежде всего ты желаешь мне добра. Минуту назад, когда ты, думая, что я сплю, ласкала мои волосы, я был вне себя от счастья.

Мирина вначале попыталась уверить меня, будто все это мне лишь привиделось, однако затем не удержалась и тоже поцеловала меня.

— В тот день я поступила с тобой жестоко, однако мне нужен был такой окончательный разговор,— сказала она.— Ты нравишься мне таким, как есть, но ты не должен забываться и считать себя лучшим, чем на самом деле. Мне не хотелось, чтобы ты стал другим, и если бы я тебя не любила, не стала бы с тобой так жестоко обращаться. Ну, а своим временем ты можешь располагать по своему усмотрению, однако при условии, что немедленно поедешь со мной в Иерусалим.

— Я уже горю желанием туда отправиться!— поспешил сообщить я.— Вполне возможно, что еще не все свершилось! Куда мне идти? У меня нет своего домашнего очага, и на этой земле я чувствую себя таким чужаком, что мне безразлично, в какой стране я нахожусь.

Мирина нежно прикоснулась ладонью к моему лбу и к груди.

— Я тоже чувствую себя чужой на этой земле,— произнесла она.— А его царство стало для меня единственным домашним очагом, несмотря на то что я так мало о нем знаю. И поскольку Иисус доверил тебя мне, я хочу стать для тебя источником силы в минуту слабости, твоей подругой, сестрой и всем, кем ты пожелаешь, а также заменить тебе домашний очаг, насколько это возможно.

Я тоже прикоснулся к ее лбу и груди и опять поцеловал. Затем

она помогла мне быстро собрать вещи и одеться в дорогу. Меня весьма удивила огромная сумма счета за проживание в гостинице, на оплату которого не хватило бы всех имеющихся у меня денег, однако Мирина, придя мне на помощь, обнаружила ошибку в подсчетах владельца гостиницы. Встретив во дворе Натана с уже привычными к нам ослими, я обрадовался, и не теряя времени на взаимные комплименты, мы тронулись в путь.

Не стану описывать подробно наше путешествие, а скажу лишь, что мы решили ехать через Самарию, чтобы вновь не попасть в жару долины Иордана и в столпотворение паломников, спешащих на праздник. За два дня до Троицы мы подошли к городу со стороны Сихема. Завидев город с его храмом и горой, на которой произошла казнь, я испытал такую дрожь, что едва не свалился со своего осла. Мне пришлось спрыгнуть на землю, однако дрожь никак не унималась, и я даже подумал, не горячка ли это. Мне показалось, что мир погрузился во мрак и что при чистом небе надо мной нависла огромная грозовая туча, а зубы выстукивали такую дробь, что мне трудно было говорить.

Однако это быстро прошло, и Мирина, приложив руку к моему лбу, сказала, что ничего страшного у меня нет. Тем не менее я не решился вновь сесть на осла и продолжал путь пешком. В город мы вошли через тошнотворные Рыбные ворота, и легионеры легко пропустили нас, увидев при мне меч и узнав, что я гражданин Рима.

Сирийский купец Карантес был весьма рад приветствовать меня, да и я сам испытывал удовольствие при виде его красноватого лица и хитрых глаз. Заметив Мирину, он несколько раз моргнул и наконец произнес:

— Трудности пути заставили тебя значительно похудеть, о Мария из Беерота! Цвет твоих волос и глаз изменился, а нос стал немного приплюснутым. Галилея в самом деле страна колдунов, и мне не остается ничего другого, как поверить в то, что о ней говорят!

Мне показалось, что эта шутка предназначалась для того, чтобы подразнить меня, однако Мирина не оценила его юмор.

Пришло время распрощаться с Натаном: у него был свой путь. Почесывая в затылке, он принял вести сложные подсчеты, поскольку во время моей болезни в Тивериаде осла работали; теперь он отдал мне весь заработок, оставив себе лишь то, что ему

причиталось. Чтобы он не почувствовал себя в чем-то ущемленным, я ждал, пока он закончит, после чего заметил:

— Ты верно служил мне, и я не хотел бы тебя обидеть, вернув все эти деньги. Однако прошу тебя, на память обо мне оставь себе хотя бы этих ослов.

Он с вожделием взглянул на животных, однако отверг мое предложение, сказав:

— Грех иметь больше того, что необходимо для жизни. Я буду рад раздать обездоленным заработанные деньги, таким образом обратив их в сокровище на небесах. Однако четыре осла — это настоящее состояние для такого человека, как я! Я буду постоянно опасаться, что у меня их украдут или что один из них вдруг заболит, и мой рассудок будет заботиться не о самом главном, а о преходящем, и чем больше я буду привязываться к ослам, тем больше утрат понесет моя душа.

Меня тронули его слова.

— О Натан, возьми все же этих ослов; они верно служили нам во время путешествия, и мне будет трудно свыкнуться с мыслью, что они попадут в чужие руки!— настаивал я.— На праздник съехалось множество галилеян, и среди них есть немало больных и женщин. Подари ослов посланникам Иисуса из Назарета, и эти праведники сумеют распорядиться подарком, чтобы помочь слабым, и не станут отвергать его.

Похоже, мое предложение пришлось Натану по душе.

— Если серые осла послужат смиренным, это будет справедливо,— улыбнувшись, сказал он.— Я буду этому рад.

Чуть подумав, он добавил:

— Предупредить тебя, если что-нибудь будет происходить?

— Нет, Натан!— ответил я, покачав головой.— Нет, потому что они отвергли меня, и я больше не хочу следить за ними и задавать вопросы. Если мне предначертано что-либо услышать о них, я услышу, не прилагая к тому усилий. Не думай больше обо мне, и пусть отныне тебя заботит лишь твое сокровище на небесах, о Натан!

Услышав эти слова, он повернулся и пошел прочь. Цвет заката стал фиолетовым, и несмотря на присутствие Мирины, мной овладело чувство безысходности. Я не мог даже взглянуть в сторону храма, и по мере того как темнота опускалась на город,

мною овладевало все то же чувство нереальности, которое я испытывал перед отъездом в Тивериаду. А огромный город наполнялся толпами людей, прибывших не только из Иудеи или Галилеи, но из всех стран, по которым рассеяны сыны Израиля.

Мое сердце сжалось от чувства бесконечного одиночества, охватившего меня в комнате для гостей в доме Карантеса. Было такое ощущение, будто городом правит неслыханная сила, вовлекшая меня в свой поток, где я исчез, словно искра на ветру. В ужасе я изо всех сил сжал руку Мирины, а девушка обняла меня за шею и усадила рядом с собой. В комнате постепенно сгущалась темнота. Теперь я не чувствовал себя одиноким, и мне больше не хотелось одиночества.

Карантес принес светильник. Увидев, что мы сидим рядом, он прошел на цыпочках и не стал затевать своей обычной болтовни, а только поинтересовался, не хотим ли мы поесть, но в ответ мы лишь покачали головами. Мне казалось, что я не способен проглотить ни единого куска пищи. Присев на корточки, Карантес принялся нас разглядывать при огоньке светильника, и в его сверкающих глазах была не насмешка, а скорее страх, смешанный с уважением.

— О Марк, что с тобой?— осторожно спросил он.— Что происходит с вами обоими? Когда я вижу вас, мне кажется, что у меня по всему телу пробегают мурашки. Впечатление такое, что при звездном небе вот-вот разразится гроза! Когда я вошел в комнату, то видел, как ваши лица светились в темноте.

Однако я был не в состоянии ответить ему, Мирина тоже не раскрывала рта. Минуту спустя сириец бесшумно вышел, понуриив голову.

В эту ночь мы спали на одном ложе; часто просыпаясь, я не испытывал никакого страха и сквозь легкую пелену сна чувствовал, как она прикасалась к моему лицу, что придавало ей ощущение безопасности.

Следующий день был днем сabbата для сыновей Израиля. Мы видели, как толпы людей тянулись к храму. Несмотря на то что закон сabbата не мешал нам выйти и посмотреть на все происходившее, ни один из нас не испытывал желания покинуть комнату. Иногда мы обменивались словами только для того, чтобы слышать наши голоса. Мирина рассказывала мне о своем детстве,

а затем мы начали называть друг друга по имени, и мое имя, произнесенное устами девушки, казалось мне прекрасным, точно так же, как и ее собственное, когда его произносил я.

Таким образом, в Иерусалиме мы слились в одно существо, чтобы вместе прожить остаток наших дней. Это было высочайшим блаженством и подарком судьбы для такого человека, как я! До сих пор мне еще трудно оценить этот дар, сделанный мне неизвестным рыбаком, когда он направил меня за Мириной в театр Тивериады.

В этот день с наших уст не слетело ни единого слова, которое могло посеять между нами раздор. После легкого ужина мы проспали в объятиях друг друга до рассвета, когда наступил праздник Троицы.

Открыв глаза, я ощутил какое-то необычное беспокойство и принялся мерить шагами комнату; руки и ноги дрожали, меня бил озноб, несмотря на то что день обещал выдаться весьма жарким. Мирина прикоснулась к моему лбу и гладила меня по щекам, однако эти прикосновения не принесли мне никакого облегчения.

— Зачем нам надо было приезжать в Иерусалим?— раздраженно спросил я ее.— Что мы здесь потеряли? Этот город его, а не наш, и это не наш, а его праздник!

— Как ты нетерпелив!— с упреком воскликнула Мирина.— Ты чужестранец, а все же оказался здесь, чтобы быть свидетелем его воскресения. Неужели тебе не хватает терпения дожидаться осуществления его предсказаний? Ученики готовы дожидаться, если того потребует, двенадцать лет, а тебя утомил лишь один день!

— Не знаю, что им было обещано, но меня это не касается!— резко возразил я.— Мне и так надо быть благодарным за то, что я уже получил, и этого достаточно на всю жизнь. Зачем ожидать большего, если я уже пережил события, которым могли бы позавидовать князья и даже цари!

— В этом городе он был распят, прошел через все страдания казни, умер и воскрес из мертвых, этот город меня вполне устраивает, даже если мне придется прождать здесь все двенадцать лет!— настаивала Мирина.

Все нарастающее беспокойство не давало мне возможности обдумать ее слова. В моем мозгу не переставала вертеться мысль о том, куда я должен направиться: в Антонийскую крепость, чтобы

повидаться с Аденабаром, к Симону Кирийскому или же к мудрому Никодиму.

— Давай хотя бы выйдем из этой комнаты!— предложил я.— Мне необходимо отправиться к своему банкиру Арисфену, чтобы проверить состояние своего счета; уверен, что застану его на месте: самые выгодные дела у него бывают по праздничным дням.

Мирина не стала противиться, и мы вышли на улицу, однако как только переулок галантерейщиков остался позади, чувство отчаяния усилилось, и мне показалось, что сердце вот-вот разорвется в моей груди; я вцепился в руку Мирины и остановился, тяжело дыша. Небо было безоблачным и лишь местами затянуто легкой дымкой; ничто не предвещало приближения грозы, а день для послезатяжного периода не был особенно жарким. Я никак не мог понять, что со мной случилось и откуда у меня взялось это чувство отчаяния, от которого у меня схватило сердце.

Пытаясь взять себя в руки и успокоить Мирину, я показал ей храм, двор для язычников и портик, где торговцы и менялы работали в полную силу, несмотря на ранний час. Взявшись за руки, мы направились к восточной стороне храма, где находились большие медные ворота в коринфском стиле, которые сыны Израиля считают одним из чудес света. Подходя к стене, мы ощутили запах клоаки: зимние дожди смыли отходы из долины Кедрона. Мы сразу же развернулись и направились к дому банкира.

Добравшись до форума, мы услышали шум, похожий на порыв ветра. Шум был настолько сильным, что многие прохожие обернулись в сторону верхней части города. На небе не было ни единой тучки! Тем не менее в толпе утверждали, что видели молнию, хотя раската грома при этом не было слышно. В шуме было нечто мистическое, и неожиданно мне вспомнилась верхняя комната в доме, где я однажды побывал. Схватив Мирину за руку, я бросился бежать по улочкам, которые вели в сторону этого дома, и вскоре заметил, что мы спешим туда не одни. Шум уже охватил весь город.

Толпа была так велика, что пробраться через ворота в старой стене было чрезвычайно трудно, возбужденные люди прокладывали себе путь локтями, на разных языках расспрашивая о причинах этого грохота: одни утверждали, что в верхнем городе

развалился самый большой дом, другие — что там произошло землетрясение.

Однако этот дом стоял на своем месте, а высокие стены по-прежнему охраняли его тайну; у его раскрытых ворот собиралась все прибывающая толпа. Я видел, как оттуда вышли ученики назаретянина. Они продвигались неуверенным шагом, глаза их блестели, а лица покраснелись, как у пьяных или находящихся в состоянии крайнего исступления. Они вошли в толпу, которая в страхе расступилась перед ними, выкрикивая различные изречения. Это вызвало такое любопытство, что те, кто был к ним поближе, зашикали на всех остальных, и какое-то время над толпой слышались лишь голоса учеников, говорили они на разных языках.

Один из них подошел к месту, где стояли мы с Мириной. Я заметил необычайное оживление на его лице, и ощутил исходящую от него силу; мне даже показалось, что у него над головой сияет огненный круг. Глядя мне в лицо, он обратился ко мне на латинском, но при этом он не видел меня — его взгляд блуждал где-то в пределах царства, а вовсе не в этом мире. На латинском он говорил отчетливо, но так быстро, что я не мог понять всех слов и смысла его речи; затем он, обращаясь к Мирине, без малейшего усилия перешел на греческий, и слова лились из его уст непреодолимым потоком, так что невозможно было их понять. Я никак не мог себе представить, откуда этот плотный крестьянин с загоревшей на солнце кожей может так хорошо знать греческий или латынь.

Он быстрым шагом двинулся вперед, отстранив нас со своего пути, как ветер сносит опавшие листья. Проходя сквозь толпу, он обращался к людям на доселе несслыханных мной языках. Другие ученики делали то же самое, и толпа колыхалась, словно от порыва ветра. Однако никто не мог понять смысл сказанного, потому что слова произносились с огромной быстротой.

— Их устами говорит Святой Дух,— сказал я Мирине.

Тем временем люди все прибывали, они оживленно обсуждали смысл происходящего. В толпе оказалось несколько насмешников, которые заявляли, что галилеяне находились под воздействием крепкого вина, однако и они молча пропустили учеников Иисуса, не имея возможности объяснить, откуда те знают столько языков, и что за сила заставила освободить им путь.

Пока ученики без устали говорили, поддерживаемые все той же силой, мной овладело чувство слабости, мне показалось, что земля заходила ходуном под ногами, и чтобы не упасть, мне пришлось опереться на Мирину. Заметив, что мое лицо побледнело, а на лбу выступил пот, она осторожно провела меня через ворота во внутренний двор, где мы увидели женщин и прислугу, которые все еще не могли прийти в себя от происходящего. Мирина помогла мне прилечь в тени какого-то дерева; когда я пришел в себя, то не мог сказать, ни где я нахожусь, ни сколько времени прошло с тех пор, как я потерял сознание. Тем не менее чувство отчаяния уступило место ощущению мира, освободившего меня от всякой усталости.

Облокотившись затылком о колени Мирины, я огляделся вокруг и сразу же признал среди сидевших неподалеку женщин сестру Лазаря Марию, Марию из Магдалы и мать Иисуса — Марию, их лица излучали такое сияние, что поначалу мне показалось, будто передо мной не простые смертные, а ангелы, облекшиеся в женские формы.

Посмотрев затем в сторону ворот, я обратил внимание на то, как Симон Петр в окружении своих сподвижников уверенным и крепким голосом обращался к людям. Теперь он говорил на наречии Галилеи и без боязни называл имя Иисуса из Назарета, напоминая о его воскресении. При этом Петр обращался, как сын Израиля обращается к другим сынам Израиля, перестав его слушать, я обратил свой взор к сидящим женщинам.

Ощувив мой молчаливый призыв, Мария из Магдалы подошла, чтобы приветствовать меня и тем самым показать, что она не собирается отрезать от меня. Едва слышным голосом я спросил ее о том, что произошло, и она, взяв мою руку и присев рядом, принялась рассказывать:

— Одиннадцатеро и еще Матфей, которого они избрали двенадцатым, собрались в верхней комнате этого дома, как вдруг с неба послышался гром, похожий на неожиданный порыв ветра, который потряс весь дом. Вслед за этим появились как бы языки пламени, они пронзили каждого. Затем в них вошел Святой Дух, и они начали разговаривать на разных языках, что ты сам слышал.

— Неужели это было то самое, что им пообещал Иисус из

Назарета?— спросил я.— Неужели это пророчество, свершения которого они дожидались?

Магдалина покачала головой и сказала:

— Разве ты не понимаешь, что Петр в сопровождении Одиннадцатерых перед всем народом объявил себя наследником Христа? Кто еще, кроме Святого Духа, мог внушить ему это?

— Однако он по-прежнему обращается только к иудеям!— жалобно воскликнул я, словно ребенок, у которого только что отобрали любимую игрушку.

И в этот же момент Петр объявил:

— Пусть весь род израилев ведает это навеки: Иисус был посланным нам Господом Богом и Христом, а вы его распяли!

Не помня себя, я приподнялся на локтях и в страхе за них воскликнул:

— Сейчас на них набросятся и забросают камнями!

Однако случилось совершенно обратное; толпа стояла молча и неподвижно, словно обвинение Петра поразило каждого человека в самое сердце. Чуть погодя несколько нестройных голосов спросили у апостолов:

— Что нам делать, братья?

И тогда Петр провозгласил таким громким голосом, что, казалось, его слышит весь Иерусалим:

— Покайтесь, и пусть каждый из вас окрестится именем Иисуса Христа во отпущение своих грехов, тогда вы получите прощение от Святого Духа. Его пророчество свершилось для вас и для ваших детей, а также для всех тех, кто сейчас далеко отсюда, и для тех, кого еще призовет Господь Бог.

Услышав, как он во весь голос провозгласил тайну царства, я понял, что даже по велению Святого Духа оно предназначалось лишь для тех сынов Израиля, которые, будучи обрезанными, соблюдали свой закон, даже если они были разбросаны по всему миру. При этих словах во мне угасла последняя надежда даже на то, что я когда-то смогу стать одним из его последователей.

— Петр человек упрямый и страдает тугодумием, однако его вера непоколебима, словно гора,— попыталась успокоить меня Мария, видя мою печаль.— Не сомневайся в том, что со временем он дорастет до уровня поставленной перед ним задачи. Он только что говорил о конце света, однако я не думаю, что этот конец так

близок. Покидая их на Оливковой горе, Иисус сказал, что одному лишь Отцу его известен час этот. Все сорок дней он являлся им и говорил о своем царствии, однако они поняли из его слов так мало, что даже в последний момент, когда он скрылся за дымкой, продолжали спрашивать: «Господи, не тогда ли ты восстановишь царство Израилево?» О Марк, ты не должен из-за этого терять надежды!

То, о чем она поведала, было мне еще не известно, и поэтому я поспешил полюбопытствовать:

— Разве они больше не скрывают от женщин того, что происходит? О какой дымке ты говоришь?

— Они больше ничего не скрывают, — с удовлетворением подтвердила она. — На горе они поведали о таинстве превращения в хлеб и вино, и теперь у них есть сто двадцать верных приверженцев! На сороковой день они вместе с Иисусом поднялись на Оливковую гору неподалеку от Вифании, и он приказал им не выезжать из Иерусалима до свершения его пророчества. «Иоанн крестил водой, — сказал он им, — а вы чуть погодя будете крещены Святым Духом». Нет никакого сомнения, что сегодня они получили это крещение и что в них заключена огромная сила. О пелене я ничего не могу сказать кроме того, что когда они находились на Оливковой горе и Иисус вознесся в небо, от их взглядов его скрыла пелена, давая тем самым понять, что они больше никогда его не увидят. Я больше не собираюсь спорить с ними, однако их неловкие попытки объяснить все то, что моя душа уже давно воспринимала как истину, еще в те времена, когда Учитель был вместе с нами, вызывают во мне лишь улыбку!

Пока она говорила, я рассматривал серебристые листья на деревьях во дворе, лестницу, ведущую к верхней комнате, и тяжелую деревянную дверь — пусть они навсегда останутся в моей памяти. Находясь в оглушенном состоянии, я ощущал себя смиренным сердцем и душой и думал о том, что мне вполне достаточно наблюдать за тем местом, где царство стало реальностью. Когда я захотел встать на ноги, колени подогнулись.

— Мне нужно убраться отсюда! У меня нет никакого желания вызвать споры или стать помехой для праведников! Благодаря действию этой силы я оказался на земле, и они могут увидеть в

этом знак того, что мне было отказано в возможности попасть в его царство.

Я очень хотел поблагодарить Магдалину за доброту и благословить ее, однако чувствовал, что еще не в состоянии благословлять кого бы то ни было. Должно быть, переполнявшие меня чувства отражались на моем лице, потому что она, прикоснувшись к моему лбу, сказала:

— Никогда не забывай о том, что ты помог одной потерянной дочери Израиля вернуться в его лоно! Мария из Беерота уже отпраздновала свою свадьбу и живет на новом месте. Никто не сделал для ее счастья столько, сколько сделал ты! За тебя постоянно молится и Сусанна, которая каждый день благословляет дружеские отношения между вами, так что помни, где бы ты ни был: среди нас есть люди, тайно молящиеся за тебя, несмотря на то что ты чужестранец.

— Нет и еще раз нет! Все, что я сделал, имело эгоистические и корыстные побуждения! Ничто из моих действий не может быть поставлено мне в заслугу! Я не сделал ничего доброго, я только могу подтвердить, что Иисус — Сын Божий, я был тому свидетелем.

— Достоинством Марка являются лишь его недостатки,— подтвердила Мирина.— Возможно, когда его царствие достигнет пределов земли, эти слабости станут источником его силы. А пока я хотела бы быть для него утешением, чтобы он никогда не страдал в этой жизни от жажды: в себе я вижу источник живой воды, из которого он сможет черпать силы для жизни.

Теперь Мирина предстала предо мной в совершенно ином качестве. Состояние, в котором я находился, заставляло меня видеть вещи в искаженном свете: она представлялась мне светозарным ангелом, облекшимся во плоть, посланным мне для того, чтобы я не свернул с избранного пути. Что за странная мысль — ведь ее прошлое, после совместного путешествия на корабле в Яффу, было мне прекрасно известно!

Взяв меня под руку, Мирина помогла мне выйти со двора и пробраться сквозь возбужденно гудевшую толпу. С каждой секундой увеличивалось число тех, кто, не зная, как им теперь поступить, разрывал на себе одежду в надежде на то, что их грехи будут прощены. Встав во главе своих единомышленников, Петр в

сопровождении огромной толпы пошел по улицам города. Остановившись у пруда, он вместе с Одиннадцатью принялся во имя Иисуса Христа крестить тех, кто, раскаявшись, желал получить отпущение грехов. Мирина, не переставая проявлять заботу обо мне, согласилась последовать за толпой, чтобы посмотреть на то, что будет дальше.

Итак, я получил возможность наблюдать за действиями Двенадцати за стенами Иерусалима: они крестили в пруду всех подходивших к ним сынов Израиля и, возложив им руку на голову, отпускали грехи. Впечатление было такое, что чем больше людей крестилось, тем легче становилось окружающим и тем больше собиралось их вокруг апостолов, которые крестили также и женщин; со всех сторон слышались хвалебные псалмы, а люди обнимались, радостно пританцовывали, на их лицах можно было прочесть восторг, а взгляды их выражали радостное исступление. Так продолжалось до самого заката. Позже мне стало известно, что в этот день апостолы крестили три тысячи человек.

Они крестили всех евреев: и богатых, и бедных, и хромых, и нищих, и даже рабов. Их неистощимая сила распространялась на всех! Меня охватила печаль. Вернувшись домой еще до наступления сумерек, я размышлял о том, как легко было сынам Израиля получить прощение своих грехов, в том числе и тем, кто кричал в присутствии Понтия Пилата: «Распни его! Распни!»

В такой суматохе мне тоже, возможно, удалось бы, затесавшись в толпе, креститься, однако у меня не было никакого желания обманывать его посланников, и даже если бы они по недосмотру возложили бы руки на мою голову, подобное крещение ничего бы не стоило даже в моих собственных глазах.

На следующий день я все еще продолжал пребывать в том же подавленном состоянии, тогда как Мирина, занимаясь своими обычными делами в предоставленной нам комнате, вся сияла. Взглянув на меня, она обратила внимание на то, что, пока я лежал без сознания во дворе, во мне что-то изменилось. Суетность окружавшего мира больше меня не интересовала, и я как бы отрешился от него.

Несколько дней спустя наш хозяин Карантес зашел в комнату.

— Почему ты еще ничего не рассказывал о своей поездке в Галилею?— спросил он, уставившись на меня.— Почему ты все

время молчишь? Думаю, тебе хорошо известно, что здесь случилось немало новых чудес, в которых замешан этот назаретянин, смерть которого вызвала у тебя такой интерес. Его ученики вернулись и утверждают, что их раввин передал им небывалую магическую силу; они совращают народ, и теперь, чтобы присоединиться к ним, сыновья покидают своих отцов! Многие люди добровольно расстаются со своим имуществом, что свидетельствует об опасности их учения. Каждый день они богохульствуют в храме, ничуть не обращая внимание на синедрион; они собираются по домам, где происходят тайные и весьма подозрительные вещи. Среди самых почтенных сынов Израиля появились даже такие, которые заразились учением назаретянина и теперь признают его иудейским царем, чего от них не ожидал никто!

Что я мог сказать, что мне оставалось делать, дабы обрести Учителя? Ведь ничто не мешало мне сходить послушать Двенадцатерых! Ни Мирина, ни я даже рта не раскрыли в ответ.

— Так что же случилось?— спросил он, грустно покачав головой.— Чего ты хочешь добиться, целыми днями просиживая в этой комнате, даже не сомкнув глаз?

Поразмыслив над этим вопросом, я грустно улыбнулся.

— Как знать: может, я и последую твоему совету,— произнес я.— Построю дом и посажу деревья. Этот способ ничуть не хуже других, чтобы дожидаться того, что должно свершиться!— И добавил со вздохом:— Особенно с тех пор, как я слежу за тем, чтобы не быть ни к чему чрезмерно привязанным в этом мире, тогда я смогу без сожаления оставить его!

— Каждому из нас придется все оставить, когда наступит его час!— вздохнул мудрый Карантес.— Только пусть этот час не наступает слишком быстро!

Затем, подумав, он осторожно поинтересовался:

— Говорят, что эти галилейские колдуны обладают эликсиром бессмертия?

Подумав о том, что он сам способен напрямую узнать это у сподвижников Иисуса, я не решился ответить на этот вопрос.

— А ты изменился после путешествия в Галилею, о римлянин Марк!— поднявшись, вздохнул он.— Не знаю, стал ли ты хуже или лучше, однако из-за тебя мне тоже приходится вздыхать! Все, что

я могу сказать,— это то, что Мирина, которую ты привез оттуда, очень молчаливая девушка, подле которой чувствуешь себя хорошо, и с тех пор как она находится под моей крышей, дела мои начали идти вверх, а моя жена уже не бьет меня сандалией по несколько раз на день! Только Мирине не мешало бы чуть-чуть поправиться!

Я невольно рассмеялся.

— Пусть тебя не волнует ее худоба или полнота!— сказал я.— Для меня она красива такая, как она есть сейчас, и думаю, что даже когда ее волосы поседеют, а во рту у нее больше не останется зубов, она будет для меня по-прежнему прекрасной, если только мы доживем до этих пор!

Довольный тем, что ему удалось рассмешить меня, Карантес вышел. Поразмыслив над сказанным, я пришел к выводу, что Мирина действительно кажется мне день ото дня все привлекательней.

Оставив кочевую жизнь артистки и имея возможность каждый день есть досыта, она немного поправилась, ее щеки уже не были такими впалыми, и ее лицо приобрело миловидное выражение. При этой мысли я испытал прилив нежности: именно это доказывало то, что она была не ангелом, а простой женщиной.

Она сходила в храм, во дворе которого двое или трое апостолов действительно ежедневно проповедовали для тех, кто был крещен, и просто для любопытных, объявляя о воскрешении Иисуса и провозглашая его Христом.

Я быстро оделся, причесался и отправился к банкиру Арифену, чтобы подготовить свой отъезд из Иерусалима. Встретил он меня весьма любезно и сразу же пустился в оживленную беседу:

— О, вижу, что купания в Тивериаде пошли тебе на пользу!— сказал он.— Прошло прежнее возбуждение, и ты опять похож на римлянина! Рад этому, и если ты об этом еще не слышал, должен сказать тебе одну вещь: сюда вернулись галилеяне и вызвали огромные беспорядки. Они открыто провозгласили о воскресении Иисуса из Назарета, однако в посвященных кругах прекрасно известно, на чем основывается это утверждение; толкуя Писание по-своему, они утверждают, что этот Иисус и был Мессией, и

заявляют, что он передал им право прощать грехи. Лично я уважаю Святое Писание, однако, будучи саддукеем, не могу согласиться ни с устной его передачей, ни с совершенно несносными толкованиями фарисеев, а бесконечные разговоры о воскресении Иисуса, на мой взгляд, лишены всякого смысла. Неужели еще можно обвинять в нетерпимости иудеев?! Наоборот, в том, что мы даем различным сектам возможность выражать свои взгляды, я вижу очевидное доказательство нашей терпимости! Назаретянин никогда не был бы распят, не богохульствуя он! Богохульство — вот то единственное, что мы не можем простить! Увы, даже в этом среди нас начинают возникать разногласия! Время подскажет, должны ли мы допустить расширение этого раскола или нам лучше искоренить его! Они крестят своих приверженцев, однако в этом для нас нет ничего нового, мы никогда не считали крещение преступлением; они утверждают, что исцеляют больных, как это делал их Учитель, однако за это никто не собирался его преследовать. Лишь одни фарисеи считают незаконным совершение чудес в дни саббата. В их учении мне кажется наиболее опасным то, что они производят обобществление имущества, а их последователи продают свои поля, для того чтобы затем отнести деньги к ногам его учеников! И что же они делают с этими деньгами? Раздают их каждому по потребностям, и среди них больше нет ни бедных, ни богатых! Власти теперь находятся в растерянности, потому что они полагали, что после распятия назаретянина все успокоится само собой; мы не собирались никого преследовать, однако дерзость этих галилеян не перестает нас удивлять и может быть объяснима лишь тем, как полагает Высший Совет, что Понтий Пилат запретил их трогать. И в этом состоит еще одно доказательство несносной политики Рима! Надеюсь, что моя искренность не стала для тебя оскорбительной, ведь теперь ты знаешь наши обычаи, и мы стали друзьями! Отныне прокуратор действительно сможет умыть руки и сказать: «Как видите, этот обман еще хуже первого!» Доверчивый народ оказался на его стороне, а преследования лишь усилили симпатии к этим грешникам из Галилеи!

Он высказал все это одним духом, без передышки.

— Вижу, что когда речь идет о назаретянине, ты распляешься

еще больше, чем я. Успокойся, о Арисфен, и вспомни о том, что сказано в Святом Писании: если то, что делают галилеяне,— это творение рук человеческих, оно заглохнет само по себе, и тебе нечего об этом заботиться. Однако, если их деяния исходят от Бога, то ни Высший Совет, ни ты сам, ни одна сила на свете не может иметь над ними власти!

У него перехватило дух, и задумавшись над моими словами, он неожиданно рассмеялся, давая мне понять, что нашел выход из положения.

— Неужели ты, римлянин, собираешься учить меня Святому Писанию? Нет! То, что делают эти мужланы из Галилеи, не может иметь божественного начала! Такого не может быть, иначе жизнь не имела бы смысла, а храм мог бы разрушиться до основания! Не сомневайся: их дело не сможет иметь продолжения! Еще задолго до них здесь побывали другие, которые говорили о куда большем, однако все закончили смертью! Те, кто ничего не знает, не могут долго пророчествовать, не угодив в ловушку своих же собственных слов!

Высказав все эти обнадеживающие по его мнению слова, он осведомился о причине моего прихода, приказал своему сcribe отыскать мой счет и произвести расчеты относительно различных обменных операций. Я не замедлил высказать ему все хвалебные слова о его партнере в Тивериаде, а он, кивая головой, не переставал постукивать по столу тонким свитком, весьма похожим на письмо.

— Едва не забыл!— неожиданно воскликнул он, протягивая мне свиток папируса.— Тебе прислал его твой александрийский банкир, однако я не стал переправлять его тебе в Тивериаду, чтобы оно не затерялось, поскольку я не знал, как долго ты собираешься там оставаться.

После того как я сорвал печать и развернул свиток, меня охватила паника, потому что я сразу узнал неровный почерк Туллии.

«Туллия приветствует неверного Марка Мецентия!

Неужели нет ни единого мужчины, которому можно доверять, а верность — это всего лишь пустое обещание? Разве ты не говорил мне, что будешь дожидаться в Александрии, пока я не закончу все необходимые дела в Риме и смогу полностью

принадлежать тебе? После твоего отъезда Город перестал быть для меня Городом, однако я употребила все возможности, чтобы укрепить свою позицию, и это мне удалось! И что же я слышу, когда исхудавшая и больная после изнурительного путешествия по разнудавшемуся морю я оказываюсь на берегу? То, что вопреки своему слову ожидать меня, ты отправился в иудейский Иерусалим!

Как только получишь это письмо, немедленно возвращайся! Я остановилась в Дафнийском дворе, который находится неподалеку от порта. Я очень хочу тебя увидеть, однако не собираюсь ждать бесконечно! В Александрии у меня есть и другие друзья!

Если же ты желаешь продолжить свои исследования по иудейской философии, как это мне сказали в Александрии, напиши мне об этом, и я приеду к тебе в Иерусалим. И тогда, поверь мне, все эти увлечения иудаизмом испарятся, словно дым!

Так что поспеши приехать. Я сгораю от нетерпения увидеть тебя».

Каждое слово из этого письма заставляло дрожать все мое существо, и мне пришлось перечитать его с самого начала, чтобы совладать со своими чувствами.

— Когда ты получил этот свиток?— наконец произнес я дрожащим голосом.

Прежде чем ответить, Арифен сосчитал по пальцам.

— Где-то около двух недель тому назад! Прости, но я не знал, что ты так долго будешь оставаться в Тивериаде!

Я свернул папирус и положил его под тунику поближе к сердцу.

— Не будем трогать счета,— наконец вымолвил я.— Сейчас я не в состоянии заниматься их проверкой.

Банк я покинул в настоящей панике и бегом бросился к своему убежищу в доме Карантеса, стараясь по пути не оглядываться по сторонам, словно скрывался от кого-то. В тот самый момент, когда мне казалось, что я обрел покой и стал смиренным душой, письмо Туллии ударило меня прямо в сердце, и моя слабость вновь одержала верх!

К счастью, Мирины еще не было дома. На какое-то мгновение мной овладело непреодолимое желание передать ей через Карантеса все мои сбережения и изо всех ног броситься в

Александрию, чтобы сжать Туллию в своих объятиях. Кончиками пальцев я поглаживал письмо, чувствуя его нервные завитушки, при одной мысли о которых все мое тело горело огнем.

В то же время мой разум подвергал написанное холодному анализу. Туллии вообще было присуще начинать первой! Я же прождал целый год, и при этом она не подала ни единого признака жизни! Что она хотела сказать тем, что ей удалось укрепить свои позиции? Что у нее после очередного развода появился новый супруг? Невозможно было доверять ни единому ее слову: «исхудавшая и больная после изнурительного путешествия... друзья в Александрии...»! В чьих руках я ее застану, если решу вернуться? Ведь выбор всегда за Туллией! А я — всего лишь один из ее капризов. Во всяком случае в этом-то я мог быть уверен, как и в том, что она приехала не только ради меня! В Александрии она оказалась по другим соображениям!

Эта женщина была для меня олицетворением моей прежней жизни, состоявшей из удовольствий и пустоты. Нужно было выбирать! В случае, если я выбрал бы Туллию, мне навсегда пришлось бы оставить поиски царства, потому что, если я опять предамся удовольствиям, ничто не будет иметь для меня смысла. При одной этой мысли я ненавидел себя и собственную слабость! Эта слабость исходила не из желания обладать Туллией, а была результатом моей нерешительности, потому что я вновь был готов броситься в ее объятия, чтобы пережить новые нескончаемые издевательства! Какой позор! Будь я хоть немного тверже, я не сомневался бы ни минуты! После всего, что я видел и пережил, мой выбор должен быть сделан тотчас же! Подальше от Туллии и от прошлого! Однако я был настолько слаб и подвержен искушениям, что пламя воспоминаний возродило во мне сомнения и колебания.

Лоб покрылся потом, а я боролся с искушением, испытывая чувство неприязни к самому себе. Мне было так стыдно, что не хотелось, дабы свидетелем этого позора хоть в какой-то мере стал бы Иисус из Назарета. И тогда я заставил себя произнести слова молитвы:

— И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Во имя твоего царствия!

Вот и все, на что я был способен!

Сразу же после этого послышался скрип лестницы, и я узнал шаги Мирины. Открыв дверь, она с поднятыми руками ворвалась в комнату, словно собиралась сообщить важную новость.

— Петр и Иоанн!— воскликнула она.— Петр и Иоанн...

Увидев выражение моего лица, она опустила руки. Ее лицо миг утратило свое сияние, и она сразу же показалась мне некрасивой.

— Не говори мне больше о них,— со злостью сказал я.— Я больше ничего не хочу слышать об этих людях!

Мирина в удивлении сделала шаг навстречу, однако не решилась прикоснуться ко мне.

— Они только что исцелили больного у коринфских ворот храма,— пролепетала Мирина, однако слова замерли у нее на устах, и она обратила ко мне полный отчаяния взгляд.

— Ну и что?— взревел я.— Их сила не вызывает у меня сомнений! А мне какое до этого дело? Я и так уже достаточно навидался чудес, чтобы удивляться им!

— Петр взял его за руку и поднял с земли,— запинаясь, рассказывала Мирина.— В тот же миг суставы немощного стали слушаться Петра, и все в возбуждении прихлынули к Соломонову портику, где больной, подпрыгивая, пел благодарение Богу; люди прикасались к его ногам, чтобы убедиться в чуде, а Петр тем временем отпускал ему грехи.

— Превосходное зрелище для иудеев!

Вне себя, девушка схватила меня за руки и сильно трянула.

— О Марк, что с тобой? Что случилось?— изумилась она, и на ее глазах заблестели слезы.

— О Мирина, можешь плакать, сколько угодно!— сказал я, не испытывая никакого сожаления.— Уверен, что это будут не последние слезы, которые ты прольешь из-за меня!

Она отпрянула, быстро вытерла слезы и вскинула голову. Ее щеки от гнева налились багрянцем, и топнув ногой, она приказала:

— Говори яснее! Что произошло?

Я хладнокровно всматривался в эти, еще утром казавшиеся мне столь дорогими, черты лица и пытался понять, что же я нашел в этой девушке. В ней мне увиделись сверкающие глаза Туллии и ее влекущие щеки.

— Я получил письмо от Туллии,— сказал я, показывая свиток.— Она ждет меня в Александрии!

Мирина пристально посмотрела на меня. Впечатление было такое, что ее щеки еще больше впали, а лицо от этого уменьшилось; затем она рухнула на колени, обхватив голову руками; мне показалось, что она молилась, однако движения губ не было заметно. Я остолбенел, ни одна мысль не приходила мне на ум; однако, взглянув на ее золотистые волосы, меня пронзила неожиданная мысль, что достаточно одного удара меча, чтобы ее голова скатилась на пол, и тогда я навсегда избавлюсь от этой девушки.

Наконец Мирина поднялась и, даже не взглянув в мою сторону, принялась собирать мои вещи. Сначала удивившись, а затем испугавшись, я не смог удержаться от вопроса:

— Что ты делаешь? Зачем ты собираешь мою одежду?

Девушка, сосчитав что-то на пальцах, прошептала:

— Нужно еще постирать твою тунику и дорожный плащ!— И добавила:— Насколько я понимаю, ты собираешься в путь! Ты решил вернуться к Туллии! Дай мне собрать твои вещи и не мешай!

— Кто тебе сказал, что я собираюсь уезжать?— удивленно воскликнул я. И схватив ее за руки, заставил прекратить это занятие.— Я не сказал ничего подобного, а решил поговорить с тобой, чтобы мы вместе определили, что нужно делать!

Однако Мирина лишь покачала головой.

— Нет!— ответила она.— В глубине души ты уже принял решение, и если я стану противиться ему, то лишь вызову твою злость. Конечно, ты слабое существо, и напомнив тебе о царстве, мне, возможно, удалось бы заставить тебя остаться, однако ты никогда не простил бы мне этого! Мысль о том, что ты пожертвовал своей незаменимой Туллией, будет для тебя невыносима! Вот почему не стоит оставлять ее одну, если она ждет тебя!

Я не верил своим ушам! Мне казалось, что она хочет от меня отделаться и что я теряю единственного в мире человека, способного защитить меня!

— Но...— пробормотал я,— но...

Я не мог больше вымолвить ни слова.

Наконец Мирина сжалилась надо мной и тихо произнесла:

— Я ничем не могу тебе помочь. Ты сам должен сделать свой выбор и отвечать за него.— Затем, взглянув на меня с грустной улыбкой, она добавила:— И все же я помогу тебе принять решение: можешь отправляться к своей Туллии, броситься к ней в объятия, чтобы затем сгореть в них! Ты сам достаточно рассказал мне о ней, чтобы я могла представить, какая она! Я же последую за тобой, и когда она бросит тебя, подберу то, что от тебя останется. Не бойся, что потеряешь меня: Иисус из Назарета доверил тебя мне! Если искушение настолько сильно, что ты не можешь перед ним устоять, ступай к ней! Он простит тебя, как прощаю тебя я!

При этих ласковых словах мысль о том, что я окажусь с Туллией, стала мне несносной, и в памяти всплыли все унижения и страдания, которые я вытерпел из-за нее.

— Замолчи, о безрассудная Мирина!— прервал я ее.— Неужели ты хочешь, чтобы я стал жертвой жестокой женщины, которая жаждет развлечений? Честно говоря, не такого я ждал от тебя! Ты бы могла помочь мне бороться с моей слабостью, если бы была поласковее со мной! Я не узнаю тебя! Как ты можешь так со мной обращаться?— Я раздраженно продолжал:— Что бы ты ни говорила, а я еще не решил ехать к ней и ждал твоего совета! Я вовсе не собираюсь отправляться в Александрию! Единственное, что меня заботит,— так это то, как дать ей это понять! Может, написать ей ответ? Иначе она решит, что я попросту где-то затерялся в пути!

— Что за чушь!— прошептала Мирина.— Неужели ты собираешься удовлетворить свое мужское достоинство, сообщив ей, что между вами все кончено, и тем самым унизив ее?

— Туллия заставила меня пережить тысячи унижений!— резко возразил я.

— И ты воздашь ей злом за зло?— спросила она.— Лучше пусть она считает, что ты затерялся в пути, чем оскорблять в ней женщину. У нее найдутся другие друзья, чтобы поскорее ее утешить!

Она была права, и от этой правды мне стало больно! Однако моя боль теперь была похожа на ту, которую испытываешь, проводя языком по лунке, из которой был удален болевший зуб. Неожиданно мной овладело чувство свободы, словно я поправился после продолжительной болезни.

— О Мирина, благодаря тебе я понял, насколько мне тяжела даже мысль о том, что я тебя потеряю! Для меня ты всего лишь сестра, но, боюсь, я полюбил тебя так, как мужчина влюбляется в женщину, о Мирина!

На лице девушки опять вспыхнул ангельский свет. Она расцвела, сказала:

— Марк и Мирина! Тебе хорошо известно, что я готова стать для тебя кем угодно, и теперь нам нужно решить, как нам жить дальше.

Она осторожно взяла меня за руку и усадила рядом. Затем принялась говорить так, словно уже давно все обдумала.

— Я лелею мечту о том, что его ученики окрестят меня и возложат руки мне на голову во имя Иисуса Христа. Возможно, так ко мне перейдет часть их силы, которая поможет мне переносить удары судьбы, и еще частица царства и Святого Духа, которые спустились на них в виде языков пламени. Увы, мы с тобой не входим в число сынов Израиля. Все же они крестят новообращенных, которые прошли обрезание, и соблюдают их закон. Однако мне рассказывали о том, что существуют другие новообращенные, которые не проходят обрезания: они просто живут богобоязненно и должны отказаться от своих идолов и человеческих жертв; кровосмешение, кражи и неочищенная еда запрещены им — они должны вести набожную жизнь. Возможно, апостолы согласятся окрестить нас, если мы их упросим.

— Я все это знаю и не раз думал об этом,— ответил я, покачав головой.— С тех пор как я повстречал Иисуса из Назарета, Сына Божьего, для меня не существует других богов! Что может помешать мне есть только жертвенное мясо, как это принято у иудеев? Какая разница между ним и любым другим мясом? Однако я не могу понять, что от этого может измениться. Кроме того, я не могу обещать вести набожную жизнь, потому что, даже надеясь на лучшее, не был и не могу стать верующим. В этом я совершенно уверен! Помимо этого, ты ошибаешься, если думаешь, что они готовы крестить всех, кого ты называешь новообращенными, даже если те изо всех сил стучатся к ним в дверь! Они намного жестокосерднее своего Учителя!

Мирина кивала головой, а затем крепко сжала мою руку в ладонях.

— Возможно, мои мечты — это всего лишь детский каприз! — поникшим голосом признала она. — Я тоже не думаю, что смогу стать ему как-то ближе, если они возложат руки на мою голову. Так что давай отбросим эту мысль и будем просто следовать по его пути, как он учил. Будем молиться за то, чтобы свершилась его воля и чтобы он не забыл нас в своем царстве. Он — истина и милосердие, и для нас, видевших его собственными глазами, этого должно быть достаточно!

— Его царство! Нам остается лишь дожидаться его! Однако нас теперь двое, и вместе нам будет легче следовать по его пути! Вот в чем заключается его милосердие по отношению к нам!

Мы не сразу выехали из Иерусалима, потому что мне хотелось записать все, что произошло за последние дни, даже если в этом не было прежних чудес. Тем не менее мне хотелось навсегда запомнить то, как Святой Дух, словно порыв ветра спустившись на землю, явился в виде языков пламени над головами апостолов Иисуса из Назарета, чтобы никто больше не мог усомниться в этих людях.

В эти дни иудеи, правившие страной, схватили Петра и Иоанна, однако вынуждены были их отпустить, уступив требованиям народа. И ученики, не боясь никаких угроз, продолжали проповедовать. Думаю, что более двух тысяч человек присоединились к ним с тех пор, как они исцелили немощного у ворот, которые отныне назывались Красивыми. Все они теперь делятся хлебом и вином, и среди них больше нет бедных, потому что богатые продают свои земли и дома, чтобы каждый мог получить то, в чем нуждается. Думаю, это происходит потому, что для них все ясно, и они уверены в близком приходе царства, однако не слышал, чтобы Симон Киринейский продал свое имущество.

Когда мой рассказ был уже близок к завершению, я получил приказ от прокуратора Понтия Пилата немедленно покинуть подлежащие его юрисдикции территории, Иерусалим и Иудею, а в случае моего отказа легионеры из Антонийской крепости должны были доставить меня к нему в Кесарию. Не могу в точности сказать, что заставило Пилата поступить со мной подобным образом:

видимо, он счел, что мое продолжительное пребывание в Иерусалиме наносит ущерб интересам Рима! И поскольку у меня не было ни малейшего желания встретиться с ним, мы с Мириной решили отправиться в Дамаск. Этот выбор был сделан потому, что она увидела вещий сон, и к тому же Дамаск находится далеко от Александрии.

Вместе с Мириной я в последний раз взошел на гору, где в первый день своего прибытия увидел Иисуса из Назарета, распятого среди двух разбойников. Затем я показал ей сад и могилу, где было захоронено его тело и откуда он вышел, когда воскрес.

Однако его царство было уже далеко от этих мест!

ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖНЄ ВИДАННЯ

Ψ

Серія 700

Випуск 8

Міка Валтарі

Таємниця царства

Роман

Переклад А. Гавриленка

(Російською мовою)

Оригінал-макет виготовлено на плівках за методом
О.П.Бондарєва

Підписано до друку 5.05.95.
Формат 70x100/32. Папір офсетний. Гарнітура Прагматика-Конденс.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 17,42. Обл.-вид. арк. 27,54.
Тираж 7000 прим.

Зам. 5-114.

Фірма «Фіта». 252033 Київ, вул. В.Яна, 3/5
Фірма «Ніка-Центр». 252021 Київ, вул. Інститутська, 25

Віддруковано з оригінал-макету
АТ «КНИГА». 254655 МСП, Київ, вул. Січових стрільців, 25

Ψ

СЕРИЯ

700

В 1993—1995 гг. в этой серии вышли:

ГЕРМАН ГЕССЕ

«Сиддхарта», «Нарцисс и Гольдмунд»

РИЧАРД БАХ ИЗБРАННОЕ в 2-х томах:

«Чайка по имени Джонатан Ливингстон», «Дар крыльев», «Иллюзии»,

«Далеких мест не бывает», «Единое»,

«Мост через вечность»

ГУСТАВ МАЙРИНК ИЗБРАННОЕ в 2-х томах:

«Голем», «Вальпургиева ночь», «Белый доминиканец»,

«Ангел западного окна»

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ ИЗБРАННОЕ в 2-х томах:

«Авария», «Судья и его палач», «Обещание», «Подозрение», «Правосудие»,

«Падение», «Грек ищет гречанку», «Лунное затмение»,

«Зимняя война в Тибете», «Поручение»

ПАТРИК ЗЮСКИНД

«Аромат», «Голубь», «Контрабас»,

«История господина Зоммера»

РОБЕР МЕРЛЬ

«Мадрапур»

УМБЕРТО ЭКО

«Маятник Фуко»

МИКА ВАЛТАРИ

«Тайна царствия»

АБЕЛЬ ПОССЕ

«Райские псы»

СЕРИЯ

700

Этой книгой фирма «Фита»
продолжает серию,
в которую войдут произведения М.А.Булгакова,
Ф.Кафки, Л.Андреева,
Н.В.Гоголя, Э.Т.А.Гофмана, Э.По и др.
Символы серии — не случайны.

Буква Ψ в Древней Греции
обозначала число 700.

$\Psi\upsilon\chi\eta$ — по-гречески — душа...

Психея — субъективный отклик души человека
на резонансы мира, ее самоопределение
и интуитивное понимание
природы чужой и личной психики.

Валтарі, Міка.

- В15 Таємниця царства: Роман.— К.: Фірма «Фіта», 1995.—
432 с.— (Серія 700: Вип. 8).— Рос. мовою.
ISBN 5-7101-0076-5

Римський патрицій Маркус Мецентій Манілій прибуває до Єрусалима, і перед його очима постає великий натовп поруч із трьома хрестами, які височать над містом...

Міка Валтарі — майстер історичного роману — побудував твір на кшталт репортажу про страсті Христові, побачені скептичним і водночас враженим поглядом освіченого римлянина, який вирушив на пошуки таємниці царства...

